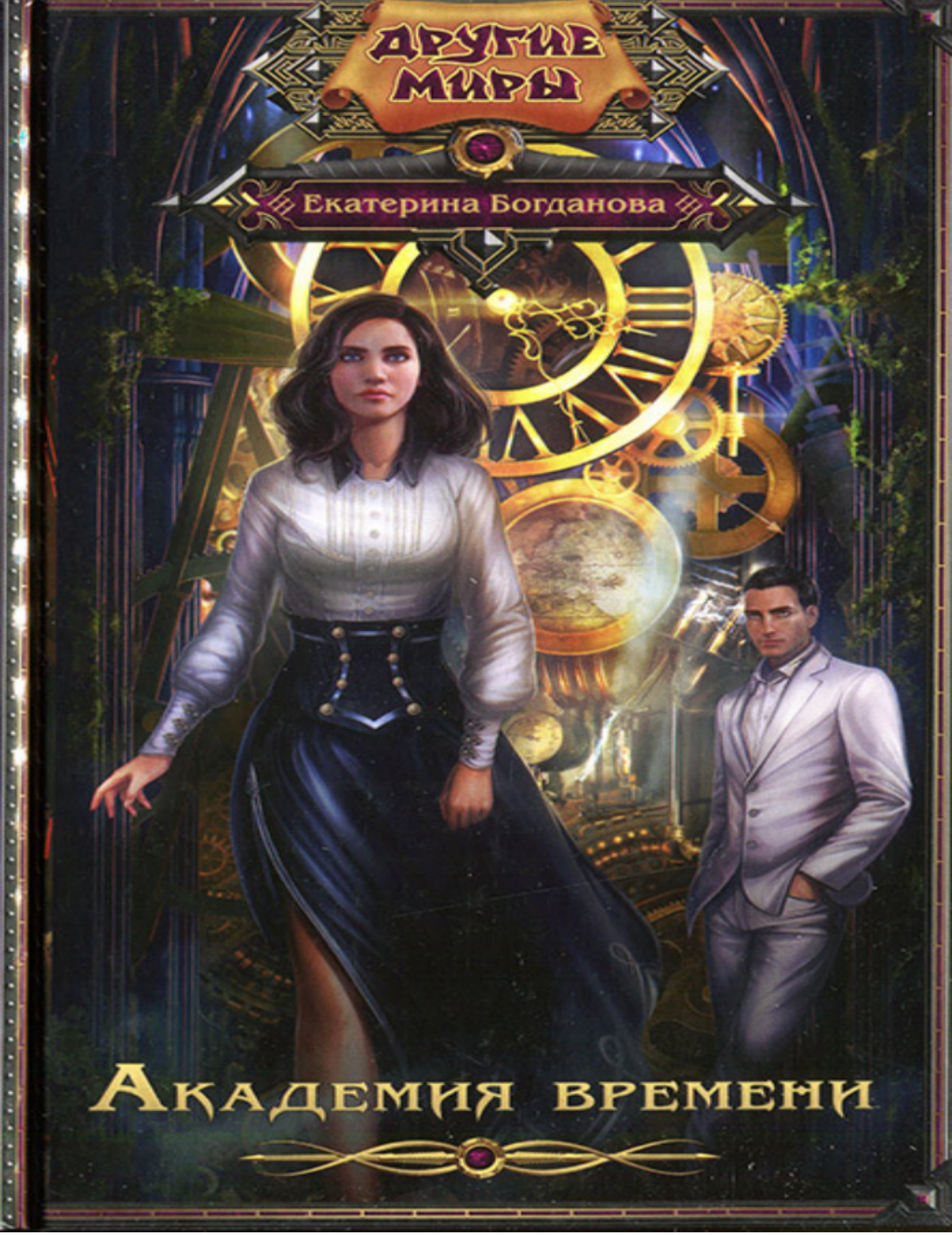
Другие миры
Екатерина Богданова
Академия времени

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Попасть в другой мир в далеком детстве и много лет быть рабыней — не самая лучшая судьба. Но однажды Юниле Нарисо наконец улыбается удача. Счастливое стечение обстоятельств — и вот, она уже студентка Академии Хроноса. Как тут не радоваться! А еще при поступлении у девушки обнаруживают сильный дар управления временем…

Однако радость Юнилы оказывается недолгой. Помимо воли ее втягивают в жестокое противостояние двух богов, свобода оказывается хорошо замаскированной клеткой, а таинственный правитель страны обвиняет в заговоре и решает приблизить девушку к себе. Чтобы отстоять свою свободу, остается только смело шагнуть навстречу тайнам, связанным с рождением Юнилы… и сразиться с тем, кого выбрало сердце.

- Екатерина Богданова
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1

Екатерина Богданова
АКАДЕМИЯ ВРЕМЕНИ

ПРОЛОГ

Юнила проснулась в невероятно хорошем настроении. Ведь сегодня был ее день рождения. Шестой день рождения по счету, но первый из тех, которые она уж точно запомнит! Ведь мама пообещала отвезти ее на аттракционы и даже заверила, что разрешит покататься на поезде Страшилок. А Юнила хоть и была трусишкой по натуре, но очень хотела похвастаться перед подружками, что и правда каталась на этом поезде. Не дожидаясь, пока мама придет в ее комнату и отправит умываться, Юна сама добросовестно почистила зубы, умылась и переоделась в приготовленное еще с вечера новое платье. С завязками вышла небольшая заминка, но девочка нашла выход, запихав их в карманы. Платье и без банта на поясе выглядело праздничным, под стать ее настроению.

Выходя из своей комнаты, девочка уже предвкушала, как будет в красках рассказывать подругам о невероятном приключении в царстве пиратов и кукольных монстров.

Мама сдержала обещание и, накормив Юнилу завтраком из ее любимых хлопьев с молоком и праздничным тортом, повезла дочь в парк аттракционов. Юна всю дорогу ерзала в детском кресле, и даже вид из окна автомобиля ее не радовал, так не терпелось девочке попасть в таинственные пещеры Страшилок.

Как мама и обещала, после того как они предъявили свидетельство о рождении, Юне дали билет на заветный аттракцион.

На этом и закончилась беззаботная жизнь маленькой девочки, попавшей в мир отнюдь не кукольных монстров и вынужденной быстро взрослеть перед лицом совсем не сказочных, а реальных опасностей.

СПУСТЯ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

— Юнила, поторапливайся! Господин просил горячую воду, а не чуть теплую, — прикрикнула мать, утирая пот со лба.

Юна поднатужилась и подняла бадью с кипятком. Ей предстояло отнести горячую воду на второй этаж, чтобы долить ее в ванну для господина Прожирани, и так уже наполовину заполненную кипятком.

Этот толстый господин имел одну весьма неприятную привычку — купаться в кипятке, так как думал, что это поможет его задубевшей от проклятия коже размякнуть и вернуть

чувствительность. Юнила его и раньше побаивалась, а в последнее время господин еще и начал проявлять к ней излишний интерес. То подмигнет набрякшим, покрытым коростой веком, то по попе шлепнет. Юна понимала, чего он хочет, но не особо переживала, зная, что все его знаки внимания бессмысленны. Ведь огрубели и покрылись коростами все части его тела, так что господин Прожирани мог только смотреть на подросшую и округлившуюся в нужных местах девушку, облизываться и мечтать, что отмокание в кипятке когда-нибудь поможет ему вернуть былую силу.

Господин и сегодня не изменил своим привычкам, подмигнул, отчего исказилось его и без того страшное, покрытое корками лицо, а потом отвесил девушке весьма болезненный шлепок ниже пояса ороговевшей ладонью. Юна сдержала вскрик, поклонилась и вышла, оставив господина наедине с исходящей паром ванной. Усаживать его туда, а потом и доставать будут уже мальчики-подручные. Юниле же предстояло еще прибрать весь двухэтажный дом, отполировать серебро перед важным обедом и сходить на рынок за свежими овощами.

— Торгуйся до последнего, — наставляла девушку мать. — Нам нужно выкроить хоть немного монет на зимнюю одежду. Господин опять забыл выделить на нее обеспечение. И не смотри ни на кого. Держи голову опущенной, даже если будут приказывать ее поднять. Нам ни к чему внимание главенствующих.

— Я все помню, мама, — заверила девушка сильно постаревшую за последние годы мать.

Вот уже двенадцать лет они томились в рабстве у черствого — как телом, так и душой — господина Прожирани, второго поверенного при градоправителе города Антирона, что на границе двух государств, Амнистании и Родинарии. Родинария, к которой и относился Антирон, была жестокой страной, где правили рабство и коррупция. Амнистания же процветала благодаря своим ученым и волшебникам. Нет, родинарцы не страдали от нехватки магических сил, но они отвергали природные дары. Ведьмы, знахари и прочие волшебные меньшинства здесь были именно в меньшинстве и бежали, как крысы с тонущего корабля. Амнистания же привечала всех страждущих и давала им работу, кров и уверенность в завтрашнем дне.

Как же была права та маленькая девочка из далекого прошлого, что навсегда запомнит свой шестой день рождения! Ведь именно в этот день она лишилась всего, попав в волшебный, но далеко не сказочный мир, где царила несправедливость.

Аттракцион Страшилок привез ее не куда-нибудь, а в другое измерение, навсегда отрезав путь к прежней беззаботной жизни.

Часть первая
ВСТРЕЧА

Я шла по красочной центральной улице города, украдкой разглядывая прохожих и проезжающих мимо в каретах. Мама запретила мне ходить по этой улице, потому что именно здесь можно было встретить главенствующих — правящую касту Родинарии. Но меня так манили красивые ухоженные лужайки, созданные с помощью волшебства картины на стенах похожих на сказочные замки домов и одетые в самые прекрасные одежды на свете господа и госпожи.

Вдруг прямо к моим ногам упала белая мужская перчатка.

— Юная прелестница, не подадите ли вы мне перчатку? Я уже стар и не хотел бы лишний раз спешиваться, — произнес кто-то сверху.

Я нерешительно присела, подняла надушенную вещицу и не глядя протянула вверх.

— Не думаю, что мой конь носит перчатки, но он ее непременно съест, если вы продолжите так настойчиво предлагать, — посмеиваясь, произнес господин.

Чуть не теряя сознание от страха, я подняла голову и остолбенела. Передо мной восседал на черном как смоль скакуне не кто иной, как сам градоправитель! Не такой уж и старый, каким представился, мужчина коварно улыбнулся и прошептал: «Попалась».

После чего спешился, схватил меня за руку и, привлекая внимание окружающих, громко воскликнул:

— Уважаемые горожане, прошу вас быть свидетелями! Эта невольная посмела украсть мою перчатку и оскорбить меня своим взглядом! Вы подтверждаете это?

Со всех сторон послышались возмущенные возгласы. Я вся сжалась и опустила голову еще ниже, боясь, что вот-вот в меня полетят камни.

— Благодарю вас, уважаемые! — продолжил представление градоправитель. — Я забираю воровку себе, чтобы привить ей уважение к высшим и отучить от воровства.

— Бедняжка, — прошептала проходящая мимо старушка с опущенной головой в невольничьей одежде — сером платье из грубой ткани. Такое же платье было надето и на мне — как знак принадлежности кому-то из знати.

— Кто твой хозяин, милашка? — в несколько раз тише, чем до этого, спросил градоправитель.

— Господин Прожирани, — обреченно ответила я.

— А я как раз сегодня загляну к нему на обед. Там и сговоримся, — радостно воскликнул мужчина. — Ты не бойся, я тебя не обижу. Подарю амнистанскому торговому послу в качестве отступного за недоплату пошлины. У них, говорят, для таких, как ты, рай.

— У меня мама, — пискнула я, — она тоже у господина Прожирани.

— Посмотрим. Если она имеет какую-то ценность, то и ее заберу, — неожиданно пошел навстречу градоправитель.

— Она знает счет, ведет всю бухгалтерию господина! — воскликнула я в надежде уговорить нового господина не разлучать нас с мамой.

— Так старый прохвост Прожирани не захочет с ней расставаться. Но я же его начальник, прикажу. Торговый посол оценит счетовода, наверное, даже больше, чем девицу, — улыбнулся мужчина. — Ты беги домой и обрадуй маму. В скором времени ваша жизнь кардинально изменится.

И я побежала, только не к маме, а на рынок. Я выбирала самые лучшие овощи, а на оставшиеся монеты купила большой арбуз. Здесь эта ягода выглядела несколько иначе, но вкус был таким же волшебным, как и в воспоминании из далекого и теперь будто не моего детства.

С трудом притащив с рынка две полные корзины и арбуз, я сгрузила поклажу на кухонный стол и побежала к маме. Она в этот момент сервировала стол и сразу же насторожилась, заметив мое возбуждение.

Я сбивчиво рассказала ей о случившемся и минут пять терпеливо ждала, пока она отчитывала меня за непослушание.

— Но все же хорошо закончилось, — вставила я, едва мама замолчала, чтобы перевести дыхание.

— Время покажет, — покачала головой она. — Иди на кухню, овощи помой.

* * *

На обед к господину Прожирани пришли самые уважаемые господа Антирона. Все чинно расселись за столом и принялись за обед. Решать личные и городские вопросы они будут позже, за стаканчиком крепкой осицы — невероятно жгучего, но оставляющего сознание кристально чистым алкоголя. Сегодня мама запретила Юниле прислуживать в столовой. Ей хотелось самой украдкой послушать, о чем будут говорить господа. Была и

еще одна причина — за последний год Юна сильно вытянулась и стала привлекательной девушкой с аппетитными округлостями, и Агуста, так звали мать Юнилы, не хотела, чтобы похотливые гости господина Прожирани положили на нее глаз.

Девушка томилась в неведении, хлопоча на кухне и не решаясь ослушаться строгого наказа. Но Юне так хотелось взглянуть на градоправителя и убедиться в том, что он не передумал, что все валилось из рук. Мама бранила ее каждый раз, как забегала на кухню за новым блюдом или приносила грязную посуду.

— Соберись, девчонка! Хочешь, чтобы господин продал нас на мельницу или в плавильни? — прошептала мать, сгружая в бадью тарелки и утирая пот со лба. — Не пришел твой градоправитель, обманул, а ты, глупая, и поверила.

По дому разнесся звук уверенного стука в дверь.

* * *

Не дожидаясь, когда мама отправит меня отпирать, я сама бросилась в прихожую и распахнула двери настежь.

— Смотрю, меня здесь ждали, — улыбнулся градоправитель, входя в дом. — Ну хоть ты мне рада. Я опоздал, ужин уже закончился?

— Пьют, — махнула я рукой в сторону каминной.

Мужчина, посмеиваясь, снял перчатки, потом плащ и отдал мне.

— Ты тихонечко проведи меня к маме. Мне нужно с ней потолковать, — тихо проговорил он.

Но шептаться не было нужды — из каминной доносился громкий смех, господа даже стука не расслышали. Я кивнула и повела градоправителя прямо на кухню, уж куда-куда, а сюда господин никогда не захаживал.

Мама всплеснула руками и запричитала:

— Что же ты, дуреха, такого гостя — и в печной угол привела?

— Не ругай ее. Я сам приказал, — вступился за меня градоправитель, — слыхал я, что у моего поверенного гениальный счетовод, но вот уж не думал, что это женщина, да еще и невольница! Покажи-ка мне, как ты счет ведешь.

— Сию минуту, — ответила мама и бросилась к буфету за расходной тетрадью.

Градоправитель полистал, почитал, качая головой да хмыкая, потом улыбнулся и проговорил, возвращая тетрадь:

— Ценный ты работник, к себе бы в ратушу забрал, да долг у нас большой по пошлине, придется амнистанцу отдать. Вы собирайтесь, а я с Прожирани переговорю. Лишнего не берите, больше двух дней у меня не пробудете, а там новый хозяин о вас позаботится.

* * *

Господин Прожирани был весьма недоволен тем, что придется расстаться со своими невольницами, но перечить градоправителю не решился. Только намекнул на премию, чтобы возместить убытки от покупки новых работниц.

Вечером Юнила и Агуста покинули дом, в котором провели двенадцать тяжелых, но по справедливости не таких уж и страшных, как могло бы быть, если бы они попали в другое место, лет.

От монотонного покачивания кареты, везущей их в дом градоправителя, Юна уснула, положив голову на плечо матери. Агуста смотрела в окно невидящим взглядом и гадала, что же принесет им завтрашний день. По щеке женщины скатилась слезинка, за ней еще одна.

— С днем рождения, доченька, — прошептала Агуста, погладив безмятежно спящую дочь по щеке огрубевшими от работы пальцами. — Возможно, этот день рождения принесет нам спасение… или погибель.

Юна пошевелилась, устраиваясь поудобнее, но не проснулась. Она в этот момент была очень далеко от Антирона, во сне вернувшись в то утро, когда собиралась на аттракционы.

* * *

— Приехали! — разбудил меня выкрик кучера.

Выбравшись из кареты, мы оказались на большом, залитом лунным светом дворе.

— Поторапливайтесь! — прикрикнул возница, отгоняя нас от кареты, чтобы увезти ее под навес.

Мы стояли перед входом в огромный, намного больше, чем у господина Прожирани, дом или даже дворец!

— Подержи, — сказала мама, передавая мне свой узелок с вещами. — Схожу разведаю, что к чему.

И мама смело пошла к двери. Я же держала наши вещи и боялась даже пошевелиться.

— А это что у нас тут за красавица? — спросил высокий парень, выскакивая у меня из-за спины, как чертик из табакерки.

— Юнила, — представилась я.

— Родо, — ответил парень. — Я помощник конюха, а ты?

— А нас с мамой градоправитель собрался кому-то подарить, — призналась я.

— Ух ты! И кому же? — заинтересовался Родо.

— Я точно не знаю, но вроде бы какому-то амнистанцу, — пожала плечами.

— Везунчики, — протянул парень.

— Почему? — спросила я, поглядывая на дверь, за которой скрылась мама.

— Так у них же невольников нет! Вас подарят, а новый хозяин отпустит, — пояснил помощник конюха.

Отворилась дверь, из нее выглянула мама и позвала меня.

— До встречи, Родо, — попрощалась я и побежала к ней.

Нам выделили почти такую же комнатку, в какой мы с мамой жили у господина Прожирани. Две узкие, грубо сколоченные кровати, один стул, стол и два сундука у кроватей. Здесь только окно было чуть больше, чем в нашей прежней каморке. Но вид из него был такой же — на стену заднего двора. Нам ничего не объяснили, не сказали, что делать, просто оставили в комнате до распоряжений господина.

— Ложись спать, Юна, — проговорила мама, укладываясь на кровать прямо в одежде.

Я поступила точно так же, но спать совсем не хотелось. В душе, словно отголосок из детства, поднималось предчувствие чего-то волшебного.

— Мама, — позвала я.

— М-м-м? — вопросительно промычала она в ответ, даже не повернувшись.

— Как думаешь, у нас все будет хорошо? — спросила взволнованно.

— Спи, — приказала мама и добавила чуть позже на нашем родном языке: — У нас обязательно все наладится.

Мы очень редко говорили на родном языке. Господин Прожирани сильно бранился на это, и мама только изредка заставляла меня повторять слова, чтобы я не забыла речь недосягаемой родины. Родинарский язык стал моим родным, маме же пришлось трудно в первые годы невольничьей жизни. Она два года училась и только после того, как разобралась с письменностью, стала вести бухгалтерию господина, до этого же ей давали самую тяжелую работу по дому, а из меня в то время помощница была плохая, и маме приходилось работать за двоих,

чтобы меня не продали в подмастерья.

Так я и уснула, заблудившись в воспоминаниях о днях, когда была ребенком без детства.

Утром нас разбудила грубая женщина, назвавшаяся Донатой. Она принесла новую одежду и велела помыться.

— Приведите себя в товарный вид, замухрышки. А то опозорите нашего господина, — проговорила она напоследок и ушла. Через пару минут нам принесли бадью, два ведра холодной воды и маленький мыльный камень, один на двоих.

Принесенная Донатой одежда была просто великолепной по сравнению с нашими серыми бесформенными платьями. Мы помылись, оделись, заплели друг другу еще влажные волосы в косы и сели на кровати в ожидании дальнейших распоряжений. Ожидание продлилось долго. Уже наступил полдень, а за нами так никто и не пришел. Я очень хотела есть, но молчала, зная, что и мама голодна.

Только к вечеру опять явилась Доната и повела нас в господскую часть дома.

— Молчите и не поднимайте взгляд от пола, — наставляла она. — И не вздумайте все испортить. Не понимаю, что господин в вас нашел. Я ему столько лет исправно служила, а он вас выбрал.

Женщина явно злилась на нас, но я никак не могла понять, чем мы так провинились.

Нас привели в просторный ярко освещенный зал, где уже сидели и распивали осицу господин градоправитель и еще один мужчина примерно того же возраста. Одет гость был не по местным обычаям, но говорил по-родинарски без акцента и осицу пил не хуже местных завсегдатаев таверн.

— А вот и мой сюрприз! — воскликнул градоправитель, вставая и широким жестом указывая на нас с мамой, испуганно остановившихся у двери. — Юная, не тронутая пороком красавица и одаренный, опытный счетовод, — представил нас градоправитель.

— Орторон, вы же знаете, что мы не приемлем рабства, — недовольно произнес гость.

— Я всего лишь предложил вам довольно ценный подарок, а как распоряжаться им — это уже ваше личное дело, — лукаво проговорил градоправитель. — Но… если вам это не интересно, я продам их на рудники. Там хоть и мало за женщин платят, потому что слабые, долго не протянут, но есть шанс получить пару горстей энергетических камней.

— Шантажируете? — усмехнулся гость.

— Ну что вы, нар[1] Марино! Всего лишь говорю правду. Вы

же знаете меня не один год, я не привык ходить вокруг да около. У нас есть некоторые денежные вопросы, решить которые необходимо во что бы то ни стало, но, к моему глубочайшему сожалению, Антирон сейчас переживает не лучшие времена в связи со сменой главенствующего рода, и у меня нет требуемой суммы. Вы же как истинный сын своей родины больше монет цените только жизнь, вот я и предлагаю вам две довольно ценные жизни, — вещал градоправитель. — Одна ценна своей молодостью и красотой, согласитесь — в Амнистании светлокожие голубоглазые девушки большая редкость. Вторая же, несмотря на то что женщина, образованна и великолепно разбирается в счетоводстве. Выбор за вами.

Гость встал, подошел к нам и приподнял мое лицо за подбородок.

— Не трогайте, умоляю, — прошептала мама, опуская голову еще ниже.

— Дочь? — спросил амнистанец.

Мама кивнула, инстинктивно отстраняя меня за свою спину.

— Откуда они? — спросил гость у градоправителя.

— А разве это важно? — небрежно отмахнулся господин Орторон. — Они ваши, если захотите.

— Мне важно знать, эти женщины были рождены в рабстве или захвачены? — пояснил амнистанец. — Если они не знали свободы, то вряд ли смогут приспособиться к вольной жизни.

— Мы были свободны! — неожиданно воскликнула мама, подняв взгляд и посмотрев прямо в глаза иноземца.

— Верю, — кивнул он. — А ты, дитя, ты помнишь вкус свободы? — обратился он ко мне.

— Плохо, но хотела бы вспомнить, — призналась я лишь после того, как получила тычок локтем в бок от мамы.

— Принимаю предложение, — принял судьбоносное для нас с мамой решение амнистанец.

— Замечательно! Закрепим сделку! — воскликнул градоправитель, подавая гостю рюмку осицы.

Вот так просто, за выпивкой, была решена моя судьба.

Ночью мы отбыли из Родинарии в далекую, полную загадок Амнистанию.

Дорога оказалась не такой долгой и тяжелой, как мы с мамой ожидали. В карете, где мы ехали одни, воздух был на удивление свежим и прохладным. А дорога казалась ровной, словно водная гладь в безветренный день. Мама даже смогла записать происходящее в тетрадь, решив завести дневник, «на всякий случай», как сказала она. О каком случае шла речь, я даже думать

не хотела. Дело в том, что записи мама делала на нашем родном языке, чтобы я не забыла его, если напомнить будет некому.

Уже к следующему вечеру мы были в столице Амнистании. Нар Марино велел нам следовать за ним и повел в необычайно высокий дом, достигавший, наверное, самых небес. У меня закружилась голова от попытки рассмотреть, где же эта громада заканчивается.

— Здесь всего десять этажей, — улыбнувшись, произнес нар, заметив, как мы с мамой всматриваемся в небо. — Сейчас я устрою вас на ночь, а завтра решим с распределением, — загадочно проговорил он.

Мы во все глаза смотрели по сторонам, но все равно не успели рассмотреть даже часть окружающих нас чудес. Амнистания была словно другим миром, полным невероятного и волшебного. Очередным шоком для нас стала встреча с женщиной, цвет кожи которой напоминал шкуру лягушки.

— Здравствуйте, милые мои, — произнесла она, встречая нас в огромном холле здания.

— Это Ларминая, она о вас позаботится, — пообещал нар Марино, приветливо улыбнувшись странному существу.

— Как и всегда, — улыбнулась Ларминая в ответ.

Нар ушел, а мы с мамой жались друг к другу, боясь даже взглянуть на зеленокожую женщину.

— Ну что вы, милые мои, никогда не видели болотницу? — ласково спросила она и преобразилась прямо на глазах. Кожа приобрела мраморно-белый цвет, волосы стали шелковистыми и блестящими, а глаза манили, словно два омута.

— Не смотри, — приказала мне мама, и я мгновенно отвернулась.

— Не бойтесь. Я не использую свои чары во вред. Просто работа у меня такая — располагать к себе гостей столицы, — заверила нас Ларминая. — Идемте, устрою вас со всеми удобствами.

Прекрасная в своих чарах и ужасающая в истинном обличии, болотница провела нас к некоему сооружению, поднимающемуся и опускающемуся через всю высоту здания, предложила войти и пояснила:

— Это подъемная платформа, она работает только по достижении определенного весового порога… И перестает действовать, если этот порог превысить. У нас на днях такая китовица гостила, что ее даже грузовой подъемник для особо почитаемых не поднял, — болотница так увлеченно рассказывала о тяготах жизни большевесных дам, что провезла нас на этаж выше, чем требовалось.

— Ой, прошу прощения, — извинилась она и, сложив пальцы в причудливую фигуру, отправила подъемник обратно, вниз.

— А вот и ваш этаж! — радостно объявила Ларминая, как только открыла тонкокованную дверь подъемника. — Сейчас подберем вам подходящие комнаты, и можете устраиваться на ночь. Утром принесу вам завтрак и обо всем поболтаем. Ну а сейчас отдыхайте, — покровительственно добавила она, указывая на две находящиеся рядом двери.

— Я бы не хотела разлучаться с дочерью, — осмелилась противиться мама.

— Да как пожелаете! — воскликнула болотница и распахнула перед нами дверь напротив тех, которые предлагала до этого.

Это были поистине господские хоромы! Две высокие красивые кровати были покрыты белоснежными простынями, пол устилал настоящий ковер, какие мне приходилось видеть только в спальне и гостевых комнатах господина Прожирани, а стены и потолок были обиты настоящим набивным шелком! В центре комнаты располагался низкий стол, на котором стояла ваза, наполненная разнообразными диковинными фруктами.

— Чувствуйте себя как дома, — пожелала Ларминая и быстро удалилась, оставив нас одних в непривычно роскошных комнатах.

Здесь даже была отдельная комната для омовения с большой ванной и трубами, по которым текла вода. Водопровод — всплыло из памяти давно забытое слово. У мамы в глазах стояли слезы, когда она поворачивала вентили на кранах, чтобы набрать в ванну воды. Мы мылись по очереди, каждая в чистой воде, не экономя и не боясь быть наказанными за желание приблизиться к господам. Потом полночи разговаривали на родном языке. Мама рассказывала о водопроводе, электричестве и других достижениях нашего мира. Здесь, к слову, электричества не было, его заменяли подвешенные под потолком шары, которые давали яркий свет, если произнести нужные слова. Их сказала, а потом и записала на листке девушка, представившаяся горничной, когда для чего-то принесла нам еще четыре полотенца и газету.

Мама схватила несколько больших нескрепленных исписанных листов и не произнесла ни слова до тех пор, пока не прочитала все, что было на них написано.

— Невероятно! Они на несколько веков обгоняют в развитии Родинарию! — восторгалась мама, показывая мне оживающие по волшебству картинки на страницах газеты. Я смутно помнила жизнь до шести лет, но, по-моему, у нас картинки в газетах не шевелились.

— Мы попали в цивилизованный мир, где каким-то невероятным образом сочетаются магия и технологии, —

произнесла мама, прижимая к груди газету. — Это поистине судьбоносный день. Вернее, судьбоносным был твой восемнадцатый день рождения.

Такой счастливой я маму еще никогда не видела. Возможно, и видела, но я этого не запомнила, потому что была еще совсем маленькой.

Утром вернулась энергичная, как назвала ее мама, болотница, Ларминая. Она принесла нам целый поднос господской еды и велела хорошенько подкрепиться.

— Не торопитесь, нар Марино придет за вами только к полудню. Мы даже успеем приодеть вас, — щебетала она, заботливо расставляя тарелки и чашечки на столе.

В этот момент мама заплетала мои волосы.

— Ну зачем же вы стягиваете в канат такую красоту? — всплеснула руками болотница, расплескав сливки и слегка позеленев, наверное, от возмущения. — Распустите их, перекиньте через плечо, и пусть парочка прядок падает на розовую щечку.

Ларминая подошла, потеснила маму и сама сделала так, как советовала.

— Ты невероятно экзотичная, в гимназии Мгновений у тебя отбоя от поклонников не будет! — радостно сообщила она, похлопав в ладоши. — А может быть, нар Марино даже выбьет для тебя местечко в академии Хроноса. Я плохо чувствую потенциал, но если он обратил на вас внимание, то вы определенно одарены выше среднего.

— Нар Марино намеревается отправить мою дочь на обучение? — насторожилась мама.

— Конечно! И вас тоже. А как же иначе вы сможете стать полноправными членами общества! — объяснила Ларминая таким тоном, словно разговаривала с маленькими несмышлеными детьми. — Никто в Амнистании не остается без образования и работы. Как говорит наш всесильный и глубокоуважаемый нарай Амниос Хроно: «Только в неустанном труде мы познаем истинную ценность времени». А для того, чтобы плодотворно трудиться на благо Амнистании, вам необходимо получить образование.

Болотница так открыто и завораживающе улыбнулась, что мне сразу захотелось поскорее получить образование, чтобы быть полезной.

— Мы будем рады обучаться там, где нар Марино посчитает нужным, — произнесла мама, кивая.

— Вот и чудно! А сейчас завтрак, — пропела Ларминая и

приглашающе указала рукой на стол. — Чтобы хорошо учиться, вы должны быть сильными.

Мы послушно сели за стол и принялись за еду. Лишь спустя несколько минут после ухода болотницы мама отставила в сторону стакан со сладким соком и удивленно спросила:

— Что это было?

Я лишь пожала плечами, продолжая есть самый вкусный за всю мою жизнь завтрак.

Ларминая вернулась, когда мы уже покончили с едой и во все глаза рассматривали столицу новой родины из окна.

— А сейчас мы подберем вам новый гардероб! — радостно объявила болотница. — Идемте за мной, дорогие мои.

На причудливом подъемнике мы спустились в холл первого этажа, а оттуда прошли вслед за проводницей по длинному коридору к огромной, заполненной множеством разнообразной одежды комнате.

— Выбирайте все, что понравится, — произнесла Ларминая, обводя помещение широким жестом.

— Но у нас нет денег, чтобы оплатить одежду, — призналась мама. — Да и за жилье тоже заплатить нечем.

— Не переживайте, рассчитаетесь, когда устроитесь на работу, — отмахнулась болотница.

Такого восторга от нарядов я еще никогда не испытывала. Здесь были и платья, и блузы, и юбки, и даже штаны для женщин, разнообразных расцветок и длины. Вся одежда была добротно сшита, из хороших тканей и могла бы поспорить по красоте с туалетами родинарских господ. Мы с мамой выбрали по два платья и по три комплекта из блуз и длинных юбок.

— Нет, так не пойдет! — помотала головой Ларминая. — Сейчас я подберу вам что-нибудь повеселее.

В результате из гардеробной мы уходили с двумя огромными узлами.

— Уже почти полдень! — воскликнула болотница, когда мы вернулись в свою комнату. — Я побегу встречать нара Марино, а вы сложите одежду в дорожные сумки, они должны быть в шкафу.

Женщина убежала, а мы занялись тем, что она приказала сделать.

— Не будь такой зажатой, Юна, — говорила мама, складывая одежду. — Вспомни, как ты капризничала в детстве, если что-то тебе не нравилось. Я, конечно, не имею в виду, что ты должна капризничать, но тогда ведь ты не боялась высказывать свое мнение. Здесь от нас ждут именно этого — смелости отстаивать свою точку зрения. И пообещай мне, что ни за что не согласишься на разлуку со мной.

— Как скажешь, мамочка, — согласилась я по привычке.

— Ты опять повинуешься, а не соглашаешься или отказываешься, — вздохнула мама. — Я понимаю, что ты так привыкла и тебе проще повиноваться, но теперь мы свободны. Не забывай об этом.

— Я помню, мама, — кивнула я уверенно. — Но мне и правда не хочется с тобой расставаться.

Мы как раз успели сложить все вещи к приходу нара Марино.

— Вы готовы? — спросил он, поздоровавшись.

— К чему? — спросила мама в ответ.

— К новой жизни, разумеется, — улыбнулся нар.

— Готовы! — ответили мы в один голос.

— Значит, сейчас запишем вас и пройдем комиссию, чтобы выяснить потенциал. Вперед! — воодушевленно произнес нар Марино, указывая на дверь.

По дороге в визионную контору, которая отвечала за статистику населения, как объяснил нар, мы с мамой неустанно крутили головами, рассматривая красивые, но более строгие, чем в Антироне здания. Улицы были необычайно пустынны, но как только по городу разнесся колокольный перезвон, люди хлынули изо всех зданий, спеша в лавки и чайные, чтобы пообедать и вернуться к работе.

— Все должно быть подчинено порядку, ни одна минута не тратится впустую, — рассказывал Марино, ведя нас по широкой улице. — Те, кто работает на государственных должностях, обедают и отдыхают по общему графику. У других структур более гибкие правила, но время у нас все ценят. Со временем вы во всем разберетесь.

Мама слушала и усмехалась, словно вспоминая о чем-то давно забытом, но знакомом с детства.

В конторе нас долго разглядывал высокий, смуглый, очень красивый мужчина с длинными молочно-белыми волосами и острыми ушами.

— Готово, — наконец-то произнес он. — Интересные ауры, слепки сделать будет легко, ни с кем не спутаешь.

— А теперь давайте решим с вашими именами.

— Я Юнила, — представилась я.

— А фамилия? — спросил нар.

— Яниссон, — ответила за меня мама. — Я Агуста Яниссон, а моя дочь Юнила, соответственно, тоже Яниссон.

— Имена довольно просты в произношении, но фамилия слишком разнится с местными. Может быть, немного поиграем с буквами, например Яниро или Нарисо? — предложил нар Марино.

— Яниро, — кивнула мама.

— А мне больше нравится Нарисо, — осмелилась я признаться.

— Решено, вы отныне нара Агуста Яниро, — проговорил нар Марино, — а ты, милая, — Юнила Нарисо. — После чего повернулся к сидящей за столом пожилой женщине со странными глазами, зрачки которых были словно затянуты бельмами, и распорядился: — Все запомнили? Подготовьте документы. Мы зайдем за ними через пару часов.

— Будет сделано! — бойко ответила слепая женщина.

— Ну а теперь на комиссию, там и определимся с вашим распределением. — Нар Марино отставил в стороны локти и произнес: — Нара, нари, прошу.

Мы с мамой взяли Марино под руки и отправились в свободное, манящее переменами будущее.

То, что нар назвал комиссией, оказалось чаепитием в причудливо обставленной гостиной пожилой госпожи, представившейся нарой Пифаро, — внештатным экспертом-бихевиористом нарая Амниоса Хроно.

Я честно попыталась понять, что это значит, но в результате беспомощно посмотрела на маму — в надежде, что она объяснит. Мама только плечами пожала.

— Они из Родинарии, нара Пифаро, — проговорил нар Марино, сидя за столом с чашкой чая в руках.

Мама тоже пила чай, а я так засмотрелась на причудливую мебель и заслушалась незнакомыми словами, что забыла об угощении.

— Сама вижу. Совсем девочки забитые, — проворчала нара. — Кабала никого не красит. Но по тебе, дорогая, — обратилась она к маме, — заметно, что ты долгое время была свободной. Дай-ка мне руку.

Мама протянула руку, и нара сразу же вцепилась в нее обеими руками.

— Хм, интересно, — пробурчала она, разминая пальцами ее ладонь. — Редкое ощущение… Наклонись поближе, дорогая.

Мама подалась вперед, женщина погладила ее по щеке и выдернула волосок у виска. Рассмотрела его, потерла между пальцами и даже на язык попробовала. Причмокнула, будто смакуя, покивала своим мыслям и проговорила:

— Есть небольшой дар, ведьминская кровь в роду была, но много поколений прошло. Развить, конечно, можно, но звезд с неба хватать не будет. Уровень ниже среднего. Другое направление ей ближе. Да — наука на первом месте, любит точность и порядок во всем. Думаю, гимназия Мгновений,

направление — материи и часоведение.

— Я так и предполагал, — кивнул нар Марино. — Чутье подсказывает мне, что нас удивит юная Юнила.

— Сейчас посмотрим, — проворчала нара Пифаро, поманив меня рукой. — Не тушуйся, детка, я не обижу, — подбодрила она.

Помяв мою ладонь, так же как и мамину, женщина зажмурилась, как кошка на солнышке, улыбнулась и проворковала:

— Никак очередная нажитая к нам пожаловала.

— Вот и я почувствовал что-то особенное в этой девочке, — согласился нар.

— И что это значит? — спросила мама.

Ей никто не ответил. Нара Пифаро выдернула волосок и у меня из головы, попробовала его на вкус и уверенно объявила:

— Академия Хроноса, факультет контроля и управления.

— Уверены? — спросил нар Марино.

— Не спеши, — одернула его Пифаро, еще раз попробовала мой волосок и протянула:

— Ну, есть неплохие задатки для практических манипуляций, переплетения потянет. Возможно, даже в захватах и преображениях преуспеет. Пусть сама выбирает, обвыкнется и решит. Пока самовыражения никакого, но девочка сильная, еще заставит нас побегать.

Нара встала, потерла виски и ушла, не прощаясь, прошептав: «Устала я что-то, старею».

— Идемте, — произнес нар Марино, вставая. — Все, что нужно, мы узнали. Необходимо забрать ваши документы и успеть подать заявления на поступление. Учебный год уже месяц как начался, чем быстрее вас зачислят, тем легче вам будет догнать остальных.

— Я никуда не пойду, пока вы мне все не объясните, — заявила мама, сложив руки на груди и даже не думая вставать из-за стола.

От неожиданности я тоже опустилась обратно на стул.

— Нара Агуста, я бы с удовольствием все объяснил вам, но боюсь, это займет много времени. Сложно передать несколькими фразами уклад и законы такого большого и сложного государства, как Амнистания, — терпеливо проговорил нар Марино. — Сейчас вам нужно знать только одно: у вас и вашей дочери достаточно способностей, чтобы пройти обучение в ведущих учебных заведениях столицы и впоследствии занять достойное место в нашем обществе.

— Из бессвязных речей чудаковатой хозяйки этого дома я поняла, что нас с дочерью прочат в разные школы. А я на такое не

согласна! — возмутилась мама.

— Давайте обсудим это чуть позже, — вполголоса попросил нар.

— А я все слы-ы-ышу, — донеслось из соседней комнаты. — Поживи с мое, деточка, и не такой чудаковатой станешь.

— Мам, пойдем, — попросила я, потянув маму за рукав новой блузы.

— Но с дочерью я не расстанусь! — уперлась мама, вставая.

Наши документы были уже готовы. Они представляли собой маленькие книжечки в кожаном переплете. Открыв протянутую мне наром, я обнаружила на первой странице свой портрет. Дальше были перечислены все мои данные, вплоть до роста и веса, которые мне, к слову, никто не измерял.

— Берегите эти метрики, они очень важны, — наставлял нас Марино, выводя из здания визионной конторы.

— Что такое документы, удостоверяющие личность, мне прекрасно известно, — ответила ему мама. — А вот моей дочери нет. Поэтому-то я и настаиваю, чтобы мы жили вместе. Юна слишком далека от самостоятельной жизни. Ей потребуется моя помощь, чтобы привыкнуть.

— Нара Агуста, я понимаю ваше беспокойство о дочери, но вы не правы, — улыбнувшись, покачал головой нар Марино. — Только избавившись от вашей опеки, Юнила научится жить своим умом. Вы должны отпустить ее. Тем более что ваши университеты находятся на одной улице, и вы сможете вместе проводить вечера, помогать друг другу с самостоятельными заданиями. А вот, собственно, мы и пришли.

Нар Марино остановился, указывая на высокое, уходящее прямо к облакам здание с красивой резной вывеской над входом.

— Гимназия Мгновений, — прочитала мама.

Я стыдливо отвела взгляд, ведь мне за это время удалось прочитать только первое слово, и то с трудом.

— Здесь будете обучаться и временно проживать вы, нара Агуста, — проговорил Марино. — Учитывая ваш возраст и уже имеющееся по моим сведениям образование в сфере точных наук, срок вашего обучения составит два года. Этого будет вполне достаточно, чтобы постичь азы манипуляций с короткими временными промежутками и развить ведьмовские способности на бытовом уровне.

— И кем же я стану по окончании обучения? — спросила мама.

— Специалистом широкого профиля, — улыбнулся нар. — Место работы сможете выбрать из списка вакансий.

— А мой возраст не будет помехой? — неуверенно

поинтересовалась мама.

— Возраст — это всего лишь временно*о*й промежуток существования вашей телесной оболочки. Вам сейчас сложно это осознать, но со временем, как ни парадоксально это звучит, вы все поймете, — своеобразно успокоил ее нар Марино.

В здании нас встретил низкорослый мужчина среднего возраста в темно-зеленом причудливом костюме с большими пуговицами, шляпе такого же цвета и ботинках с огромными пряжками.

— А кто к нам пожаловал! — воскликнул он, подпрыгивая на месте. — Никак нар Марино вернулся из поездки с очередным уловом! Нашли что-то особенно ценное?

— Рад встрече, нар Монто, — поприветствовал его Марино. — Вот, привел вам новую ученицу. Познакомьтесь, нара Агуста Яниро. Прошу оказывать наре посильную помощь в адаптации. Она из Родинарии.

— А, понимаю, — протянул странный человечек, — прозорливые экономные родинарцы любят использовать человеческий труд задаром. Но я конечно же их осуждаю! — спохватился он.

— Все еще боретесь со своей натурой? — с усмешкой спросил нар Марино.

— Что ж тут поделать, уж такие мы, лепреконы, — пожал плечами человечек.

— Что не мешает вам быть одним из лучших директоров в образовательной структуре Амнистании, — произнес Марино. — А это дочь вашей новой студентки, нари Юнила Нарисо. Она будет обучаться в академии Хроноса. Позвольте наре Агусте проводить свободное от обучения время с дочерью, разумеется, до отбоя в общежитии. Это моя личная просьба.

— Для вас, разлюбезный нар, все что угодно! — раскланялся лепрекон. — Сочтемся.

— Как всегда, — улыбнулся Марино.

По зданию разнесся резкий громкий звук, наподобие трубного гудения, и отовсюду послышалась разноголосая речь.

— Идемте в мой кабинет, пока мои сорванцы нас не затоптали, — позвал лепрекон Монто. — Оформим все чин по чину и скрепим сделку сладким элем.

— Нар Монто, — укоризненно покачал головой Марино.

— Прошу прощения, — сдержанно произнес лепрекон.

Мама заполнила форму для поступления на второй курс, отделение «Материи и часоведение» гимназии Мгновений, с факультативными занятиями по развитию ведьминского дара. Директор Монто вызвал коменданта общежития, приветливую

молодую ведьму, как пояснил он, прежде чем она пришла, и препоручил маму ее заботам.

Нар Марино пообещал, что сумку с маминими вещами доставят в течение трех часов, тепло попрощался с лепреконом и повел меня к выходу. Я беспомощно оглядывалась на маму, будто нас разлучают навсегда.

— Постойте! — попросила я со слезами на глазах. — А можно я тоже буду учиться здесь?

— Ну что вы, Юнила, — сокрушенно покачал головой нар Марино. — Я понимаю ваш страх перед самостоятельной жизнью, но вам уже восемнадцать лет, пора вступать во взрослую жизнь. Тем более что ваша мама сама не будет рада, если вы потеряете шанс занять высокий пост, отказавшись от престижного образования. Так ведь, нара Агуста?

— Иди, милая. Я обязательно приду к тебе сегодня же вечером, — проговорила мама. — Ведь вы меня отпустите? — спросила она у нара Монто.

— Конечно-конечно! — пообещал лепрекон.

И меня вывели из кабинета, а потом и из гимназии. Я все время оборачивалась и примечала окружающие нас здания, чтобы запомнить дорогу к месту, где теперь будет жить моя мать.

Нар Марино не обманул: академия Хроноса действительно находилась дальше по улице, всего в паре десятков домов от гимназии Мгновений. Я специально посчитала здания, в основном какие-то конторы и две чайные, приютившиеся в промежутках между высокими строениями.

Академия Хроноса выглядела совсем не так, как гимназия. Это был большой, словно перенесшийся из сказки белый замок с островерхими башенками, соединенными между собой переходами, будто мостами, резными окнами, балконами и дивным садом, в густой зелени которого утопали нижние этажи.

— Добро пожаловать в академию Хроноса! — объявил привратник, распахивая перед нами большую решетчатую калитку.

— Благодарю, — сдержанно ответил Марино.

— Если вы пожаловали с добрыми намерениями, то ступайте и придете туда, куда следует, если же нет, то… — привратник монотонно читал по бумажке, и, наверное, еще долго бы это длилось, потому что листок был почти полностью исписан, но нар Марино его прервал.

— Должно быть, вы недавно здесь работаете, милейший. Позвольте представиться, министр торговли и вербовки нар Донато Марино. Я довольно часто бываю в стенах этого заведения и прекрасно знаком с местной системой безопасности, —

проговорил он и повел меня по петляющей между деревьями дороге к замку.

Я следовала за ним, опасливо озираясь по сторонам.

Дорога, выложенная белым камнем, вилась меж высоких кряжистых дубов, удлиняя путь до замка вдвое, если не больше. Когда мы добрались до широкого крыльца, нар Марино остановился у первой ступени, снял с левой руки перчатку и положил ладонь на широкие, выщербленные временем каменные перила. Мне показалось, что из-под ладони нара вырывается легкое свечение, но моргнув, я уже не увидела ничего особенного.

— Милая, приложи руку к камню, чтобы академия проверила и приняла тебя, — проговорил Марино, ступив на лестницу и надевая перчатку.

Мне пришлось пересилить страх и прикоснуться к неожиданно теплому и приятному на ощупь камню. Но стоило моей ладони коснуться перил, как ее опалило нестерпимым жаром. Вскрикнув от боли, я отдернула руку и отскочила от ступеней, на которых вдруг появились свернувшиеся в клубки и изогнувшие свои длинные тела в причудливые узоры змеи. Их было не меньше дюжины, шипящих, расправивших цветастые капюшоны, поблескивающих бронзовыми бусинами глаз гадов.

— Что за несуразица! — всплеснул руками нар Марино. — Подожди меня здесь, дорогая. Сейчас мы разберемся с этой неприятностью.

То, что нар назвал неприятностью, сейчас недружелюбно взирало на меня дюжиной пар глаз, демонстрируя сверкающие капельками яда кривые клыки. А я стояла как вкопанная и боялась даже пальцем пошевелить.

— Парадокс какой-то, дорога пропустила, а лестница ни в какую, — ворчал Марино, поднимаясь по ступеням.

Когда нар скрылся из виду за большой резной двустворчатой дверью, которую ему отворил высокий худощавый бледный мужчина в черном костюме, я уже даже и дышать боялась, не отрывая взгляда от танцующих манящий танец гнущихся на ветру колосьев змей.

Казалось, прошла уже целая вечность, а нар Марино все не возвращался. У меня начала кружиться голова, но отвести взгляд от змей сил не было. Они словно подзывали к себе, и только страх держал меня на расстоянии. Змеи шипели и раскачивались, я смотрела на них и постепенно забывала о том, как здесь оказалась, зачем пришла и кто я вообще такая. В чувство меня привел громкий звон, доносящийся, казалось, со всех сторон.

Резкий звук резанул по ушам, и я чуть не упала, потеряв незримую, но такую сильную связь со змеями. И наверняка упала

бы, если бы меня не подхватили двое парней, приближение которых я даже не заметила. Так же, как и вернувшегося нара Марино, который привел с собой низенькую сгорбленную старушку в меховом манто, наполовину скрывающем ее сморщенное лицо.

— Кто тут у нас-с-с? — растягивая шипящие звуки, проскрежетала старуха, окидывая меня цепким взглядом не по возрасту ясных бронзово-карих глаз.

Змеи зашипели еще громче, повернув головы на звук ее голоса.

— Чш-ш-ш, милые, не ш-ш-шумите, — ласково проворковала старушка. — С-с-спите до поры.

И змеи, все как одна, растаяли, словно их и не было!

— Кого ж-ш-ше ты привел мне, друг любез-с-сный? — спросила старуха, обращаясь к нару Марино, подошедшему ко мне и обеспокоенно всматривающемуся в мои затуманенные воздействием змей глаза.

— Не шипи, Ишаро, — беззлобно одернул ее нар.

— Извини, забыла перестроить голосовые связки, — совершенно обычным голосом ответила старушка. Я взглянула на нее и подумала, что все еще не оправилась от змеиного колдовства — передо мной стояла красивая женщина не старше моей матери, поправляя на плечах меховое манто.

— Нара Каробо Ишаро, позвольте представить вам новоиспеченную амнистанку, нари Юнилу Нарисо. Одну из нажитых нашего драгоценного нарая Амниоса Хроно, — церемонно представил меня нар Марино.

— Еще одна?! — воскликнула нара Ишаро. — Я с двумя-то справиться не могу, а ты мне третью притащил!

— О, эта девушка не доставит тебе хлопот, дорогая Каробо. Юнила до недавнего времени жила в Родинарии, была невольницей. Так что все в твоих руках, — посмеиваясь, проговорил Марино и повернулся ко мне: — Юнила, позвольте представить вам ректора академии Хроноса, одну из выдающихся женщин Амнистании — нару Каробо Ишаро. Именно она, наряду с другими лучшими преподавателями столицы, поможет вам овладеть дарованными по праву рождения магическими способностями.

— Не забивай девочке мозги словоблудием, Марино, — подала голос ректор Ишаро. — И вообще, беги по своим делам, мы тут сами разберемся, кто, кого и чему будет учить. Иди ко мне, деточка. Не бойся — я не кусаюсь в человеческом обличии.

От последних слов ректора по всему телу прошла дрожь страха, и я отступила за спину нара Марино.

— Мда, запущенный случай, — вздохнула Ишаро. — Ну да ничего, я тебя к самым пробивным подселю, быстро раскрепостишься. Марино, вон отсюда! Не мешай педагогическому процессу! — прикрикнула она, отчего я вздрогнула и отступила еще на шаг.

— Ничего не бойтесь, милая нари, — напутствовал меня Марино и ушел, оставив на попечение внушающей страх женщины.

— Подойди, милая, — поманила меня рукой ректор Ишаро. — Ты родилась невольницей или тебя продали? — спросила она, когда я подошла к лестнице, но так и не решилась ступить на нее, боясь появления змей.

— Нас с мамой захватили, — ответила я, косо посматривая на следующих за мной парней.

— И где твоя мама сейчас? Осталась в Родинарии? — поинтересовалась ректор и тут же пояснила свой интерес: — Если так, то даже думать не смей о том, чтобы выкрасть ее. Нам не нужны международные конфликты из-за неосмотрительных поступков молодых дарований.

— Мама в гимназии Мгновений. Нар Марино пообещал, что мы сможем с ней видеться, — рассказала я.

— Интересно, — протянула Ишаро. — И с чего это наш министр так раздобрился? Ну да ладно, разберемся. За мной, будущая вершительница судеб!

И ректор пошла вверх по лестнице, даже не взглянув на меня.

— Вперед, мелочь, — подтолкнул меня в спину один из молодых людей, стоящих позади.

Пришлось пересилить страх и последовать за ректором. Змеи вопреки моим ожиданиям в этот раз не появились, и я без проблем добралась до дверей. Возле входа в замок стоял высокий бледный мужчина, который открывал двери для нара Марино, и я бы не обратила на него внимания, если бы он не улыбнулся, обнажив два больших клыка, и не начал принюхиваться ко мне. Обойдя странного и наверняка опасного типа, я догнала ректора Ишаро и спросила:

— Мне нужно подписать заявление?

— Секретаря сейчас нет на месте, так что с бюрократическими нюансами разберемся позже, — отмахнулась нара. — Ты мне лучше вот что скажи: как ты относишься к болотной нечисти?

Я вспомнила добродушную приветливую болотницу Ларминаю и честно ответила:

— Хорошо.

— Вот и замечательно, — заверила меня ректор. —

Далиус! — прокричала она на весь огромный холл замка. От ее крика заколыхались огоньки множества висящих прямо в воздухе вдоль стен свечей.

— Да, моя нара, — откликнулся голос откуда-то сверху.

— Посели новенькую к Колоро Сумарино и позаботься о ее расписании. Первый курс, факультет пока не определен, — проговорила ректор Ишаро и стремительно удалилась за одну из множества дверей.

Я поспешила за ней, но дверь оказалась заперта.

— По лестнице на четвертый этаж, — произнес все тот же голос из ниоткуда. — И поживее, у меня дел невпроворот!

— Раскомандовался, — прошептала я себе под нос.

— Я все слышу, студентка, — прогрохотало прямо у меня над головой.

Я пригнулась и побежала по лестнице.

— Так-то лучше, — довольно протянул голос.

Широкая лестница с резными перилами казалась нескончаемой, в доме господина Прожирани было всего два этажа, а здесь я сбилась со счета, сколько прошла пролетов, и пошла бы дальше, если бы таинственный голос не окликнул.

— Куда пошла, бестолочь! — прикрикнул он, и я покорно вернулась на пару ступеней, чтобы зайти в большой зал, из которого в разные стороны расходились четыре коридора.

— В крайний левый сворачивай, — приказал голос.

Я свернула, но, видимо, не туда, потому что передо мной прямо в воздухе появился призрачный силуэт и ворчливо произнес:

— И откуда вас только берут, таких бестолковых? Я же сказал — в левый, а ты куда прешь?

— В левый, — ответила я, медленно сползая по стене.

— От меня в левый, а не от тебя! — рявкнул призрак.

— Так я… я… я же вас не видела, — пролепетала я, жалея о том, что не могу просочиться сквозь пол.

— Пошли уже, непутевая, — махнул рукой призрачный силуэт и поплыл в сторону правого коридора. — Ну, ты долго еще будешь плинтуса протирать?

— Иду-иду, — заверила я его, продолжая сидеть у стеночки.

— А ну встала и пошла заселяться! — гаркнул призрак, и я мгновенно нашла в себе силы подняться.

— Вещички где? — поинтересовалось привидение.

— Наверное, пришлют, — неуверенно ответила я, идя следом за ним.

— Ясно все с тобой, бесприданница, — проворчал призрак.

Коридор, по которому мы шли, вернее, я шла, а призрак плыл

в локте от пола, казался бесконечным. Но вот привидение остановилось возле одной из дверей, на которой были криво прибиты четыре металлические цифры — четверка, пятерка, шестерка и семерка, отделенная от остальных цифр металлической же пластинкой с изображением облачка, перечеркнутого крестом.

— Будешь жить здесь, — ворчливо проговорил призрак. — Женщины… Все боятся, что кому-то нужны их жалкие тельца.

Мне на голову что-то упало, больно ударив прямо по темечку, и привидение исчезло. Посмотрев на отскочивший от головы предмет, я поняла, что это ключ. Подняла его и примерила к замочной скважине указанной комнаты. Дверь без труда открылась, а то, что я увидела за ней, сложно было назвать жилой комнатой. Это была свалка! Всюду валяющиеся одежда, книги, остатки пищи и грязная посуда, листья и ветки, словно это был лес, а не дом, перья огромной цапли, стоящей посреди помещения, и много чего другого делало эту комнату непригодной для жизни.

— Добро пожаловать, — сказала я самой себе и закрыла дверь, отрезая путь к отступлению.

Цапля повернула голову набок и посмотрела на меня черным глазом.

— Надеюсь, ты не Колоро Сумарино? — обреченно спросила у птицы.

Цапля не ответила, и это давало надежду, что не она моя соседка. После встречи с привидением, занимающимся расселением студентов, я не удивилась бы уже ничему, даже птице, учащейся в академии.

В комнате было две кровати, одна из которых оказалась расправлена и смята, словно на ней прыгали и баловались дети. Именно так выглядели постели племянников господина Прожирани, когда мальчики приезжали погостить. Вторая же была погребена под ворохом всевозможного хлама.

— И здесь мне придется спать, — пожаловалась я цапле.

Птица продолжала внимательно следить за мной, но попыток познакомиться не делала.

— Наверное, хозяйка всего этого разозлится, но я приберу здесь немного. Ты не возражаешь? — спросила я у цапли.

Цапля не возражала — еще бы, это же была просто птица! И я занялась уборкой. Личные вещи соседки складывала аккуратной кучкой у ее кровати, все остальное постаралась расставить по местам, насколько это было возможно. Для большого гнезда, двух пустых аквариумов и стоящего прямо на столе повядшего куста болотной осоки места не нашлось. Но выкидывать эти вещи я не

решилась, да и не знала, куда их можно выбросить, а потому оставила на столе. Только осоку поместила в один из аквариумов и землю, насыпавшуюся с ее корней, сгребла туда же.

Дверь отворилась в тот момент, когда я поправляла покрывало на своей освободившейся кровати. Один его край был испачкан начинкой от пирога, заплесневелый кусок которого я выбросила в большую кучу мусора, образовавшуюся у двери.

— Это что тут такое?! — возопила низенькая зеленоволосая девушка в коротком зеленом платьице и полосатых чулках разных оттенков зеленого. — Ты кто вообще такая? Убирайся из моей комнаты!

— Извините, но мне некуда идти. Призрак сказал, что теперь я буду жить здесь, — ответила я, следя за каждым жестом разгневанной девушки.

— Какой еще призрак? Я согласия не давала! — продолжила возмущаться моя соседка.

— Тот, который привел меня сюда. Кажется, ректор Ишаро называла его Далиусом, — пояснила я, как могла. Ведь я и сама мало что понимала.

— Так ты новенькая, что ли? — наконец-то догадалась зеленоволосая красавица. — Вот чудачка! Хранителя замка призраком назвала! Хорошо, что ему в девчачьи комнаты путь закрыт, а то если услышит — обидится. Изживет вконец. С ним кто-то из мальчишек поссорился, так потом и перевелся в другую академию с обгоревшими волосами да переломанными пальцами. И главное что? Все увечья сам себе нанес, по неосторожности. Только знаем мы, что хранитель эти неосторожности и подстроил.

Девушка закрыла за собой дверь, бросила сумку с книгами прямо на пол возле так и стоящей посреди комнаты цапли и прямо в обуви улеглась на свою расправленную кровать.

— Да ты не тушуйся, я добрая, — заявила она. — Только порядки тут свои не качай, а то устроила мне бардак. Я ж теперь здесь ничего не найду. Меня, кстати, Кико зовут. А тебя?

— Юнила, — представилась я. — А разве не Колоро Сумарино? — спросила с таким трудом выученное имя. Все время, пока наводила в комнате порядок, я проговаривала его шепотом, чтобы не забыть и не обидеть ненароком девушку.

— Нет, мне это имечко не нравится, от папочки заморского досталось. Все меня Кико зовут, Ки — потому что я кикимора, а ко — так уж и быть, первые буквы от имени оставила, — рассказала Кико, наконец-то вспомнив, что она в уличной обуви, и сбрасывая туфельки с ног. — А ты, значит, у нас Нилка?

— Мама меня Юной зовет, — прошептала я, как

завороженная рассматривая маленькие ножки с ярко-зелеными ноготками и прозрачными перепонками между аккуратными пальчиками.

— Нравится? — спросила Кико, пошевелив пальцами и продемонстрировав, как перепонки складываются и расправляются.

— Я в Родинарии жила. У нас магические расы не в почете, так что почти никого и не видела, кроме магов да обычных людей, — проговорила я, продолжая следить за ногами настоящей кикиморы!

— М-м-м, — протянула Кико. — А к нам какими путями? По обмену, что ли?

— Нас с мамой нар Марино за льготы по пошлинам выменял, — ответила я.

— Да ты что! Так ты невольницей была? — удивилась соседка. — У нас в академии такое редкость. Здесь же только самые одаренные учатся, а какой толк с рабов? В рабы же самые бесполезные попадают.

— Мы не были бесполезными, — обиделась я. — Мама образованный счетовод, а я просто маленькая была, когда господин Прожирани нас нашел.

— И кто же вас таких одаренных потерял? — усмехнулась Кико.

— Мы сами потерялись, — пробурчала я, отвернувшись.

— Ты что, обиделась, что ли? — спросила кикимора, спрыгивая с кровати и танцующей походкой приближаясь ко мне. — Я же не со зла. Просто должна знать, с кем жить предстоит. Вдруг ты сумасшедшая какая-нибудь и задушишь меня ночью подушкой.

— С чего бы мне тебя душить? — спросила, в глубине души чувствуя, что эта мысль не лишена притягательности.

— Ну не знаю. Здесь многие не отказались бы повыдергивать мне волосы, — пожала плечами Кико. — Хотя я никому ничего плохого не сделала, по крайней мере намеренно. Да ну их! Завидуют, наверное. А с тобой мы обязательно подружимся, мне враги под боком ни к чему, — заявила девушка, садясь рядом со мной и приобнимая рукой за плечи. — Смотри, как я умею!

И мне продемонстрировали вторую пару век, вертикальных!

— Знаешь, я вообще-то не против соседства, — продолжила болтать Кико, — только со мной почему-то никто жить не хочет. Ну, ты-то от меня не сбежишь, так ведь?

— Не сбегу, — улыбнулась я новой знакомой. Бежать мне некуда. Все, что я помнила и знала, было рабской долей невольницы, и возвращаться к прошлому я не собиралась.

— Вот и замечательно. Давай переодевайся во что-нибудь удобное, и пошли ужинать, — воскликнула кикимора.

— Мне не во что переодеваться. Так что я готова, — ответила я, вставая.

— Ну, на первый раз и так сойдет. А где твои вещи? — поинтересовалась Кико, разгребая ворох одежды. Не знаю, что она искала, но чистых вещей в этой куче точно не было.

— Нар Марино обещал, что пришлют позже, — сказала я, наблюдая за действиями девушки.

В результате ее стараний вещи опять были разбросаны по всей комнате. Понятно, почему никто не хотел делить с ней комнату!

— Нашла! — радостно воскликнула она, потрясая в воздухе мятыми тряпицами не первой свежести. — Сейчас почистим немного, и будет то, что надо.

Кико встряхнула вещи, потом лишь на миг их окутало голубоватое свечение — и вот уже в ее руках чистые, выглаженные короткие брючки нежно-салатового цвета и безрукавная блуза на тон светлее. Быстро переодевшись, кикимора натянула на ноги высокие, сделанные из причудливо скрученных в узоры тонких лиан сапожки, собрала зеленые локоны в высокий хвост, перевязав их сплетенным из сухой травы душистым шнурком, критически изучила свое отражение в большом напольном зеркале и удовлетворенно кивнула.

— Пошли, покажу тебе самое посещаемое, а по мнению некоторых студентов, и самое важное помещение в академии, — поманила она меня рукой, открывая дверь.

Самым важным местом оказалась столовая — огромный зал с высокими потолками и большими окнами, в которые сейчас заглядывало вечернее солнце, рассеивая по стенам солнечные зайчики, отражающиеся от начищенных до блеска столовых приборов и хрустальных вазочек.

— Здесь все поделено на зоны, неофициально конечно, но мы стараемся не соваться на те участки, которые заняты другими, — рассказывала Кико. — Видишь в самом центре четыре стола, сдвинутые по два? Это белая зона — приторно-рафинированные, до дрожи правильные и отвратительно высокомерные «сливки» нашей академии. В основном маги, есть немного эльфов, драконов и представителей прочих породистых рас, но половина этих «золотых» детишек попала сюда не благодаря своей исключительной одаренности, как например я, а по протекции знатных родственников. Носы задирают так высоко, что того и гляди затопчут, неприятные личности. Да и не личности вовсе, а

так — личинки. Вон в том углу, — мне указали на несколько стоящих особняком столов, — заседают синие. Почему синие? Да потому, что зубрят до посинения! Самые умные, прилежные и старательные студенты. За хорошую отметку готовы наизнанку вывернуться. А за похвалу преподавателя так и убить не погнушаются. С ними лучше не ссориться, а то кляузничать начнут. А перед зачетами так и подружиться можно.

— Ясно, — кивнула я, в действительности с трудом понимая, о чем речь.

— Так, дальше — правый угол оккупировали красные, самые опасные и недружелюбные, — продолжила Кико. — Там и оборотни, и гибриды, и какой только хищной живности нет. Они ни с кем особо не дружат, и им за это все благодарны.

— Значит, с сидящими за теми столами лучше не общаться? — уточнила я.

— Наедине оставаться не рекомендую, — категорично заявила Кико.

— А где ты сидишь? — спросила я, почему-то неотрывно следя за «красными» столами. Мне и самой это не нравилось, но какой-то молодой мужчина, занимающий центральное место за одним из столов, поймал и будто силой удерживал мой взгляд.

— Юна. Юна, посмотри на меня! — повысила голос кикимора, с силой разворачивая мое лицо к себе. — Ну ты и вляпалась, — прошептала она. — Это же наро Громиро, сынок военного министра. Он если взял след, не отступится. Жди гостей. Ой, так я же с тобой живу! Так это что получается? Он к нам в комнату припрется? Нет! Я на такое не согласна! А ну, отверни свою носяру от нее!

Кико так громко закричала, что все, кто был в столовой, обернулись на ее голос. Я густо покраснела и хотела убежать, но соседка схватила меня за руку и удерживала, продолжая общаться с неким наро.

— Отвернись, я сказала! Фу! Она неинтересная и вообще рыбой воняет! — разорялась Кико.

Тот самый мужчина, на которого она кричала, изогнул смоляно-черную бровь и продолжил изучать меня цепким взглядом изумрудно-зеленых глаз. Если это и был студент, то скорее всего выпускник. Он не походил на юношу, только начавшего обучение, а выглядел как вполне оформившийся взрослый молодой человек. Широкий разворот плеч и крепкое телосложение явно демонстрировали его недюжинную силу, а прямой взгляд говорил об уверенности в себе.

— Ну ты, подруга, крупно влипла, — прошептала Кико, поняв, что ее крики не приведут ни к чему хорошему.

— Может, уйдем отсюда? — спросила я, стараясь больше не смотреть в сторону красной зоны.

— Без ужина? Да ни за что! — заявила Кико. — Нам сюда, в зону радуги, — указала она на часть столовой, заполненную беспорядочно расставленными столами, за которыми сидели юноши и девушки в ярких, кричащих одеждах наподобие костюма моей спутницы. — Здесь обитают те, кому плевать на условности и границы! Мы открыты для всего нового и не терпим правил. Я уверена, что ты здесь приживешься. Из рабынь да в бунтари! Это же так символично!

На ватных ногах я дошла до так называемой зоны радуги, заняла указанное Кико место и уткнулась взглядом в стол.

— Еда сама не появится, — усмехнулась кикимора, вкладывая в мои руки книжечку, появившуюся передо мной, как только я села. — Выбирай, что хочешь, и отмечай вот этой палочкой. Сейчас ужин, так что не больше пяти наименований.

Я заглянула в книжечку, прочитала короткое название «МЕНЮ» и поняла, что буду разбираться в этих надписях до полуночи.

— Выбери ты, — попросила соседку, возвращая ей книжечку и отворачиваясь, чтобы скрыть смущение.

— Откуда же мне знать, что ты любишь! — воскликнула Кико. — Я вот, например, предпочитаю суп из водорослей и рыбный пирог. А ты?

— Что-нибудь обычное, — пожала я плечами, наклонилась к кикиморе и прошептала ей на ухо: — Наверное, мне то же, что у той девушки с голубыми волосами.

Напротив нас сидела невероятно стройная бледная девушка с водянисто-голубыми глазами, почти белыми губами и светло-голубыми длинными волосами. На ее тарелке лежало несколько кусочков белого мяса, ломтики какого-то фрукта или овоща, кожура которого имела длинные колючки и маленькие круглые ягоды черного цвета.

— Ты уверена? — переспросила Кико. — Это же мурена, а у них вкусы экзотические. К тому же сыроедение не все люди приветствуют.

Набравшись смелости, я вновь взяла книжечку, прикрепленную к ней серебристым шнурком палочку и отметила первые попавшиеся три надписи.

— И ты все это съешь? — удивилась соседка. — Тогда тебе просто необходим едкий сок, чтобы переварить такое количество каменных улиток и мясных сухарей.

Кико отобрала у меня меню и, отметив в нем еще два пункта, закрыла книжечку. В то же мгновение передо мной появился

прикрытый крышкой прямоугольный поднос.

— Приятного аппетита, любительница экстрима! — пожелала мне соседка и принялась за буро-зеленую жижу со склизкими, длинными, похожими на червей вкраплениями.

Крышку с подноса я снимала с величайшей осторожностью, ожидая чего угодно, вплоть до пытающейся наброситься на меня живности.

Но на подносе я обнаружила лишь три тарелки, на одной из которых лежали жирно поблескивающие гладкие круглые камушки, на второй возвышались горкой сухие и очень твердые на вид кусочки чего-то сморщенного, а третья была лишь наполовину заполнена золотистым прозрачным бульоном с веточкой зелени в качестве украшения. На отдельном блюдце источал едкий запах уксуса пенный соус. В довершение картины в центре подноса возвышался большой стакан пузырящегося, словно кипяток, ядовито-оранжевого напитка.

— Ты улиток лучше сразу соусом помажь, чтобы хоть немного размякли, а сухари в червячный бульон брось, — посоветовала мне Кико.

— Какой бульон? — переспросила я.

— Червячный, — пожала плечами кикимора. — Ты же сама заказала бульон из пустынного червя. Мне он не особо нравится, песком отдает, но вкусы у всех разные.

И кикимора с явным наслаждением продолжила поедать бурую жижу с острым болотным запахом, от которой ее зубы окрасились в грязно-зеленый цвет.

Пробовать что-либо из мною же заказанного было откровенно страшно. Но я сильно проголодалась и пошла на риск, осторожно взяв один из сморщенных кусочков и отправив его в рот. Вкус у этого сухарика был мясной, но разжевать его я так и не смогла. В довершение к невероятной жесткости мясо было еще и очень соленым. Мне тут же захотелось пить, а кроме бурлящего сока, предложенного Кико, ничего не было. Пришлось во второй раз понадеяться на то, что в академии не предлагали ядовитых продуктов, и попробовать напиток. Он оказался неожиданно прохладным и приятным на вкус! Мне даже удалось проглотить сухарик, но только после этого я почувствовала сильное жжение в животе и не смогла больше ничего попробовать. Да я и не стала бы. Прикрыла блюдо крышкой, и оно тут же исчезло.

— А здесь есть обычная человеческая еда? — спросила я у увлеченной трапезой Кико.

— Ты вообще меню читала? Надо было открыть раздел традиционной кухни и выбирать оттуда. А ты зачем-то в блюда северной тролльей кухни полезла, — ответила соседка. — На вот,

рыбного пирога хоть поешь.

И мне протянули тарелочку с приятно пахнущим, покрытым румяной корочкой куском пирога.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. — А второй раз заказывать нельзя?

— Можно, для этого нужно выйти из столовой и опять войти сюда. Местные обжоры постоянно туда-сюда бегают, — прошептала девушка, словно это была большая тайна.

Сидящая напротив нас голубоволосая мурена горестно вздохнула и произнесла:

— А у меня совсем аппетита нет, засыхаю. Даже икры не хочу. — Девушка поковыряла ложечкой мелкие черные ягодки и подвинула тарелочку ко мне: — Может, ты поешь, я хоть посмотрю.

Настолько экзотического ужина в моей жизни еще не было! Я попробовала столько новых вкусных блюд, что и названия-то все запомнить не смогла. Стол, за которым мы сидели, был рассчитан на десять человек, и все места были заняты. Столько внимания и вопросов заставили меня растеряться, и отвечала за меня Кико. Я несколько раз пыталась прервать поток вымысла, который она выдавала вместо ответа на каждый вопрос, но кикимору было не остановить. К концу ужина все мои новые знакомые знали, что я беглая невольница из Родинарии. Правящие хотели преподнести меня как дар нараю Амниосу Хроно, но я умертвила стражников, сбежала на пограничной заставе и явилась в столицу как свободная нари. У меня обнаружили огромный дар и без вопросов приняли в академию Хроноса, но нарай знает, что я должна была достаться ему, и обязательно еще заявит свои права. Я слушала всю эту околесицу и с ужасом понимала, что теперь привлеку внимание каждого обитателя этого замка!

— А когда Юна, такая юная, красивая и одаренная, попадет во дворец нарая, она обязательно покорит светлоликого и станет нашей нараиной, — завершила Кико на высокой ноте.

— У нас нараины уже лет сорок не было. Не выдумывай, — неверяще махнул рукой худенький паренек с огненно-рыжей шевелюрой и невероятными, того же яркого оттенка оранжевого цвета глазами.

— Не было — это не значит, что не будет! — авторитетно заявила кикимора. — Так что не встревай, Саламандрик.

— Я же просил не называть меня так! — зло прошипел паренек.

— Не кипятись, стол подпалишь, ящерка, — продолжила подстегивать его Кико.

— Ну, держись, болотная! — вскричал парень, вскакивая из-

за стола.

В следующее мгновение его всего объяло пламенем, и щуплый, ниже меня ростом парнишка начал увеличиваться в размерах, превращаясь в огненного монстра. Все прекратилось так же быстро, как и началось. Горящего наро окутал пар, и он исчез, оставив после себя только подпаленный пол и небольшую парящую лужицу.

— Ох и влетит же ему сейчас, — трагично вздохнула мурена, поправляя голубые волосы.

— А так ему и надо. Не стоило мне перечить, — гордо произнесла Кико и потянула меня за руку к выходу.

Когда мы проходили мимо красной зоны, я опять поймала на себе пристальный изучающий взгляд зеленых глаз. Но в этот раз отвернулась без особых усилий, ведь Кико в этот момент дернула меня за руку, и мы вышли из столовой.

— Учти, если Громиро ночью заявится в нашу комнату, я могу и контроль потерять. Опущу всю академию в топь, и это будет на твоей совести, — строго глядя на меня, произнесла соседка. И она не шутила.

Я начала не только понимать, но и сочувствовать тем, кто хотел бы придушить Кико подушкой. Видимо, многим она здесь насолила.

Вернувшись в комнату, я обнаружила сумку с вещами на полу у моей кровати.

— Кто посмел?! — возмущенно воскликнула Кико. — Так и знала, что этот старый скряга нарушает запрет на посещение женских комнат! Ему что, табличка на двери не по глазам?!

— Какая табличка? — спросила я, не понимая, что именно так разозлило соседку.

— Вот эта! — распахнув дверь, указала мне кикимора на изображение перечеркнутого облака. — Это означает «Духу-хранителю вход запрещен».

— А почему ты решила, что дух был в нашей комнате? — спросила я, рассматривая значок.

— А по-твоему, сумка сама к тебе пришла, ножками? — всплеснула руками Кико. — Такими вещами дух заведует. Вот только он обязан был у двери сумку оставить, а не в комнату затаскивать.

— Даже если и зашел, не остался же, — пожала я плечами. — И не взял ничего.

— Да он на мою личную территорию без приглашения вторгся! Он на мое болото посягнул! Дома я его за один косой взгляд притопила бы, а здесь он неприкосновенный! — разорялась кикимора. — Ну ничего, я наре Идеро пожалуюсь. Она

такой скандал устроит. Дух-то он, может, и бестелесный, а все равно раньше мужчиной был. Пусть пристыдят старичка за подглядывание.

— А если отомстит потом? — спросила я, вспомнив то, что сама же Кико меня и предупреждала о сложном характере хранителя.

— Мне? — засмеялась соседка. — Да он меня с прошлого праздника Времени стороной обходит, после того, как я в ловушку его поймала и желание исполнить заставила. Обиделся, видите ли! Да он еще легко отделался, подумаешь, попросила изобразить танец живота при всей академии. Могла бы вообще потребовать слугой моим стать.

— И стал бы? — спросила я удивленно.

— Конечно! А ты что, не знала? Духа-хранителя почти невозможно поймать, но если удалось, то он обязан исполнить то, что прикажешь, — рассказала Кико. — Даже удивительно, что сегодня решился сюда войти… Слушай! Так это же он, наверное, из-за тебя! И что ты мне не рассказала о себе? На такое хранитель только по распоряжению ректора пошел бы. А перед обычной бедной невольницей Ишаро расшаркиваться не стала бы.

— Да нечего мне рассказывать, — пожала плечами. — Я и есть обычная невольница.

— Ну-ну. Посмотрим, — не поверила Кико.

— А что произошло с тем парнем в столовой? Он пострадал от огня? — сменила я тему.

— Пострадал от огня?! — рассмеялась кикимора. — Да он и есть огонь! Наш Саламандрик — представитель гордой расы огненных драконов. Только ты его видела. В семье, как говорится, не без урода. Саламандрик — последыш, появился на несколько десятилетий позже своих братьев и сестер, вот и получился такой неказистый… пока не разозлят. Я как-то довела его на физзанятиях, и он обратился полностью. Краси-и-ивый. Ярко-оранжевый, горячий и шипы длиной с руку, — гордо поведала она.

— Зачем ты так с ним? — спросила я, не понимая жестокости кикиморы. Она получала удовольствие от издевательств над другими, над теми, кто слабее, пусть и не телом, и не может достойно ответить.

— Да ты что?! Это же любимое развлечение всех студентов. Нас же головастиками не корми, дай друг друга подоводить, — развеселилась соседка. — Так что готовься и вливайся в дружный процесс взаимоиздевательства. Только к «красным» не советую соваться. Они любую попытку шалости в свой адрес жестко пресекают, порой даже с последующим отдыхом в лазарете. Хотя

сами пошалить любят. А вот над «белыми» подшутить — сплошное удовольствие. Все равно из-за задранных носов ничего вокруг не замечают, пока не вляпаются в самый эпицентр шалости. Только попадаться им нельзя, из академии отчислить могут.

— А как вы развлекаетесь, когда не доводите друг друга? — поинтересовалась я, не собираясь присоединяться к излюбленному местному досугу.

— Доводим преподавателей, — заявила Кико, беря с подоконника кулек и вытряхивая из него прямо на пол несколько едва живых, слабо подергивающих лапками лягушек.

Цапля тут же оживилась и приступила к ужину.

— Ну вот, корм закончился. Пойдешь со мной ночью на болото лягушек ловить? — проговорила кикимора, отбрасывая опустевший кулек в сторону.

— А разве можно покидать территорию ночью? — спросила я, подбирая кулек и бросая его на кучу мусора.

— Нельзя, конечно. Но меня это никогда не удерживало, — гордо ответила Кико.

— Давай лучше уберем из комнаты весь этот мусор, — предложила я соседке, указывая на огромную зловонную кучу в углу.

— Зачем? Мне он не мешает, — пожала плечами кикимора.

— Ты просто объясни, куда здесь выносят мусор, и я все сделаю сама, — заверила я ее, подумав, что соседке просто лень.

— Да что ты так привязалась к этой куче? Говорю же, она не мешает. Но если так хочешь, можешь выкинуть все в коридор. Хранитель уберет, ты же его любимица, — обиженно надула щеки Кико.

— А так можно? — спросила я неуверенно.

— Не знаю, но я всегда так делаю, когда накапливается столько, что ходить мешает, — безразлично ответила девушка.

Спросить совета мне было больше не у кого, и пришлось поступить так, как посоветовала соседка, — вынести все в коридор и сложить аккуратной кучей у стены.

Кико легла на свою кровать, отвернулась к стене и не разговаривала со мной. В результате я начала чувствовать себя виноватой и не выдержала.

— Если хочешь, я пойду с тобой на болото, — проговорила я, подойдя к ней и тронув за плечо.

— Конечно, хочу! — воскликнула кикимора, вскочив с кровати и буквально повиснув у меня на шее. — Давай-ка посмотрим, что там у тебя есть из одежды, подходящее для ночной вылазки, — воодушевленно проговорила она, прекратив

душить меня в объятиях.

— Я как раз хотела положить вещи в шкаф, — согласилась я с соседкой.

В шкафу, как я и предполагала, одежды почти не было. На пыльных полках валялась какая-то засохшая трава, мутная жидкость в стеклянной банке и всяческий мусор. Пока я мыла шкаф, чтобы не испачкать свои вещи, кикимора вытряхнула все содержимое сумки на кровать и придирчиво изучала мои обновки.

— Вот это, пожалуй, пойдет, — рассуждала она, откладывая черные брюки из плотной ткани. — А это я у тебя позаимствую для выхода в город на выходных, — на кровать Кико полетела нежно-зеленая блуза. — А вот в этом можно на ковер к ректору ходить. Она любит, когда провинившиеся студентки изображают из себя раскаявшихся серых мышек.

Рассуждения кикиморы прервал стук в дверь.

— Ты кого-нибудь ждешь? — поинтересовалась Кико.

— Нет, — неуверенно ответила я.

— Вот и я не жду. Нас нет дома! — повысила она голос.

Стук повторился более настойчиво.

Соседка раздраженно взмахнула цветастой юбкой и пропыхтела:

— Да входи уже, кем бы ты ни был.

Дверь отворилась, и в комнату вошла очень высокая стройная женщина в коричневом костюме. Узор на длинной узкой юбке и облегающей рубашке имитировал древесную кору.

— Добрый вечер, нари, — растягивая слова, поздоровалась женщина.

— И вам, нара Одонт, — неохотно поздоровалась Кико.

— Я ваш куратор по учебной части, нара Аст Одонт, — представилась она.

— Да знакомы уже, — усмехнулась кикимора.

— А вы нари Юнила Нарисо? — проигнорировав язвительное замечание моей соседки, спросила женщина.

— Да, нара Одонт, — ответила я, слегка поклонившись.

— Нет-нет-нет, — погрозила пальцем нара. — У нас свободная страна и не принято кланяться. Разве что перед нараем Хроно, но его вы вряд ли когда-нибудь увидите. Но не об этом я пришла поговорить. Мне известно, что вы, Юнила, только недавно получили вольную и явно не учились в амнистанской детской школе. Поэтому, прежде чем влиться в общий поток студентов, вам придется пройти аттестацию. А для этого нужно прочитать пару книжек и разбудить ваш магический потенциал. Начнем, пожалуй, с книг, — куратор повернулась к двери и

приказала: — Рожгон, вноси!

В комнату, пригнувшись, протиснулся высокий здоровяк, осмотрел помещение единственным расположенным над переносицей глазом и пробасил:

— Куда положить?

— Да на пол бросай, — подсказала ему Кико.

Что здоровяк и сделал со стопкой книг.

— Прочитаете это и приходите ко мне. Я вас проэкзаменую по школьной программе. И не затягивайте, а то потом труднее будет догонять основную программу, — посоветовала нара Одонт, пожелала нам доброй ночи и ушла, поманив за собой одноглазого носильщика.

Книг оказалось не пара, а около десяти, и все они были в два пальца толщиной, но я сейчас думала не об этом.

— Кто это был? — спросила я шепотом у Кико.

— Она же сказала, куратор по учебной части, — пожала плечами девушка. — Или ты имеешь в виду, какой она расы? Так там все запутано, она из последних поколений энтов. Как видишь, со временем им надоело стоять истуканами в лесах, и лесные духи потянулись в города, постепенно очеловечиваясь. Эволюция не стоит на месте.

— А тот, с одним глазом? — все тем же шепотом спросила я.

— А, это циклоп. Этим тугодумам никакая эволюция нипочем. Ни мозгов, ни второго глаза отрастить так и не смогли, — возвращаясь к изучению выделенной мне Ларминаей одежды, пробурчала Кико.

Я взглянула на валяющиеся на полу книги и поняла, что в ближайшие две-три недели у меня не то что на болото сходить — поспать и поесть времени не будет. Обреченно вздохнула и, опустившись на колени, принялась собирать учебники.

— Да брось ты их! — посоветовала Кико. — Иди лучше сюда, будем тебя переодевать.

— Я никуда не иду, мне читать нужно, — грустно ответила я, складывая книги в стопку.

— Ты что, и правда собралась все это прочитать? — искренне удивилась соседка.

— Конечно. Ты же слышала, что сказала куратор. Если я не выучу все, что нужно, то не пройду аттестацию и не смогу здесь учиться, — проговорила я, складывая книги на стол.

Прочитав названия первых двух учебников, я поняла, что будут проблемы не только со скоростью, но и с содержанием. Половина слов мне были или вообще не знакомы или я их уже где-то слышала, но не знала значение.

— Так, даю тебе час на учебу, а потом — на свежий воздух,

чтобы не перегружать память, — заявила кикимора.

Я ничего ей не ответила, читая заголовки остальных книг.

Быстро разложив вещи по полкам, взяла один из учебников и, забравшись на кровать, открыла первую страницу.

Спустя пять минут Кико подкралась ко мне и выдернула книгу из рук.

— Так я и знала! — воскликнула девушка. — Сколько можно сверлить взглядом одну страницу? Признавайся, ты просто не хочешь идти со мной за лягушками!

— Ну что ты? Я правда читала, — постаралась я убедить девушку. — Верни, пожалуйста, учебник.

— Пять минут читала состоящее из нескольких абзацев введение к «Основам хронологии»? — усмехнулась Кико. — А-а-а, я поняла! Тебе понравился кто-то из студентов, и ты размечталась, уткнувшись в книжку! Со мной тоже так бывает. Рассказывай, в кого влюбилась?

— Да ни в кого я не влюблялась! Честно. Я правда читала… просто очень медленно, — под конец фразы мой голос дрогнул, и признание я едва слышно прошептала.

Кико задумалась на минуту, посмотрела на меня с подозрением и подвела итог.

— Значит, ты не против прогулки на болото. И не витаешь в облаках из-за какого-нибудь наро, — проговорила она, бросая книгу на кровать.

— Все верно. Я просто плохо умею читать. В услужении у господина Прожирани было не до учебы, — проговорила я, отворачиваясь. Мне было очень стыдно, но ведь не я виновата в том, что поначалу у мамы не было времени учить меня, а потом и я сама с раннего утра до заката была загружена работой по дому.

— Вставай! — приказала Кико.

От такого тона я тут же вскочила с кровати, опомнилась, что уже не невольница, а кикимора не моя госпожа, и села обратно.

— Вставай, говорю, — повторила Кико, только на этот раз говорила она гораздо мягче. — Отведу тебя к одному моему интересному знакомому. Думаю, он сможет тебе помочь.

— И чем же он мне поможет? — спросила я, не веря в то, что тут можно помочь чем-то, кроме долгой и усердной практики.

— Этот прохвост точно что-нибудь придумает, — пообещала соседка.

— Я лучше почитаю, — ответила я, снова взяв книгу и спрятавшись за ней.

Кико снова отобрала у меня учебник и, спрятав его за спину, сверлила меня взглядом до тех пор, пока я не сдалась.

— Ну хорошо, веди меня к своему другу, — произнесла я,

неохотно вставая.

— Так-то лучше! — довольно проговорила кикимора.

В коридоре царил полный беспорядок. Кто-то разбросал аккуратно сложенный мною у двери мусор, и студентки возмущенно обсуждали творящееся вокруг зловонное безобразие.

— Твоих рук дело? — напустилась стройная блондинка с заостренными кончиками ушей на Кико. — Конечно! Кто же еще мог сотворить такое кощунство, как не болотная нечисть.

— Ты имеешь что-то против болотных? — угрожающе сдвинув точеные буро-зеленые брови, вопросила у нее другая студентка.

К блондинке присоединились две столь же красивые и высокомерные подруги, а рядом с нами встала коренастая смуглая нари. Отверстия под ее скулами раскрывались и закрывались в такт шумному от возбуждения дыханию. Я мало знала о магических меньшинствах, но понять, что это жабры, было не сложно.

— Все сюда! Эльфы с болотными схлестнулись! — неожиданно громко прокричал худенький юркий парень, ловко взобравшись на одну из открытых дверей и обозревая коридор сверху. — Принимаю ставки, один к двум! Эльфийки славятся своей гибкостью и слаженностью, но мы все знаем, какими увлеченными в желании притопить ближнего своего могут быть болотные нари. Делаем ставки! Делаем ставки!

У меня заложило уши от невероятно громкого, расходящегося физически ощутимыми волнами голоса студента, но его старания не были напрасными — вокруг нас быстро образовалось свободное пространство, а пути к отступлению были отрезаны мгновенно набежавшими нари и наро.

Со всех сторон послышались выкрики, студенты торопились сделать ставки.

— Помедленнее, я записываю, — выкрикнул проворный парень, действительно строча что-то карандашом в маленькой записной книжечке.

То, что предлагали азартные учащиеся, поставило меня в тупик. «Дежурство по территории», «Зачет у профессора Крантса», «Лекции по дальним хроноброскам, третий курс» — вот что выкрикивали студенты. Было еще много абсурдных предложений (кто-то даже предложил в качестве ставки выкрасть из кабинета ректора ответы на какой-то зачет), но все воспринимали их как должное.

Я попыталась вернуться в комнату, попятившись к двери, но меня грубо толкнули обратно.

— Куда собралась? Я на вас поставила, — прошипела бледная

черноволосая нари в черном же кожаном комбинезоне. Я не уверена, но, кажется, в ее волосах поблескивали серебром маленькие рожки.

— Но я же не… — попыталась я объяснить окружающим, что понятия не имею, что происходит и какое я имею к этому отношение.

— Поздно, Юна. Ты с самого начала стояла рядом со мной, так что если сбежишь — нам засчитают поражение, — тихо проговорила Кико. — А болотные никогда не сдаются и не проигрывают! — выкрикнула она гораздо громче.

Толпа шумно поддержала ее дружными возгласами.

— Бей ушастых! — прозвучал боевой клич из уст коренастой девушки с жабрами, и начался настоящий кошмар.

В руках у блондинок одновременно появились матовые стеклянные шары на резных ручках. Они направили эти шары на нас и начали что-то шептать, но студентка с жабрами подалась вперед и выпустила изо рта длинный, как у лягушки, язык, которым и выбила оружие из руки одной из ушастых. Шар упал на пол, но не разбился. Он начал быстро вращаться по кругу, словно его рукоять прилипла к полу, и разбрызгивать снопы искр. Стоящая рядом со мной девушка с темно-зелеными бровями запрокинула голову и резко выдохнула, но из ее рта вылетел не воздух, а туча самого настоящего болотного гнуса. Хозяйка смертоносного роя зашипела, указывая пальцем на противниц, и способный закусать до смерти гнус ринулся на блондинок. Я с ужасом наблюдала, как насекомые приближаются к студенткам, и не верила в происходящее. Однако девушки не дрогнули, они направили стеклянные шары на рой и синхронно выкрикнули: «Паэлло». Из шаров вырвалось белое пламя, и коридор заполнился едкой вонью мгновенно сгоревших насекомых.

— Ну все, ушастые, теперь вам точно не жить, — прошипела хозяйка сгинувшего роя и вновь открыла рот.

Но выпустить новую армию насекомых она не успела, Кико раскинула руки в стороны, и весь коридор заволокло тяжелым желтым туманом. Пол начал мелко подрагивать, в нос ударил запах болотного газа… и все резко прекратилось. Туман рассеялся, и я увидела стоящую между нами и ушастыми ректора Ишаро. Как ни пыталась, я не могла ни пошевелиться, ни сказать хоть слово. Время словно остановилось, и все вокруг стали похожи на статуи.

— И новенькая уже в центре событий. Ну, Марино, удружил! — досадливо проговорила нара ректор. — Далиус, всех записать и список мне на стол. Тех, кто пользовался родовой магией, пометить галочкой. Закрытый режим до пяти часов утра,

чтобы ни одного студента вне комнаты не было! И приберись тут, развели бедлам.

Нара Ишаро смерила меня разгневанным взглядом и уже собралась уйти, но вдруг резко развернулась, приблизилась ко мне вплотную и заглянула в глаза. Я пристыженно отвела взгляд в сторону.

— Святые хроники! — воскликнула ректор. — Она вне времени!

— Невозможно, — загробным голосом произнес дух-хранитель.

— Смени тон, меня твои голосовые эффекты раздражают, — передернув плечами, приказала нара Ишаро. — И не брюзжи, сама знаю, что невозможно. Где это видано, чтобы какая-то пигалица необученная — и мою временную паузу так легко обошла. Не до конца, конечно, но все же. Залипла, как муха, но все видит и слышит. Жизненные процессы, судя по сердцебиению, в норме. Ох, и намучаемся мы с ней. Завтра же отправлю запрос на аудиенцию у нарая Амниоса Хроно. Будет как раз повод увеличения дотаций попросить. — Ректор подалась вперед и язвительно выдохнула прямо мне в лицо: — Пусть папочка позаботится о благополучии и комфорте очередного нажитого в неведомых далях чада. Не всё же мне с вами возиться.

Мне было страшно и очень неудобно стоять без движения, но после слов нары Ишаро вокруг меня словно мыльный пузырь лопнул, и я повалилась на пол. Все вокруг тоже отмерли и тут же вновь застыли, только уже от настигшего их осознания, что теперь в центре событий ректор и наказание за участие в недозволенном мероприятии неминуемо.

Нара Ишаро подошла к сидящему на двери предприимчивому парню и попросила его обманчиво ласковым голосом:

— Мартон, мальчик мой, будь добр, объяви, пожалуйста, ничью и отдай мне свои букмекерские записи.

По тому, как голос ректора сорвался на шипение, легко можно было понять, что ей лучше не перечить. Коридор опустел буквально за несколько мгновений. Кико помогла мне подняться с пола и быстро увела в нашу комнату.

— Ты чего там разлеглась? — спросила она шепотом, несмотря на то, что мы уже были в комнате и заперли дверь. — Я тоже испугалась, когда Ишаро неожиданно перед носом появилась, но она у нас не настолько сногсшибательна, чтобы падать к ее ногам.

— Неожиданно? — переспросила я.

— Ну да, как поганка из-под кочки после разлива выскочила. Я только собралась устроить эльфийкам небольшую экскурсию по

болотам Загорья, а она мне весь настрой сбила, — обиженно проговорила соседка.

— Но она же… — попыталась объяснить я кикиморе, что произошло в действительности, но девушка меня перебила.

— Ненавижу, когда она так делает! Всех уже этими своими появлениями довела. Она же здесь главная, вот что хочет, то и творит, — возмущенно проговорила Кико. — А теперь еще и воспитательной беседы не избежать. Но получать выговор — так за дело! Сейчас наверняка объявят комендантский час, и пусть. Мы все равно пойдем к Дарну.

В подтверждение ее слов по всей академии разнесся замогильный голос духа-хранителя:

«Всем разойтись по комнатам. Объявляется закрытый режим. Пребывание в коридорах и других нежилых помещениях академии запрещено до пяти часов утра. Нарушители будут строго наказаны».

— Не дождешься, халдей змеиный, — прошептала Кико, глядя на потолок и потрясая кулаком в воздухе. — Переодевайся во что-нибудь поудобнее, мы уходим.

— Нет, я не выйду в коридор, — отрицательно покачала я головой, не желая навлекать на себя еще больший гнев ректора.

— А я тебя об этом и не прошу, — коварно улыбнулась кикимора. — Нам запретили выходить из комнат. Мы — девушки, следовательно, к нашей спальне у духа доступа нет. И значит, если мы не выйдем из этой двери, то останемся в комнате. Верно?

— Верно, — согласно кивнула я.

— А вот и нет! У нас еще есть окно! — радостно объявила Кико, указывая на то самое окно, о котором шла речь. — Так что надевай штаны и вперед, за знаниями… и за лягушками. До пяти утра как раз успеем.

Сначала я хотела категорически отказаться, но взгляд упал на высокую стопку книг, лежащих на столе. Я все это при всем желании быстрее чем за два месяца точно не прочту. А уж о том, чтобы понять прочитанное, и мечтать не приходилось. Я обреченно вздохнула и пошла переодеваться в выбранную соседкой одежду.

В брюках и простой серой рубахе я чувствовала себя словно голой. Нестерпимо хотелось надеть юбку или платье. Придется привыкать к новым традициям. Где-то в глубинах отрывочных воспоминаний из детства скрывались картинки того, как я — пятилетняя девочка — болтаю голыми ножками, качаясь на качелях. И тогда меня совершенно не смущали коротенькие шорты. Но ведь тогда я не была восемнадцатилетней девицей с грузом опыта невольницы и воспитанием в традициях

консервативной Родинарии за плечами.

— Какие у тебя ноги длинные, — завистливо протянула соседка. — Не то что мои кикиморьи лапки.

Я отвернулась и выправила рубаху из брюк. Она, конечно, не скрывала всего того, что должно было быть скрытым юбкой, но хотя бы талию не обтягивала.

— Так, слушай внимательно. Я сейчас отправлю весточку Дарну, потом сплету травяной канат, и мы по нему доберемся до комнат аспирантов, — рассказала о своем плане кикимора.

— Но я не умею лазить по канатам! — возразила я, не желая разбиться, упав с высоты четвертого этажа.

— Научишься, — отмахнулась Кико.

После чего она быстро написала что-то на обрывке тетрадного листа, подхватила совершенно не сопротивляющуюся цаплю, погладила ее по спине, прошептала: «Цаплик, выручай» и, всунув записку птице в клюв, вытолкнула ее из окна.

Потом девушка начала метаться по комнате, словно что-то потеряла.

— Ну вот зачем ты столько полезных вещей выкинула? — возмущалась она, заглядывая под стол и кровати. — Придется Пушистика общипывать.

Пушистиком оказался повядший куст осоки. Из него кикимора выдернула несколько сухих стеблей и уселась прямо на пол, шепча что-то в ладони, в которых зажала былинки. Травинки были тонкими и ломкими, но когда Кико начала их переплетать, из-под ее пальцев выходил самый настоящий, толстый, прочный канат.

— Удивительно, — прошептала я.

— А то! — гордо ответила кикимора. — Это мне от папочки вместе с именем родовая магия досталась. Мама-то у меня уже давно от корней отошла, она здесь, в пригороде, грязелечебницу держит, а отец из древних. Приезжал в Амнистанию по государственным делам и заехал опробовать местные знаменитые грязи. Да так опробовал, что на две недели пропал, а потом я появилась. Теперь он каждый год к нам наведывается, здоровье в чудодейственных грязях поправляет.

За рассказом о родителях Кико успела доплести канат. Ловко затянув на его концах прочные узлы, чтобы не расплелся, девушка принялась привязывать один конец к ножке кровати, а другой потом сбросила с подоконника.

— Теперь остается только ждать, пока Дарн подтянет другой конец и закрепит его со своей стороны, — проговорила девушка, деловито отряхивая руки.

Я выглянула в окно и увидела, как канат медленно

поднимается вверх, словно его кто-то подтягивает на невидимой паутине.

— Нам что, нужно подниматься, а не спускаться? — спросила я, с ужасом осознав, что теперь-то уж я точно разобьюсь.

— Всего один этаж, — небрежно пожала плечами соседка, словно она каждый день поднималась по канату на самую высокую башню города. — Да ты не переживай, Дарн подстрахует.

Кикимора подергала канат, убедившись, что он надежно укреплен, и поманила меня рукой.

— Нет, я не могу, — отрицательно покачала я головой, пятясь подальше от окна.

Такого опасного приключения в моей размеренной невольничьей жизни еще не было. К восемнадцати годам я могла похвастаться тем, что никогда не получала никаких серьезных травм. Ожоги от горячей воды и отдавленные тяжелыми ведрами ноги я в расчет не брала. Сейчас же у меня были все шансы переломать половину, если не все кости.

— Ты хочешь остаться в академии? Или мечтаешь отправиться в школу, где будешь сидеть рядом с сопливыми детишками и учиться читать? — строго вопросила Кико. — И в следующий раз тебе может достаться в соседки высокомерная эльфийка. А к концу обучения ты будешь старше аспирантов.

Ни один из доводов соседки не страшил меня. Вперед толкнул страх, что меня могут просто выгнать из академии, оставив совершенно одну на улице. Вряд ли маме разрешат привести в гимназию дочь. А я никогда не прощу себе, если мама откажется от шанса получить хорошую работу и достойную жизнь из-за того, что дочь оказалась слишком глупой.

— Ухватись за канат покрепче, переступай ногами по стене и подтягивайся на руках, — подсказала девушка, помогая мне взобраться на подоконник.

Выглянув, я посмотрела вверх и увидела свесившегося из окна этажом выше коротко стриженного мужчину.

— Поторопитесь, — произнес он громким шепотом. — Если поймают, не ждите, что буду прикрывать.

Вниз я решила вообще не смотреть, иначе просто не смогу сделать то, на что с таким трудом решилась. Первые попытки подтянуться на канате дались довольно легко, ведь снизу меня подталкивала Кико. Дарн по пояс высунулся из окна и протягивал руку, до которой мне оставалось не больше ладони. Решив сделать рывок и схватиться за руку мужчины, я отпустила одну руку, а в следующее мгновение канат заскользил, и я полетела вниз. Изо всех сил зажмурившись, я взмолилась, чтобы смерть

была быстрой и безболезненной.

Шли мгновения, но ничего не происходило. Неужели я умерла и даже не заметила этого? Я открыла глаза и поняла, что вишу в воздухе на расстоянии вытянутой руки от земли. Похоже, ректор Ишаро застала нас на попытке побега как раз в тот момент, когда я начала падать, и остановила время, чтобы спасти меня. Но почему же тогда я могу шевелиться? Я осторожно повернулась лицом к земле — воздух пружинил, словно я лежала на хорошо взбитой перине, — потрогала влажную прохладную траву и медленно опустилась на нее. Мир резко наполнился звуками.

— Юна, Юна! Ты жива?! — громко кричала Кико. Дарн на нее шикал и одновременно спускался по канату, нижний конец которого Кико выбросила из окна нашей комнаты.

Я же лежала на мягкой траве и не могла поверить в то, что осталась жива. Канат не доставал до земли, но Дарн спрыгнул, подбежал ко мне и, присев на корточки, протянул руку к моей шее.

— Со мной все в порядке. Просто испугалась, — проговорила я охрипшим голосом.

— Не шевелись. У тебя шок, — строго проговорил мужчина. — Бесшабашная Колоро постоянно втягивает наивных новичков в неприятности.

— Со мной правда все в порядке, — произнесла, садясь. — Только как же мы теперь поднимемся?

— Больше ты по канату точно не полезешь, — зачем-то ощупывая мои руки и спину, проговорил мужчина.

— Что вы делаете? Прекратите немедленно, — прошептала я, краснея и отодвигаясь.

— Успокойся, я всего лишь проверяю — целы ли кости. Тем более что у тебя, кроме как на кости, и взглянуть-то не на что. Откуда только такая худая взялась, — усмехнулся Дарн. — Вставай, — произнес он, выпрямившись и подав мне руку.

— Ну что там? — опять закричала на всю академию Кико.

— Стой здесь, я сейчас поднимусь, надвяжу веревку и сделаю на конце петлю. А потом подниму тебя, — произнес мужчина и быстро убежал за угол замка. Я подошла к стене и прижалась к ней спиной, чтобы не привлекать внимания. Ведь кто-нибудь из студентов может выглянуть в окно и увидеть в сгущающихся сумерках стоящую на лужайке фигуру.

Ожидая помощи, я стояла в тени нависающего надо мной сказочного замка и пыталась понять — что же все-таки случилось? Благодаря какому чуду я осталась жива? Вряд ли это заслуга ректора: она не создавала впечатление человека, который

сделает что-то подобное и молча удалится. Нара Ишаро как минимум предупредила бы о грозящем за нарушение режима наказании, чтобы я не спала всю ночь, мучаясь в ожидании расплаты. Так кто же тогда меня спас?

Задумавшись, я испугалась, когда прямо передо мной появилась сброшенная Дарном из окна веревка. Ее конец был завязан петлей, которую я накинула на себя, зажав канат подмышками. Казалось, подъем никогда не закончится. Веревка болезненно врезалась в кожу, а руки норовили подняться, но я терпела, зная, что тогда выскользну из петли — и в этот раз уже непременно разобьюсь.

Кико взобралась по канату раньше, пока нар Дарн возвращался в свою комнату, и теперь нетерпеливо металась по небольшому рабочему кабинету. Когда мужчина втягивал меня на подоконник, соседка усердно пыталась помочь, но только мешала.

Но, несмотря на это, нар втянул меня, и наконец-то мы все втроем стояли на твердом полу. Кико бросилась обнимать меня и причитать о том, как сильно она испугалась, а Дарн завалил вопросами.

— Ты оборотень? — спросил он.

— Нет, — отрицательно покачала головой.

— Метаморф?

— Нет.

— Дракон? Вампир? Полубог? — продолжил допрос мужчина.

— Нет, — опровергла я все его предположения.

— Так кто же ты тогда?! — воскликнул Дарн.

— Человек, — пожала я плечами. — По крайней мере, была им всю свою жизнь.

— Не лги мне. Колоро, кого ты ко мне привела? — возмутился нар.

— Фактически я ее не приводила. Ты сам втащил ее через окно, — усмехнулась Кико. — И я тоже не знаю, кто она. Да Юна и сама не знает. Она всю жизнь была невольницей в Родинарии. И только вчера приехала в Амнистанию. А знаешь, кто ее привез?

— И кто же? — недовольно спросил Дарн.

— Сам нар Марино, главный вербовщик, — гордо ответила кикимора.

— И знаменитый торговец. Возможно, он просто не удержался от выгодного предложения, — усмехнулся Дарн. — Сколько за тебя заплатили? — обратился он ко мне.

— Нас с мамой выменяли за льготы по торговым пошлинам для приграничного города Антирона, — честно ответила я.

— Мда, это выгодной сделкой не назовешь, — задумчиво

произнес мужчина.

— Моя мама хороший счетовод, — посчитала нужным рассказать я.

— Образованная невольница, да к тому же еще и женщина. В Родинарии это невозможно! — заявил нар.

— Мы жили в Родинарии только последние двенадцать лет, — призналась я.

— А до этого? — оживился Дарн.

— В другом… месте, — ответила с заминкой.

— Оставь девушку в покое, — вступилась за меня соседка. — Мы пришли к тебе за помощью, а не на допрос.

— И что же тебе опять нужно? — недовольно спросил мужчина. — Я, конечно, обещал твоему отцу, что буду помогать. Но тебе не кажется, что ты этим злоупотребляешь?

— На этот раз помощь нужна не мне, а Юне, — не скрывая гордости, ответила Кико.

— Ты никогда ни за кого не просила. Так что же изменилось теперь? — усмехнулся мужчина.

— Она моя соседка! — воскликнула кикимора.

— Да ты четверых за два года обучения выжила, — произнес нар.

— А эта мне нравится, — заявила Кико.

— Тем, что помалкивает и во всем тебе потакает? — язвительно поинтересовался Дарн.

— Она хорошая. Даже не возмущалась, что у меня немного не прибрано. Просто навела порядок — и все. И цаплик ее принял, — рассказала кикимора. — Будем теперь жить в чистоте.

— И чем же я могу помочь? — спросил у меня мужчина.

— Она читать не умеет, а ей аттестацию назначили, — вместо меня ответила соседка.

— Я умею читать… только очень медленно, — вставила я, стыдливо опустив глаза.

— В этом нет ничего постыдного. Ты жила в рабстве, в отличие от некоторых местных деток знати, — заверил меня нар Дарн. — Я могу помочь тебе, но эффект будет временным, и потом тебе все равно придется усердно заниматься, чтобы подтянуть чтение и правописание. Понятно?

Я лишь кивнула, сгорая от стыда. Будучи невольницей, я твердо знала, что образование мне никогда не понадобится. Господин Прожирани привязал нас к себе заклинанием, за которое заплатил городскому магу большую, по его словам, сумму. Мы не могли сбежать. Только сам господин мог освободить нас по собственной воле. Но он не собирался отказываться от невольников, к которым уже привык.

Теперь же я чувствовала себя рыбой, выброшенной из воды. Меня не учили ни дышать, ни ходить.

— В общем, помоги Юне прочитать и понять программу детской школы, чтобы она прошла аттестацию, а потом я ее подтяну, — подвела итог Кико.

— Есть у меня одна интересная микстурка, но она действует только трое суток. И принимать ее можно только раз в год. Чаще опасно, — задумчиво проговорил Дарн. — И думаю, вы понимаете, что это должно остаться межу нами. Иначе меня уволят, и останешься ты, Колоро, без покровительства в преподавательских кругах.

— Ты пока и не преподаватель, а только аспирант, — капризно заявила кикимора.

— Тебя что-то не устраивает? — осведомился нар Дарн.

— Нет-нет. Все замечательно. Давай свою микстуру, — заверила его Кико.

— Но я не успокоюсь, пока не выясню — кто ты, — проговорил мужчина, вручая мне маленький стаканчик, в который налил, отсчитывая капли, всего глоток черной тягучей жидкости.

— Когда выясните, скажите мне, пожалуйста, — попросила я его.

Микстура оказалась очень горькой на вкус.

— Запивать нельзя, — развел руками Дарн. — Позже горечь станет не такой явной, но полностью пройдет, только когда прекратится действие зелья.

— Почему сразу не сказал? — возмутилась соседка.

— Ничего, я потерплю, — проговорила я с трудом. — Спасибо, нар Дарн.

— Не за что, — улыбнулся мужчина. — А теперь марш в свою комнату! И не вздумайте нарушать запрет!

— Нет, нам еще на болото за лягушками надо сходить, — проговорила Кико.

— Ты смерти моей хочешь, несносная кикимора? — воскликнул Дарн.

— От кикимора слышу, — заявила девушка.

— Я не кикимор, а доминирующий болотный выходец, — гордо ответил мужчина.

— Так я и сказала — кикимор, — рассмеялась Кико. После чего подбежала к окну, натянула на ладони рукава свободной блузы, схватилась за веревку и выпрыгнула.

— Тебя спустить или сама сможешь? — вздохнув, спросил нар Дарн.

— Не смогу, — покачала я головой.

* * *

Как только я оказалась на земле, Дарн быстро поднял веревку и закрыл окно. Где-то совсем рядом послышался тихий, похожий на карканье клекот.

— Цаплик, ко мне, — шепотом позвала кикимора.

В ночной темноте я не сразу увидела степенно приближающуюся длинноногую птицу.

— Ну что, идем на охоту? — воодушевленно спросила Кико у птицы.

— Идем, — ответила я за нас обоих.

В действительности мне не терпелось проверить — подействовала ли микстура, но соседка помогла мне, и было бы несправедливо отказаться сопровождать ее в походе за кормом для питомца.

— Здесь недалеко. Ближайшее болото в пяти минутах ходьбы, это во владениях одного богатого болотника. Охрана там жуткая, но я постоянно туда за лягушками для цаплика хожу, — рассказывала кикимора, ведя меня по академическому саду.

— А как его зовут? — спросила, глядя на вышагивающую рядом с хозяйкой цаплю.

— Болотника — нар Пырченд Пузырно. Мерзкий старикашка, — передернула плечами Кико.

— Я имела в виду твою цаплю, — пояснила девушке.

— Так и зовут — Цаплик. По-моему, нормальное имя, — проговорила соседка. — Ты лучше расскажи, что произошло, когда ты упала.

— Я не знаю, что произошло, — призналась я, ежась от воспоминаний и горечи во рту. — Просто мир вокруг вдруг замер, и я спокойно спустилась на землю.

— Ну что тут скажешь. Либо ты сама себя спасла — не зря же тебя в академию Хроноса направили, либо это сделал кто-то другой. Надеюсь, что это твои способности проявились. Иначе тот, кто спас тебя, потребует расплаты. У нас никто просто так ничего не делает. Ты держись со мной — не пропадешь, — Кико говорила и говорила, а я только молча шла рядом с ней и вздрагивала при каждом шорохе.

— Сейчас мы переберемся через забор — и можно будет не опасаться вахтенных, — произнесла кикимора, когда мы подошли к высокой, оплетенной плющом решетчатой изгороди.

— И как же мы это сделаем? — спросила я, глядя на забор высотой в два человеческих роста.

— Природа нам поможет, — усмехнулась Кико. — Вот, смотри.

Кикимора начала ловко карабкаться по плющу, который непременно должен был рваться, но удерживал вес девушки.

— Давай же, не бойся, — проговорила она, оглядываясь.

Мне пришлось положиться на знания соседки и последовать за ней.

Подъем на забор дался легко, спускаться же по другую сторону оказалось тяжелее. Но рядом появилась рука соседки, на которую я оперлась, — и благодаря ей не упала.

Когда же, оказавшись на земле, я увидела девушку стоящей в стороне, а рука помощи все еще была зажата в моей ладони, сердце замерло на мгновение, перед тем как зайтись в быстром ритме.

Медленно повернулась — и сердце в очередной раз замерло. Передо мной стоял тот самый зеленоглазый наро из красной зоны.

Он улыбнулся, отчего в свете луны блеснули белые зубы с выдающимися вперед клыками, и потянул мою руку к губам.

«Он сейчас укусит меня!» — мелькнула паническая мысль, но отдернуть руку я не успела.

Молодой человек поцеловал тыльную сторону моей ладони, но вопреки ожиданиям не отпустил дрожащую руку.

— И куда же собралась, моя будущая пара? — поинтересовался наро, продолжая улыбаться.

Я попыталась выдернуть ладонь из его руки, но молодой человек не желал ее выпускать.

— Отпусти ее, Громиро! — вступилась за меня соседка.

— Не влезай в это, Кико, — посоветовал ей Громиро.

— Постой в сторонке, пиявка безродная, — насмехаясь, проговорил один из друзей моего преследователя, вышедший из тени забора.

— Орнови, закрой рот! — прикрикнул на него Громиро. — Не обращайте внимания на моего невоспитанного друга.

— Скажи мне, кто твой друг… — с намеком произнесла Кико.

— Друзей не выбирают, их принимают такими, какие они есть, — усмехнулся наро, продолжая держать меня за руку. — Разве ваша дружба не подтверждает это?

— Оставьте нас в покое, — потребовала Кико, — нам нужно идти.

Я резко дернула рукой и высвободила ее из захвата.

— И куда же вы направляетесь? Мы вообще-то несем вахту по академии и могли бы арестовать вас, — усмехнулся наро.

— Моему цаплику нужны лягушки, — неохотно пояснила

кикимора.

— Питомцы вообще запрещены на территории академии. Исключение составляют только фамильяры для ведьм и магов природы. А ты, может, и ведьма, но не по призванию, а по натуре, — посмеиваясь, проговорил худощавый светловолосый парень, вышедший из-за спины Громиро.

— Альфи, и ты здесь, — недовольно пропыхтела Кико.

— Соскучилась? — язвительно поинтересовался светловолосый наро.

— Ненавижу, — прошипела соседка.

Со всех сторон пополз зловонный болотный туман.

— Ты и подругу хочешь болотным газом отравить? — поинтересовался Громиро. — Успокойся. И, Альфи, помирись уже со своей девушкой, пока она нас всех здесь не уложила до утра. А мы с… Как вас зовут, таинственная нари? — спросил он у меня.

— Юнила, — затравленно ответила я.

— А мы с Юнилой пойдем вперед. Догоните, когда разберетесь, — вкрадчиво произнес наро Громиро. — Кстати, можешь называть меня Рэн. Сокращенно от Рэндом.

— Юна, — ответила я, пряча руки за спину.

— И куда ты собрался вести мою подругу? — воинственно поинтересовалась соседка.

— На болота Пузырно, ведь вы собрались именно туда? — спросил Рэндом.

— Ничего не бойся и кричи, если что, — дала мне два противоположных совета Кико.

Бояться я начала сразу же после ее слов, да так, что горло сдавило спазмом, и закричать я не смогла бы, наверное, даже если бы наро попытался меня загрызть. Насколько я поняла по его внешности и поведению вожака в компании, Рэндом Громиро был оборотнем, и идти рядом с ним по незнакомой ночной улице казалось занятием чуть ли не более опасным, чем падение с высоты четвертого этажа. Но и вернуться я не могла, не желая мешать Кико общаться с ее молодым человеком.

— Откуда ты? Кто твои родители? Расскажи что-нибудь о себе, — попросил Рэн.

— Я из Родинарии. Моя мама учится в гимназии Мгновений, а отца я не помню, он ушел, когда я была еще совсем маленькой, — отчиталась я, не допуская даже мысли возразить оборотню, о которых я знала лишь то, что они способны превращаться в агрессивных хищных зверей.

Мы шли вдоль глухих заборов и живых изгородей, нар расспрашивал меня о каких-то незначительных вещах. Например, какой мне нравится цвет или запах. Что я предпочитаю в еде и

какую люблю погоду.

Вопросов было очень много, и я отвечала на них, не задумываясь, периодически оглядываясь в надежде увидеть в лунном свете низенькую юркую фигурку своей соседки. Но нас не спешили догонять. Когда же Рэн остановился и прошептал: «Пришли», я совершенно растерялась, не зная, что делать — бежать обратно за Кико или лезть через забор и начинать ловить лягушек.

— Ну где же она? — спросила я шепотом, вглядываясь в пустую улицу.

— Опять, наверное, над Альфредом издевается. Сейчас доведет его до начальной стадии обращения и начнет успокаивать. И будет потом бедолага несколько дней с рыжей щетиной ходить и руки за спину прятать, чтобы людей когтями не пугать, — проговорил, посмеиваясь, Рэн.

— А такое уже было? — спросила я, оборачиваясь и всматриваясь в скрытое ночной темнотой лицо спутника.

— И не раз. Вы, девушки, любите играть на нашем темпераменте, — прошептал он, сделав шаг ко мне и оказавшись совсем рядом. — Как же ты пахнешь. Я почти теряю контроль от твоего запаха.

Я попыталась отступить, но Громиро обнял меня за талию и не позволил отойти.

— Не бойся, не обижу, — произнес он совсем тихо.

Я уперлась руками в его грудь и старалась оттолкнуть, но наши силы были неравны. Когда же наро начал склоняться к моему лицу, я не смогла ни закричать, ни даже прошептать в знак протеста, окаменев от страха.

Но стоило ему прикоснуться горячими, словно у страдающего жаром больного, губами к моим, как во мне всколыхнулась такая волна протеста, что хватило сил и на то, чтобы оттолкнуть его, и на звонкую, наверняка болезненную пощечину. По крайней мере, моей руке было больно.

Даже господин Прожирани никогда не позволял себе такого, только обещая посвятить меня в таинства страсти, когда он излечится. Так с чего же этот совершенно посторонний оборотень решил, что ему позволены подобные вольности в мой адрес?!

Рэндом же совершенно не обратил внимания ни на пощечину, ни на мой гневный взгляд. Он остервенело вытирал губы и отплевывался, словно вдруг обнаружил, что поцеловал не девушку, а жуткого монстра.

— Да что же это такое? Что ты сделала? Ты что, ведьма? — вопрошал он в промежутках между брезгливыми плевками.

— Нет, она ядовитая родственница ректора Ишаро, и теперь

ты умрешь в страшных муках за то, что полез к девушке без разрешения, — полушепотом, с подвыванием для большего эффекта проговорила появившаяся как из-под земли Кико.

— Сумасшедшие, — прошипел Громиро. — Где Альфи?

— Там твой Альфи, возле забора. Практикуется в маскировке на болотистой местности, — проворчала кикимора, приобнимая меня и поглаживая по спине.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — пообещал мне Рэн. — Когда твоей экспрессивной подруги рядом не будет.

После чего наро Громиро коротко кивнул в знак прощания и быстро удалился, выкрикнув, уже отойдя на приличное расстояние: «Оставлю Орнови у забора, чтобы помог перебраться. И поторопитесь, мы через два часа сменимся».

— Что ты сделала с Альфредом? — спросила я шепотом у соседки, когда Рэн скрылся в темноте.

— Показала, где ему место после того, что он сделал, — недовольно произнесла Кико. — Надела на него огромную болотную кочку. Когда я уходила, бедолага отплевывался от грязи и корней и даже встать пытался.

— А что он сделал? — спросила я, понимая, что это неприлично, но обычно несвойственное мне любопытство в этот раз взяло верх.

— Изменил, — пожала плечами кикимора. — Да все они одинаковые. Забудь, — отмахнулась она. — Давай лучше лягушек ловить, а то неизвестно еще, кто этих сменит. Есть в нашей академии и похуже экземпляры. Тем более на последнем курсе.

Мы перебрались через живую изгородь и оказались на самом настоящем болоте, с кочками, заводями, поющими ночные песни лягушками и слегка светящимся в лунном свете туманом.

— Красота-а-а, — блаженно протянула Кико.

— А зачем ты сказала Рэндому, что я родственница ректора? Это же неправда, — не ко времени вспомнила я.

— Ну не объяснять же ему, что тебя угостил запрещенным зельем один из аспирантов, — усмехнулась кикимора.

— Запрещенным? — воскликнула я и прикрыла рот рукой, спохватившись. Лягушки смолкли на мгновение, но тут же вновь начали горланить свои незатейливые песни.

— Конечно! А ты думала, что такой подарок — и без последствий? Да если бы от этой микстуры вреда не было, мы бы все и не учили ничего. Выпил глоточек, с книжкой в обнимку посидел и все — образование получил, — проговорила Кико, доставая из кармана брюк матерчатый мешок на тесемках. — Проблема в том, что к этому зелью наступает привыкание, и потом ты без него уже не сможешь ничему научиться и ничего

запомнить. Но мы-то не собираемся злоупотреблять, так что нас эти проблемы не касаются. Давай лягушек собирать.

И кикимора громко протяжно квакнула, а потом еще раз и еще. Через пару минут она своим пением созвала целую стаю лягушек.

— Ну а теперь поспите немного, — прошептала Кико и тихо подула на них.

На болоте воцарилась полная тишина. Только где-то вдалеке слышалось бульканье вырывающегося из-под воды болотного газа.

Мы взялись за края мешка, присели и принялись скидывать в него вялых лягушек.

— А ректор ядовитая? — не унималась я.

— Конечно, она же наполовину василиск, — пожала плечами кикимора.

Я предпочла больше не расспрашивать. С меня, пожалуй, хватит новых рас на сегодняшний день.

— Достаточно, — прошептала соседка, выпрямляясь. — Все равно они больше недели без пищи и воды не протянут, а цаплик дохлых не ест. Зато у нас есть повод почаще делать ночные вылазки на свободу.

— Пошли быстрее. Я хочу проверить действие микстуры, — прошептала я в ответ.

Рэндом не обманул: он действительно оставил одного из своих друзей у стены, в том самом месте, где мы и встретились.

Молчаливый после того, как Громиро одернул его за нелестное высказывание в адрес Кико, наро помог нам перебраться через стену и проводил до академии. Все так же молча кивнул, когда мы оказались под нашими окнами, и исчез за углом здания.

Кико тихонько посвистела, подзывая своего питомца, погладила его и подкинула, отправляя к окнам нара Дарна.

Дарн сбросил нам веревку, дождался, пока кикимора ловко заберется по ней в окно нашей комнаты, и поднял меня, так же как и в прошлый раз.

Кожа в районе подмышек горела огнем, надавленная и натертая канатом. И наверняка от веревки остались красные следы, которые впоследствии превратятся в синяки.

Поблагодарив нара Дарна, соседка закрыла окно, вытащила из мешка пару лягушек и отдала их своей птице, после чего затянула тесемки на мешке и бросила его на подоконник.

— Ну а теперь можно и поспать немного, — заявила она, повалившись на кровать.

— Я, пожалуй, сначала помоюсь, — произнесла я, отставив в стороны руки с растопыренными пальцами. Слизь, в которой я

испачкалась, собирая лягушек, подсохла и превратилась в клейкую, стягивающую кожу субстанцию.

— Как хочешь, — пробурчала в подушку кикимора.

* * *

Смыв с себя пыль, болотную грязь и лягушачью слизь, я почувствовала огромное облегчение. Но горечь во рту не прошла даже после пятого полоскания. Смирившись с неизбежным побочным действием, я подошла к столу и с величайшей осторожностью взяла в руки все тот же учебник по «Основам хронологии», переставила светящийся шар на подставке, заменяющий здесь свечи, на край стола, ближе к своей кровати, легла и открыла первую страницу. Прочитать я успела только первое слово «Введение». А потом книга меня буквально поглотила. Не было нужды перелистывать страницы и читать. Я видела не слова и предложения, а саму их суть. Незнакомые и непонятные ранее термины вдруг стали мне так ясны, словно я знала их с раннего детства. Спустя всего один час я уже не только знала наизусть весь текст книги, но и понимала мельчайшие детали той информации, которую он нес. И это несмотря на то, что глаза слипались от усталости и я еще не научилась в полной мере пользоваться дарованной чудодейственной микстурой способностью. Уже засыпая, я подумала, что утром попрошу Кико дать мне на время все доступные книги, чтобы успеть за оставшиеся двое с половиной суток действия зелья получить как можно больше знаний.

Однако, проснувшись, я обнаружила, что соседки нет в комнате. Быстро умылась, оделась и, решившись, подошла к двери, чтобы отправиться на поиски кикиморы. Но дверь открылась раньше, чем я успела взяться за ручку.

Кико, хмурая и непричесанная, вошла в комнату, лишь мазнув по мне взглядом, подошла к кровати и буквально упала на нее.

— У нас проблемы, — пробурчала она из-под подушки, которую положила себе на голову. — Эта змеюка Ишаро накляузничала моему папочке, и теперь он наверняка заявится сюда. А мой отец — это не душка Дарн, с ним так просто не договоришься. И в этот раз он мне не простит, что его опять отвлекают от важных дел из-за моих проделок. — Кико отбросила подушку в угол комнаты и воззрилась на меня с возмущением: — Вот объясни мне, ну что плохого в том, что я всего разок призвала родовую магию? Да я же даже воспользоваться ею не успела! А

этим ушастым блондиночкам только выговор сделали и жезлы на месяц отобрали! Моя родовая магия, видите ли, смертельно опасна для некоторых рас. Но я-то ее на эльфиек направляла, а им она почти и не вредит вовсе!

Я присела на край кровати и погладила девушку по спине.

— Ничего. Переживу и это. Ну не убьет же он меня. Мама бы ему этого не простила, а ее он любит, — немного успокоившись, прошептала соседка.

— А тебя? — спросила я, продолжая гладить ее по спине.

— Что меня? — не поняла она.

— А тебя отец разве не любит? — пояснила я, отодвигаясь, чтобы не мешать подруге сесть.

— Ты что? Он же кикимор. У нас отцы с детьми вообще не общаются. Только по амнистанским законам в подобных случаях вызывают именно отцов. Тем более что я носительница именно его родовой магии. Мама тут ничего сделать не сможет, — объяснила Кико.

— А он сможет? — мне было действительно жаль соседку, она искренне переживала, и я тоже начала беспокоиться за нее.

— Он мог бы лишить меня родовой магии, но мама просила его не делать этого, чтобы у меня был шанс получить хорошую работу в будущем, — пожала плечами кикимора. — Так что придется потерпеть очередную лекцию о том, как мне с ним повезло, получить парочку затрещин и опять через силу поблагодарить его за милость. Надеюсь, ты ему понравишься. Иначе может потребовать, чтобы тебя переселили.

— И что мне сделать, чтобы понравиться ему? — спросила я, поняв, что уже привыкла к взбалмошной соседке и не хочу с ней расставаться. У меня никогда не было подруги, но казалось, что именно такую подругу я и хотела бы видеть рядом с собой.

— Тебе-то как раз ничего делать и не нужно, — улыбнулась Кико. — У нас, кикимор, принято, чтобы женщина преклонялась перед мужчиной и во всем была ему покорна. А ты еще не распрощалась со своими невольничьими привычками, так что должна ему понравиться.

— И когда он приедет? — продолжила я расспросы, чтобы быть готовой к визиту родственника соседки.

— Не знаю. Возможно, завтра или послезавтра, — отмахнулась кикимора. — Ладно, забудь. Разберемся как-нибудь. А сейчас пошли завтракать.

— Ты удивительная, — не удержалась я. — Только что едва не рыдала, а сейчас улыбаешься.

— А чего зря руки заламывать? Пострадала немного и хватит. Нужно решать проблемы по мере их поступления. А сейчас моя

главная проблема — пустой желудок! — улыбаясь, объявила Кико.

По дороге в столовую я спросила подругу про книги, и она пообещала отвести меня в библиотеку после завтрака.

— Все равно я буду на занятиях, так что можешь копаться в книжной пыли до обеда. Я за тобой зайду, — проговорила она, первой входя в столовую.

Я следовала за ней, но кто-то неожиданно схватил меня за локоть и рывком утянул за дверь. Там, в темном углу, зажатой между дверью и стеной, мне еще и рот рукой накрыли.

— Ну, здравствуй, таинственная преступница, — прошептал Рэндом, прижимая меня к стене. — И кто же снабдил тебя зельем знаменитого гениального лентяя Обрино?

Я помотала головой, решив все отрицать, чтобы не выдать Кико и Дарна.

— Только не нужно лгать, я тоже был ленивым первокурсником, и действие, да и вкус микстуры Обрино мне хорошо знакомы, — продолжая удерживать меня, шептал оборотень. — Ты хоть понимаешь, что за употребление этой отравы тебя не только отчислят без вопросов, но еще и на учет поставят как социально ненадежную личность?

Наро наконец-то убрал руку от моего рта, и я выпалила:

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Отпусти меня немедленно.

— Я же о тебе забочусь, глупая, — проговорил оборотень. — За хранение этого препарата тебя могут арестовать.

— Я ничего не храню, — заверила я его.

— А кто хранит? — тут же оживился Рэн.

— Не знаю, — пискнула я, впадая в панику, но намереваясь молчать даже под пытками.

— Не скажешь? — спросил Рэндом.

Я лишь отрицательно мотнула головой и опустила взгляд.

— Глупо, но достойно уважения, — усмехнулся он. — Но учти, я буду за тобой присматривать. И лично сдам в лечебницу, если замечу признаки привязанности. И твою подружку под суд отдам, чтобы не растлевала наивных первокурсниц.

— Ты бы сам перестал лапать девушку, — послышался из-за спины оборотня недовольный голос кикиморы. — А то это еще разобраться нужно, кто ее тут сейчас растлевает.

Оборотень отпустил меня, отступил на шаг, смерил Кико враждебным взглядом и попросил меня — не потребовал, а именно попросил:

— Не делай глупостей, не лишай себя будущего.

— Иди уже, мудрый выпускник. Ты бы когда инструктора по

практическим путешествиям едва не загрыз, таким рассудительным был, — проворчала подруга, оттесняя его плечом.

— Пожалуйста, — ехидно проговорил Рэн. — В следующий раз, когда тебя будут склонять к близости за зачет, пройду мимо.

— Можно подумать, он обо мне заботился. Увидел, что к девушке друга пристают, вот оборотнический инстинкт и взыграл, — прошептала кикимора, когда наро скрылся из вида.

Я же дрожала, как лист на ветру, пребывая в шоке. Как от того, что только что произошло, так и от известия, что здесь преподаватели позволяют себе подобное обращение со студентками. А тот факт, что Рэндом кого-то едва не загрыз, только укрепил мой страх перед расой оборотней.

Сегодня с заказом завтрака проблем не возникло. За считаные секунды я не только ознакомилась со страницей традиционной кухни, но и выучила все меню наизусть, что мне очень пригодится, когда прекратится действие зелья.

Однако несмотря на то, что выбрала я привычные для себя блюда, поесть нормально мне так и не удалось. Даже сладкий сок клубневой марниции, овоща, напоминающего по вкусу грушу, как утверждала мама, показался мне нестерпимо горьким. В результате я смогла съесть только кусочек хлеба и через силу запить его парой глотков сока.

— Идем, покажу тебе дорогу до библиотеки, — поторапливала меня Кико. — Мне сейчас на занятия опаздывать противопоказано.

Библиотека в академии оказалась по истине огромной. Здесь было столько рядов стеллажей, заполненных всевозможными книгами, что среди них немудрено и заблудиться.

— Вот, нара Тартино, привела вам новенькую, — проговорила подруга, передавая меня на попечение пожилой женщины, сидящей за низкой конторкой. Женщина оказалась дружелюбной и смешливой. И, глядя на нее, было невозможно не улыбаться, в частности потому, что ее голову украшал невероятных размеров небрежный пучок припорошенных сединой волос.

— И какие же тебя интересуют книги, деточка? — улыбаясь, пропела нара Тартино.

— Не знаю, — растерянно ответила я, — наверное, все.

— Нет, так мы с тобой не договоримся. Ты на какой факультет поступила? — вновь поинтересовалась женщина.

Я честно попыталась припомнить, что говорила нара Пифаро, но в памяти всплыли лишь отдельные фразы.

— Контроль… Захват и преображение, — неуверенно

произнесла я, следя за реакцией библиотекаря.

— Вот даже как, — протянула нара. — А ты часом не преувеличиваешь, милая?

Беспомощно пожала плечами. Больше я ничего не могла припомнить, и никто не удосужился сказать мне, на каком именно факультете я буду учиться.

— Ну что ж, иди за мной, — поманила нара Тартино и вылетела из-за конторки.

И она действительно вылетела! Оказалось, что вместо ног у женщины что-то вроде хвоста из полупрозрачной, похожей на клубящийся пар субстанции.

— Ну что застыла? Никогда паровиков не видела? — посмеиваясь, спросила нара.

— Нет, — прошептала я, неприлично пялясь на хвост библиотекаря.

— Нас еще иногда джиннами называют. Но это всё байки. Мы не исполняем желания, и в масляную лампу нас при всем желании не получится утрамбовать, — улыбаясь, поведала мне нара. — Не отставай. Сейчас подберем тебе несколько книг, глядишь, что-нибудь и пригодится. А за учебниками, когда табель получишь, придешь.

Нара Тартино усадила меня за заваленный отобранными ею книгами стол у окна, пожелала мне удачи и уплыла на свое рабочее место. Оставшись наедине с книгами, я погрузилась в мир неизведанного и пришла в себя лишь тогда, когда за мной пришла Кико.

— У-у-у, подруга, — протянула кикимора. — Надо же меру знать. Ты бы себя видела. Бледная, как вампир на диете, и под глазами черно, как в желудке угольного тролля. Ну-ка вставай и отдай книгу. Вцепилась как пиявка, — ворчала девушка, вырывая из моих рук очередной трактат по преображению временных рамок и последствиям вмешательств в прошлое. — Идем-идем, — ласково уговаривала она, обняв меня за плечи и выводя из читального зала. — Нара Тартино, вы, пожалуйста, эту нари в библиотеку в ближайшие два дня больше не пускайте, а то у нее от переизбытка информации срыв может приключиться, — обратилась она к библиотекарю, ведя меня мимо конторки, за которой восседала хвостатая паровик-джинн.

— Уж не под микстурой ли Обрино эта девочка? — подозрительно сощурилась женщина.

— Ну что вы, как можно? — возмущенно воскликнула Кико. — Просто невольницей была, книг не давали, читать запрещали, вот и дорвалась с непривычки.

— Ну, смотрите мне, — погрозила пальцем Тартино. — Знаю

я вас, студентов.

— Ты видела ее хвост? — спросила я шепотом, когда мы покинули помещение библиотеки.

— Конечно, видела, — усмехнулась подруга. — А ты сейчас лучше помолчи. Пойдем, уложу тебя. Поесть что-нибудь позже принесу. И не вздумай к книгам прикасаться, а то совсем затеряешься.

Я покорно шла туда, куда вела меня соседка, плохо понимая, что происходит и где я вообще нахожусь. Перед глазами мелькали строчки, таблицы и графики, а в голове крутилась въедливая фраза «Следующая ступень после остановки времени — путешествия на короткие временные промежутки». Дальше было что-то о технике безопасности и обязательном сопровождении инструктором, но это меня сейчас мало заботило.

«Я обязана научиться путешествовать. И не на короткие промежутки, а на годы, чтобы вернуться в прошлое и не позволить господину Прожирани заявить на нас с мамой права, как на неучтенных бродяжек», — эта мысль посетила меня уже в комнате, когда Кико уложила меня на кровать и заботливо укрыла одеялом.

И пусть главным непреложным законом является невмешательство в канву уже произошедших событий, если есть шанс спасти нас от рабской участи, то я должна попробовать.

Мне совершенно ничего не снилось, а проснулась я от жуткой головной боли. Но полученные знания все еще были со мной! И мысль исправить свою судьбу крепла с каждым часом. Нужно только немного потерпеть, научиться делать все правильно, и я смогу спасти нас с мамой. Теперь я была уверена в том, что сама остановила время в момент падения с четвертого этажа. А значит, нара Пифаро не обманула и у меня есть способности, о существовании которых я и не подозревала.

— Ну как ты? — поинтересовалась Кико, заметив, что я открыла глаза.

— Странно, — честно ответила я. — В голове одновременно столько информации и так ясно, словно она совершенно пустая.

— Ясная голова — это хорошо, — усмехнулась кикимора. — Но ты все равно из комнаты завтра не выходи.

Я мельком взглянула на окно и с удивлением отметила, что уже наступили вечерние сумерки.

— Да-да, ты проспала полдня, — подтвердила мои мысли подруга. — Вон на столе ужин. Хотя ты, наверное, знаниями сыта, — язвительно добавила она.

Я медленно встала, боясь головокружения, но за исключением навязчивой мигрени, мое самочувствие было

вполне сносным.

— Спасибо, — поблагодарила я ее за заботу, садясь за стол.

— Не за что. Вот объемся хмельных пиявок на праздник болотной нечисти, и тогда ты будешь со мной возиться, — пообещала подруга.

— Договорились, — улыбнулась я в ответ.

Еда опять горчила, но я старалась абстрагироваться от вкуса и глотать через силу, не понаслышке зная, что такое голодные обмороки. Господин Прожирани никогда намеренно не морил нас голодом, но случалось, забывал выделить обеспечение для питания своих невольников, и в первые годы нам с мамой доставались остатки от обедов хозяина, которыми уже полакомились другие слуги. В общем, ничего не доставалось. Это позже, когда бухгалтерию начала вести мама, невольникам стало полегче. Мама даже умудрялась сэкономить, чтобы купить теплую одежду для всех.

Очередной кусочек хлеба застрял в горле от неожиданного стука в окно.

Кико подскочила и принялась колотить меня ладонью по спине, отчего становилось только хуже. Глаза застилали выступившие слезы, в висках стучали тревожные молоточки, я же уже начала задыхаться, а подруга со все большим рвением колотила меня по спине.

«Я сейчас так глупо умру, так и не научившись всему, чему бы могла», — подумала я в панике, и избиение моей спины прекратилось.

Только откашлявшись и вдохнув полной грудью, я поняла, что остановилась не только Кико, замерло все вокруг! Взглянула в окно и увидела перепуганную веснушчатую мордашку рыжего Саламандрика, как называла его кикимора. В действительности парня звали Салимо, в честь славного предка, совершившего много подвигов, о чем поведал мне сам Саламандрик за завтраком. От неожиданного удара по спине я упала грудью на стол, прямо на тарелку с ужином.

— Ой, прости! — воскликнула Кико. — Ты как? Дышать можешь?

— С трудом, — прохрипела я, выпрямляясь и осматривая испачканную блузку.

— Ну и получит же у меня сейчас кто-то! Кто бы ты ни был! — возмущенно потрясая кулаком, проговорила соседка, направившись к окну.

— Он ни в чем не виноват, — проговорила я перед тем, как скрыться в ванной, чтобы привести себя в порядок.

Кикимора в этот момент затягивала в комнату несчастного

Салимо, схватив бедолагу за шиворот.

Выйдя из ванной, я обнаружила парня, за обе щеки уплетающего мой потрепанный ужин и одновременно пытающегося что-то рассказать кикиморе с набитым ртом. Как ни странно, Кико прекрасно его понимала и взволнованно кивала головой в такт бубнящему Саламандрику.

— Что случилось? — спросила я, присаживаясь на свою кровать и расчесывая отмытые от еды волосы.

— Да ерунда, — отмахнулась подруга, наигранно изображая безразличие к тому, что рассказал парень. Салимо, к слову, смолк и бросал на меня взгляды исподлобья.

— Да в чем дело? — воскликнула я, не выдержав под испытующими взглядами присутствующих.

— Говорю тебе, она и сама ничего не знает, — проговорила Кико, обращаясь к Саламандрику.

— Как же, не знает она! — воскликнул парень, отодвинув пустую тарелку. — Вот ты же знаешь про своего отца и родовую магию. И я знаю. Как такое можно не знать?

— Юна, кто твой отец? — напрямую спросила у меня подруга.

— Он оставил нас с мамой, когда я была еще совсем маленькой. А что? — проговорила я, совершенно не понимая — что происходит.

— А то! — воскликнул Салимо. — Прикинулась бедной невольницей, а сама, оказывается, дочка нарая! А если бы я тебя обидел ненароком — наверняка правителю нажаловалась бы. Но я теперь буду с тобой настороже.

— Вообще-то ты сейчас обижаешь ее этими словами, — усмехнулась Кико.

Рыжеволосый Саламандрик надулся и замолчал.

— С чего вы взяли, что я дочь вашего правителя? — спросила я, не веря ни слову. Хотя бы потому, что мы с мамой вообще из другого мира, где царят технологии и совсем нет магии, как и других рас, кроме человеческой.

— Я случайно подслушал разговор ректора и куратора по учебной части, — пробурчал Салимо.

— Наверняка ты что-то перепутал, — улыбнулась я трогательному в своей непосредственности наро.

— А Громиро? — не унимался Саламандрик. — Не зря же он сразу на тебя глаз положил. Оборотни божественную кровь на раз по запаху вычисляют. Она для них как нектар для пчелы. Не зря же все оборотнические кланы у нарая в услужении, не могут аромату его крови противостоять.

— Так, мало того, что вы меня обвиняете в родстве с неким нараем, так он еще и бог? — подвела я итог услышанного.

Затихшая было головная боль опять шевельнулась в затылке.

— Официально он, конечно, не признает себя богом, но все знают, что Амниос Хроно — это бог времени, — пояснила Кико. — Иначе как бы он мог веками оставаться у власти, раз в поколение исчезая на несколько дней и возвращаясь помолодевшим. Он, естественно, выдает себя за сына предыдущего нарая и заново принимает пост. Но это только дань традиции.

— И он никак не может быть моим отцом, — проговорила я уверенно.

— Но я же слышал, — возмутился Салимо.

— Не умеешь подслушивать, так не берись! — заявила Кико. — Доел? Вот и замечательно, выметайся отсюда.

Саламандрик обиделся еще больше и пошел к двери.

— Куда? Откуда пришел, туда и иди! — приказала кикимора, указывая на окно.

Совершенно поникший парень вылез в окно и исчез из виду.

— Зачем ты так с ним? — спросила я у соседки.

— А затем, чтобы не вздумал еще кому-нибудь об этом рассказать, — ответила девушка, закрыв окно. — Дело в том, что ты действительно вполне можешь оказаться одной из нажитых. Любит наш нарай погулять. А если вся академия об этом узнает, то от желающих подружиться с тобой ради протекции отбоя не будет. Вот и пойми потом, кто настоящий друг, а кто подхалим.

— А что там насчет оборотней и крови? — спросила я, все же надеясь, что дракон ошибся.

— Можешь не переживать. Все заметили, что на тебя Громиро глаз положил, так что другие не посмеют даже подойти, как бы их ни манила твоя кровь, — ответила Кико. — Вот тебе одна книжка — и спать, — добавила она, доставая один из моих учебников из-под своей кровати. — Завтра нам с тобой моего совсем не божественного, но тоже весьма вредного папочку встречать.

* * *

Двумя часами ранее

— Здесь учится моя дочь, — объясняла Агуста привратнику. — Если мне нельзя пройти, то хотя бы позовите ее.

— Ничем не могу помочь, — уже в который раз отвечал мужчина. — Защита не пускает, значит, вам запрещено входить на территорию академии. А если запрещено входить, то есть причина, по которой студентку ограждают от общения с вами.

— Но это же моя дочь! Вы не имеете права! — чуть не плача возмущалась женщина.

— Я не имею права пойти против системы защиты академии, — монотонно отвечал привратник.

— Позовите ваше начальство! — потребовала Агуста.

— Вам не назначено. Если бы было назначено, то защита пропустила бы, — все так же безэмоционально проговорил мужчина.

— Да отомри же ты! — выкрикнула взволнованная нара. — Ты же человек, а не робот!

— Прошу не переходить на оскорбления неизвестными мне словами, — монотонно произнес мужчина. Подумал мгновение, наклонился к Агусте и прошептал: — Ну не могу я вас пропустить. Вы записочку напишите, я передам. А там пусть ваша дочь уже сама с ректором разбирается.

— Спасибо. Спасибо вам, — прошептала женщина, доставая из сумки листок и карандаш.

Она быстро написала несколько предложений крупными буквами, свернула листок и протянула его привратнику со словами:

— Юнила Нарисо. Ее только вчера привели. Пожалуйста, передайте. Она не привыкла без меня, боится, наверное, всего.

— Передам, — пообещал привратник. — Ступайте, пока вахтенные не пришли.

Не успела Агуста скрыться из вида, как к привратнику подошел высокий зеленоглазый оборотень.

— Милейший, вы в курсе, что передавать студентам послания от кого бы то ни было строжайше запрещено? — поинтересовался наро Громиро, сверля служащего неприязненным взглядом. Рэндом Громиро, будучи истинным сыном своего отца, первого военного министра, не терпел нарушения устава, о чем всем служащим академии было прекрасно известно.

Привратник склонил голову и молча протянул вахтенному переданную взволнованной матерью записку.

— На первый раз прощаю, — произнес Рэндом, прочитав имя адресата на свернутом листке.

— Благодарю. Больше не повторится, — покорно ответил привратник.

Военных опасались все, а оборотней-военных тем более.

* * *

Ночью мне снились алгоритмы построения векторов

путешествий на короткие временные промежутки. Смысл которых мне был ясен, но только в теории. Книги не могли дать практических умений, а учитывая тот факт, что я совершенно не чувствовала в себе сил, необходимых для применения этих алгоритмов, использовать полученные столь легким путем знания я не могла.

Проснувшись раньше Кико, я решила продолжить образование, пока не закончилось действие микстуры, и, подкравшись к кровати соседки, осторожно вытащила из-под нее несколько книг. Спустя полчаса я уже знала наизусть историю Амнистании и всего мира, который одни историки называли просто Асгаран, другие же использовали более витиеватое название — перекресток путей. Однако перекрестком Асгаран именовали только теологи, утверждавшие, что этот мир является неким ядром, объединяющим вокруг себя множество других измерений. И я была полностью согласна с этой теорией, ведь мы с мамой попали сюда именно из другого измерения.

Следующими на очереди были география и точные науки, в понимании которых у меня возникли некоторые проблемы даже под воздействием микстуры Обрино.

К тому моменту, когда кикимора проснулась и отобрала у меня учебники, неизученными остались всего три книги. Но и с ними я смогу ознакомиться после завтрака и уже завтра буду готова пройти аттестацию, чтобы начать обучение в академии и овладеть управлением временем.

— Сейчас я свожу тебя в столовую и запру в комнате, чтобы ты не выдала нас своей ненормальной тягой к знаниям, — заявила Кико. — Вот пройдет действие зелья, и можешь делать что хочешь.

— Как скажешь, — легко согласилась я, намереваясь добраться и до учебников соседки.

Я понимала, что переизбыток информации может мне навредить, но не могла устоять перед манящими страницами, таящими столько нового и интересного.

Завтрак прошел в спокойной дружеской атмосфере. И лишь Салимо демонстративно игнорировал нас, пересев за другой стол, как только мы с Кико заняли свои места.

— Что-то здесь сегодня слишком тихо, — прошептала Кико, наклонившись ко мне. — Неужели Саламандрик разболтал-таки о твоем происхождении?

Я осмотрелась, но не заметила повышенного внимания к своей персоне. Только оборотни то и дело украдкой бросали на меня короткие взгляды. Все, но не Рэндом, наоборот, смотрящий на кого угодно, кроме меня.

— Не думаю, — ответила подруге. — Ты же говорила, что тогда от желающих подружиться со мной отбоя не будет, а сейчас никто не проявляет ко мне интереса.

— Значит, случилось что-то еще. А если в академии произошло что-то из ряда вон выходящее, то почему об этом не знаю я?! — повысила голос кикимора.

— Тихо ты, — одернула ее флегматичная мурена. — Справа от синей зоны. Посмотри.

Мы с Кико одновременно повернулись и посмотрели в указанном направлении.

Я ничего особенного не увидела, в отличие от подруги.

— Интересно, — протянула девушка, поправляя волосы. — И кто это у нас?

— Говорят, новый инструктор по практическим перемещениям, — мечтательно вздохнув, ответила мурена. — Но он, наверное, скрытый расист, потому что даже Элиланию Вольсо отшил в грубой форме.

Я еще раз посмотрела туда, куда, как оказалось, были устремлены взгляды большинства студенток, и наконец-то заметила сидящего за отдельным столом мужчину. Он был еще довольно молод, но явно старше студентов выпускного курса.

— А почему он ест здесь? — продолжила расспросы Кико.

— Не знаю, — пожала худыми плечами мурена. — Может быть, хочет со студентами познакомиться, а может, просто еще не знает, что у преподавателей своя столовая.

— Видела я ту столовую. Столичные рестораны по сравнению с ней — жалкие харчевни, — проворчала кикимора. — С ним точно что-то не так, если променял такую роскошь на это.

Кико взмахнула ложкой и обрызгала сидящих за соседним столом студентов, среди которых был и без того обиженный на нас Саламандрик.

— Ну все. Ты напросилась! — выкрикнул парень, вскакивая. — Думаешь, если с нажитой нарая подружилась, то все можно?

От Салимо начали исходить ощутимые волны жара. Мурена медленно сползла под стол и уже оттуда жалобно пропищала:

— У меня сейчас кожа потрескается.

Студенты быстро вставали из-за столов и спешили отойти подальше. Кто-то даже опрокинул стул. Разнесшийся по столовой грохот подстегнул учеников, и началась настоящая паника. Салимо окутало паром, но, видимо, что-то не сработало, и он не исчез, как в прошлый раз, а наоборот — начал увеличиваться, превращаясь в объятого пламенем дракона.

— Бежим! — выкрикнула Кико, схватив меня за руку и резко

дернув. Я же окаменела от страха и просто упала от рывка.

В то же мгновение рядом со мной оказались одновременно Рэндом и тот таинственный мужчина, который только что был предметом обсуждения за столом.

Они подхватили меня под руки и рывком поставили на ноги. А инструктор параллельно еще и Кико схватил за шиворот.

— Выведешь! — крикнул мужчина, толкнув нас с подругой к Рэну.

Оборотню не нужно было повторять дважды. Он буквально выволок нас из столовой, закрыв за собой широкую двустворчатую дверь. Однако перед тем как створки захлопнулись, я успела увидеть мужчину, озадаченно взирающего на замершего и нависающего над ним огненного дракона. Салимо будто муха, залипшая в смоле, был абсолютно недвижим. А самым удивительными во всей этой картине были замершие вокруг дракона языки пламени. Таинственному инструктору удалось остановить время в отдельно взятом незамкнутом пространстве, ограниченном только его собственным желанием. Из прочитанных накануне книг я совершенно точно знала, что подобное доступно единицам. Время — слишком сложная, трепетная материя. Чем меньше площадь манипуляции, тем труднее им управлять. Остановить время в ограниченном стенами помещении гораздо проще, чем в одной из частей этого же помещения. Однако это возможно. Что и продемонстрировал новый инструктор.

— Ты видел? — возбужденно воскликнула кикимора. — Нет! Ну ты это видел?!

— Видел. А еще я видел, как ты опять довела нестабильного дракона, — зло проговорил Рэндом. — И слышал, что сказал этот дракон перед трансформацией.

После этих слов оборотень перевел требовательный взгляд на меня.

Я же лишь растерянно пожала плечами.

— Нашел, кого слушать! — воинственно воскликнула подруга, оттесняя меня подальше от зеленоглазого наро. — Это же Саламандрик, у него вечно полный бардак в голове. Приснилось невесть что, вот и сморозил глупость. Вернее, брякнул сгоряча.

«Всем студентам разойтись по своим комнатам. Первая пара отменяется», — разнесся по академии голос хранителя.

Кико попыталась приоткрыть дверь в столовую, но она оказалась заперта.

Рэндом же отвел меня в сторону и протянул какой-то листок.

— Не знаю, чем ты провинилась, но защита академии не

пропускает к тебе посетителей, — произнес он.

Взять листок я не успела, его выхватила из руки Рэна подоспевшая Кико.

— Ты что, в детство впадать начал? Записочки девушкам пишешь? — язвительно поинтересовалась она.

— В свою комнату, живо, — рыкнул наро нам обеим.

— Что там? — спросила я у соседки, когда она остановилась посреди лестницы, читая записку Громиро.

— Ничего, — пробурчала девушка — В комнате отдам. Здесь тебе сейчас лучше не читать.

Позже я поняла, почему она не отдала мне листок сразу. Стоило мне только взять в руки послание, как я почувствовала все переживания и тревогу мамы, которые она испытывала в тот момент, когда писала эту записку. Волнение и вина за то, что я так легко забыла про нее, закрутившись в вихре нескончаемых событий, навалились тяжелым грузом и буквально придавили меня к кровати.

Я сидела, смотрела на записку и могла думать лишь о том, что сегодня же должна увидеться с мамой, чтобы успокоить ее, рассказать, что у меня все хорошо и что я со всем справлюсь.

Кико подошла и села рядом со мной.

— Я провожу тебя в ректорат. Наверняка произошла какая-то ошибка, и твоей маме откроют доступ на территорию, — тихо произнесла она.

— Идем, — уверенно проговорила я, вскакивая с кровати.

— Нет, сейчас туда лучше не соваться. Им сейчас не до нас. Подождем, пока с Салимо разберутся, — отрицательно покачала головой кикимора.

Но до ректората мы так и не дошли, даже спустя час. До двери, табличка на которой гласила «Ректорат», оставалось всего несколько шагов, когда эта дверь с треском отворилась и из нее вышел высокий широкоплечий мужчина с экзотическим буро-зеленым цветом длинных, прихваченных черной лентой на лбу волос.

— Папа, — прошептала соседка и попятилась.

— Это не академия, а притон! — громогласно объявил мужчина идущей следом за ним наре Ишаро. — И вы еще смеете упрекать мою дочь за то, что она использует родовую магию для защиты. Если у вас тут огненные драконы перевоплощаются посреди завтрака, то чего можно ожидать вечером, когда студенты предоставлены сами себе?

— Это редкий, можно сказать — не имеющий прецедентов случай, — оправдывалась ректор. — Уверяю вас, в стенах академии Хроноса вашей дочери ничего не угрожает.

— А вот мы сейчас у нее и спросим, — заявил мужчина, увидев нас с Кико. — Колоро, дочь моя, подойди и поздоровайся с отцом как положено.

Кикимора склонила голову, подошла к отцу и встала перед ним на колени. Даже нас, бесправных невольниц, никогда не заставляли вставать на колени. Господин Прожирани требовал только, чтобы мы кланялись и не заговаривали с ним без дозволения. Кико же была дочерью этого великана, а не рабыней!

— Встань и расскажи мне, что заставило тебя призвать силы нашего рода, — приказал кикимор.

— На меня напали эльфийки с жезлами природной силы, — встав, но по-прежнему смотря себе под ноги, проговорила подруга.

И она даже почти не солгала, только умолчала о некоторых деталях конфликта с беловолосыми красавицами.

— Что? — вопросил отец Кико. — У вас еще и расовое оружие допускается?

Возмущению кикимора не было предела. Под его гневным взглядом даже нара Ишаро инстинктивно отступила. Но ректор вовремя опомнилась, вспомнив, что она здесь главная, и гордо вздернула подбородок. Однако проскальзывающее в ее речи шипение выдавало крайнюю степень волнения.

— Эльфийские жезлы природных сил — это не оружие, а источник магической подпитки для находящихся вдали от родных земель студенток, — проговорила нара Ишаро.

— То же самое можно сказать и о родовой магии кикимор, тоже находящихся вдали от родных болот, — возразил ей отец Кико. — Однако ушастым… эльфам вы дозволяете пользоваться их искусственными приспособлениями, мою же дочь обвинили в нарушении правил академии за то, что она в трудную минуту обратилась к своим естественным силам. Это дискриминация. И что скажет на это ваш нарай, пропагандирующий лояльность по отношению ко всем расам, населяющим Асгаран? Пожалуй, я сегодня же спрошу его об этом, при личной встрече.

— Ну что вы. Не стоит лишний раз тревожить нарая Хроно из-за такого пустяка. Мы с вами вполне можем и сами решить это недоразумение, — подхватив мужчину под руку, принялась увещевать Ишаро. — Девочки, идите на занятия, — добавила она приторно-ласковым тоном.

— Иди, дочь. Я зайду к тебе позже, — произнес кикимор, с явным удовольствием кладя свою широкую ладонь поверх миниатюрной ручки ректора, вцепившейся в его локоть.

— У меня есть великолепные хмельные пиявки. Как раз для вас припасла, — игриво проговорила нара Ишаро, уводя мужчину

обратно, в помещение ректората.

— Как же удачно Саламандрик сорвался, — расплылась в улыбке подруга. — Папочка наверняка даже попрощаться не зайдет.

— Неужели тебе его совсем не жалко? — спросила я у довольной кикиморы.

— А почему я должна его жалеть? Он мне прямо сказал, что я ему не нужна. Если бы родился сын, то признал бы, а очередная кикимора ему на Загорских болотах ни к чему. И мне тогда, между прочим, всего восемь лет было. Прибежала обнять наведывающегося раз в год папочку, а он меня как мавку оттолкнул, — обиженно ответила Кико.

— Прости. Но я имела в виду Салимо, — чувствуя неловкость, пояснила я.

— А этого неуравновешенного последыша я тем более жалеть не собираюсь! — воскликнула соседка. — Знала бы ты, сколько он мне нервов попортил в первый год. Я пришла сюда скромной, забитой девочкой, а он тогда был единственным огненным драконом на всю академию и считал, что выше всех по положению. Так вот, этот твой несчастный Саламандрик заявил, что я буду с ним встречаться, потому что он так хочет. Это потом, когда он на следующую ступень роста перешел, выяснилось, что он нестабильный, с кровными отклонениями, доставшимися от далекого предка-орка, изнасиловавшего его прапра и так далее бабку. А первые месяцы обучения я от него по подвалам скрывалась и в столовую раз в два дня ходила, когда голова от голода кружиться начинала. Тогда-то я и научилась защищаться.

— Мне жаль, — прошептала я.

— Ничего, зато теперь никто не посмеет меня обидеть! — воинственно произнесла Кико. — Ладно, ты иди в комнату и смотри мне — книгами не злоупотребляй, а я на занятия пойду.

Подруга убежала, а я, дождавшись, когда она скроется за поворотом коридора, развернулась и пошла обратно, в ректорат. Записка от мамы жгла карман платья, словно горящие угли.

Подойдя к двери с табличкой «Ректорат», осторожно постучала. Ответа не последовало, и я постучала сильнее. Но мне все равно никто не ответил. Несмело приоткрыла дверь и отшатнулась от вырвавшегося из-за нее шума. Странно, а ведь казалось, что в помещении вообще никого нет, такая стояла тишина за дверью. Сейчас же были слышны десятки что-то громко обсуждающих голосов. Входить было страшно, но я обязана добиться разрешения на встречу с мамой! Моего появления в просторной комнате никто не заметил. Но все мгновенно смолкли, когда откуда-то из-под потолка раздался голос духа-

хранителя.

«В аудиториях номер восемь, одиннадцать и двадцать три несанкционированное использование магии. В лаборатории номер три беспорядки», — известил хранитель.

Одна из нескольких расположенных в другом конце помещения дверей распахнулась, из нее вышла нара Ишаро и громким, не терпящим возражений голосом произнесла:

— По рабочим местам! Живо!

Вот теперь меня заметили все, потому что преподаватели устремились к той двери, перед которой я и стояла.

— Кто такая? — спросил высокий светловолосый эльф в кожаном жилете на голое тело и некоем подобии юбки поверх облегающих штанов.

— Что за моветон, Элиорит? — воскликнула низенькая женщина с большими раскосыми глазами и необычным, сиреневым, оттенком кожи. — Не пугай малышку своим напором.

— Я вас умоляю, Франтиндель, это же студентка академии Хроноса, ее мышцами и длинными локонами не испугаешь, — усмехнулась женщина в строгом костюме. В ее носу сверкала драгоценным камнем маленькая серьга, а на голове красовался металлический обруч, испещренный какими-то письменами. — Вы к кому, нари? — поинтересовалась женщина с серьгой.

— К ректору, — тихо ответила я.

— Удачи, — усмехнулась нара, оттесняя меня от двери.

Большая часть преподавателей покинула помещение. Остались лишь две женщины, тихо беседующие за столом в углу комнаты, и тот самый мужчина, который утром бросился защищать нас с Кико в столовой.

— Слушаю вас? — вопросительно произнес именно он.

— Я хотела поговорить с ректором Ишаро, — совсем неуверенно ответила я.

Дверь, из-за которой недавно выглядывала нара Ишаро, отворилась, из кабинета вышла пожилая низенькая особа в смутно знакомом мне зеленом костюме и башмаках с большими пряжками. Поставив на ближайший стол пустой поднос, лепрекон воззрилась на меня строгим взглядом и поинтересовалась:

— По какому вопросу?

— Мне нужно поговорить с ректором, — затравленно проговорила я.

— Это я и так поняла. О чем именно вам нужно побеседовать с нарой ректором? — не желала уступать женщина-лепрекон.

— Возможно, я смогу вам чем-то помочь? — вступил в разговор мужчина из столовой.

— Вы здесь первый день, нар инструктор, и не знаете наших

порядков, — строго произнесла лепрекон.

— Что не мешает мне проявить вежливость и предложить помощь, уважаемая секретарь Лоприо, — не менее строго ответил мужчина.

— В любом случае, ректор сейчас не принимает, — недовольно пробурчала секретарь и отошла к рабочему столу, заваленному папками с какими-то бумагами.

— Так чем я могу вам помочь? — повторил вопрос инструктор.

Я не знала, как объяснить, и просто отдала ему послание от мамы. Там было всего несколько строк о том, как она переживает, что ее не пропускают на территорию академии, и решать этот вопрос придется мне.

— Как давно вы обучаетесь в академии Хроноса? — поинтересовался нар, прочитав записку.

— Я приехала позавчера и еще не начала учиться, — честно ответила я.

— Какая раса? — продолжил расспросы мужчина. — Я не вижу четкого рисунка ауры. Ваша личность под защитой?

— Я человек и ничего не знаю про защиту, — совсем растерялась я.

— Простого человека не зачислили бы в магическую академию, — усмехнулся инструктор. — В вашем деле много пробелов, но думаю, я смогу помочь. Вашей матери запрещен вход на территорию академии, но вам-то покидать ее пределы можно, — тихо добавил он. — В данном случае я могу предположить, что дело не в вас, а именно в ней. Защита по какой-то причине не пропускает ее.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, поняв намек нара.

— Не стоит благодарности, — учтиво ответил он.

Я попрощалась и поспешила в свою комнату, чтобы успеть до обеда дочитать учебники. А после обеда я отправлюсь в гимназию Мгновений и увижусь с мамой!

Но мне опять помешали. Из глубин познания меня вырвал резкий стук в дверь. Едва я отложила учебник, как дверь отворилась и в комнату вошел наро Громиро.

— Вот теперь мы с тобой наконец-то сможем нормально поговорить. Без чрезмерной опеки этой навязчивой кикиморы, — произнес он, без приглашения усаживаясь на стоящий у окна стул.

— Кико просто заботится обо мне, — вступилась я за подругу.

— Если ты так нуждаешься в опеке, то есть те, кто может позаботиться о тебе гораздо лучше, чем взбалмошная кикимора, — проговорил наро, сверля меня пристальным

взглядом.

— Она помогает мне, ничего не требуя взамен, — с намеком ответила я.

— Я тоже пока ничего не требую… кроме честности, которая сейчас не в фаворе у большинства местных обитателей, — усмехнулся Рэндом.

— Разве я тебя обманывала? — спросила я удивленно, подумала и добавила: — А даже если бы и обманула в чем-то, мы не настолько близко знакомы, чтобы ждать откровенности друг от друга.

— Значит, ты признаешь, что скрыла от меня некоторые немаловажные факты своей жизни? — ухватился за мою эмоциональную фразу Рэн.

— Да мы с тобой вообще не знакомы! Мы посторонние друг другу люди. Я благодарна тебе за то, что ты передал мне послание от мамы, но это не значит, что я выверну перед тобой душу, — встав, проговорила я немного резче, чем хотела бы.

— Сколько эмоций, — усмехнулся наро. — Сразу видно, что трепетно оберегаешь какую-то тайну.

— Если уж ты такой поборник честности, то скажи прямо — зачем пришел? — устав от намеков и всего этого не имеющего смысла разговора, вопросила я.

— А ты еще не поняла? — тоже вставая, спросил он. — Я хочу знать, кто твой отец.

— Зачем? — задала я встречный вопрос.

— Затем, что мне необходимо знать, по какой причине я потерял покой и постоянно думаю о тебе! — повысив голос, высказался Громиро. — Если причина в твоем происхождении, то я выйду из этой комнаты и больше никогда не потревожу тебя.

Как же мне хотелось сказать, что причина именно в моем происхождении, но я не знала — так ли это. И лгать было бы несправедливо, хотя бы потому, что он решился на откровенность.

— Ну так что, ты дочь нарая? — не дождавшись ответа, произнес Рэн, шагнув ко мне, словно боялся не расслышать то, что я скажу.

А я сказала правду.

— Не знаю, — проговорила тихо. — Но мне не верится в родство с вашим правителем. Неужели он бы допустил, чтобы его дочь провела двенадцать лет в рабстве у проклятого мерзкого старика?

— Нарай Амниос Хроно не нуждается в наследниках и совершенно не интересуется судьбами своих детей, — усмехнулся Громиро, после чего подошел совсем близко и прошептал,

погладив меня по щеке: — Как же мне не хочется, чтобы ты оказалась дочерью бога времени. Было бы несправедливо осознать, что мои чувства к тебе являются лишь расовой особенностью.

Я отступила подальше от наро и попросила, отведя взгляд:

— Пожалуйста, не нужно.

— Ты меня боишься, — грустно усмехнулся Рэн. — Кто же тебя так обидел? Твой хозяин из прошлой, рабской жизни?

— Тебя это не касается. И тебе сейчас лучше уйти, если не хочешь войти в число моих обидчиков, — проговорила я, отвернувшись.

Почему-то в обществе этого студента я с каждой минутой чувствовала все большую неловкость. Словно в его переживаниях была повинна именно я. Но испытывать чувство вины за то, что я привлекла внимание какого-то мужчины, мне совершенно не хотелось. И я заглушила неуместную вину раздражением.

Резко развернулась, чтобы выгнать Громиро из комнаты, но никого не увидела. Он так тихо вышел, что я не услышала даже шороха.

Обдумывать только что состоявшийся разговор у меня не было ни сил, ни желания. Я просмотрела последний учебник, переоделась и вышла из комнаты, надеясь покинуть академию до того, как Кико вернется с занятий и потянет меня на обед. Хотя я сомневалась, что столовую успели привести в надлежащий вид. Салимо устроил там настоящий погром — переломал и сжег половину мебели.

Из здания я вышла без помех, но до ворот так и не добралась. Я шла по той же дорожке, по которой привел меня сюда нар Марино, но неизменно возвращалась к главному входу в академию. Что было совершенно невероятно — ведь я шла не по кругу, а прямо, никуда не сворачивая. В третий раз оказавшись у лестницы, я раздраженно ударила ладонью по перилам и отшатнулась, услышав уже знакомое шипение. Змеи на ступенях не появились, но они довольно прозрачно намекнули на свое присутствие, пусть и незримое.

— Вы заблудились, студентка? — спросил кто-то, незаметно подойдя ко мне со спины.

Я резко обернулась и увидела похожего на сказочного волшебника седого старца в белом одеянии и такой же накидке.

— Здравствуйте, — прошептала я, пятясь.

— Новенькая? — по-доброму улыбаясь, спросил старик.

— Да, — кивнула я, настороженно следя за незнакомцем.

— И куда же ты хотела бы отправиться, милая? — ласково вопросил старец.

— В гимназию Мгновений, навестить маму, — решилась я ответить честно.

— И что же тебе помешало повидаться с матерью? — продолжил расспрашивать таинственный старик.

— Я не могу найти дорогу к воротам, — призналась я, опустив голову.

— Ну, с этим я, пожалуй, смогу тебе помочь. Ступай за мной, дитя, — произнес старик. После чего развернулся и неспешно пошел по змеящейся меж деревьев дороге, опираясь на резной посох из белого дерева. Когда мы разговаривали, никакого посоха у него не было, он буквально вырос в руке старца за считаные мгновения. Я осмотрелась, пожала плечами и пошла за стариком. Между лопаток появилось неприятное неясное ощущение неловкости, и я обернулась. В одном из окон второго этажа мелькнула и скрылась из вида фигура кого-то, кто, скорее всего, наблюдал за мной все это время.

Старец действительно без труда привел меня к воротам. Привратник низко поклонился ему, смерил меня недоверчивым взглядом, но не посмел о чем-либо спрашивать, с благоговейным страхом косясь на моего сопровождающего.

— Ступайте, студентка, успокойте матушку, — напутствовал меня старик.

— Ворота закрываются в семь часов, — предупредил привратник.

Я вышла за ворота и повернулась, чтобы поблагодарить доброго дедушку, но он куда-то исчез. Передо мной стоял только привратник, он и сказал:

— Поторопись, пока защита не оповестила о нарушении.

Я не знала, что это означает, но проверять желания не было, и потому не пошла, а побежала вверх по улице, к гимназии Мгновений.

Мне повезло, мы с мамой столкнулись почти у входа в гимназию. Она тут же обняла меня, причитая, как она скучала и волновалась. Не давая и слова вставить, засыпала меня расспросами, уводя вверх по лестнице.

Маминой соседкой оказалась спокойная доброжелательная девушка, предложившая мне отведать свежеиспеченного печенья с соком. Но мама шепотом предостерегла меня:

— Откажись. Это ведьма-алхея, у нее интересные понятия о вкусах.

Я не знала — кто такая ведьма-алхея, но судя по маминому взгляду, мне с соседкой повезло гораздо больше.

— Бастина, мы с дочерью лучше поговорим. Столько новостей, нужно поделиться друг с другом впечатлениями, —

ответила мама, увлекая меня к своей аккуратно застеленной кровати.

Ведьма пожала плечами, прикрыла блюдце с ароматным печеньем салфеткой и выпорхнула из комнаты.

— Мама, у меня все замечательно. К занятиям пока не допустили, но я готовлюсь, читаю учебники, чтобы пройти аттестацию. И у меня замечательная соседка, которая во всем мне помогает и заботится обо мне. Только она кикимора и на первый взгляд может показаться немного странной, — быстро отчиталась я.

— О странностях можешь мне ничего не рассказывать, — усмехнулась мама. — Чего я только ни повидала за последние два дня. Одна девица с рожками и пушистым хвостом даже заявила, что от меня несет божественным клеймом. Назвала нараевской содержанкой и пообещала в будущем занять мое место, отправив меня на покой.

— Вот об этом нам и нужно поговорить! — воскликнула я. — Расскажи мне о моем отце.

— Мы уже говорили на эту тему, — неохотно ответила мама. — Он был иностранцем и приезжал в наш городок всего на два-три дня в месяц. Так продолжалось полтора года. За это время появилась ты. А спустя несколько месяцев после твоего рождения он просто пропал. Не стоит он наших волнений, забудь. Тем более что теперь ты с ним уже точно никогда не встретишься, не в этом мире.

— А что, если ты ошибаешься? Вдруг он был не иностранцем, а иномирцем, и мы не случайно оказались здесь? — спросила я. Мысль о том, что я могу оказаться дочерью местного правителя, уже не казалась такой абсурдной. Это объясняло наше волшебное переселение в иное измерение.

— Ты что-то узнала? — задала мне мама встречный вопрос.

— Нет, я ничего не знаю. Но некоторые студенты почему-то уверены, что между мной и нараем Хроно есть какая-то связь, — ответила я разволновавшейся маме.

— Если бы я увидела его, то все сомнения отпали бы, — задумчиво произнесла она. — Нам необходимо попасть во дворец.

— Сейчас мне нужно возвращаться в академию, — с грустью ответила я. — И я не знаю, смогу ли в следующий раз вырваться к тебе. Но я постараюсь уговорить ректора разрешить нам видеться.

Провожая до ворот академии, мама всю дорогу наставляла меня, засыпая советами и поучениями о том, как себя вести, кому доверять, а кого держать на расстоянии. И самым главным, по ее словам, было полное погружение в учебу. Я должна была гнать от себя всех молодых людей и ни в коем случае не влюбляться.

Раньше маму подобные вопросы не заботили: в неволе на любовь у нас не было ни времени, ни прав.

Обнявшись на прощание, мы разошлись в разные стороны: мама в гимназию, а я за ворота академии Хроноса, где меня уже ждал привратник, но не тот, который выпустил, а совершенно незнакомый мужчина.

Он окинул меня суровым взглядом и поинтересовался:

— Нари Юнила Нарисо?

— Да, — ответила я растерянно.

— К ректору, немедленно, — строго проговорил привратник.

Ректор не мама, и к ней я шла как можно медленнее. Никто не встречал меня у входа в здание, никто не обращал внимания на бредущую по коридорам и лестницам грустную девушку, и даже Кико пробежала мимо, не заметив меня. Я хотела было окликнуть ее, но кикимора уже скрылась за дверью в аудиторию, табличка на которой гласила «Дополнительные занятия по контролю», и мне пришлось свернуть в пустующий коридор, который вел в ректорат. В этот раз секретарь встретила меня более дружелюбно и даже с сочувствием.

— Посиди здесь, — тихо проговорила она, указывая мне на низкий диванчик у стены, — а я доложу.

Лепрекон скрылась за дверью, на которой было выгравировано золочеными буквами слово «Ректор», а ниже табличка «Нара Каробо Ишаро».

Ждать долго не пришлось, секретарь открыла дверь и пригласила меня.

— Можете идти, нара Лоприо, — обратилась к ней ректор, даже не глядя на меня.

— А как же протокол? — удивилась лепрекон.

— Идите, — настойчиво повторила нара Ишаро. — Это частная беседа.

Секретарь недовольно фыркнула, но вышла и плотно прикрыла за собой дверь, оставив меня наедине с ректором.

— Присаживайся, Юнила, — произнесла Ишаро, по-прежнему не глядя на меня.

Я присела на краешек стула, стоящего напротив стола, за которым восседала нара, перебирая какие-то бумаги.

Молчание длилось около десяти минут. Ректор читала и делала какие-то пометки в бумагах, я сидела, напряженно следя взглядом за ее руками, и ждала хоть каких-то слов со стороны нары.

Наконец она отложила документы, положила ладони на стол, демонстрируя длинные розовые ноготки, и подняла взгляд на меня.

— Ты не обычная студентка, Юнила, — заговорила нара Ишаро. — И соответственно, для тебя некоторые правила обучения будут отличаться от общепринятых. Например, свобода передвижения вне академии.

Ректор замолчала и воззрилась на меня укоризненно.

— В чем я провинилась? — спросила я, опустив голову. — Почему для меня другие правила?

— Ну что ты! Ты совершенно ни в чем не виновата, милая. А другие правила только для того, чтобы обезопасить тебя, — заверила меня Ишаро. — Ты не представляешь, какой силой обладаешь, и мы не хотим, чтобы она попала в плохие руки.

— Но моя мама не причинит мне вреда, а вы не пропускаете ее ко мне, — напомнила я о том, что совершенно не вязалось с объяснениями ректора.

— Твоя уважаемая матушка может привести к тебе тех, кто захочет завладеть тобой как оружием, — туманно ответила нара Ишаро.

— И вы туда же, — с грустью прошептала я.

— О чем ты? — поинтересовалась ректор.

— Вы тоже считаете, что я дочь нарая? — спросила я, подняв голову и с неожиданной смелостью посмотрев ректору прямо в глаза.

— Я не считаю, я знаю это совершенно точно, — снисходительно улыбнулась Нара Ишаро. — И родство с нашим нараем налагает на тебя определенную ответственность, Юнила.

— Ответственность, ужесточение правил, ограничения в передвижении — разве это не наказание? Словно меня заочно обвинили в том, что я могла бы сделать, и заочно же наказывают. А я вообще не чувствую в себе никаких сил! И уж точно не смогу использовать их во зло, потому что совершенно не умею ими управлять! — эмоционально высказалась я, вскочив со стула.

— Слова… Не слишком ли сложные слова для необразованной невольницы? — задумчиво произнесла ректор.

— Я много читала в последние дни, — пробурчала я, садясь.

— И какие же книги ты читала? Идеологию словесности или амнистанский разговорник высшего класса? — усмехнулась Ишаро, встав из-за стола и обходя его, чтобы приблизиться ко мне. — Взгляни-ка на меня, — прошептала она, схватив меня за подбородок и заглядывая в глаза.

Отпустив мое лицо, ректор схватила со стола какую-то книгу и совершенно неожиданно сунула ее мне в руки. Я всего на мгновение погрузилась в глубины познания свода правил и запретов академии Хроноса, и книгу выдернули из моих рук так же быстро, как и всучили.

— Так и есть, — прошипела Ишаро. — Ты всего три дня назад прибыла сюда и уже употребляешь запрещенные препараты. И после этого ты еще смеешь утверждать, что являешься невинной жертвой? Идите в свою комнату, студентка. И не надейтесь, что божественное происхождение позволит вам творить бесчинства в моей академии. Никаких посещений и прогулок за ворота. Завтра же пройдете аттестацию и начнете обучение по индивидуальной программе. Инструктора для вас мы уже вызвали. Свободны.

Судя по выражению лица нары Ишаро, спорить с ней было бесполезно. Любая попытка доказать, что я не виновна в том, в чем она меня обвиняет, только укрепит ее во мнении, что я опасна. Пришлось смириться и покинуть ректорат. Я надеялась получить разрешение на встречи с мамой, а в результате получила еще больше запретов и окончательно потеряла расположение ректора.

Поднявшись на свой этаж, я уже свернула в нужный коридор, когда услышала, что кто-то окликнул меня шепотом. Я обернулась и увидела Салимо, выглядывающего из одной из дверей в коридоре напротив. Парень осмотрелся и поманил меня рукой. Идти или нет, я не колебалась. Мне было искренне жаль Саламандрика и не хотелось обижать его недоверием.

— Входи, — прошептал Салимо, открывая дверь шире.

Я юркнула в его комнату, и парень быстро закрыл дверь.

— Юнила, ты должна мне помочь! — воскликнул он, подскочив ко мне и схватив за руку.

— Да чем же я могу помочь? — удивленно спросила, пытаясь высвободить руку из его ладоней.

— Только ты и можешь! Ты же дочь Хроноса, а значит, умеешь не только перемещаться во времени, но и влиять на события. И только не надо отрицать, что ты полубог. Я не дурак, — с жаром произнес Саламандрик. — Меня отправляют домой до завершения становления. А у нас — огненных драконов — оно может затянуться на годы! Вернись в сегодняшнее утро и не дай мне сорваться. Умоляю, больше мне не у кого попросить помощи. Родители никогда не простят мне, если я вернусь с позором.

— Послушай, Салимо, я бы с радостью помогла тебе, но не могу сделать того, что просишь, потому что просто не умею, — проговорила я, глядя парню прямо в глаза.

— Я научу тебя, — воскликнул Саламандрик. — Я все объясню и покажу.

— Нет, я не могу, — отрицательно покачала я головой, выдернув ладонь из его рук и попятившись к двери.

Но не вышла, потому что Салимо упал на колени и заплакал.

По его щекам катились крупные огненные слезинки. Они падали на пол и прожигали в нем маленькие черные ямочки.

— Хорошо, я попробую. Но почти уверена, что ничего не получится, — сдалась я, не в силах просто уйти и оставить парня в таком состоянии.

— Все получится! — воскликнул дракон, вскакивая с колен.

Слезы мгновенно высохли, а лицо парня озарила довольная улыбка. Неужели он так умело притворялся, чтобы вызвать во мне жалость?

— Идем, — произнес Салимо меж тем, хватая меня за руку и направляясь к двери.

— Куда? — спросила я, следуя за ним.

— В твою комнату, куда же еще, — ответил Саламандрик. — Здесь опасно что-то делать, хранитель Далиус может засечь.

— Но там же Кико. Она тоже вряд ли одобрит, — остановилась я.

— За нее не переживай. Она сейчас наверняка вместе со всеми с нашего курса на дополнительных занятиях по контролю. Из-за моего срыва их ввели в основной курс, — ответил парень, довольно усмехаясь.

— Что-то не похоже, что ты раскаиваешься в том, что натворил, — произнесла я, остановившись и выдернув ладонь из его руки.

— Ну что ты! Конечно же мне жаль. Но я не властен над природой. И вина моя в этом случае косвенная, — возразил Салимо. — А если тебе удастся вывести меня из столовой до того, как это случилось, то раскаиваться будет и не в чем.

— И как же я тебя выведу? Что мне сказать, чтобы ты поверил и послушался? — спросила я недоверчиво.

— Вот видишь, ты уже и не сомневаешься в том, что сможешь прыгнуть в прошлое. А уверенность в своих силах — это половина успеха, — радостно произнес дракон.

Кико действительно не было в комнате, о чем я в глубине души очень жалела. Я надеялась, что соседка поможет мне отговорить отчаянно пытающегося совершить невозможное за мой счет парня. Теперь же мне придется постараться помочь ему. Мелькнула мысль, что можно лишь сделать вид, что я пытаюсь совершить путешествие в прошлое, но если Салимо в состоянии помочь мне освоить это умение в кратчайшие сроки, то я просто не имею права отказаться от такой возможности. Попытавшись помочь ему, я получу необходимый для моего плана опыт передвижения во времени назад.

— Так, приступим, — потирая руки, проговорил Саламандрик. — Садись сюда.

Он передвинул стул в центр комнаты и похлопал рукой по сиденью.

Я покорно присела на краешек стула, напряженно следя за парнем.

— Нет, так не пойдет. Сядь удобнее, откинься на спинку, расслабься, — отдавал он команды, которые я старалась выполнять. Но расслабиться у меня не получалось, как я ни старалась.

— Я могу сам перенести нас обоих в нужное время, но сначала ты должна понять, что делать, чтобы влиять на события, не разрушая связь с настоящим, иначе мы застрянем в цикле. И так и будем доживать до этого момента и опять переноситься в прошлое, бесконечно, — пояснил парень.

— А может быть, лучше подождем? Я пройду курс обучения и обязательно вернусь в сегодняшнее утро, чтобы ты не сорвался и тебя не отправили домой, — попыталась я отговорить Салимо. Страх попасть во временную западню заглушал жалость к дракону и желание как можно быстрее исправить свое прошлое. Если я застряну в сегодняшнем дне, то никогда уже не смогу спасти нас с мамой от рабства.

— Это ты можешь подождать, а у меня нет такой возможности. Менять прошлое можно только в пределах одного солнечно-лунного цикла. В течение суток, короче. Иначе сработает принцип домино и нарушится вся структура причинно-следственной цепочки, — проговорил Саламандрик.

Я напряженно уставилась в одну точку, перебирая все знания, полученные за последние два дня. Их было так много, что потребовались немалые усилия, чтобы отыскать во множестве определений нужное.

«Принцип домино» — никто не знал, что дословно обозначает это выражение. Но сам термин был введен никем иным, как нараем Амниосом Хроно. И ничего хорошего его реализация в рамках передвижения во времени не несла. В своих мечтах о вольном детстве я упустила эту деталь. Теперь же задумалась — не приведет ли мое желание все исправить к еще худшей участи для нас с мамой?

— Я не могу, — произнесла я, вставая со стула. — Мне очень жаль, но ты обратился за помощью не к тому человеку. Я слышала, что здесь, в академии, есть еще такие же, как я, обратись к ним.

Я подошла к двери и протянула руку, чтобы распахнуть ее и выпроводить Саламандрика, но он оказался быстрее.

— Ну уж нет! Не для того я два года терпел эту богадельню, чтобы так легко сдаться! — выкрикнул Салимо, бросаясь ко мне.

Мир закружился с неимоверной скоростью, но за мгновение до того, как раствориться в набирающей скорость воронке, я увидела, как распахнулась дверь и в комнату вошли Кико и ее отец.

Я крикнула «Помогите!», но понять, услышали ли они меня, уже не могла.

* * *

— Еще раз опишите то, что вы увидели в комнате дочери, нар Сумарино, — попросила ректор, сверля взглядом мнущуюся у двери студентку Колоро Сумарино.

— Это однозначно была временная воронка. Против часовой стрелки, то есть в прошлое, — ответил мужчина.

— Юну кто-то утянул! — воскликнула юная кикимора. — Я слышала, как она звала на помощь.

— Нар? — перевела взгляд на мужчину нара Ишаро.

— Не могу подтвердить. Не слышал, — коротко ответил кикимор.

— Ну как же! Папа, ведь мы вошли вместе, ты должен был услышать, — обиженно проговорила Кико.

— Можете идти, студентка Сумарино, — строго проговорила нара ректор. — А вам, к сожалению, придется задержаться, для заверения свидетельского протокола, — обратилась она к отцу студентки, с которым не далее как несколько часов назад весьма неплохо провела время.

— Все, что вам будет угодно, — лукаво улыбнулся кикимор.

Студентка покорно вышла из кабинета ректора и едва не столкнулась с новым инструктором, спешащим явиться на вызов начальства.

— Ну наконец-то! — недовольно воскликнула нара Ишаро, как только инструктор пересек порог кабинета. — Где вас носит?

— Явился сразу же, как получил вызов, — спокойно ответил мужчина.

— Сейчас же отправляйтесь по следу от перемещения вашей подопечной и верните ее. Разумеется, до того, как она нарушит временную паутину, — приказала ректор.

— И как же я это сделаю? Ведь вы не потрудились познакомить меня с моей студенткой, и я не узнаю рисунок ее магического следа, — возразил инструктор.

— Вы знаете номер ее комнаты, из которой она переместилась всего десять минут назад! Найдете! — повысила голос нара Ишаро. — Вот видите, с кем приходится работать, —

пожаловалась она вольготно устроившемуся в кресле кикимору Сумарино.

— Сочувствую, — покачал головой мужчина, провожая взглядом спешно покидающего кабинет инструктора.

* * *

Я упала на пол, чувствуя, что меня вот-вот стошнит. В голове шумело, все тело выворачивало от режущей боли. Сквозь дымку дурноты осмотрелась и поняла, что по-прежнему нахожусь в своей комнате. Салимо рядом не было. Только цаплик Кико взирал на меня черным глазом, наклонив голову набок и поджав одну ногу.

Видимо, Саламандрик ошибся в расчетах и перенесся один, оставив меня в настоящем. Но тогда где же Кико и ее отец? Ведь они вошли в комнату как раз перед переносом или мне это только привиделось?

Встала, пошатываясь, вдохнула поглубже и пошла к двери. Но стоило мне только взяться за дверную ручку, как кто-то схватил меня за локоть и оттащил от двери.

— Не стоит туда выходить, — произнес тот самый новый инструктор, который вызвал такой ажиотаж в столовой, а потом спас нас с Кико от взбунтовавшегося огненного дракона.

— Как вы здесь оказались? — спросила я, испуганно отступая подальше от мужчины.

— Так же, как и ты, — усмехнулся он. — А вот где твой спутник, оставивший горячий след трансформации во временной материи?

Я лишь недоуменно смотрела на инструктора, совершенно не понимая, что происходит и чего он от меня хочет.

— В общем, так — ты сейчас пойдешь со мной, мы найдем того, кто перенес тебя сюда, и все вместе вернемся, — строго проговорил мужчина. — Теперь я вижу, что не ты выстраивала путь, но это не облегчает поиски. Твой друг оказался слишком нестабильным и трансформировался в процессе перехода… Да уж не тот ли это дракон, который потерял контроль сегодня за завтраком?

Я кивнула, подтверждая предположение инструктора.

— Теперь все ясно. Можешь звать меня Ранорио. Я твой персональный инструктор. Но при ректоре лучше обращайся ко мне нар Контино. Эта дама слишком чванлива в некоторых вопросах, — представился мужчина. — А ты Юнила Нарисо. Знал бы при первой нашей встрече, воздержался бы от советов, как обойти систему.

— Спасибо за тот совет, — поблагодарила я его, улыбнувшись. — Я повидалась с мамой.

— Если мы не найдем твоего несдержанного друга, то это

будет ваша последняя встреча, которая набьет тебе оскомину при постоянном повторении, — произнес нар и схватил меня за руку.

За последние несколько часов ко мне прикасались больше, чем за всю прошедшую жизнь! Потребовались усилия, чтобы не выдернуть руку и не высказать недовольство сим фактом тому, кто, в сущности, провинился лишь в том, что оказался последним.

— Нам нельзя выходить в коридор, слишком велика вероятность столкнуться со своими двойниками из прошлого, так что придется выбираться через окно. Тем более что след трансформации ведет в глубь академического сада, — пояснил Ранорио, подведя меня к окну.

— Опять, — простонала я.

— Не переживай, я без проблем спущу нас вниз. Доверься мне, — невозмутимо заявил мужчина.

После чего открыл окно и выпрыгнул! Я не успела даже напугаться, а он уже заглянул в комнату и поманил меня рукой. Пришлось спрятать страх поглубже и взобраться на подоконник. Висящий в воздухе инструктор подхватил меня на руки и медленно спустился на землю. После этого я уже была готова поверить во что угодно!

— Бежим! Дракон в той стороне, — тихо проговорил Ранорио, указав направление, и потянул меня за руку, уводя от здания академии.

Оказавшись в тени деревьев, я остановилась и прошептала:

— Может быть, я вас здесь подожду?

Встречаться с разъяренным неуправляемым огненным драконом мне, по понятным причинам, совершенно не хотелось.

— Извини, Юнила, но я не знаю, о чем вы договорились с драконом, и не доверяю тебе настолько, чтобы оставить без присмотра, — отрицательно покачал головой инструктор. — Не хватало еще потом затирать за тобой искривления прошлого. Так что поторопись. И не советую мешать. За любые нарушения придется отвечать мне как твоему непосредственному наставнику, а я не намерен расплачиваться за твою глупость.

Последнюю фразу мужчина произнес уже на бегу, не особо заботясь о том, что я не поспеваю за ним и он едва не тянет меня волоком по траве.

Запах гари я почувствовала еще у первых деревьев, он шел из глубины сада, куда мы и направлялись. Спустя пару минут пытки непосильно быстрым для меня бегом мы оказались посреди выжженного участка сада. Выгорело все: деревья, трава и даже земля превратились в маслянистый пепел. А в центре этого медленно остывающего пепелища лежал голый, черный от сажи Салимо.

— Слишком большой ущерб, придется прыгать дальше, — покачал головой нар Контино и исчез.

Я растерянно посмотрела по сторонам и пошла к лежащему без чувств Саламандрику. Пепел под ногами был еще горячим, и от него исходил сильный жар, но я стойко терпела, беспокоясь за парня, по-прежнему лежащего без движения.

Окликнула его, но он не отреагировал, я побежала… и врезалась в стену!

На мгновение мне показалось, что мир вокруг смазался, а в следующий миг я оказалась в своей комнате и на всем бегу ударилась носом о стену. Боль пронзила, казалось, всю голову, из носа хлынула кровь, а рядом, недоуменно моргая, стоял вполне живой и здоровый Салимо.

— Студентка Нарисо, в лазарет, — строго распорядился инструктор Контино.

— Ты кто такой? — возмущенно вопросил Саламандрик. — И как здесь оказался?

Похоже, дракон ничего не помнил, в отличие от меня.

— Юнила, иди в лазарет. Позже я все тебе объясню, — немного мягче произнес Ранорио. — А ты за мной, к ректору! — добавил он, сверля парня суровым взглядом.

— За что? Я же ничего не сделал! — воскликнул Салимо.

— Спорный вопрос, — усмехнулся инструктор.

Мужчина увел Саламандрика, а я растеряно стояла посреди комнаты и не знала, что делать. Где находится лазарет, я понятия не имела, а бегать по академии с окровавленным лицом желания не было. Но вот дверь отворилась, и в комнату вошла Кико в сопровождении своего отца.

— Что случилось? — воскликнула соседка, бросаясь ко мне.

— Долго рассказывать, — прогнусавила я, зажимая нос.

— Отведи подругу к лекарям, дочь. Я подожду здесь, — степенно проговорил кикимор.

— Пошли, горе ты мое, — проворчала Кико, приобняв меня за плечи и выводя из комнаты. — Как же тебя угораздило?

— О стену ударилась, — честно призналась я.

— Ты что, с разбегу в нее врезалась? — поинтересовалась кикимора, ведя меня по коридору.

— Да, — просто ответила я.

— Зря мы все это с зельем затеяли. У тебя совсем с головой плохо стало, если на стены бросаться начала, — проворчала Кико.

— А ты меня не видела полчаса назад? — на всякий случай спросила я, все еще не до конца веря в то, что я побывала в прошлом и вернулась за мгновение до того, как отправилась туда. Или фактически я так и не отправлялась в прошлое? Постичь все

тонкости произошедшего мне пока было сложно.

— Нет. А ты что — не помнишь? — с подозрением посмотрела на меня соседка. — Ты только носом ударилась? Головой, случайно, не билась о стену?

— Нет. Забудь, — попросила я подругу.

Мы как раз подошли к двери, на которой были выгравированы кубок и обнимающий его крыльями чешуйчатый водный дракон.

— Ты главное не кричи и не делай резких движений, — наставляла меня Кико, пока мы ожидали отклика на стук в дверь. — Нара Болтиньяк бывает раздражительной в последнюю фазу луны.

— Так сейчас же вроде вторая, еще даже не полнолуние, — возразила я шепотом.

— Ты это ей объясни, — прошипела Кико и спряталась за дверь за секунду до того, как она отворилась.

— Что тут у нас? — вопросила милая на первый взгляд седовласая женщина, сдвигая на кончик носа довольно редко встречающиеся здесь благодаря магическому лечению очки.

— Здравствуйте, — произнесла я, убрав руки от носа.

Кровь уже не текла, но нос распух и онемел. Его словно распирало изнутри от скопившейся загустевшей крови.

— Любопытно, — протянула нара, приглашая меня войти в помещение лазарета. — Сегодня, насколько мне известно, в расписании нет практических занятий. Так где же вы, милочка, умудрились получить столь нежелательную для юной красавицы травму? Подрались с соперницей из-за кавалера?

Я отрицательно покачала головой, вновь зажав нос руками.

— Неужели кто-то из местных бравых наро руку поднял? — возмущенно вопросила нара Болтиньяк.

— Ну что вы. Конечно, нет. Это я в стену с разбега врезалась, — призналась я, смущенно отведя взгляд в сторону.

— Это еще более интересно, — усмехнулась нара академический лекарь. — Я здесь уже несколько десятков лет работаю, и столь нелепые случаи в стенах академии случаются крайне редко.

Женщина усадила меня на кушетку и принялась жаловаться на свою нелегкую долю, попутно обрабатывая и проверяя на целостность мое лицо.

— Как же меня утомили эти ожоги, обморожения и затерянные во времени конечности, — говорила она, ощупывая мою переносицу. — А эти истерики и срывы после сессий! — лекарь закатила глаза, после чего пощелкала пальцами перед моим лицом и заставила следить глазами за рукой, которой

размахивала передо мной словно в такт медленной мелодии. — Ну вот, ничего страшного. Но я бы подержала тебя здесь пару часов. Вдруг появится головокружение и слабость, — похлопала меня по плечу нара Болтиньяк.

— Спасибо, но я, пожалуй, пойду. Нужно готовиться к аттестации, — вежливо отказалась я, вставая с кушетки.

— Не так быстро, дорогуша. Я тебя еще не отпускала. И запомни, я могу вообще отстранить тебя от занятий настолько, насколько посчитаю нужным, — строго произнесла женщина, указав мне на кушетку.

Нара сложила испачканные в крови бинты в таз и отставила его в сторону. Мне же пришлось вернуться на кушетку и терпеливо ждать, когда женщина скажет — чего же она от меня хочет.

— Ты вот что, милая, расскажи-ка мне о себе. Заскучала я здесь, обрюзгла совсем, — произнесла стройная, подтянутая, с печатью еще не увядшей красоты на лице нара Болтиньяк.

Мне пришлось уже не в первый за последние дни раз поведать короткую историю своего счастливого освобождения от рабства и поступления в академию Хроноса.

— И как тебе у нас? Не обижают? — поинтересовалась женщина, выслушав мой рассказ.

Из-за двери послышался какой-то шум. Это была приглушенная многоголосая речь.

— Ну что там опять эти охламоны натворили? — всплеснула руками лекарь и пошла проверять, что происходит в коридоре. Как только она открыла дверь, наступила полная тишина. Я подошла и выглянула из-за плеча нары Болтиньяк. Коридор был заполнен студентами. Около тридцати наро и нари стояли перед дверью, а как только увидели меня, тут же синхронно опустились на одно колено и склонили головы.

— Это еще что такое?! — воскликнула лекарь.

— Это инстинктивная реакция на запах крови вашей пациентки, — произнес Громиро. Он был единственным, кто остался стоять.

— Вы мне тут бросьте свои оборотнические повадки и марш на занятия! — прикрикнула нара Болтиньяк.

— Занятия уже закончились, — вновь заговорил Рэндом. — И они никуда не уйдут до тех пор, пока носитель крови не даст распоряжение.

— Вам, как я посмотрю, никакие распоряжения не нужны, студент Громиро, — вновь сдвигая очки на кончик носа и с подозрением глядя на Рэна, проговорила женщина.

— Я был освобожден от подобных реакций самим нараем,

еще в детстве, когда отец получил назначение на пост министра обороны, — небрежно пожав плечами, ответил Рэндом.

— Так скомандуйте своей армии юнцов освободить коридор, — заявила лекарь и закрыла дверь, оттеснив меня обратно в помещение лазарета.

— Вот, значит, как. Бедная невольница, скромная да тихая, а копни глубже — полубогиня, нажитая нарая и вообще неизвестно на что способная девица, — улыбаясь, проговорила нара Болтиньяк.

И столько радости было в этих словах, словно женщина всю жизнь ждала встречи с кем-то, подобным мне.

— Как же я теперь в комнату вернусь? — спросила я у нары, не разделяя ее восторга.

— Об этом можешь не волноваться, я оставлю тебя на ночь в лазарете. Побудешь у меня под наблюдением, вдруг все же сотрясение, — заявила Болтиньяк.

— Но я прекрасно себя чувствую, — возразила я, не желая оставаться в царстве едких запахов и белых стен.

— А синяки под глазами уже проявляются, — словно невзначай произнесла нара, подавая мне настольное зеркальце.

Синяки действительно были, но скорее от утомления, нежели от удара. Нос припух, но совсем немного.

— Не переживай, к утру будешь румяной и отдохнувшей, я тебя подлечу, — заверила меня женщина, отбирая зеркало. — Сейчас мы с тобой поужинаем и займемся излюбленным женским, и не только, развлечением — будем сплетничать!

— Еще слишком рано для ужина, — обреченно проговорила я, поняв, что сбежать не получится.

— Самое время. Есть перед сном вредно. Я не раз говорила ректору, что ужин следует перенести на два часа. Но она уперлась: видите ли, большинство студентов — представители хищных рас, и у них к вечеру аппетит только просыпается. Еще бы занятия на ночь перенесла! — ворчала лекарь, возясь возле стола.

Но поужинать мы не успели. Дверь в лазарет с треском распахнулась, и в помещение ввалились двое мужчин. Лицо одного из которых было обожжено, а второй держал на руках Салимо. Парень был без сознания и очень бледен.

— Куда положить? — спросил тот, который принес студента.

— Вот сюда, сюда клади, — засуетилась нара лекарь. — Что случилось? От ребенка несет страхом и отчаянием! Кто довел его до такого состояния?

— Он выпрыгнул из окна кабинета ректора, — пояснил мужчина, освободившись от ноши.

— Не удосужившись предварительно открыть его, — морщась

от боли, добавил второй, с обожженным лицом.

— Ну все, идите-идите, — помахала руками Болтиньяк. — Не мешайте работать.

— Нам приказано охранять социально опасного студента, — возразили мужчины чуть ли не в один голос.

— Так идите и охраняйте, по ту сторону двери, — строго произнесла нара.

Охранники переглянулись, кивнули друг другу и вышли.

Нара лекарь суетилась вокруг не проявляющего никакой активности Салимо, а я не знала, куда себя деть, и подошла к окну. Выглянула и увидела стоящего под окнами лазарета одного из мужчин, которые только что вышли.

— А почему вы не оказали помощь обожженному? — спросила я у Болтиньяк, заметив, как нар морщится, осторожно прикасаясь пальцами к пострадавшему лицу.

— Вот еще! Время на него тратить. Через полчаса сам заживет, — пробурчала лекарь, стягивая с Саламандрика рубашку. — Помоги-ка мне, милая.

Я поспешила на помощь женщине. Совместными усилиями мы раздели Салимо до пояса и уложили его на спину.

— Что с ним? Почему он не приходит в себя? — взволнованно спросила я.

— Повреждения не серьезные, все кости, если и были выбиты, уже встали на место, — проговорила нара. — Тут дело в другом. Он дракон, но не вырос еще, не сформировался до конца. Его сознание только начинает постигать возможности тела. А когда с такими маленькими дракончиками происходит что-то плохое, настолько трагичное, что им хочется отгородиться от всего мира, не вылупившееся до конца сознание прячется обратно, отгораживаясь ментальной скорлупой от всего мира. Спит он, бедненький. Крепко спит.

— И как же его разбудить? — спросила я, неосознанно поглаживая Салимо по голове.

— Сложно, почти невозможно. Пока сам с горем не справится, вернуть его будет очень тяжело, — отрицательно покачала головой Болтиньяк. — Нам бы сюда менталиста сильного, чтобы смог кого-то из его друзей через блок провести. Тогда можно было бы попытаться вытащить мальчика из ловушки собственных страхов и неприятия жестокой реальности.

— А здесь, в академии, есть такие менталисты? — с надеждой спросила я.

— Среди студентов всегда есть талантливые ребята, да только Ишаро ни за что не даст разрешение на такие рискованные меры, — вздохнула женщина, тоже погладив

Саламандрика по спутанным рыжим волосам.

— И что же теперь с ним будет? — спросила я, раздраженно смахивая набежавшую слезу.

— Приедут родители, заберут его домой, окружат заботой и лаской. Глядишь, через месяц-другой и оттает, — произнесла нара лекарь.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — прошептала я.

— Это почему же? — заинтересовалась женщина.

— Дело в том, что главный его страх — это возвращение домой. Его отчислили из-за срывов, и он очень сильно переживал, что родители отрекутся от него из-за этого, — пояснила я свои сомнения.

— Да что же это за родители-то такие?! — всплеснула руками нара Болтиньяк. — Это как же надо довести ребенка, чтобы он домой возвращаться боялся?! Так, мы его никому не отдадим. Иди-ка ты, моя хорошая, и прикажи ожидающей тебя за дверью толпе оборотней найти и привести сюда талантливого мага-менталиста.

— Что? — удивленно вопросила я.

— Да-да, именно так. Они любой твой приказ с радостью выполнят, так что используй свою власть на благо. Иди-иди, — приговаривала женщина, толкая меня к двери.

— А может, попросим преподавателей, чтобы вернулись в прошлое и помешали ему выпрыгнуть из окна? — предложила я альтернативный вариант, упираясь.

— Глупая! Он же не от падения в себя не приходит. Травма, которая не дает мальчику проснуться, застарелая, годами разраставшаяся по вине деспотичных родителей. Так что тут путешествия в прошлое не помогут. Ему нужно в настоящем победить эту напасть, а не исправлять то, что уже не исправишь, — ворчливо поучала меня лекарь, выталкивая за дверь.

Где на меня воззрились около тридцати пар глаз.

— Здравствуйте, — смущенно произнесла я, несмело приподнимая руку.

Все вновь упали на колено и уставились в пол, демонстрируя мне макушки.

Я растеряно смотрела на парней и девушек, которых совсем не знала, и боролась с желанием убежать.

— Прикажи им. От этого зависит жизнь мальчика, — толкнув меня в спину еще раз, прошептала нара Болтиньяк.

— Здравствуйте, — еще раз поприветствовала я склонившихся передо мной студентов. — Не могли бы вы помочь мне?

Голос дрожал, а в голове метались сумбурные мысли: «Что я здесь делаю? Это все неправильно. Еще неделю назад я была рабыней и не имею никакого права приказывать этим людям».

— Нари Юнила, дочь нарая Амниоса Хроно, приказывает вам отыскать среди учащихся последних курсов самого талантливого менталиста и привести его сюда. И быстро, — выступив вперед, проговорила лекарь.

— Это ваше желание? — спросил один из студентов, подняв голову и взглянув на меня.

Получив толчок локтем в бок, я кивнула и произнесла:

— Да, мое.

Оборотни встали и быстро удалились, обсуждая — кто из студентов обладает большим потенциалом в ментальных манипуляциях.

— Ну, вот и замечательно. Пошли готовиться. Эта армия зависимых быстро найдет специалиста, — заталкивая меня в лазарет, довольно проговорила женщина.

Мы перенесли Салимо в палату, уложили его на кровать и привязали. Нара Болтиньяк объяснила, что это может понадобиться, если парень будет на подсознательном уровне сопротивляться вторжению в свое сознание.

— Вот теперь он точно не навредит ни себе, ни другим, — проверяя прочность крепких бинтов, стягивавших щиколотки и запястья больного, удовлетворенно кивнула нара.

В дверь приемной постучали, и мы поспешили встречать менталиста.

— Куда положить? — спросил один из оборотней, указывая на спеленатого по рукам и ногам молодого человека.

— Это что? — вопросила нара лекарь.

— Как что? Вы просили менталиста, вот он, — невозмутимо ответил оборотень.

Несчастный менталист мычал, пытаясь выплюнуть кляп, и смотрел на нас широко открытыми глазами.

— Немедленно развяжите! — прикрикнула Болтиньяк.

Оборотни не шелохнулись, глядя на меня.

— Развяжите его, пожалуйста, — смущенно попросила я.

Оборотни тут же выполнили мою просьбу и отступили к двери в ожидании дальнейших распоряжений.

— Идемте, милейший, я объясню вам суть вопроса, — ласково обратилась к освобожденному лекарь. — А ты, детка, выпроводи отсюда посторонних, — добавила она, обернувшись у двери в палату.

Но выпроводить оборотней я не успела, в лазарет вошел Громиро и смерил меня гневным взглядом.

— Быстро же ты распробовала вкус власти. Уже и приказы раздаешь, — язвительно проговорил он.

— Ты ошибаешься! — воскликнула я обиженно. — Я только попросила, потому что ситуация сложная. Под угрозой жизнь человека.

— Банальное оправдание. Большинство злоупотребляющих властью именно им и прикрываются, — ядовито усмехнулся Рэндом.

— Юнила, иди сюда! — позвала из палаты нара Болтиньяк. — Касино любезно согласился провести слияние тебя и нашего несчастного мальчика!

Громиро удивленно приподнял брови и уставился на меня еще более пренебрежительно.

— Поражает скорость, с которой наша обстановка растлевает былых невольниц, — произнес он. — Или дело не в обстановке и невольница уже была развращена?

В его голосе было столько отвращения, что я, сама от себя такого не ожидая, влепила пощечину Рэну, чтобы стереть с его лица брезгливое выражение.

В дополнение к этому стоящие у двери оборотни зарычали на него, демонстрируя удлинившиеся клыки.

Рэндом медленно повернулся к ним. Хватило только одного взгляда, чтобы оборотни спрятали клыки и умолкли. Он так же медленно вновь повернулся ко мне и совсем тихо, так что мне пришлось прислушаться, чтобы понять, проговорил:

— Зря ты это сделала. Я бы, может, и постарался перебороть себя, но теперь не стану. Теперь ты дичь, а я вышел на охоту.

Громиро развернулся и ушел, предварительно вытолкав своих сородичей за дверь и произнеся, указав на таз с грязными бинтами, стоящий у двери:

— Сожги. Оборотни не властны над притяжением твоей крови, но им тоже нужно есть и спать.

— Юнила, ну где же ты? — еще раз позвала нара Болтиньяк, и я поспешила в палату.

Менталист, которого принесли оборотни, оказался одним из тех, кого Кико относила к синей зоне. Молодой человек говорил и вел себя так, словно все вокруг неисправимые глупцы и только он знает, что делать.

— Я, конечно, мог бы выполнить ваши требования, — вещал он, — но считаю своим долгом предупредить о возможных рисках и необратимых последствиях, вплоть до гибели сознания как пациента, так и реципиента.

— Так ты сделаешь это или нет? — спросила напрямую нара лекарь.

— Безусловно, моя квалификация позволяет мне провести данную процедуру. Однако я не берусь утверждать со стопроцентной уверенностью, что результат будет положительным, — монотонно говорил менталист.

Наре Болтиньяк, видимо, надоело слушать, и она влепила студенту увесистый подзатыльник.

— Делай, а не разглагольствуй! — приказала лекарь, и наро наконец-то замолчал, сосредоточившись на пациенте.

Меня уложили рядом с Салимо. Болтиньяк заверила, что риск минимальный и мне ничего не грозит. Когда же Эсторио, так звали молодого мага, обладающего ментальной магией, попытался опровергнуть ее заверения в безобидности процедуры, нара лекарь наградила его еще одним подзатыльником, и вопрос был исчерпан.

Мне велели закрыть глаза, выбросить из головы все заботы и думать только о Салимо. Эсторио положил ладонь на мой лоб, и спустя пару минут я почувствовала исходящее от его руки тепло. На мгновение появилось ощущение свободного падения, а потом нахлынул нестерпимый холод. Меня, словно упавшую с обрыва в бушующее море, вновь и вновь бросало на непроницаемую ледяную стену. Но это происходило лишь в моем сознании. В действительности же я все еще лежала на той же кровати, рядом со спящим беспробудным сном огненным драконом. Голову сдавливало будто тисками, в висках стучали беспокойные молоточки, но, ударяясь в очередной раз о ледяную стену, я слышала едва уловимый треск. Когда казалось, что я больше не выдержу и следующий удар лишит меня чувств, стена с оглушительным треском разлетелась, и холод уступил место жару. Салимо виделся мне маленьким мальчиком со сбитыми коленками, который сидел, вжавшись в шершавую каменную стену сумрачной пещеры, и со страхом озирался по сторонам. Я растерялась, не зная, что сказать, а потому молча подошла к мальчишке, присела рядом и приобняла его.

— Ты боишься? — спросила у мальчика.

— Да, — шепотом ответил он.

— Так почему же не уходишь отсюда? — спросила я, обведя взглядом жуткую пещеру.

— Выходить еще страшнее, — прошептал мальчик.

— А ты знаешь, что там? — поинтересовалась я, всматриваясь в полумрак драконьего убежища.

Мальчик лишь отрицательно покачал головой.

— Так пошли вместе, посмотрим, — предложила я, протягивая руку.

Мальчик забился в самый темный угол и не желал покидать

укрытие. Я долго уговаривала его, предлагая руку помощи, и в конце концов он принял ее! Ухватился своей горячей ручкой за мою ладонь и вышел из темного угла, но у выхода из пещеры засомневался и попятился. И я пошла на риск — дернула мальчика за руку, рывком вытащив его из пещеры. Нас на мгновение ослепило ярким светом, а в следующий миг я открыла глаза, лежа на кровати рядом с приходящим в себя Салимо.

Я попыталась встать, но не смогла даже приподняться. Слабость во всем теле была неимоверная.

— Ты полежи пока, милая, отдохни, — похлопав меня по сложенным на животе рукам, посоветовала нара Болтиньяк.

Салимо слабо заворочался, повернулся на бок и обнял меня рукой. Я хотела скинуть с себя его руку, но лекарь меня остановила.

— Не тревожь его. Он еще спит, но теперь это исцеляющий сон. Полежи так, с тебя не убудет, — проговорила она и, подхватив тоже ослабевшего менталиста под руку, вывела его из палаты, приговаривая, что сейчас нальет ему бодрящего отвара — и усталость как рукой снимет.

Я скосила взгляд на лежащую на моей груди руку и все же сдвинула ее пониже.

Было весьма неуютно лежать рядом с посторонним парнем, который к тому же обнимал меня и дышал в щеку, но усталость взяла свое, и я уснула.

* * *

— Вы совсем совесть потеряли, нара Болтиньяк?! Уж от кого, но от вас я такого точно не ожидала! Устроили дом свиданий в лазарете! Позор! Позор на всю академию! — кричал кто-то совсем рядом.

Я медленно открыла глаза и увидела возвышающуюся над кроватью нару Ишаро. Вскочила, но пошатнулась и опустилась обратно на кровать. Салимо что-то сонно промычал и закинул ногу на мои бедра.

— Да они еще и пьяны! — начиная пришепетывать, возопила ректор.

— Успокойтесь! — неожиданно грубо прикрикнула Болтиньяк. — Дети пережили сильный стресс, а тут еще и вы со своим шипением. Как же можно было довести до такого состояния родовитого дракона, да еще и из вымирающего подвида?! Мы с Юнилой едва спасли мальчика, и вы благодарны должны быть, а не фонтанировать пошлыми подозрениями.

Стыдно, нара ректор, стыдно.

Ишаро ошарашенно моргала, взирая на отчитывающую ее лекаря.

— Идемте, я вам все объясню и даже докладную напишу. А дети пусть отдыхают, — уже более вежливо предложила нара Болтиньяк, и ректор послушно вышла из палаты.

Лекарь задорно подмигнула мне и прикрыла дверь. Я же взглянула на окно и поняла, что уже если не день, то уж точно не раннее утро. Прислушалась к своим ощущениям: ничего вроде бы не болело, но казалось, что тело стало в несколько раз тяжелее. Собрала волю в кулак и встала. Осторожно, по стеночке подошла к двери и приоткрыла ее. Ректор и лекарь тихо беседовали, сидя за столом.

— Ты зачем встала? — возмущенно спросила нара Болтиньяк. — Иди отдыхай.

— Мне нужно на аттестацию, — пояснила я, покосившись на ректора.

— Вот только не нужно из меня монстра делать, — недовольно проворчала Ишаро. — Отдохнешь, придешь в себя — тогда и аттестуешься. Я предупрежу куратора Одонт.

— Можно я буду приходить в себя в своей комнате, а то здесь как-то неудобно? — спросила я, обращая прощальный взгляд на лекаря.

— Ну хорошо, иди, — сжалилась нара Болтиньяк. — Только никаких нагрузок. Я распоряжусь, чтобы обед и ужин тебе принесли.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я и поспешила, насколько это было возможно в моем состоянии, удалиться.

Выходя, я заметила у двери таз с маслянистым пеплом. Лекарь сообразила сжечь бинты с моей кровью, а значит — оборотни должны были разойтись и мне никто не помешает добраться до комнаты.

Но мои надежды не оправдались: на лестнице, словно призрак из-под пола, из-за угла выскочил Рэндом.

— Ну здравствуй, богиня, — с ухмылкой произнес он.

Я же отпрянула от неожиданности и начала падать назад. Громиро среагировал мгновенно, в одну долю секунды оказавшись у меня за спиной и подхватив на руки.

— Что-то ты совсем бледная. Что с тобой сделала эта выжившая из ума старая драконихa? — озабоченно всматриваясь в мое лицо, спросил он.

— Мы выводили Салимо из беспробудного сна, — максимально честно ответила я.

Препираться и что-то доказывать у меня сейчас не было ни

сил, ни желания.

— Давай-ка я отнесу тебя в комнату, а ты мне за это все расскажешь, — совершенно без издевки, по-доброму улыбнулся Рэн, и я не смогла отказаться.

Согласно кивнула и расслабилась. Напряжение в моем состоянии давалось с трудом.

Кико в комнате не оказалось, она наверняка на занятиях. Комната была заперта, но ключ висел прямо на двери, на одной из цифр номера. Рэндом отказался меня отпускать, и дверь я открывала, лежа у него на руках. Войдя, он усадил меня на мою кровать и потребовал:

— Рассказывай.

Я не привыкла лгать и что-то скрывать, кроме своей истинной родины, и честно поведала ему, как мы с лекарем и менталистом спасли Салимо.

— А ты в курсе, что это преступление? — поинтересовался оборотень, выслушав мой рассказ. — Проникновение в чье-либо сознание без его согласия либо письменного разрешения ближайших родственников в случае недееспособности карается ссылкой или каторжными работами в зависимости от тяжести нанесенного вреда.

— Но мы же не навредили! Мы наоборот — спасли его! — воскликнула я.

— Невозможно проникнуть в чужое сознание без его согласия и не навредить, — усмехнулся Громиро. — Хорошо, если нарушения будут временными. Но они могут оказаться и необратимыми. Да ты могла прихватить с собой часть его сознания или оставить кусочек своего в его голове! Болтиньяк уволить нужно за такие методы и лишить лекарского звания.

— И что мне теперь делать? — спросила я, испугавшись.

— Я, так и быть, никому ничего не расскажу, но ты за это сходишь со мной на свидание, — коварно улыбаясь, проговорил оборотень.

— Зачем ты так? — тихо спросила я.

Глаза защипало от норовящих выступить слез, но я сжала зубы и изо всех сил боролась с постыдной слабостью. Господин Прожирани очень не любил «сопливых нытиков», и я еще в детстве разучилась плакать, как бы больно или страшно мне ни было. Но теперь, когда я поверила в благородство людей и свободу, такое бесчестное отношение вызвало жгучую обиду. Получается, свобода оказалась ненастоящей. Я никому не принадлежу, но всегда найдется кто-то сильный, хитрый и бесчестный, и ему не составит труда принудить меня к чему угодно. А разве это не рабство?

— Вот только не нужно изображать жертву, — улыбнулся Рэн. — Я не запугиваю и не принуждаю тебя. Это скорее благодарность за то, что я прикрываю твои преступления. К тому же это будет вполне невинная встреча. Мы просто прогуляемся по саду, пообщаемся, узнаем друг друга поближе.

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться, как учила меня мама. Вздохнула глубоко, улыбнулась назло всем бедам и произнесла твердым, уверенным тоном:

— Отвечу вечером. Сейчас мне нужно отдохнуть. Слишком устала, нарушение закона — очень утомительное занятие.

— Как скажешь, — легко согласился Громиро, словно говоря: «Вот видишь, я не давлю на тебя, не заставляю».

Оборотень ушел, а я, забыв о слабости, бросилась к столу. Схватила в руки первую попавшуюся книгу и с облегчением выдохнула, ощутив погружение в заключенные в учебнике знания. Зелье еще действует — и у меня есть возможность исправить свое положение глупенькой бесправной девочки из другого государства.

До библиотеки я добралась легко и без препятствий. Но, войдя в пахнущее пылью и знаниями помещение, прислонилась к стене, чтобы немного отдохнуть.

— Ты опять здесь? — строго вопросила нара библиотекарь, даже не поздоровавшись.

— Мне срочно нужны все доступные книги по местным законам и преступлениям, — проговорила я, тоже решив опустить вежливость.

— Твоя подруга предупреждала меня, что ты придешь, деточка. Вот начитаешься сейчас и сорвешься, как тот огненный дракон, а мне потом за тебя отвечать? — проворчала нара Тартино, но из-за конторки вылетела и медленно поплыла к стеллажам. — Скажи конкретнее, что тебе нужно? Дам только одну книгу… ну, может быть, две.

— Мне нужны законы Амнистании. Что является преступлением и какое за него наказание, — путано объясняла я, следуя за джинном-библиотекарем.

— Та-а-ак, — задумчиво протянула нара Тартино, — что тут у нас? А, вот! «Свод законов» и «Правоведение». Постой! А ты что задумала? Уж не собираешься ли какое-нибудь преступление совершить?

— Ну что вы! Конечно же нет, — заверила я женщину. — Я, наоборот, хочу знать — что нельзя, чтобы ненароком, по незнанию, не нарушить закон.

— Ну если так… — неуверенно проговорила библиотекарь, протягивая мне книги.

— Спасибо! — благодарно воскликнула я и поспешила удалиться, пока она не передумала.

— Постой! А карточку заполнить?! — крикнула мне вслед нара Тартино, но я уже выбежала за дверь и устало прислонилась к стене. В комнату я возвращалась в два раза дольше, чем шла до библиотеки. Мысли мои блуждали между строк и параграфов книг, и я почти не видела дороги.

Рэндом не обманул: проникновение в чужое сознание действительно было противозаконным, но он немного преувеличил последствия этой процедуры. К тому же большая часть ответственности ложилась на плечи манипулятора, производящего взлом ментального поля. Мне же, в случае если Салимо выдвинет обвинение, грозил только пожизненный запрет на ментальные манипуляции в отношении разумных существ. Что, в сущности, совершенно ничего не значило, потому что я и так не владею ментальной магией. За употребление зелья Обрино вообще не предусматривалось никакого наказания. Противозаконным было только распространение этой микстуры. А вот шантаж, с помощью которого Громиро принуждал меня к свиданию, был самым настоящим преступлением против личности. Бросив книги на стол, я легла на свою кровать и удовлетворенно улыбнулась. Хочешь получить свидание со мной, коварный оборотень? Так тому и быть — будет тебе свидание!

* * *

Разбудила меня Кико. Она, как и всегда, ворвалась в комнату как ураган, заметила меня и с визгом бросилась тискать и обнимать.

— Юночка, я тебя обожаю! — неожиданно призналась кикимора. — Жизнь прекрасна, и мы сегодня идем это праздновать!

— Да что случилось-то? — спросила я, вяло отбиваясь от соседки.

— С чего бы начать? — картинно задумалась подруга. — А, ладно. Расскажу по порядку. Во-первых, папочка навел шороху в ректорате — и в жилой зоне намечается ремонт. Во-вторых, я узнала, что ты у нас теперь героиня, спасшая целого дракона. В-третьих, я простила-таки Альфи, после того как он исползал на коленях всю комнату… веселящие шарики собирал. Он мне их в качестве извинения преподнес, а я не приняла, ну и рассыпала их по всей комнате. И он так трогательно их собирал, что я его простила. Ну, и в-четвертых, у тебя, оказывается, появилась свита,

состоящая из оборотней, к которым и мой Альфи принадлежит.

— И все это доставляет тебе такую радость? — уточнила я.

— А как же? Жизнь прекрасна! И мы обязаны это отметить! — уверенно заявила Кико.

— И каким же образом? — с опаской уточнила я.

— Отправимся в город и повеселимся. Сегодня второй осенний бал. Это городская традиция — жители знаменуют каждое время года тремя балами на центральной площади. И знаешь, что в этом самое замечательное? — заговорщицки подмигнув мне, спросила кикимора и тут же, не дожидаясь моей реакции, добавила: — Это бал-маскарад! И сегодня в академии день открытых ворот и дверей. И не только день, ночью ворота тоже будут открыты.

Кико была сильно возбуждена, она то захлебывалась длинными путаными фразами, то говорила отрывисто и коротко. И все время улыбалась.

— На вот, попробуй, — произнесла она, заметив мой взгляд, и протянула мне расписную металлическую коробочку в форме сердечка. Ловким движением девушка откинула крышечку, и я увидела множество разноцветных перламутровых шариков.

— Что это? — спросила я, отодвинувшись подальше от коробочки.

— Ты что, глупая! Это же веселящие шарики, попробуй, — пихая коробочку мне прямо в лицо, проговорила продолжающая радостно улыбаться соседка.

Я отстранила от лица коробку и вежливо отказалась от сомнительного угощения. В реестре запрещенных веществ эти шарики не значились, но у меня не было ни малейшего желания превращаться, подобно Кико, в агрессивную хохотушку с искусственно счастливым взглядом. Да и не верила я, что в моем настроении я смогу хотя бы улыбнуться, даже под воздействием магических, судя по всему, веселящих шариков.

— Ну уж нет! Ты заслужила немного радости, — авторитетно заявила кикимора и, схватив один из шариков, ловко раздавила переливающуюся нежно-голубым цветом горошину пальцами.

Шарик лопнул с глухим хлопком, и по комнате распространился аромат весенних цветов. А из-под пальцев девушки вырвалась струйка голубоватого дыма. Дым, словно живой, потянулся к Кико, но она легко подула на него, и струйка поменяла направление, повернувшись ко мне. Не успела я и глазом моргнуть, как дым проник в мои ноздри, и я непроизвольно вдохнула его. В носу стало щекотно, и губы сами собой растянулись в счастливой улыбке.

— Вот, так-то лучше! — заявила соседка и захлопнула

коробочку. — А на маскараде я тебе розовый дам, глядишь, и друга тебе подыщем, — добавила она, задорно подмигнув.

До праздника было еще около трех часов, и их мы с подругой решили потратить на наряды. Смеясь и подшучивая друг над другом, мы перемерили все, что у нас было, и отправились к некой Мартине, которая просто обязана была помочь нам с маскарадными костюмами. Кто такая Мартина — я понятия не имела, так же как и о том, почему она обязана нам помогать. Но судя по тому, что Кико захватила с собой заветную коробочку, эта Мартина еще и сама не знала, какой чести она будет удостоена.

Мы честно старались вести себя спокойно и не смеяться, идя по коридору, но получалось у нас плохо. Сдержанные смешки и откровенный заливистый смех были слышны, наверное, на всем этаже.

— Весело им, смеются. И где, спрашивается, посмертный покой? — проворчал кто-то у нас над головами.

— Чш-ш-ш! — приложив палец к губам, прошипела кикимора. — Уважаемый хранитель, а мы как раз вас и искали! — воскликнула она, запрокинув голову.

Перед нами опустился полупрозрачный силуэт духа Далиуса.

— И что тебе опять нужно? — недовольно поинтересовался он.

— Понимаете, у нас дверь заклинило, никак не открывается, — невинно хлопая лукавыми глазками, с трагичными нотками в голосе, жалобно солгала моя соседка.

— А я-то тут при чем? Слесаря зовите, — произнес дух и начал тускнеть, собираясь нас покинуть.

— Так звали, не пришел, — развела руками Кико. — А вы же мужчина, сильный к тому же. Помогите, пожалуйста, — девушка сложила руки в умоляющем жесте и состроила такую гримасу, что даже я поверила и посочувствовала.

— Ладно, не ной. Пошли, посмотрю, — проворчал хранитель.

Мы вернулись к нашей комнате. Кико демонстративно подергала дверь, чтобы продемонстрировать, что она не открывается. Я сначала удивилась, а потом опустила взгляд и увидела, что сама же кикимора и придерживает ее ногой. От скрутившего меня приступа смеха вздрогнул даже призрак.

— Что это с ней? — подозрительно заколебался дух.

— Не обращайте внимания, перезанималась, — небрежно отмахнулась подруга.

— Сейчас посмотрю, что там с вашей дверью, — проговорил Далиус и просочился в дверь.

Спустя мгновение он вернулся и недоуменно пожал призрачными плечами.

— Не понимаю, замок в порядке. Попробуй еще раз, — велел хранитель.

Кикимора еще раз проделала фокус с неоткрывающейся дверью и скорбно вздохнула.

— Отойди, сам попробую, — проговорил Далиус и материализовался полностью.

Кико мгновенно открыла коробочку, вытащила из нее сразу горсть шариков, сдавила их в кулаке и, разжав ладонь, подсунула под нос духу-хранителю.

— Это еще что такое? — спросил Далиус, принюхался и улыбнулся. — Как приятно пахнет.

Когда мы с соседкой убегали, хранитель хлопал нашей дверью, то открывая ее, то закрывая, и, счастливо улыбаясь, восклицал:

— Ну открывается же! Открывается!

Уже в конце коридора нас настиг громогласный хохот, доносящийся, казалось, одновременно со всех сторон.

— Сегодня будет весело не только на маскараде, — посмеиваясь, проговорила кикимора.

Мы свернули в соседний коридор, и Кико остановилась у одной из множества дверей. Я по инерции прошла еще несколько шагов и, хихикая, вернулась.

— Ты только не удивляйся, Мартина, конечно, эльфийка полная, но по рождению она только наполовину остроухая, так что с ней договориться можно, — проговорила подруга, демонстративно потрясая коробочкой, в которой зазывно позвякивали дарящие беззаботную легкость и радость шарики.

— Так пошли договариваться! — азартно воскликнула я.

Такой эльфийки я еще никогда не видела! Единственным, что связывало высокую, под два метра ростом, ширококостную, смуглую, черноволосую девушку с эльфами, были заостренные сверху уши. У Мартины был широкий, тяжелый подбородок, раскосые карие глаза и большой рот с пухлыми коричневыми губами. По отдельности черты ее лица, возможно, и были отталкивающими, но в ней они гармонично сочетались, создавая образ вызывающей, порочной красавицы.

— Чего уставилась? — поинтересовалась девушка глубоким, грудным голосом. — Никогда кенфа не видела?

— Нет, — честно призналась я, широко улыбаясь. — А кто это?

— Ты зачем ее сюда привела, пигалица? — спросила Мартина у Кико. — Здесь вам не цирк.

— Ой, Марти, успокойся, — беззаботно ответила и юркнула в комнату, без проблем пройдя под рукой хозяйки, кикимора.

В сравнении с Мартиной моя соседка казалась крошечной и хрупкой, как ребенок.

— Заходи, чего встала? — проговорила высокая девушка, посторонившись.

— А ты уверена, что у нее найдется что-то наших размеров? — спросила я шепотом, подойдя к подруге.

— Я на слух не жалуюсь, — проворчала Мартина. — И с чего вы решили, что я буду вам помогать?

Вопрос был адресован Кико, она и ответила.

— Я вот все смотрю на тебя и думаю: красивая ты, Марти, а все время серьезная такая ходишь, что к тебе и подойти-то боятся. В общем, я решила взять над тобой шефство, — проговорила кикимора и протянула Мартине руку.

Послышался хлопок лопнувшего шарика, и к хозяйке комнаты устремилась изумрудно-зеленая струйка дыма. И без того большой рот девушки растянулся в широкой улыбке, и она мгновенно преобразилась.

— А давайте веселиться! — радостно воскликнула Мартина.

— Сегодня на площади будет маскарад, — тут же пошла в атаку Кико.

— Значит, пойдем на маскарад, — уверенно заявила Мартина.

— Так мы и пришли тебя позвать. Вот только нам надеть нечего, — развела руками кикимора.

— Ну, это мы быстро исправим, — продолжая улыбаться, заверила нас высокая девушка. — Сейчас посмотрим, что тут у меня есть.

Мартина отошла к большому, занимающему всю стену шкафу, а я наклонилась к подруге и прошептала:

— А она вообще кто?

— Я кенф, — ответила вместо Кико обладающая действительно отличным слухом Мартина. — Помесь эльфа и кентавра в каком-то там поколении. Моя прапрабабка, говорят, была белокурой красавицей с лошадиной попой.

Мы все дружно рассмеялись и так, продолжая смеяться, начали подбирать ткани, из которых Мартина обещала за считаные минуты создать лучшие маскарадные платья.

— Марти, ты вот скажи мне, — проговорила Кико, обмотавшись отрезом ткани своего любимого зеленого цвета, — а как такое вообще возможно, чтобы кентавр и эльф… ну, ты меня поняла.

— Какая ты испорченная, — погрозила пальцем Мартина, посмеиваясь и обматывая меня яркой тканью. — Мы магически объединенная раса. Взяли кровь и энергетику одной расы, то же

самое от другой — и смешали.

— А кто взял-то? — Кико обмотала и голову тканью, оставив открытыми только глаза.

— Боги, кто ж еще, — пожала плечами Мартина. — Так что я — божественно выведенная красотка.

Мартина тоже обмоталась тканью и принялась расхаживать по комнате, высоко подняв голову.

— Мы все красотки и должны сегодня покорить весь город! — авторитетно заявила кикимора.

— Тематические наряды или платья и маски? — спросила Мартина.

— Я хочу быть волчицей! — воскликнула кикимора. — Зелененькой такой волчицей!

— А мне лучше платье и маску, — с трудом проговорила я, захлебываясь смехом от того, что представила позеленевшую волчицу.

Оказалось, что Мартина обладает редкой магией, получившейся в результате соединения магических рас. Она может материализовать все, что только пожелает. Достаточно как можно достовернее это представить и иметь в наличии исходный материал. Исходным материалом были ткани, так что спустя каких-то полчаса Кико красовалась в бархатном зеленом платьице с волчьими хвостом и лапками. Голову ее украшала шляпка в виде головы волка с задорно торчащими волчьими ушками, а нижнюю часть лица закрывала полупрозрачная вуаль.

— Какая ты хищница, — протянула я посмеиваясь.

— Зелененькая, мягкая и пушистая, — гордо провозгласила кикимора.

— Так, теперь займемся тобой, — указав на меня пальцем, произнесла Мартина.

Для меня девушки выбрали бордовую ткань с напоминающим всполохи огня светло-розовым узором. Из нее Мартина и соорудила шикарное вечернее платье. И маску, закрывающую почти все лицо. Открытыми оставались только губы и подбородок.

Для себя рукодельница быстро выбрала наряд из уже имеющихся. Это было облегающее платье глубокого синего цвета, обнажающее почти всю спину, но со скромным вырезом спереди. Довершали наряд аккуратная маска и маленькая шляпка.

До бала оставалось еще около часа, а мы уже были готовы и гордо вышли из комнаты, намереваясь отправиться на площадь, чтобы уж точно не пропустить начало торжества.

Но академия встретила нас вакханалией и разгулом полного хаоса.

Коридор был заполнен разноцветной пеной, в которой барахтались какие-то мелкие зверьки, под потолком порхали большие и не очень бабочки, и отовсюду слышался заразительный смех.

— Мы же платья испачкаем, — воскликнула Кико и первой бросилась в пенное веселье.

Мы с Мартиной переглянулись и кинулись за ней.

До выхода из замка мы добрались все в пене и держась за животы от смеха. Как только наших нарядов коснулись прямые солнечные лучи, озаряющие центральную лестницу академии, пена истаяла призрачной дымкой, а на платьях не осталось и следа.

— Вот Далиус — пройдоха! — радостно воскликнула Мартина. — Эта пена не настоящая, а такая же призрачная, как и он.

Мы поделились с новой подругой тем, как приобщили хранителя академии ко всеобщему веселью, и она долго хохотала. Сейчас же Мартина повернулась к Кико и попросила:

— Дай мне розовый шарик. Сегодня от меня не уйдет мой таинственный любимый, кем бы он ни был!

Кикимора без возражений открыла коробочку и протянула ее Мартине.

— Юнила, бери! — воскликнула кенфа. — Мы все заслуживаем немного романтических приключений.

— А у меня уже есть пара, — гордо известила Кико. — Но нужно наши отношения немного оживить.

Соседка тоже взяла розовый шарик и вдохнула выпущенный из него дым.

— Будь по-вашему, — посмеиваясь, проговорила я и тоже выбрала розовую горошину. — Я никогда не влюблялась. Будет интересно попробовать.

— Тут принцип другой, — отрицательно покачала головой кикимора. — Влюбишься ты, только если и без шариков влюбилась бы. Но вот видеть будешь всю подноготную каждого кавалера, а вот они в тебе будут видеть только то, что хотят. А они, как известно, по внешности выбирают. Так что сегодня все мужчины на балу глаз с нас сводить не будут — выбирай любого!

— У меня сегодня другая задача, — улыбнулась я. — Выбирать точно некогда будет.

Территорию академии мы покинули без препятствий, выйдя за ворота вместе с потоком нарядных студентов, тоже спешащих на празднество. Выделялись из общего потока мы только тем, что задорно смеялись без умолку и норовили всех обогнать. Девушки провожали нас возмущенными завистливыми взглядами,

рассматривая наши платья, а наро спешили уступить дорогу. Самые смелые же пытались познакомиться, но мы всех отвергали, спеша на площадь, туда, где будет проходить бал и куда стекутся все без исключения жители столицы.

— Поговаривают, что даже сам нарай, бывает, облачается в маскарадный костюм, скрывает лицо и приходит повеселиться вместе со своими подданными, как обычный человек, — поведала шепотом, словно великую тайну, Мартина. — Вот окручу его, стану первой женой правителя в многовековой истории и докажу этим высокомерным чистокровным, чего мы — кенфы — стоим.

— Какие у тебя планы! — рассмеялась Кико.

— Не веришь? Предлагаю пари: я привлеку внимание нарая, вот увидишь! — воскликнула Мартина и закружилась на месте, притягивая к себе все больше восхищенных взглядов.

Соседка подмигнула мне и провозгласила:

— Сегодня свершится великое — студентка академии Хроноса покорит рубиновое сердце величайшего правителя!

На площадь мы буквально ворвались, держась за руки и громко смеясь. Наше появление словно послужило знаком — и грянула музыка, извещая об открытии бала. Вместе с подругами я веселилась, смеялась и танцевала среди мелькающих масок и ярких костюмов, забыв обо всем на свете.

Меня не смутило даже то, что какой-то мужчина в серебристой маске подхватил меня за талию и начал кружить по площади в такт музыке. Я совершенно не умела танцевать, но это не имело никакого значения, мой партнер прекрасно справлялся за нас обоих, умело ведя меня по кругу. Голова кружилась, улыбка не сходила с моих губ, на душе было так светло и радостно, что я совершенно не огорчилась, когда мой кавалер заговорил, и я узнала в нем Громиро.

— Ты обманула меня, Юнила. Обещала дать ответ, а сама сбежала на бал, — беззлобно проговорил он.

— Но ты же здесь, значит — свидание можно считать состоявшимся. Разве нет? — подарив Рэндому кокетливый взгляд, произнесла я. — Как ты меня узнал?

— По запаху. Твоя кровь, забыла? — усмехнулся Рэн.

Сейчас он не казался мне таким пугающим и настойчивым, я видела в этом оборотне скорее надежного, сильного молодого человека, который, вероятно, даже мог бы стать мне преданным другом. Желание проучить его пропало, но я решила не отступать и показать Рэну, что не стоит больше пытаться принуждать меня к чему-либо с помощью обмана.

— Знаешь, я подумала и решила, что ты не должен скрывать мои преступления. Не хочу, чтобы и у тебя возникли

проблемы, — проговорила я, изобразив раскаяние. — Можешь рассказывать кому хочешь, я не обижусь. И даже не перестану считать тебя другом… когда вернусь с каторги. Возможно, я даже тогда не буду еще очень старой и приму твои ухаживания…

Рэндом прекратил кружить меня в танце и смотрел как на умалишенную.

— В чем дело? — невинно поинтересовалась я.

— Ты издеваешься надо мной? — раздраженно спросил он.

— Ну что ты, я не посмела бы, — заверила я его, продолжая улыбаться. — А ты будешь меня ждать? — спросила я громким шепотом, прильнув к оборотню. — Ведь мне грозит страшное наказание за великие преступления.

— Прекрати. Я не узнаю тебя, — попросил Громиро.

— Так не играй с тем, кого не знаешь, — посоветовала я, оттолкнув его. — Ведь я тебя точно ждать не буду, если отправишься в ссылку за шантаж и принуждение.

Я не видела лица Рэндома, но он наверняка был зол и уязвлен. Оборотень смерил меня холодным взглядом из прорези маски и произнес словно оскорбление:

— Ты истинная дочь божественной крови.

— А знаешь, возможно, ты и прав, — с гордостью ответила я, развернулась и пошла искать подруг.

Как бы неприятно ни было у меня на душе после случившегося, но губы сами растянулись в улыбке. И это не было действием шариков, мне понравилось быть сильной, я чувствовала истинную радость от осознания, что способна постоять за себя.

— Окажите мне честь, — отвлек меня от радостных мыслей глубокий приятный голос.

Передо мной стоял высокий широкоплечий мужчина в черно-бордовом костюме и черной полумаске, оставляющей открытыми волевой подбородок и четко очерченные губы, кривящиеся в легкой полуулыбке.

Розовый шарик был тому причиной или что-то еще, но я чувствовала исходящие от него почти осязаемые волны силы, на фоне которых моя только что обретенная уверенность в себе мгновенно померкла. Этому мужчине я не посмела бы отказать в танце, даже если бы и захотела. Но я не хотела отказываться и с радостью вложила свою руку в его ладонь.

— Вы не откроете мне свое имя, загадочная незнакомка? — спросил мужчина, увлекая меня в круг танцующих.

— А вы свое? — задала я встречный вопрос.

— Справедливо, — улыбнулся мужчина. — Вы приехали к кому-то в гости или решили поселиться в этом городе? —

продолжил расспрашивать мужчина.

— А почему вы решили, что я не местная? — вновь ушла я от ответа.

— Интуиция, — усмехнулся незнакомец.

— Вы всегда ей верите? — спросила я, чувствуя себя некомфортно под пытливым взглядом черных глаз.

— Обычно она меня не подводит, — неопределенно ответил мужчина. — И сейчас она подсказывает мне, что мы еще встретимся. Вы со мной согласны?

— Моя интуиция не столь многословна, — ответила я, продолжая улыбаться, но в душе чувствуя опасность, исходящую от партнера по танцу.

Чем же я его так заинтересовала? Здесь и помимо меня полно девушек в красивых платьях и масках. И даже если его привлекло действие розового шарика радости, то почему именно я? Почему он не обратил внимания на Кико или Мартину?

— Вы оборотень? — спросила я и смутилась, осознав, насколько это было бестактно.

— Нет, — посмеиваясь, ответил незнакомец. — Но вы на правильном пути, думайте. Уверен, что вам под силу разгадать эту тайну.

Не дождавшись окончания мелодии, мужчина остановился, поцеловал мне руку и исчез в сумятице танцующих пар.

Когда я нашла веселящихся подруг, действие шариков полностью выветрилось и мне уже очень хотелось вернуться в академию, запереться в своей комнате и, спрятавшись под одеяло, бороться с желанием найти Рэндома, чтобы попросить у него прощения. Еще очень хотелось забыть таинственного незнакомца, после встречи с которым на душе осталось горькое послевкусие грядущих неприятностей.

— Юна! — воскликнула Кико, отлипая от молодого человека в почти такой же серой маске, какая была у Громиро, и обнимая меня.

— Нари Юнила, — произнес друг кикиморы и склонил голову.

— Альфи, мы же договаривались. Не привлекай внимание, — шикнула на него Кико.

— Прошу прощения, — ответил Альфред, выпрямляясь. — Рефлекс.

— А если я попрошу больше так не делать, это поможет? — спросила я, с надеждой глядя на оборотня.

— Вы меня этим очень обяжете, — вновь склонил голову Альфред и получил тычок от кикиморы.

— Прекрати, — прошипела Кико.

— Я прошу вас больше никак не реагировать на мое происхождение и не выделять меня среди прочих студенток академии, — официальным тоном произнесла я и добавила, почти умоляя: — И всем остальным мою просьбу передай.

— Он передаст. Вот прямо сейчас пойдет и всем передаст твой приказ, — широко улыбаясь, проговорила Кико, приподняла маску на лице друга, поцеловала его и оттолкнула, напутствовав строгим тоном: — И не смей пропадать, ты обещал проводить меня.

— Как прикажешь, моя зеленая волчица, — усмехнулся Альфред и удалился.

— Что-то ты, подруга, не веселишься. Сейчас мы это исправим! — воскликнула соседка и потянулась к висящему на поясе бархатному мешочку, в котором лежала заветная коробочка в форме сердечка.

— Не стоит. Я устала и, пожалуй, вернусь в академию. Мне завтра аттестацию проходить. Нужно выспаться, — отказалась я, поймав подругу за руку и не позволив ей развязать мешочек.

— Да ты что? Завтра вся академия будет в трансе от бала. Я тут несколько минут назад видела, как наш куратор по учебной части с каким-то мужчиной с накладными усами обнимается. Так что никакой аттестации точно не будет, — посмеиваясь, рассказала мне Кико и все же достала коробочку. Мне в лицо устремилась струйка сиреневого дыма, и тут соседку кто-то нечаянно толкнул, коробочка выскользнула из ее рук, и шарики раскатились по площади, прямо под ноги танцующих. Веселились мы почти до рассвета…

* * *

Утром, а вернее после полудня, когда мы с соседкой еще не проснулись, но уже и не спали, пребывая в вялом состоянии дремы, в нашу дверь кто-то настойчиво постучал.

— Нас нет, — прошептала Кико и набросила на голову одеяло. — Кого там дурость с утра пораньше в выходной день принесла? — проворчала она уже из-под укрытия.

В дверь опять постучали, и мне пришлось встать, потому что подруга этого делать явно не собиралась. Я едва не вскрикнула, когда из моего тапочка выбралась лягушка, спрятавшаяся там от прожорливого цаплика. Птица тут же встрепенулась и вышла на охоту.

Я же набросила халат и поспешила к двери, в которую уже непрестанно колотили. Посетителем оказался незнакомый мне

наро, лицо которого я так и не смогла рассмотреть, потому что этому мешал огромный букет цветов. Вручив его мне, наро пододвинул ногой коробку, перевязанную пышным бантом, заталкивая ее в комнату, и быстро ушел. Растерявшись, я даже не успела спросить, от кого все это, а главное — кому.

— Что там? — глухо спросила Кико, так и не выбравшись из-под одеяла.

— Цветы и подарок, — ответила я.

— М-м-м, — протянула кикимора. — А кому?

— Не знаю, — честно призналась я, водружая букет на стол.

— Ну что за поклонники пошли, — ворчала Кико, выбираясь из кровати. — Мало того, что спать мешают, так еще и думай потом, кто это был. Посмотри, там карточки в букете нет?

Я осмотрела цветы и действительно нашла маленькую черную карточку с серебристым тиснением.

— «Доб-ро по-жа-ло-вать», — по слогам прочитала я, повертела карточку и пожала плечами. — От кого — не написано.

— Ерунда какая-то. Ты что, умудрилась богатого покровителя сегодня ночью подцепить? — спросила подруга, забрав у меня карточку и разглядывая ее. — А что за подарок?

— Сейчас узнаем, — произнесла я, подхватывая большую, но оказавшуюся легкой коробку, и поставила ее на стул.

В коробке обнаружился странный и просто неприличный подарок! Это был полный комплект одежды. От белья и чулок до красивого, но, на мой взгляд, слишком откровенного платья и туфелек на тонком высоком каблучке. Ко всему этому прилагалась коробочка с украшениями и приглашение в какую-то «Тихую гавань» сегодня вечером.

— Ну, подруга, умеешь ты удивлять! — присвистнула кикимора. — Точно покровителя подцепила!

— Я никого не цепляла! — возмутилась я подобным заявлением. — И никуда не пойду. Тем более я понятия не имею, от кого это приглашение и что такое эта «Тихая гавань».

— Да ты что? Это же самый закрытый и престижный клуб для выдающихся представителей Амнистании. Даже мой отец туда не с первого раза попал, а только по протекции нарая, — зачарованно произнесла Кико. — Точно! — вдруг воскликнула она, потрясая пригласительным билетом. — Это он тебя и пригласил! Нарай хочет познакомиться с тобой. Ты же его дочь, так что он имеет на это полное право.

— Все равно не пойду, — проворчала я, закрыв коробку и отвернувшись.

Возможно, мои выводы были ошибочными, но я подозревала, что это все было не от нарая, а от того таинственного незнакомца

с развитой интуицией. Ну не мог же именно он быть нараем Амниосом Хроно — богом, правящим Амнистанией уже много веков! Ведь тому мужчине было не больше тридцати, а нарай наверняка выглядит намного старше. А даже если и так — не пойду! Просто потому, что мне страшно. Если это мой отец, и он вдруг возжелал со мной познакомиться, то пусть приходит сюда. А если просто богатый мужчина, которому я приглянулась, то нам вообще не о чем разговаривать.

— Глупая ты, — пожала плечами подруга. — Если этот человек, пусть даже и не нарай, вхож в «Тихую гавань», то он тебя где угодно найдет. Лучше сходить и познакомиться, чтобы знать — чего от него ждать.

— Нет, — категорично ответила я.

— Потом не жалуйся, что я тебя не предупреждала. Таким людям не отказывают, — обиженно проворчала Кико и вернулась в кровать. — И не зови на помощь, когда за тобой придут, — добавила девушка, натягивая одеяло на голову.

— А за мной могут прийти? — испуганно спросила я. — А как же защита академии?

— Вот ты действительно ничего не понимаешь или притворяешься? — раздраженно поинтересовалась кикимора, откидывая одеяло. — Да Ишаро сама его до нашей комнаты проводит и покараулит, пока он с тобой разбираться будет! Он, возможно, даже в совет меценатов академии входит, так что мы за его счет едим, спим и вообще учимся. Был бы это какой-нибудь обычный горожанин, так его презенты бы до тебя и не дошли. Все, думай сама. Я спать хочу!

Подруга отвернулась к стене и затихла, а я смотрела на коробку и все больше чувствовала себя опять невольницей.

— Кико, — позвала я соседку, — Кико, а у тебя еще шарики радости остались?

— Зачем тебе? — пробурчала кикимора, не поворачиваясь.

— Для смелости, — тихо призналась я.

— Для смелости есть другие средства, а шариков больше нет, к сожалению, — вздохнула Кико. — И вообще, хватит с тебя всяких зелий и препаратов. Пора бы уже и самой учиться принимать решения. А то так и будешь всю жизнь для смелости прибегать к шарикам да микстурам.

— Легко тебе говорить, а я себя выброшенной из воды рыбой чувствую, — прошептала я.

— Ну, хочешь, я с тобой схожу? — предложила подруга, сбрасывая одеяло на пол и вставая.

— Так приглашение только для меня, — проговорила я, с надеждой глядя на кикимору.

— А я тебя снаружи подожду. Если не выйдешь через полчаса — подниму тревогу, — проговорила Кико, подойдя ко мне и с размаху плюхнувшись на кровать рядом.

— Хорошо, — неуверенно согласилась я, в глубине души зная, что ничего хорошего в этом нет.

На обед я идти не хотела, но подруга буквально вытолкала меня за дверь. В академии было необычно тихо, и только шорох подвешенных под потолком разноцветных фигурок из бумаги свидетельствовал о вчерашнем разгуле хранителя. В столовой вместе с нами находилось не больше тридцати человек, и большинство из них были обитателями синей зоны, которые накануне предпочли остаться в стенах родного заведения и позаниматься, вместо того чтобы тратить время на увеселения.

— Прекрати вздрагивать от каждого шороха и испуганно озираться, — попросила меня Кико, когда я в очередной раз втянула голову в плечи, услышав хлопок входной двери.

— Прости, — пробормотала я, уткнувшись в тарелку.

— Ничего он тебе не сделает. В конце концов, ты дочь нарая, и даже самый влиятельный житель столицы не посмеет обидеть носительницу божественной крови, — попыталась успокоить меня подруга.

— А если это сам нарай? — спросила я шепотом.

— Вряд ли. Сомневаюсь, что отец прислал бы тебе такое приглашение. Он, говорят, вообще не стремится встречаться со своими детьми, но не имеет ничего против их продвижения, — пожала плечами кикимора. — Так что если бы это был он, то, скорее всего, намекнул бы ректору о твоем особом положении, но не пытался с тобой встретиться.

— У меня и так тут положение более чем особое. Даже с мамой видеться запретили, — проворчала я недовольно.

— Они просто боятся, что ты выйдешь из-под контроля, — пояснила Кико. — Это сейчас ты ничего не умеешь, а когда кровь возьмет свое, станешь одной из сильнейших в Амнистании.

— Я в себе совсем не чувствую той силы, о которой ты говоришь, — произнесла я, не особо веря в утверждение подруги.

— Просто ты слишком неуверенная в себе. Вот сегодня и проверим, на что ты способна, — воодушевленно проговорила кикимора.

— Постой! Мне же запрещено покидать территорию академии, — воскликнула я радостно. — Так что можно не идти на эту встречу, и моей вины в том не будет.

— Ты меня вообще слушаешь или нет? Если ты получила приглашение, то и выйдешь без проблем, — недовольно ответила соседка. — Решили идти, значит, пойдем.

* * *

Я категорически отказалась надевать ту одежду, которую прислал незнакомец, и выбрала обычное платье. Скромное и неяркое, наиболее точно отражающее мою сущность.

— Серость и скука, — прокомментировала мой вид Кико. — Но дело твое. Если уж позвали, пусть радуются тому, что есть.

Привратник вообще проигнорировал нас, демонстративно отвернувшись, словно никто и не проходил мимо него. А за воротами я неожиданно натолкнулась на того самого старца, который помог мне пройти через защиту, чтобы встретиться с мамой.

— Ну, здравствуй, милая. Смотрю, ты опять к маме побежала, — ласково проговорил он.

— Здравствуйте, дедушка, — поздоровалась я. — Нет, я не к маме.

— Ты с кем разговариваешь? — недоуменно озираясь, спросила кикимора.

— А куда же ты направляешься? — поинтересовался старик, не обращая внимания на Кико.

— Мне назначили встречу в одном закрытом клубе. Вот, пошла узнать — кто меня пригласил, — честно призналась я.

По какой-то причине я не могла солгать или не ответить этому незнакомому, но такому доброжелательному старцу.

— Ну что ж. Удачи тебе, милая, — улыбнулся старик и положил руку мне на плечо.

Меня словно жаром опалило, голова закружилась, и появилось ощущение, что в груди заметались сотни жгучих искорок. Через мгновение все прекратилось, но старика рядом уже не было.

— Идем, — произнесла я уверенно, чувствуя неведомо откуда появившуюся в себе смелость и убежденность в своих силах.

— Странная ты сегодня. Больше, чем обычно, — с подозрением глядя на меня, пробурчала подруга.

Кико отлично знала город, и мы быстро добрались до таинственного клуба. На первый взгляд это был обычный богатый дом, окруженный высоким решетчатым забором и маленьким садиком. Ворота были не заперты, и мы спокойно прошли к широкой лестнице. Я не решалась прикоснуться к бронзовому молоточку, и подруга постучала вместо меня.

Дверь отворили мгновенно, словно кто-то поджидал нашего прихода.

— Слушаю вас, нари, — вежливо произнес молодой мужчина в ослепительно-белом костюме. После чего окинул нас

придирчивым взглядом и поинтересовался: — Вы заблудились?

— Нас сюда пригласили, — гордо заявила Кико и попыталась пройти в дом.

— Сомневаюсь, — все так же беспристрастно произнес мужчина, не пропуская ее. — Если вы не попали в беду и не нуждаетесь в срочной помощи, то покиньте, пожалуйста, территорию частных владений.

Я облегченно выдохнула и развернулась, чтобы уйти.

— Нет уж, подождите! — возмущенно воскликнула кикимора. — Юна, приглашение! — подруга протянула руку и щелкнула пальцами.

Мне пришлось вернуться и отдать ей конверт.

— Вот! Убедился? Напыщенный болван! — гордо произнесла девушка, сунув приглашение мужчине прямо в лицо. — Отойди.

Кико буквально оттолкнула изучающего содержимое конверта мужчину, схватила меня за руку и завела в большой холл.

— Постойте, нари. Здесь приглашение только на одну персону, — обогнал он нас и преградил дорогу.

— Ничего, я здесь подожду, — объявила кикимора не терпящим возражений тоном. — И даже не мечтайте, что я уйду. Мой отец вхож в это заведение, и ему вряд ли понравится, что его дочь выставили за дверь в ночь.

— Следуйте за мной, — слегка поклонившись, проговорил мужчина, сверля Кико подозрительным взглядом.

— Не переживайте, бокалы и салфетки воровать не буду, — напутствовала его моя подруга, с любопытством осматриваясь.

Судя по выражению ее лица, она с удовольствием унесла бы все, что смогла бы поднять.

Меня проводили на второй этаж, провели по длинному коридору и указали на последнюю дверь. После чего мужчина еще раз поклонился и беззвучно удалился.

Я же стояла у двери и не решалась войти. Решение приняли за меня. Дверь открылась, словно приглашая меня, но за нею никого не оказалось. Стоять на месте дальше было не только неприлично, но и глупо, и я шагнула в погруженную в полумрак комнату.

— Приветствую тебя, дочь врага моего, — услышала я знакомый приятный голос сбоку, но, повернувшись, увидела лишь ноги сидящего в кресле мужчины. Лицо его оставалось в тени.

— Здравствуйте, — сочла я нужным проявить ответную вежливость.

— Ты отвергла мой дар. Непреклонна, как и твой отец, — с усмешкой в голосе произнес незнакомец.

— Мне комфортнее в собственной одежде, — стараясь говорить уверенно, произнесла я.

— Мне недоступны твои мысли, дочь бога, но я чувствую твой страх. А это свидетельствует в пользу здравого рассудка, — продолжил беседу мужчина, оставаясь в тени. — Так что же привело тебя сюда?

— Вы меня пригласили, — ответила я, начиная сомневаться в психическом здоровье незнакомца.

— Не лги мне, полукровка! Я надеялся на конструктивную беседу, но теперь вижу, что диалога не получится, — слегка повысил голос мужчина. — Я не могу убить тебя, но ты должна понимать, что в моей власти сделать твое пребывание здесь невыносимым. Подумай о своей смертной матери.

— Не смейте угрожать моей маме! — воскликнула я, делая шаг к мужчине.

— Стой на месте. Не вынуждай меня причинять тебе боль. Как бы я ни ненавидел твоего отца, мысль о том, что придется сделать больно женщине, не доставляет мне удовольствия, — предостерегающе проговорил незнакомец.

— Кто вы, и что вам от меня нужно? — спросила я, безуспешно борясь с дрожью в голосе.

— Прекрати притворяться жертвой. Это оскорбляет меня, — недовольно произнес голос из тени.

— Я не притворяюсь! — возмущенно воскликнула. — И я ухожу. Оставьте в покое меня и мою мать.

— Передай своему неукротимому папочке, что я готов к любым его ходам, — подавшись вперед, зловеще предупредил незнакомец.

Я думала, что вот сейчас увижу его лицо, но тень словно следовала за ним, и я не смогла ничего рассмотреть.

— Не смею больше отнимать ваше время, — вежливо попрощалась я с умалишенным, чья личность так и осталась для меня загадкой, и вышла из комнаты.

По коридору я шла медленно, но, подойдя к лестнице, не выдержала и сорвалась на бег.

— Ну что там? Кто это? — бросилась ко мне с расспросами Кико.

— Пошли отсюда быстрее, — только и проговорила я, схватив ее за руку и потянув к выходу.

— Рассказывай! — потребовала подруга, как только мы покинули территорию клуба.

— Да нечего рассказывать. Я его даже не видела, в тени прятался, как бандит, — пожала я плечами.

— А как назвался? — не унималась кикимора.

— Врагом моего отца. Сказал, что я дочь его врага, и требовал объяснить, зачем пришла. Мне показалось, что у него проблемы с умственным здоровьем, — проговорила я, осматриваясь. На город уже опустились сумерки, и мне чудилось, что за нами кто-то наблюдает.

— Как интере-е-есно, — протянула Кико. — Не думала, что у нашего нарая есть враги. Действительно сумасшедший. Разве здравомыслящий человек будет враждовать с богом, да еще и на его территории?

— Вот и я так подумала, — кивнула я, соглашаясь с выводами подруги. — Но он угрожал не только мне. Он знает про маму и намекал, что в его власти навредить ей. Может быть, зайдем в гимназию Мгновений, предупредим маму об опасности?

— Уже слишком поздно, нас не пропустят, — с сожалением ответила кикимора. — Давай завтра к ней сходим.

— Если меня выпустят из академии, — с грустью ответила я.

В душе поднималась тревога. Я кожей ощущала подбирающуюся опасность. Вряд ли этот свихнувшийся незнакомец так просто оставит меня в покое.

Мы беспрепятственно прошли через ворота академии. Таинственного старика нигде видно не было, а я так надеялась расспросить его. Ведь не просто же, по доброте душевной, он мне помогает. Вокруг меня скапливалось все больше тайн, а я не знала, что делать, чтобы разгадать хоть одну из них.

Ночь прошла в бесплодных поисках ответов на накопившиеся вопросы. Уснула я только под утро, приняв решение направить все усилия на учебу, но быть начеку, чтобы встретить очередную проблему во всеоружии.

* * *

— Студентка Юнила Нарисо, пройдите в аудиторию номер тридцать четыре, — разнесся по столовой необычно спокойный, и даже совсем не замогильный, голос хранителя Далиуса.

— Жалко мне его, — тихо проговорила Кико. — Зря я, наверное, шариками с ним поделилась. Говорят, Ишаро его на неделю в материальной оболочке заблокировала за то, какую вакханалию он тут устроил.

— Скорее не жалко, а мести боишься, — усмехнулась я, вставая из-за стола. — Пожелай мне удачи на аттестации.

— Зачем? Ты и так все сдашь. Микстура Обрино осечек не дает, — отмахнулась подруга, и я пошла на встречу с куратором по учебной части, нарой Аст Одонт.

Куратор Одонт ожидала меня в означенной аудитории, сидя за столом и перелистывая учебники.

— Здравствуйте, — поприветствовала я энта.

— Проходи, Юнила, присаживайся, — указала на ближайший к учительскому ученический стол нара. — Какую форму опроса предпочитаешь: устную или письменную? — поинтересовалась женщина, продолжая просматривать книгу.

— Устную, — мгновенно ответила я. С письмом у меня было не лучше, чем с чтением.

— Как хочешь. Обычно студенты предпочитают письменные опросы, там дополнительных вопросов не задают, — улыбнулась куратор.

— Мне кажется, что устно будет быстрее, — неуверенно ответила я.

Но как только нара Одонт начала меня экзаменовать, неуверенность мгновенно прошла, и я без затруднений ответила на все как основные, так и дополнительные вопросы. Получив допуск к теоретическим занятиям и незаслуженную, на мой взгляд, похвалу, я уже хотела покинуть аудиторию, но куратор остановила меня совершенно неожиданным заявлением.

— Не спеши, Юнила. Сейчас сюда придет твой инструктор, и вы займетесь тренингом, чтобы пробудить твои способности, иначе тебя не допустят к практическим занятиям, — произнесла женщина, собрала бумаги, книги и вышла из помещения, оставив меня одну в растерянности ожидать прихода инструктора.

Посидев немного за столом, но так и не дождавшись инструктора, я встала и подошла к окну, вид из которого был поистине впечатляющим. Передо мной как на ладони

простиралась огромная площадь, разделенная на секции каменными перегородками. С высоты третьего этажа обзор был великолепный, и я прекрасно видела тренирующихся в ближайших секторах студентов.

На одной площадке занимались наро, под руководством высокого, стройного длинноволосого блондина оттачивая мастерство владения замысловатым оружием. Они ловко вертели в руках длинные шесты с широкими загнутыми лезвиями на концах. Другую занимали нари, гибко повторяя за миниатюрной женщиной сложные, на мой взгляд, гимнастические упражнения. Немного в стороне группа поменьше упражнялась в какой-то боевой дисциплине. Их инструктор, низенький, обритый наголо старик, совершал медленные движения, словно перетекая из одной позы в другую.

Но больше всего меня заинтересовала смешанная группа студентов, которые разбегались и прыгали прямо на стену, но исчезали за мгновение от удара об нее. Неужели они так легко отправляются в другое время?

— Слаженно двигаются, — прозвучало у меня за спиной. — Нам до этого еще работать и работать.

Вздрогнув от неожиданности и резко обернувшись, я увидела того самого мужчину, который вернул нас с Салимо из путешествия в прошлое.

— Инструктор Ранорио, — проговорила я вместо приветствия.

— Я не сомневался, что ты запомнишь нашу маленькую прогулку во времени, Юнила, — чуть улыбнувшись, произнес нар. — Только не стоит распространяться об этом. Будет лучше, если больше никто не узнает о попытке дракона нарушить цепь свершившегося. Ему и так от этой жизни досталось. Да ты и сама об этом знаешь, ведь именно ты отважилась погрузиться в лабиринт его сознания.

— Скорее в пещеру, — растерянно поправила я.

— Каждый видит то, что ближе ему, — пожал плечами Ранорио. — Но в любом случае ректор Ишаро решила дать парню еще один шанс, и будет несправедливо, если она передумает, узнав о том, что, по сути, и не произошло в этой версии настоящего.

— Мой нос уверен — что-то все-таки произошло, — тихо произнесла я.

— Впредь будешь беречь его от неосмотрительных поступков, — усмехнулся инструктор. — Ну что, приступим к тренингу?

— Как они? — с сомнением в собственных возможностях

спросила я, указав на окно.

— Нет. Сегодня мы займемся только твоим сознанием. Тело будем тренировать позже, когда твой потенциал проявится хотя бы на треть, — успокоил меня нар. — Присядь. Я объясню, что нужно делать.

Инструктор около десяти минут рассказывал мне о концентрации, энергетических потоках, возможностях разума. Я внимательно слушала и честно пыталась почувствовать хоть какой-то отклик в себе. Но совершенно ничего не ощущала.

— Давай в первый раз попробуем вместе, — предложил Ранорио, встав напротив меня и взяв за руки. — Закрой глаза и постарайся почувствовать таящуюся в тебе силу. Я помогу, подтолкну тебя в нужном направлении.

Я закрыла глаза, но в голове вертелось столько вопросов и сомнений, что почувствовать удалось лишь теплые ладони инструктора, сжимающие мои похолодевшие от волнения руки.

— Хм, странно. Твоя сила уже разбужена, но она словно в тисках. Что-то удерживает ее. Или кто-то… — задумчиво произнес нар. — Скажи-ка мне, Юнила, ты вообще не ощущаешь в себе магических способностей?

— Нет, — откровенно ответила я, открыв глаза. — Вообще ничего. И сомневаюсь, что у меня действительно есть эти загадочные силы.

— Все ясно! Ты просто не веришь в себя и на подсознательном уровне сама блокируешь свою энергию, — пояснил мужчина. — Нужно как-то расшевелить тебя, спровоцировать выброс силы, чтобы ты ощутила свои способности, прочувствовала путь выхода энергии.

Я послушно кивала, но понимала, о чем он говорит, с трудом.

— Чего ты боишься? — вдруг спросил Ранорио.

— Что? — озадаченно спросила я.

— Не важно, — ответил инструктор, отойдя в другой конец аудитории. — Сейчас кое-что проверим.

Мужчина вдруг стал словно смазанная картина, в которой смешались намокшие краски, и будто рывками начал приближаться ко мне, оставляя за собой длинную расплывчатую тень. Это было так жутко и зловеще, что я попятилась. Но буквально в паре шагов за моей спиной оказалась стена, и отступать было больше некуда. А Ранорио все приближался и тянул ко мне смазанные, словно призрачные руки с длинными черными пальцами, которые с легкостью обхватили бы мою шею. Когда он оказался прямо передо мной, я не выдержала, зажмурилась и закричала.

Кричала я не больше пяти секунд, но мне они показались

вечностью. Воздух в легких закончился, а я все еще была жива. Осторожно приоткрыв глаза, обнаружила прямо перед собой все еще смазанное, но ставшее более четким лицо инструктора. Он двигался, но очень медленно, словно постепенно собираясь из растянутой в пространстве тени в нормального человека. В поисках спасения я оглянулась по сторонам, взгляд упал на площадь за окном, и что-то насторожило меня. Что именно, поняла только всмотревшись в фигуры студентов. Они все замерли, кто-то в неестественной позе, а кто-то даже в прыжке, так и зависнув в воздухе. И тишина — вокруг меня стояла полная, лишенная даже шороха одежды тишина.

В следующее мгновение меня словно что-то толкнуло изнутри, вырываясь наружу, и мир наполнился привычными, но такими приятными после тишины звуками.

— Вот видишь. Все очень просто. Тебе нужна мотивация, и только, — улыбнулся ставший нормальным человеком инструктор.

— Сумасшедший, — выпалила я, оттолкнула нара и стремительно пошла к двери.

— Студентка Нарисо, вернитесь немедленно. Занятие еще не окончено, — строго произнес нар Контино.

Я не остановилась. Подобные выходки никак не вязались в моем понимании с педагогическими методами. Но Ранорио, видимо, опять применил то же жуткое умение двигаться смазанной тенью и в мгновение оказался передо мной.

— Вернись на место, — сверля меня взглядом, тихо произнес он.

— Зачем? Чтобы вы меня еще раз напугали? — спросила я враждебно.

— А ты вернись и узнаешь, — провокационно усмехнувшись, проговорил инструктор.

К страху и возмущению прибавилась еще и растерянность. Я никак не ожидала подобного поведения от преподавателя. Со мной словно играли, вот только я была не партнером по игре, а игрушкой, над которой потешались, пользуясь превосходящими силой, знаниями и полномочиями.

Попыталась обойти нара, но он встал перед дверью и повторил:

— Занятие еще не окончено.

У меня просто не было выбора. Не драться же с сильным мужчиной. Но идя к ученическому столу, я осознала, что меня пытаются сломить, подчинить, подавляя силой. А я слишком дорожу обретенной свободой, чтобы вновь стать бесправной жертвой, и не намерена так легко сдаваться!

Подошла к столу и села, но не на стул, а прямо на стол.

— Слушаю вас, инструктор Контино.

— Не стоит воспринимать меня как врага. Все, что я делаю и буду делать, направлено лишь на достижение успеха в твоем обучении, — произнес нар Ранорио. — Мы будем тренироваться по той методике, которая дает лучший результат. Сейчас я вижу, что лучшая мотивация для тебя — страх. Возможно, со временем ты пройдешь адаптацию и поймешь значение контроля над своими способностями. Твоя мотивация изменится — и, следовательно, претерпят изменения мои методы. Сейчас же ты еще не отказалась полностью от рабской линии поведения, и наиболее действенным является подавление. Мне это тоже не нравится, но у нас нет времени ждать, когда ты осознаешь свою свободу. Слишком велика опасность всплеска неконтролируемых способностей. Ты должна научиться управлять своей силой до того, как она полностью пробудится. Если мы с этим не справимся, ты будешь опасна как для себя, так и для окружающих. А мы ведь не хотим, чтобы тебя навечно заперли в слюдяной камере, без права видеть солнечный свет.

Пламенная речь инструктора меня впечатлила, но обида осталась. Что не помешало мне улыбнуться и предложить:

— Продолжим?

Да, я привыкла скрывать истинные чувства за улыбкой и вежливостью. Рабы ведь не имеют права на свое мнение и выражение недовольства. Мы должны всегда быть рады даже грубости и несправедливости хозяев. Вот только я теперь не раб, и если преподаватели правы относительно моих возможностей, то в будущем я никому не позволю управлять своей жизнью. Ради этого я готова потерпеть еще немного угнетения и приказов. Но позже, если я действительно стану такой сильной, как они говорят, отплачу за каждую обиду!

Нар Ранорио еще несколько раз пытался вызвать во мне всплеск проявления способностей. Но теперь я была начеку, и никакие уловки уже не пугали меня в достаточной мере, чтобы сработала инстинктивная самозащита.

— Прискорбно, — подвел итог инструктор. — И что мне с тобой делать? Не ждать же, когда ты попадешь в какую-нибудь неприятность, чтобы пробить блок.

— Возможно, нужно именно подождать? — предположила я, отведя взгляд в сторону.

Мне и самой не терпелось взять под контроль таящиеся во мне силы, но бесплодные попытки привели лишь к головной боли и повышенной раздражительности.

— Хорошо. На сегодня достаточно. Продолжим завтра, во

время практических занятий твоего курса. Допуск к лекциям и семинарам нара Одонт уже подписала, а к практике я тебя пока не допускаю, — недовольно произнес инструктор Контино. — Можешь идти.

— До встречи, — попрощалась я с наром и степенно покинула аудиторию.

Лишь за дверью я позволила себе раздраженно фыркнуть. Нар инструктор вызывал во мне все больше противоречивых эмоций. Но, несмотря на противоречия, преобладали отрицательные. Этот мужчина заставлял меня вспоминать те времена, когда я была слабой бесправной невольницей, вынужденной выполнять все, что прикажут, и не имеющей права выбора.

— И кто посмел обидеть величественную полубогиню? — вырвала меня из неприятных воспоминаний ядовитая реплика, высказанная конечно же оскорбленным накануне оборотнем Рэндомом Громиро.

— Давай не будем ссориться, — устало проговорила я, не желая терпеть еще и ехидные замечания Рэна.

— Разве посмел бы я спровоцировать ссору с дочерью своего нарая? — источая яд, произнес Громиро. — Я всего лишь оборотень, преклоняющийся перед божественной кровью.

— Рэн, тебе не надоело? — поинтересовалась я, обходя наро, чтобы поскорее уйти в свою комнату.

— Мне никогда не надоест, — отбросив ироничный тон, заявил оборотень. — Ты даже не представляешь, как мне сложно вести себя отстраненно в твоем присутствии.

— На мой взгляд, ты плохо с этим справляешься, — усмехнулась я.

— Идем, провожу тебя до комнаты. Или, может, хочешь прогуляться по саду? Обещаю, никаких грубых и неосмотрительных высказываний, — изобразив полную невинность, предложил Рэндом.

— Хорошо, прогуляемся, — согласилась я, подумав. — Но только не по саду. Покажи мне площадь для тренировок и вообще всю территорию. Должны же здесь быть какие-то достопримечательности.

— Ты имеешь в виду тренировочный корт? Не уверен, что тебе туда можно. Там небезопасно, а таких важных персон нужно беречь, — не удержался от очередной шпильки оборотень.

— Все, до свидания, — произнесла я сухо и пошла к лестнице.

— Ну прости. Клянусь, больше ни одного провокационного слова, — схватив меня за руку и удерживая, заверил Громиро.

Я с видимой неохотой положила руку на сгиб его локтя и,

демонстративно не глядя на Рэна, медленно начала спускаться вниз. Сначала Рэндом пытался подстроиться под мои шаги на лестнице, но к четвертой ступеньке ему это надоело, и, подхватив меня рукой за талию, оборотень быстро сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступени.

Я лишь хмыкнула и пошла прогулочным шагом через холл к выходу из академии. На крыльце, перед центральной лестницей, Громиро взглянул на меня, недовольно фыркнул и проделал то же самое, что и минуту назад.

— Впредь воздержись, пожалуйста, от подобных выходок, — недовольно произнесла я, поправляя блузку. Ты пригласил меня на прогулку, а не на пробежку.

— Извини, но я просто не умею ползать по лестницам, — беззлобно улыбнулся Рэн.

— Я не ползаю! — возмутилась я.

— Но скорость развиваешь такую же, как и улитка, — явно поддразнивая меня, проговорил оборотень.

Я невольно улыбнулась в ответ. Такое поведение нравилось мне гораздо больше, чем ядовитые упреки в божественном происхождении.

— Нам сюда, — указал Громиро на сворачивающую за угол здания гравийную дорожку. — Постараюсь не бежать, только если ты обещаешь не ползти.

— Прекрати дразнить меня! — воскликнула я, не в силах сдержать улыбку.

Но менять выбранный темп я не стала, степенно вышагивая по дорожке и любуясь красотами академического сада, опоясывающего всю территорию. Рэндом сопел и старался не обгонять меня, параллельно рассказывая о предназначении всевозможных строений, которых на территории было гораздо больше, чем я думала. Маленькие и не очень здания словно прятались среди деревьев, ютились вдоль дорожек и вокруг полигона. Многие отличались по архитектуре от амнистанских сооружений, а один домик вообще был наполовину погружен в воды искусственного пруда.

— Это часовни, где различные виды могут уединиться со своими богами, — объяснил Громиро. — Но не думай, что здесь учатся фанатики. Мы так прикрываемся, — оборотень подмигнул и указал на один из домиков, похожий скорее на пещеру. — Завтра, например, в полночь, состоится служба матери-луне. Это официально, а неофициально — у оборотней планируется небольшая пирушка по случаю дня рождения моей кузины, Лабрины Понтико. Тебя, кстати, пригласят. Хоть Альфи и передал приказ не выделять тебя среди прочих студентов, Лабри хочет

позвать тебя. Не отказывайся, будет весело.

— А это что за здание? — ушла я от ответа, указав на строгое строение немного в стороне.

— Это лаборатория артефактов. Вход строго по пропускам. Весьма таинственное и опасное место, — посерьезнев, рассказал Рэн.

— И что там происходит? — спросила я, сойдя с дорожки и стараясь увидеть хоть что-то через затемненное стекло окна.

— Не подходи, может остаточной энергией ударить, — потянул меня за руку Рэндом. — Там те, у кого есть предрасположенность, учатся создавать артефакты.

— И много здесь таких опасных занятий? — спросила я, неохотно вернувшись на дорожку.

— Ты еще тренировочный ангар для начинающих прыгунов не видела, — усмехнулся Громиро. — Вот там действительно опасно. Стены губчатым сукном обиты, лекарь и два охранника на тренировках присутствуют.

— И кто такие эти прыгуны? — поинтересовалась я, рассматривая архитектурные изыски этнических миниатюрных храмов.

— Те, кто перемещаются во времени на длинные дистанции, — пояснил оборотень.

Я вспомнила, как с разбега врезалась в стену, — и дальнейшие вопросы отпали сами собой.

— А вот и тренировочный корт, — Рэн указал на сплошную стену, отделяющую площадь от академического двора.

— И как мы туда попадем? — спросила я, осматривая стену, в которой не было ни дверей, ни проходов.

— А мы и не попадем. Но можем посмотреть сверху, — улыбнулся Рэндом. — Вон туда взгляни, — оборотень указал на высокую платформу, стоящую на четырех опорах, которые как змеи обвивали винтовые лестницы с резными перилами. — Это смотровая площадка для инструкторов и преподавателей. Они оттуда наблюдают за студентами во время групповых практических зачетов и соревнований.

— А здесь проводят соревнования? — удивилась я.

— Конечно, — Рэн подвел меня к одной из лестниц и предложил подниматься первой. — Как и в любом учебном заведении, у нас есть свои команды по различным дисциплинам. Мы тренируемся, готовимся и несколько раз в год соревнуемся с другими школами, гимназиями и академиями. Наша академия уже несколько лет по праву занимает первое место почти во всех видах соревнований.

Слушая горделивый рассказ явно принимающего участие в

спортивных игрищах оборотня, я поднялась по лестнице уже довольно высоко и старалась не смотреть вниз. Но не смотреть не получалось, и в голове зашумело, а пальцы намертво вцепились в перила. Ноги стали ватными, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы переставлять их по ступеням, поднимаясь еще выше. Желание посмотреть на площадь пропало вместе с ощущением твердой почвы под ногами. Ну что я там нового увижу? Из окон академии открывается превосходный вид, а меня понесло на такую высоту!

— Мы же договорились не уподобляться улиткам, — шутливо пожурил следующий за мной Рэн. — А тебя скоро и самая престарелая улитка обгонит.

— Я боюсь, — прошептала я, борясь с желанием сесть на ступеньки, вжаться в перила и зажмуриться.

— Чего? — Громиро положил руку мне на плечо и попытался развернуть к себе.

Я вскрикнула, отшатнулась, взглянула вниз и изо всех сил зажмурилась.

— А мы и не попадем. Но можем посмотреть сверху, — услышала я голос Рэндома.

Открыла глаза и обнаружила, что мы стоим перед стеной, а Рэн указывает мне на высокое сооружение с вызывающими ужас винтовыми лестницами.

— Вон туда взгляни. Это смотровая площадка для инструкторов и преподавателей. Они оттуда наблюдают за студентами во время групповых практических зачетов и соревнований, — продолжал говорить оборотень то, что я уже слышала минуту назад.

Ничего не понимая, я растерянно оглядывалась по сторонам и пыталась разобраться в своих ощущениях. Неужели я переместилась во времени? Значит, Ранорио был прав и лучшая мотивация для меня — страх.

— Юнила, с тобой все в порядке? — озабоченно спросила Громиро, заметив мое замешательство.

— Знаешь, соревнования между школами — это, конечно, интересно, но давай лучше просто погуляем. А тренировочный корт я еще успею рассмотреть изнутри, когда получу допуск к практическим занятиям, — произнесла я, выдавив улыбку.

— Как пожелаешь, — пожал плечами Рэн. — Могу отвести тебя к источнику, девушкам там нравится.

— И многих ты туда водил? — усмехнулась я.

Оборотень понял, что сказал лишнее, и попытался сгладить ситуацию очередной шпилькой.

— Из богинь ты первая, — заявил он и предложил мне руку.

— Но не единственная? — спросила я, положив ладонь на сгиб его локтя.

— А это зависит от тебя, — заявил Рэндом и повел меня в глубь сада.

Я неопределенно хмыкнула, решив оставить без ответа двусмысленную реплику.

— Тебя еще не допустили к занятиям? — спросил оборотень, видимо, стараясь заполнить неловкую паузу.

— С завтрашнего дня начну ходить на лекции, а к практике меня пока не допустили, — ответила я, рассматривая причудливые низкие деревца с кривыми нелепыми ветвями, но покрытые красивыми, ароматными нежно-розовыми цветами. Лепестки медленно опадали, устилая тропинку розовым ковром.

— А факультет какой? — продолжил расспрашивать наро.

— Пока не знаю, — пожала плечами. — А тебе разве сейчас не нужно быть на занятиях?

— У меня вечерний практикум по столетиям. А сейчас я свободен и полностью в твоем распоряжении, — улыбнулся он, слегка поклонившись.

Мы шли по тропинке, усеянной нежными лепестками цветов, беседовали о всяких безделицах вроде меню в столовой и погоды и никак не ожидали стороннего вмешательства.

— Юнила, повелительница грез моих! — услышала я восклицание и едва не упала, когда к мои ногам бросился Салимо с огромным букетом цветов в руках.

Дракон выглядел вполне здоровым и жизнерадостным, но смотрел он на меня с таким обожанием, что мне захотелось убежать как можно дальше.

— Я же предупреждал тебя, — прошептал Рэндом, вставая между мной и букетом, полностью заслоняющим дарителя.

— Что этот зверь делает рядом с тобой?! — вопросил Саламандрик. — Тебе нужна защита от него?

— Нет! — воскликнула я, опасаясь конфликта между наро. — Мы просто прогуливаемся вместе.

— Я требую, чтобы ты была осмотрительнее в выборе друзей. Этот оборотень тебе не друг, — заявил Салимо, потрясая букетом перед лицом Рэна.

— Убери это недоразумение или я за себя не ручаюсь, — сдержанно произнес Громиро.

— Успокойтесь оба! — проговорила я, слегка повысив голос. — Мне не нужны беспочвенные распри.

— Беспочвенные? — выкрикнул дракон. — Он претендует на твою благосклонность! Я этого не потерплю. Ты моя избранная, это воля предков, и он не имеет права находиться рядом с тобой!

— Не нарывайся, дракон, — предостерегающе произнес Рэндом, и я поняла, что назревает настоящий конфликт. Но самым возмутительным в этой бессмысленной ситуации было то, что я сама им обоим была не нужна. Дракона интересовало мое сознание, вступившее в контакт с его сознанием в момент единения, а оборотень преклонялся перед запахом божественной крови.

— Убирайтесь оба! — воскликнула я, отойдя от них. — Это неправильно и низко!

— Сначала я должен убедиться, что твоей добродетели ничего не угрожает, — патетично заявил Саламандрик, продолжая трясти и так уже потрепанным букетом.

— Разве похоже, что мне нужна защита? — спросила я возмущенно.

— Судя по тому, куда он тебя ведет, — нужна! — сверля оборотня злобным взглядом, объявил Салимо.

— И куда же он, по-твоему, меня ведет? — поинтересовалась я, с любопытством поглядывая на заметно заволновавшегося Рэндома.

— Да что ты его слушаешь? — проговорил Громиро. — Очевидно же, что парень не в себе.

— Что, испугался, что она поймет, какой ты на самом деле? — воскликнул дракон, тыча букетом Рэну в грудь и ехидно ухмыляясь.

— Так куда ведет эта дорожка? — повторила я вопрос, усомнившись в том, что доверия достоин хотя бы один из моих нежелательных поклонников.

— Скажешь еще слово — и пожалеешь, что тебя не отчислили, — невозмутимым тоном произнес оборотень, избегая моего взгляда.

— А ты мне не угрожай! Я дракон, гордое магическое создание, не чета проклятому роду, одетому в звериные шкуры. — Салимо отбросил букет и покрылся всполохами красного пламени.

— И что дальше? Будешь разгуливать по территории голышом или превратишься окончательно? И то и другое гарантирует немедленное отчисление, с твоим-то списком срывов, — довольно проговорил Рэндом.

Салимо мгновенно сник, огонь угас, и я поспешно отвернулась, потому что его одежда почти полностью сгорела, и теперь щуплый рыжий парень красовался в обгоревших дымящихся лохмотьях.

— Принеси ему одежду, — обратилась я к Громиро.

— С места не сдвинусь, — упрямо произнес Рэн.

— Пожалуйста, — попросила я, взяв оборотня за руку. — Если его выгонят, все мои старания будут напрасны.

— Не смей унижаться перед ним из-за меня! — выкрикнул Саламандрик. — Я сам разберусь…

Договорить он не успел: сад огласил девичий визг, переходящий в хохот, и гордый дракон бросился в кусты.

— Не волнуйся за меня, я что-нибудь придумаю! — прокричал он уже оттуда.

Я заглянула в глаза Рэна и сжала его руку.

— Жди здесь, — раздраженно бросил оборотень и быстро ушел.

— Ты все-таки волнуешься за меня, — подал голос из кустов довольный Салимо.

— Лучше помолчи. Мне просто жаль времени и усилий, потраченных на твое пробуждение, — ответила я, не разделяя довольство неуравновешенного дракона.

— Прости, — глухо проворчал Саламандрик. — Я честно стараюсь держать себя в руках, но это практически невозможно на последней стадии взросления. Но чувствую, что уже совсем скоро произойдет окончательная трансформация, и тогда никто не посмеет назвать меня нестабильным.

— И как скоро она произойдет, эта загадочная трансформация? — поинтересовалась я, совершенно не веря в правдивость его слов. Не может такого быть, чтобы вспыльчивый, неуверенный в себе подросток в одночасье стал психологически устойчивым молодым человеком.

— Неделя… ну максимум месяц, — с заминкой ответил Салимо, и я окончательно убедилась в том, что он и сам сомневается в своих словах.

Рэндом вернулся довольно быстро. Он стремительно подошел к кустарнику, в ветвях которого скрывался обнаженный подкопченный дракон, и с выражением величайшей брезгливости на лице отдал ему одежду.

— Идем отсюда, — произнес оборотень, подойдя ко мне.

— Не ходи с ним, — выглянул из кустов Салимо. — Он ведет тебя к дереву единения. Все местные ловеласы отводят туда несговорчивых первокурсниц, если их никто не успевает предупредить.

— И что это означает? — спросила я у Громиро, глядя ему прямо в глаза и не позволяя отвести взгляд.

— Заткнись, ящерица-переросток, — зло бросил Рэн Саламандрику.

— Отвечай, — настойчиво потребовала я.

— Это всего лишь красивая легенда, — попытался уйти от

ответа Рэндом.

— Да, очень красивая легенда о том, как под ветвями многовекового дерева девушки поголовно влюбляются в тех, кто признался им там в любви. И совсем не важно, как в действительности этот признавшийся относится к своей жертве. Моя старшая сестра так и не оправилась после этой легенды, — рассказывал дракон, одеваясь. — И тот факт, что именно в этом дереве, а вернее под его корнями — зарегистрированный источник редкой магической активности, совершенно не относится к делу.

— Это правда? — только и спросила я у Громиро.

— Зависит от того, что ты имеешь в виду, — опять уклонился от ответа оборотень.

— Все понятно, — кивнула я, развернулась и решительно направилась в академию.

Было мерзко и холодно на душе. Почему же Кико не рассказывала мне об этом дереве?

— Постой, — Рэндом догнал меня, схватил за плечо и рывком повернул к себе. — Ты все неправильно поняла. Да, дерево обладает определенной силой, но это еще и очень красивое место. И я клянусь тебе, что не собирался пользоваться магией источника для того, чтобы влюбить тебя в себя. Да она и не подействовала бы, наверное, на полубога.

— Не верю ни единому слову, — с пугающим даже меня саму спокойствием проговорила я. После чего отошла на пару шагов и твердым, уверенным голосом произнесла: — Не смей даже смотреть в мою сторону. Я запрещаю тебе подходить ко мне ближе, чем на десять шагов, и заговаривать со мной!

Лицо Рэндома словно окаменело, он отступил, отвернулся, бросил короткое «Как прикажешь» и быстро удалился.

— Правильно. Пусть знает, как обижать избранную предками пару огненного дракона, — довольно заявил подошедший ко мне Салимо. Он выглядел еще более нелепо в подвернутых широких для него штанах и рубахе, свисающей с плеч.

— Ты тоже не подходи ко мне. Я не твоя пара и никогда ею не буду! — выкрикнула я прямо в лицо дракона и убежала.

Как же я ненавидела их в этот момент! В душе поднималась такая волна злобы, что я сама испугалась столь сильных чувств.

Прибежала в свою комнату, заперла за собой дверь и ходила кругами, пытаясь унять дрожь в пальцах. Цаплик забился в угол, поджал одну лапу и испуганно следил за моими метаниями.

— Боишься? — спросила у птицы. — Я и сама себя боюсь. Как же все сложно! Жизнь в неволе была простой и понятной, а теперь я не знаю — кто враг, а кто друг. И что делать с магией, которая

только страшит меня? Не хочу всего этого!

Я упала на кровать и уткнулась лицом в подушку. От жалости к себе меня отвлек шум, доносящийся как из коридора, так и с улицы. Я встала и подошла к окну. В академическом дворе творилось что-то невообразимое. Небо стремительно затягивало черными клубящимися тучами, ураганный ветер трепал деревья, словно тонкие травинки, студенты и преподаватели пытались удержаться на ногах, но падали и катились по земле. Пол у меня под ногами мелко задрожал, а стекла в окнах зазвенели, словно вот-вот разлетятся на мелкие осколки. Я опрометью бросилась из комнаты, но в коридоре было не менее опасно. С потолка осыпалась штукатурка, студенты кричали и куда-то бежали. Некоторые из них взмывали в воздух и с глухим стуком бились о потолок различными частями тела. Я растерянно стояла в центре всего этого хаоса и не знала, что мне делать. Но вдруг меня окутало паром и куда-то потянуло. Все тело пронзила резкая боль, и я потеряла сознание.

* * *

Кто-то тихо разговаривал, но смысл диалога я никак не могла понять.

— Это не может быть магия времени. Просто невозможно, — произнес женский голос. Кажется, это была ректор Ишаро.

— Сомневаюсь, что это вообще магия, — ответил знакомый мужской голос. — Но сила невероятная, что еще опаснее, учитывая то, что контроля совершенно нет.

— Так научите ее контролю. Для этого вы и здесь, — раздраженно проговорила ректор. — Вы же инстант, вам подвластны любые расы.

— Но не боги, — с явной усмешкой в голосе возразил мужчина.

— Она не чистокровна, — не уступала Ишаро. — А с полубогами ваш народ обычно справляется без труда.

Я приоткрыла глаза и осмотрелась: мы находились в кабинете ректора, я лежала на диване, а сама Ишаро сверлила взглядом инструктора Ранорио Контино.

— Для начала нам нужно понять природу ее силы и проверить пределы возможностей, — проговорил Ранорио.

— Пределы? — воскликнула нара Ишаро. — Вы в окно посмотрите. У нас половина деревьев в саду уже выворочены с корнем, а ветер все не утихает.

— Предлагаю привлечь к решению вопроса нарая Хроно, —

спокойно предложил инструктор.

— И что мы ему скажем? — вопросила нара. — Нет, нараю об этом лучше не знать. Мы должны сами во всем разобраться. Она, безусловно, дочь бога, — задумчиво произнесла ректор Ишаро, глядя на бушующую за окном стихию. — Но какого? Это нам только предстоит выяснить…

— Сделаю все, что смогу, — кивнул Ранорио.

— Полагаю, не стоит упоминать, что этот разговор должен остаться тайной, — произнесла Ишаро. — Для всех девушка — нажитая нарая. И скройте ее от подвластных, не хватало нам еще, чтобы она собрала вокруг себя последователей.

— Вряд ли это что-то изменит, — отрицательно покачал головой инструктор. — Оборотни уже признали ее доминирующей. Следовало позаботиться об этом раньше.

— Признаю, мое упущение. Все мои предыдущие студенты-нажитые поступали уже с маскировкой, а об этой было некому позаботиться, — неохотно проговорила Ишаро.

— Странно все это. Каким образом дочь бога попала в рабство? — тихо произнес Ранорио.

— Вот и узнайте, как это случилось, — бросила нара ректор.

— Она пришла в себя, — проговорил инструктор, взглянув на меня и заметив, что я наблюдаю за ними.

— Уведите ее отсюда. И успокойте как-нибудь, пока творящееся на территории академии не привлекло лишнего внимания, — лишь мазнув по мне взглядом и вновь отвернувшись к окну, сухо произнесла ректор.

— Идем, Юнила. Ничего не бойся, тебя никто не обвиняет, — ласково проговорил инструктор, протягивая мне руку.

Нара Ишаро неопределенно хмыкнула, но так и не повернулась, когда мы покидали ее кабинет.

— Что случилось? Почему я оказалась в кабинете ректора? — вопросила я шепотом, когда мы покинула ректорат.

— Потерпи немного, обещаю — я все тебе объясню, но чуть позже, — произнес полушепотом Ранорио, после чего приложил палец к губам и указал взглядом на дверь, из которой мы только что вышли.

Я покорно умолкла и последовала за мужчиной. Ранорио увел меня в ту часть академии, где я еще не бывала. Мы спустились в подвал, долго петляли по лабиринтам переходов и наконец оказались в просторном помещении, стены которого матово поблескивали покрытием из неизвестного мне материала. На вид твердый как камень, он оказался неожиданно мягким и приятным на ощупь.

— Это поглощающий магические импульсы реагент, —

пояснил инструктор Контино, заметив мой интерес. — Еще одно его весьма полезное свойство — полная звукоизоляция.

— То есть здесь можно кричать сколько угодно и меня никто не услышит? — уточнила я, невольно попятившись к двери.

Здравомыслие подсказывало мне, что Ранорио привел меня сюда, чтобы поговорить без возможности быть подслушанными, а все мои инстинкты вопили о том, что здесь мне никто не придет на помощь, сколько бы я ни кричала.

— Не глупи, Юнила, — усмехнулся инструктор. — Ты без усилий сдвинула климатические потоки над академией и устроила на территории локальную бурю, так что изображать страх передо мной по меньшей мере оскорбительно. Не скрою, для меня твое происхождение оказалось полным сюрпризом. И мы оба понимаем, что тебе грозит в случае разоблачения. Пусть Ишаро и прочие не посвящены, но мы-то знаем, в каких отношениях наш нарай с твоим отцом.

— Подождите, — подняла я руку ладонью вперед — и Ранорио отпрянул в сторону.

Я повернула ладонь к себе, осмотрела ее, но не нашла ничего угрожающего. Еще раз выставила руку в направлении инструктора — и он опять поспешно отошел в сторону.

— Интересно, — пробормотала я задумчиво.

Все сказанное наром Контино было для меня сущей бессмыслицей, но его реакция на безобидный жест очень заинтересовала.

— Не стоит делать поспешных выводов, — осторожно проговорил Ранорио. — Я не выдам тебя. Напротив, могу помочь. Так что убивать меня было бы неосмотрительно с твоей стороны.

Его слова повергли меня в полную растерянность, но я старательно сохраняла непринужденное выражение лица. Что-то подсказывало мне, что не стоит развенчивать уверенность инструктора в моем могуществе. Однако необходимо было узнать как можно больше, чтобы хоть на один шаг приблизиться к разгадке того, о чем он тут, за закрытыми дверями помещения, где нас никто не услышит, говорит.

— И чем же вы можете мне помочь? — спросила я, опустив руку.

— Во-первых, я помогу тебе совладать с хаотичными выбросами энергии, чтобы ты не разоблачила себя сама, — воодушевленно начал перечислять Ранорио. — Во-вторых, мне под силу наложить на тебя довольно сильный щит, чтобы и другие обитатели академии не начали задаваться вопросом — а почему наша новая студентка так отличается от предыдущих нажитых? Ну и в-третьих, ты ведь оказалась здесь не просто так, и

тебе не помешает союзник в стане врага.

— А мой отец? — задала я пространный вопрос, совершенно запутавшись в собственной родословной. Единственное, в чем я оставалась уверена, так это в том, кто моя мама.

— Не могу обещать, но постараюсь помочь скрывать ваши встречи. Ведь он же встречается с тобой, чтобы давать инструкции?

— А должен? — поинтересовалась я настороженно.

Либо я задавала неправильные вопросы, либо инструктор не желал откровенничать, а, напротив, старался вытянуть как можно больше информации из меня.

— Я вижу, что ты еще не доверяешь мне, но обещаю доказать свою лояльность, — заверил меня Контино.

Как же я была благодарна в этот момент Кико за то, что она привела меня к своему другу, который дал мне микстуру Обрино. Огромное количество усвоенной всего за три дня информации помогало мне не теряться и правильно оценивать ситуацию. Да и словарный запас пополнился в достаточной степени, чтобы разговаривать с инструктором почти на равных.

— Лояльность? Ну, думаю, что в данном случае этого достаточно, — произнесла я как можно более уверено.

— Ты требуешь преданности? — спросил Ранорио. И тут же продолжил, не дождавшись ответа: — Я и так рискую. Присягнув тебе — я предам Амнистанию и нарая. Пусть это и не моя родина, но Амниос Хроно благосклонен к моему народу, и мое предательство поставит под удар всех инстантов.

— Расскажите мне о своих сородичах, — попросила я, чтобы знать хоть что-то.

— Не зря ты о нас почти ничего не знаешь, — усмехнулся он. — Мы придерживаемся политики невмешательства и ждем того же от других.

— Что противоречит вашему предложению о помощи, — усмехнулась я в ответ.

— Ну хорошо, что ты хочешь знать? — спросил Ранорио, поставив меня в тупик. Ведь я не знала совершенно ничего, и потому единственно верным ответом на его вопрос было «всё».

Что я и озвучила.

— Все… что вы посчитаете возможным рассказать, — произнесла я миролюбиво.

— Да, мать хорошо воспитала тебя, вытравив врожденные божественные черты характера. Или это лишь маска? Трудно выйти из роли? — с усмешкой произнес инструктор.

— Не думала, что вежливость может вызвать осуждение, — удивленно произнесла я, обходя помещение по периметру.

Здесь не было ни окон, ни свечей или магических светильников, но при этом в комнате было светло. Хотя свет не исходил откуда-либо, он просто был.

— Если это искренняя вежливость, то она достойна только уважения. Но когда вежливостью завуалировано пренебрежение, то это уже скорее издевка, — напряженно следя за моими перемещениями, ответил Ранорио.

— Так вы расскажете о ваших сородичах? — напомнила об озвученной ранее просьбе, таким образом избегая необходимости отвечать на его последний выпад, чтобы не выглядеть жалкой, но и не оскорбить нечаянной грубостью. Одно я о наре Контино поняла точно: его самолюбие гораздо сильнее страха передо мной. Или это общая черта для всей загадочной расы инстантов? А возможно, что и страх был всего лишь спектаклем, нацеленным на то, чтобы я, потеряв бдительность, стала более откровенной. Но мне было совершенно ясно, что, узнав о моей полной беспомощности и неосведомленности, Ранорио вполне сможет использовать меня в своих целях, введя в заблуждение. Самый верный способ избежать обмана — изображать осведомленность, насколько это возможно.

— Нас, инстантов, еще называют блуждающими — потому, что мы беспрепятственно скользим сквозь пространство, а не в нем. Время — несколько иная материя, но мы и в нем передвигаемся с гораздо большей легкостью и грацией, чем прочие последователи Амниоса Хроно. Исключением являетесь только вы — полубоги. Для вас не составляет труда нарушать законы мироздания, не заботясь о последствиях и сопутствующих жертвах. Поэтому амнистанские учебные заведения призывают в помощь тех из нас, кто наиболее приспособлен к оседлой жизни, чтобы сдерживать ваши порывы в процессе обучения, — менторским тоном вещал инструктор Контино, продолжая следить за каждым моим движением.

Рассказ Ранорио был весьма пространным, но выяснять подробности я не решилась. Гораздо больше меня интересовало, что он знает о моем происхождении.

— И чем же я не устраиваю вас как ученица? — спросила я напрямую, понимая, что нужно заканчивать этот разговор как можно быстрее. Долго я такого напряжения не выдержу и обязательно выдам себя, потеряв самообладание.

— И ты еще спрашиваешь? С твоей-то родословной! — возмутился Ранорио. — Да на территории Амнистании и прилегающих земель нет ни одного твоего, даже самого дальнего, родственника, потому что их истребили еще несколько веков назад, на заре эпохи Порядка.

— Но за что? — потрясенно вопросила я.

— Конечно, я совсем забыл, что для тебя высшее благо — отсутствие порядка и законов, — усмехнулся инструктор.

— По крайней мере в одном я люблю порядок, — ответила я как можно более спокойно. — Во времени приема пищи. И не хочу пропустить обед.

— Понимаю. Критику в отношении своего мировоззрения вы тоже не приемлете, — кивнул нар Контино. — Подведем итог: я никому не выдаю твою тайну и продолжаю заниматься своими прямыми обязанностями — обучать тебя, а ты обязуешься не причинять никому вреда и впредь воздерживаться от подобных сегодняшней выходок.

— А какая вам от этого польза? — спросила я с подозрением.

— Во-первых, научный интерес. Никогда не имел дело с подобными тебе. Ну и во-вторых, что очевидно, не хочу лишних жертв. А они обязательно будут, если по твою душу явятся ловчие нарая. Ты и так сегодня отправила в лазарет два десятка студентов, дав академическому лекарю стимул к продолжению практики, а то она, поговаривают, заскучала и собралась на покой, — поведал мне инструктор.

— Но я ничего не делала! — воскликнула я испуганно.

— Вот так и говори всем, — улыбнулся Ранорио. — Очень убедительно получается. Беги на обед. А потом, вместе со всеми — на уборку территории. Буря уже должна была закончиться, ведь стены этой комнаты пусть и не полностью, но блокируют твою связь со стихиями.

Не зная, что можно еще сказать, чтобы не вызвать скептическую улыбку инстанта или не дать ему повода для подозрений, я поспешила покинуть помещение… и заблудилась в подвальных переходах.

Обед я все же пропустила, плутая по плохо освещенным коридорам. Выход нашелся, но не тот, через которой привел меня в подвал нар Контино. Я вышла в заставленную садовым инвентарем пристройку, чем очень удивила пожилую нару в испачканном зеленью рабочем платье и с пучком рассады в руках. Отвлекшись на меня, женщина не остановила вовремя процесс магической стимуляции роста, и цветы зацвели прямо у нее на ладонях. Спохватившись, нара проворчала: «Лазают где не положено, отвлекают от работы» и принялась осторожно распутывать переплетшиеся в процессе роста стебли.

— У меня тут аврал, все клумбы восстанавливать нужно, — продолжала возмущенно бурчать женщина, аккуратно складывая приготовленные для высадки саженцы в огромную корзину, дно которой было засыпано влажной землей. — Или тебя в помощь

прислали? — заинтересованно взглянув на меня, поинтересовалась она. — Ты кто — нимфа или фея?

— Человек, — честно ответила я.

— Человек? Так какая же от тебя польза в садовых работах? — возмутилась нара. — Ну хоть рассаду перебери. И осторожнее, не повреди корни.

Женщина указала на большой ящик, над которым щеткой вздымались ростки, обещающие в будущем превратиться в прекрасные цветы.

— Вон там перчатки, — неопределенно махнула рукой женщина, — но с малышами лучше голыми руками работать. Они тепло и ласку любят. Отбирай больные ростки и откладывай их в сторону. А крепкие и здоровые мне подавай, пучками по десять штук. Плохо, конечно, что приходится их магией подгонять, но не стоять же клумбам голыми, пока они сами подрастут. И что им неймется, академикам этим, опять вмешались в то, что им не подвластно. С природой не шутят, вот и вышло то, что вышло.

Женщина еще долго критиковала и распинала преподавательский состав академии в целом и ректора в частности. А я решила, что в комнате все равно сидеть скучно, и помогала ей, получая от этого огромное удовольствие. Росточки были очень нежными, но невероятно стойкими. Они боролись за свою жизнь, цепляясь корешками за землю, словно живые. Вот так и я: цепляюсь за свою новую жизнь, как слабенький росточек, не зная, что же будет дальше — суждено мне расцвести ярким цветком или погибнуть, так и не пережив адаптацию после пересадки.

Идиллию единения с рассадой разрушило возмущенное восклицание.

— Она здесь! — прокричал, обернувшись, стоящий в дверях Громиро.

После чего оборотень лишь мельком взглянул на меня и спешно ушел.

* * *

— Ты хоть понимаешь, какая из-за тебя паника поднялась? — ворчала Кико, брезгливо отбрасывая в сторону испачканную одежду. — Я сама лично ковырялась под поваленными деревьями, чтобы убедиться, что под ними нет твоего тела!

— Меня не было всего пару часов, — жалко попыталась я оправдаться.

— Да какая разница! На обеде в столовой устроили

перекличку, и единственной, кого не оказалось ни в списке пострадавших, ни среди обедающих, оказалась ты, — кикимора была сильно раздражена и демонстративно не смотрела на меня. — Тебя объявили пропавшей без вести после бедствия. Ты не представляешь, что я пережила за эти два часа!

— Прости, — виновато прошептала я, по привычке признавая вину своей, независимо от того, чьей она была в действительности.

— Еще ректор куда-то пропала, но ее хотя бы видели уже после того, как буря утихла, — ворчала Кико.

— Меня тоже видели, — ухватилась я за возможность реабилитировать себя. — Мы с инструктором Контино занимались в подвале.

— Не знаю, чем вы там занимались, но инструктора твоего тоже нигде нет, — пробубнила соседка. — Поиски организовывали куратор Одонт и младшие инструкторы.

— И что теперь будет? — спросила я обреченно, медленно опускаясь на кровать.

— Да ничего. Хранителя вернули в бестелесное состояние, и к завтрашнему утру от разгрома и следа не останется, — пожала плечами подруга, тоже устало садясь на кровать. — Занятия начнутся по расписанию, так что давай приведем себя в порядок и отдохнем. Все равно после ужина комнаты заблокируют для проведения ремонтных работ на территории и в нежилых помещениях, так что придется отказаться от похода за лягушками.

— А как это вообще случилось? Из-за чего началась буря? — спросила я, отведя виноватый взгляд в сторону.

— Нам ничего не объясняли, и вряд ли будут, — ответила Кико недовольно. — Серьезно никто не пострадал, так что всё просто замнут и постараются забыть. Но у меня есть кое-какие подозрения.

— Какие? — излишне взволнованно спросила я и постаралась сгладить эффект сильной заинтересованности, небрежно добавив: — Возможно это обычное природное явление?

— Если бы это была обычная буря, то она не прошла бы так локализованно, это во-первых, а во-вторых, тебе не приходило в голову, что это могло случиться из-за тебя? — с прищуром глядя на меня, поинтересовалась соседка.

Я опустила голову и отвернулась, лгать подруге не хотелось, но и признаться я не могла.

— Я вот о чем подумала — вдруг это связано с тем таинственным мужчиной, о встрече которым ты мне так и не рассказала во всех подробностях, — произнесла Кико

задумчиво. — Или еще возможно, что это сам нарай разгневался из-за чего-то на академию. Это объяснило бы исчезновение Ишаро. Побежала, наверное, бедняга, на поклон к Хроно, чтобы задобрить, — продолжила рассуждения Кико.

Я облегченно выдохнула и поддержала ее улыбкой. Возможно, стоило довериться кикиморе и попросить у нее совета. Ведь она еще ни разу не навредила мне, по крайней мере намеренно. И она действительно заботится обо мне, пусть и в своей неповторимой манере.

— А если бы эта буря действительно произошла по моей вине? Чем бы мне это грозило, и как бы к этому отнеслась ты? — спросила я, осторожно подбирая слова.

— Да ничем! — рассмеялась подруга. — Ты же дочь нарая, никто не посмел бы предъявлять тебе претензии. Даже если бы ты сама ее вызвала. А я была бы очень горда тем, что дружу с такой сильной полубогиней.

Я улыбнулась кикиморе в ответ на ее улыбку и решилась признаться. Но Кико меня опередила.

— Постой! А ты точно не приложила руку к этому бардаку? — воскликнула девушка.

Я лишь виновато отвела взгляд и промолчала.

— Ну ничего себе сила! — возопила Кико, вскочив с кровати. — Вот что крутилось у меня в голове, но я никак не могла ухватить мысль. Саламандрик рассказал мне о том, что Громиро, собака плешивая, сильно тебя обидел как раз перед бурей, и ты расстроилась настолько, что убежала в слезах. Вот природа и взбунтовалась — от твоих переживаний! — радостно рассуждала соседка. — Только как-то уж совсем не по-нарайски она взбунтовалась, — задумчиво протянула она, прекратив носиться по комнате и остановившись напротив меня.

— В том-то и дело, что не по-нарайски, — прошептала я словно приговор.

— Это ты на что намекаешь? — сощурилась Кико, подкрадываясь ко мне, словно кошка к неосторожной птичке.

— Ректор Ишаро и инструктор Контино утверждают, что моя сила иного характера и не имеет никакого отношения к нараю Хроно, — выпалила я на одном дыхании.

— И-и-и? — в ожидании протянула кикимора, подойдя вплотную и склонившись надо мной.

Я вскинула голову, чтобы видеть ее лицо, и мы оказались нос к носу.

— Я не дочь Хроноса, — прошептала я, лелея надежду, что на этом тема будет исчерпана.

— А кто ты тогда ему? — так же шепотом спросила подруга,

поставив этим вопросом меня в тупик.

Я ожидала, что она обвинит меня в обмане или начнет допытываться — чья же я тогда дочь, но Кико оказалась, как всегда, оригинальна.

— Ну не молчи! Признавайся! — воскликнула девушка, выпрямившись.

— Я вообще ничего не знаю! — ответила я в тон ей.

— Бессмыслица какая-то, — растерянно произнесла кикимора и уселась рядом со мной, забравшись на кровать с ногами и подперев подбородок рукой.

— Ты же полубог, так? Так. И сила у тебя наверняка есть. Полубогов без силы не бывает, наверное, — рассуждала она. — А может, у тебя неправильная сила из-за матери? Она у тебя точно человек?

— Точно, — уверенно ответила я.

— А может, ты просто не в курсе? — предположила соседка. — Всякое бывает, вдруг мама скрыла от тебя что-нибудь, чтобы защитить? У нас же есть расы вне закона, может, она вообще титанида или мандрагория какая-нибудь?

Я задумалась над словами подруги лишь на мгновение. Да, в этом мире действительно есть расы вне закона, но я-то не из этого мира.

— Нет, мама точно человек, — отрицательно покачала я головой.

— Значит, она не твоя мама, — заявила кикимора.

Я так посмотрела на нее, что подруга тут же отмела эту версию.

— Извини, увлеклась, — пробурчала она, тяжко вздыхая. — Но должно же быть какое-то объяснение.

— Другой бог, — неохотно произнесла я.

Кико взглянула на меня как на умалишенную и рассмеялась.

— Ты что, это в принципе невозможно. Наш нарай единственный. Он бы просто не потерпел другого бога в своих владениях, — посмеиваясь, проговорила она. — В древних летописях совсем мало упоминаний о темных временах Хаоса, и нарай Хроно разобрался с ним и его последователями еще на заре эпохи Порядка.

Кико резко умолкла и посмотрела на меня как на чудовище, медленно отодвинувшись как можно дальше, насколько позволяла длина кровати.

— В чем дело? — настороженно спросила я.

— Зубы покажи, — недружелюбно потребовала подруга.

— Зачем? — я совсем растерялась и просто не понимала, что с ней происходит.

— Да нет. Я бы заметила раньше, — скорее размышляла вслух, чем разговаривала со мной, кикимора. — Ну не может такого быть! Бред просто. Нарай такого бы не допустил.

— Да о чем ты? — воскликнула я, чувствуя, что еще немного — и сорвусь: устрою истерику и побегу к ректору, требовать ответов. Как же мне сейчас не хватало мамы, ее уверенности, рассудительности и советов. Ее поддержки и тепла.

— Знаешь, я тут подумала, что наша история, в смысле история Амнистании, начинается с появления нарая Амниоса Хроно. Но ведь было же что-то и раньше. В летописях это называется темное время Хаоса, — задумчиво произнесла Кико. — Так вот, чтобы получить ответы, нам нужно найти хоть какую-то информацию о том времени, которого нет в летописях.

— И как же мы добудем эту информацию? — спросила я и тут же задала следующий вопрос, решив, что сначала нужно разобраться в отношениях с подругой: — Что тебя напугало? Я же вижу, что есть какая-то догадка, которой ты не хочешь делиться со мной.

— Забудь, говорю же — бред, — отмахнулась соседка. — Просто подумала, что такая разрушительная сила была у порождений Хаоса. По крайней мере, об этом повествуют старые сказания. Но у тебя нет острых зубов в несколько рядов, и ты не ешь сырое мясо.

Я скептически посмотрела на Кико, не зная, как прокомментировать ее признание.

— Ну что ты так на меня смотришь? — надулась кикимора. — Мы в школе постоянно страшилки друг другу рассказывали про допорядковые времена. Интересно же предполагать, что было тогда, когда еще даже никто не вел записей для потомков. Хотя… — девушка задумалась на минуту, — записи-то, может, и вели, но кто-то посчитал, что потомкам их не стоит показывать. А кто у нас обладает такой властью? Правильно, нарай. Нам нужно срочно попасть во дворец и добраться до архивов!

— А я хотела к маме, — испуганно ответила я, понимая, что теперь Кико не успокоится, пока не воплотит в жизнь задуманное.

— Можно и к маме, но только ненадолго, — великодушно согласилась кикимора. — Все-таки она в процессе твоего появления на свет тоже принимала участие и может помочь нам разгадать тайну твоего происхождения. Нужно подготовиться и улизнуть сразу же после ужина, потом территорию заблокируют. Думаю, до утра обернемся — до дворца и обратно. Как раз к завтраку успеем.

— А может, только к маме? — понимая, что спорить

бессмысленно, все же спросила я.

— Ну уж нет! — категорично заявила подруга. — Должна же я знать, с кем делю комнату. А то так съешь меня ночью, а я даже и не буду знать, от чьих зубов погибла.

— Я бы никогда не навредила тебе, да и вообще никому! — заверила я кикимору.

— Ты и о том, что такую бурю устроить можешь, тоже не подозревала, — резонно заметила Кико. — Божественная кровь пробуждается, и неизвестно, в кого она тебя превратит. Так что извини, Юна, но я не могу просто сделать вид, что все хорошо.

Было странно слышать столь серьезные рассуждения из уст вечно веселой и легкомысленной девушки. Но не признать ее правоту я не могла. Ведь я действительно даже не подозреваю, на что способна. В душе похолодело от мысли, что в скором времени я могу окончательно потерять себя и превратиться в совершенно иное существо.

— Не бойся, подруга, мы во всем разберемся, — приобняв за талию, постаралась успокоить меня Кико. — К тому же то, кто твои родители, еще не решает, кем будешь ты. Мой папаша тоже тот еще мерзавец, а я вон какая замечательная получилась.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке. Да, не любить Кико было просто невозможно!

Отправляясь на ужин, мы захватили плащи и оделись чересчур тепло для солнечного вечера, но студенты были слишком возбуждены и обсуждали только природный катаклизм, обрушившийся на академию. Одеяния необычно тихих студенток совершенно никого не интересовали.

Быстро поужинав, а заодно и отметившись — вот они мы, на месте, мы так же тихо покинули обеденный зал и, дождавшись, когда наступит затишье в курсировании студентов между лестницей и дверями столовой, шмыгнули в темноту подвала. Я опасалась, что находящаяся под лестницей дверь будет заперта, но Кико уверенно потянула за старую резную ручку — и вход в темное нутро подвала приоткрылся.

— Может, все же через центральный вход? — с надеждой спросила я шепотом.

— Не пропустят, — прошептала кикимора в ответ. — Иди за мной и ничего не бойся.

Пришлось довериться подруге и нырнуть в темноту подвала. Как только за нами закрылась дверь, послышались шорох и ворчание Кико.

— Да что же здесь сухо-то так? — возмущалась девушка. — Даже мох почти не растет.

Но, вопреки недовольству, кикимора все же добилась того,

чего хотела, — и стены тускло засветились едва заметным зеленоватым свечением. Подвал, конечно, не озарило ярким светом, но передвигаться, не опасаясь врезаться во что-нибудь, стало вполне возможно.

— Твоя сегодняшняя выходка с исчезновением подала мне хорошую идею — как можно улизнуть из академии не через окно, — довольно проговорила подруга, водя руками по стене. — Только этот дотошный Далиус почти всю сырость из подвала вывел и с освещением плохо. Вот если бы здесь водились слизни, то было бы вообще замечательно. Они бы и путь осветили, и нас прямо к выходу вывели. Но я и так неплохо ориентируюсь. Была возможность изучить подвал, когда пряталась тут от Саламандрика.

— Не верится, что он действительно был таким, каким ты его описываешь, — прошептала я, следуя за кикиморой.

— С драконами всегда так. Это сейчас он нестабильный, потому что на новый этап становления вышел. А как последнюю стадию взросления пройдет, так опять станет самоуверенным и высокомерным, — рассказывала Кико, быстро ведя меня по лабиринтам подвальных коридоров. — Так что готовься к настоящей травле. Он теперь на тебя глаз положил.

— Думаю, что уж с ним-то я справлюсь, — ответила я без сомнений. Салимо был меньшей из моих проблем, и я интуитивно чувствовала, что он не причинит мне вреда.

— А вот и каморка нары садовницы, — радостно объявила кикимора, когда мы оказались у знакомой двери.

В помещении с садовым инвентарем было светлее, еще не спрятавшееся за горизонт солнце давало намного меньше света, проникающего через небольшое окно, чем магические шары, висящие над ящиками с рассадой.

Мы быстро покинули помещение, порадовавшись, что садовницы в нем уже не было, и поспешили через сад к ограде, оплетенной плющом.

Вопреки моим опасениям территорию академии мы покинули без каких-либо проблем. Но потом пришлось сделать крюк, чтобы выйти на центральную улицу и добраться до гимназии Мгновений.

Двери гимназии были заперты, и я уже расстроилась, подумав, что с мамой увидеться не удастся.

— Не паникуй, сейчас я брошу зов своим сородичам, и твоей маме передадут, что ты к ней пришла, — успокоила меня Кико и замерла, закрыв глаза.

* * *

Агуста Яниро сидела в кабинете директора гимназии нара Монто и скрупулезно проверяла счета. Лепрекон оказался весьма полезным и достойным сотрудничества скупердяем и за некоторые услуги по ведению бухгалтерии был готов устроить Агусте встречу с министром финансов, своим сородичем и давним другом. Тот факт, что услуги предполагали финансовые махинации с бюджетом гимназии, заботил женщину в последнюю очередь. Ее сейчас волновала только судьба дочери, и Агусте предстояло не только попасть во дворец, но и добиться встречи с самим нараем. Даже если окажется, что он не является ее Хэральдом, Агуста не собиралась отступать. Что может быть важнее для матери, чем благополучие ее ребенка? Женщина убеждала себя, что она сможет решить и эту проблему: если уж смогла выжить и вырастить дочь в чуждом мире, то и защитить ее сможет!

— Густи, милая, там, кажется, к тебе пришли, — заглянула в кабинет секретарь Унирало, миленькая кикимора с буйной шевелюрой салатного цвета и просто неприлично длинными ногами, которые она с гордостью демонстрировала, нося уж очень, даже на взгляд выросшей во времена эмансипации Агусты, короткие юбки.

— Кто? — не отвлекаясь от счетов, спросила женщина.

— Я точно не поняла, но та, кто кинула зов, дала понять, что близкий родственник, — небрежно пожала плечами Уни.

— Так что же ты сразу не сказала! — воскликнула Агуста, вскакивая из-за стола. — Ничего тут не трогай, я еще не закончила. И прикрой меня, возможно, задержусь.

— Будет сделано, — задорно подмигнула секретарша.

* * *

Я была готова расцеловать Кико, когда дверь открылась и из нее вышла мама. Но расцеловала и крепко обняла я конечно же маму. Подругу я успею поблагодарить и позже.

Мама благодарно кивнула кикиморе и прошептала мне на ухо:

— Я уже в паре шагов от встречи с нараем. Скоро мы решим все проблемы и сможем чаще видеться.

— Нет! — воскликнула я, отстранившись. — Ни в коем случае не встречайся с ним!

— Давайте отойдем в сторонку, — предложила Кико.

Мы стояли на высоком крыльце гимназии и привлекали излишнее внимание со стороны прогуливающихся парочек и

шумных компаний.

— Что ты узнала? Почему я не должна встречаться с нараем? — озабоченно спросила мама, когда мы отошли в сторону и скрылись в тени одинокого дерева у лестницы гимназии Мгновений. — Ведь если он твой отец, то я смогу добиться для нас лучших условий и поблажек в режиме. В конце концов, он мне должен алименты за полтора десятка лет! У меня к нему накопилось много вопросов и претензий!

Я не поняла высказывания по поводу долгов, но не успела ответить на вопросы. Кико меня опередила.

— Претензии будете высказывать тогда, когда мы найдем настоящего отца Юны, — заявила она. — И это точно не наш нарай.

— Не понимаю, — растерянно произнесла мама. — Меня здесь постоянно донимают претензиями по поводу связи с богом, который оставил на мне свою печать принадлежности. А бог в Амнистании только один, и это Амниос Хроно. Да и не только в Амнистании, я узнавала, даже записалась на факультатив по религиоведению. Хотя здесь он называется «История становления эпохи», но не могут же все заблуждаться в отношении нарая.

— В отношении нарая никто и не заблуждается. Всем известно, что он бог времени. А вот с кем вы связались — это большой вопрос, — заявила Кико. — И если на вас печать принадлежности богу, а ваша дочь обладает силой, которая не имеет никакого отношения к Амниосу Хроно, то не стоит привлекать к себе его внимание.

— Постойте, но ведь здесь нет других богов! — излишне эмоционально воскликнула мама.

— Здесь — нет, — многозначительно произнесла я, и мама задумалась. — Я доверяю Кико и думаю, что нужно рассказать ей все, — добавила я, глядя маме в глаза.

Мама лишь отрицательно покачала головой. Как же, должно быть, ей было тяжело все эти годы выживать во враждебном мире и в одиночестве хранить тайну нашего появления в трущобах Родинарии. Но Кико уже услышала мою неосторожную реплику и, словно охотничий пес, взявший след, сворачивать с проложенного курса не собиралась.

— Вот значит как! — протянула кикимора. — Я с ней как с принцессой ношусь, помогаю во всем, защищаю. А в благодарность за все это получаю какие-то тайны и недоверие, — подруга сложила руки на груди и обиженно отвернулась. — Не пойду ни в какой архив. Прощайся с мамой и пошли в академию. Может, еще успеем до закрытия дверей.

— Пожалуйста, не обижайся. Это не моя тайна, — попросила

я, осторожно положив руки на напряженные плечи соседки.

Девушка раздраженно дернула плечом, но не повернулась и не проронила ни слова.

— Хорошо, пусть знает, — с сомнением проговорила мама. В ее взгляде плескалась тревога, но она понимала, что без дружеской поддержки я не смогу прижиться в академии. Уж слишком сильна была во мне привычка подчиняться и душить собственные желания в угоду тем, кто сильнее и обладает властью.

Кико заинтересованно обернулась в ожидании посвящения в самую страшную тайну всей моей жизни.

— Мы не совсем из этого мира, — неуверенно и как-то неуклюже проговорила я полушепотом.

— И что это означает? Это какая-то загадка или аллегория? — разочарованно произнесла кикимора, полностью развернувшись ко мне. Она явно не поняла и ожидала чего-то более фееричного.

— Здесь не место для подобных разговоров, — оглядываясь по сторонам, прошептала мама. — Расскажешь позже. А сейчас вам действительно пора. Спасибо, что так вовремя предупредили. Я уже завтра после обеда собиралась отправиться во дворец.

— А мы сделаем это сегодня, — заявила Кико. — Как раз и поговорим по дороге.

Подруга схватила меня за руку и потянула на тротуар. Я успела лишь на миг обнять растерянную маму — и в следующее мгновение мы уже оказались на дороге.

— Не ходите! — крикнула мама, но Кико быстро удалялась от гимназии, с неожиданной силой волоча меня за собой. Мама порывалась нас догнать, но на крыльцо гимназии вышла высокая привлекательная девушка с нежно-салатовыми волосами и сказала, что время вышло.

— Директор Монто рвет и мечет. Опять какие-то счета пришли, — это были последние слова, произнесенные мелодичным голосом зеленоволосой красавицы, которые я расслышала.

Мамин ответ заглушил цокот копыт по булыжной мостовой. Обзор перекрыла проезжающая мимо карета. Когда же она отъехала, мамы и ее знакомой на лестнице уже не было.

— Я жду подробных объяснений, — потребовала кикимора, увлекая меня на тихую боковую улицу. — И поторопись, до дворца осталось минут двадцать по переулкам.

— Сбавь скорость, — попросила я, пытаясь вырвать руку из цепких пальцев подруги.

— Нет времени прогуливаться, — ворчливо ответила

подруга. — Нам нужно успеть до закрытия дворцовых ворот. А ты рассказывай, не отвлекайся.

Рассказывать на бегу о своем детстве и мистическом попадании в этот мир было делом нелегким, но Кико не оставила мне выбора.

На протяжении всего немного сумбурного из-за волнения и сбивающегося дыхания рассказа соседка ни разу меня не перебила. Девушка только периодически бросала на меня недоверчивые взгляды и неопределенно хмыкала.

— Вот так мы с мамой оказались в Амнистании, — закончила я.

— И ты хочешь, чтобы я поверила в невероятную историю о мире, где нет магии и люди научились строить механизмы, которые передвигаются без волшебства и животных и думают за хозяев? — поинтересовалась подруга, немного сбавив скорость.

— Да, они называются автомобилями и компьютерами, — кивнула я.

Картины событий из детства были путаными и нечеткими, но одно я помнила ясно — как нетерпеливо ерзала на сиденье нашей старенькой машины, когда мама везла меня в парк аттракционов, а по радио звучала веселая песенка про девочку, любившую играть в компьютерные игры.

— Допустим, только на минуту, что все действительно так и было, — проговорила Кико, вновь ускоряясь, — но тогда получается, что ни у тебя, ни у твоей матери вообще не может быть никакой силы. А мы знаем, что ведь и у нары Агусты имеется предрасположенность к магии, не говоря уже о тебе.

— Но даже мама не знает о том, кем на самом деле был мой отец. И если уж мы смогли попасть в этот мир, то обладающий силой человек мог делать это, когда ему заблагорассудится, — возразила я. — Ведь никто не знает, откуда пришел нарай Хроно и куда пропал его предшественник, так что логично предположить существование и других миров.

— А знаешь, об этом я как-то не думала, — задумчиво произнесла кикимора. — Может быть, в архивах есть какие-то записи и об этом. Поторопись, мы почти пришли.

Мы действительно подходили к высокому величественному замку в ореоле магического освещения. Его башенки и пики словно подпирали облака, утопая в чернеющих бездонных небесах.

— Как красиво, — прошептала я, запрокинув голову и вглядываясь в вершину самой высокой башни. Ее окна привлекали внимание необычной, напоминающей песочные часы формой.

— Вот туда-то нам и нужно, — проговорила кикимора, проследив за моим взглядом.

— Но как мы попадем во дворец? — спросила я, завороженно глядя на прекрасное строение. — И откуда ты знаешь, что архив именно в той башне?

— Юна, я же дочь князя Загорских топей и во дворце бывала. Правда, всего два раза. Но ты же меня знаешь, я там каждый уголок излазила. Даже в главное хранилище пыталась проникнуть, поймали, гады. Но я была близка к успеху! — гордо поведала Кико.

Пройдя через гостеприимно распахнутые ворота, мы тут же свернули с центральной аллеи и, обогнув дворец, беспрепятственно вошли в одну из задних дверей.

— Если рабочие кухни не сменились, то нас здесь примут с распростертыми объятиями, — пообещала подруга.

И нас действительно встретили весьма дружелюбно. И так же дружелюбно, с вежливой улыбкой на губах, попросили покинуть служебные помещения. Я боялась, что нас передадут охране, но никто не заподозрил в двух девушках потенциальной угрозы, и нас просто вывели в огромный пустующий зал.

— Думаю, не заблудитесь, — проговорила женщина в черном платье и белом фартуке, которая и обнаружила посторонних.

— А нара Кокиноро сейчас на кухне? — спросила Кико, прежде чем женщина закрыла за собой дверь.

— Она ушла на покой, но нарай выделил ей комнаты на втором этаже западного крыла, в награду за преданную службу, — ответила женщина, взглянув на нас с подозрением. — Вы должны были знать это. Кто вы?

— Я уезжала в гости к отцу, князю Загорья, вот и не в курсе свежих сплетен, — снисходительно улыбнувшись, ответила Кико.

— Приятного вечера, нари, — попрощалась женщина, склонив голову, и удалилась.

— Постой, если твой отец князь, то ты принцесса? — удивленно воскликнула я.

— Не принцесса, а княжна. И это только в Загорских топях, — недовольно произнесла кикимора. — А здесь я обычная студентка, дочь владелицы грязелечебницы. Не люблю пользоваться привилегиями, которые дает мне высокое положение моего ненаглядного папочки, но сейчас как раз такой случай, когда они пришлись кстати. Иди за мной.

Мы долго петляли по каким-то узким коридорчикам, быстро пересекая залы различной степени роскошности и величины.

— Сейчас вся светская жизнь кипит в гостиных, а здесь, в задней части дворца, тишина. И это нам на руку, — перейдя на

шепот, рассказывала Кико. — Вход в центральную башню должен быть где-то поблизости.

«Где-то поблизости» в понимании кикиморы оказалось совершенно в другом направлении, и нам пришлось возвращаться, когда коридоры привели нас к зимнему саду, пристроенному к восточному крылу дворца.

Вопреки стараниям Кико нам все же удалось найти вход в центральную башню, но вот тут мы натолкнулись на первое препятствие: широкую резную двустворчатую дверь охраняли двое стражников.

Мы с Кико под ручку прошлись мимо стоящих без движения, словно статуи, мужчин и свернули за угол.

— И что теперь делать? — спросила я шепотом.

— Что-нибудь придумаем, — прошептала подруга в ответ. — Надо их чем-то отвлечь. Плохо, что здесь моя магия не действует.

— Может быть, лучше уйдем, пока нас не поймали, — испуганно предложила я.

— Ты бы еще, когда в архив зашли, уйти предложила, — проворчала кикимора. — Моя магия заблокирована, а вот твою силу вряд ли остановит стандартная защита дворца.

— Даже не мечтай! — воскликнула я и тут же получила тычок в бок.

— Потише, — шикнула соседка.

— Я же не могу управлять своей силой. И даже если она не заблокирована, я все равно ее не чувствую, — прошептала я, потирая ушибленные ребра.

— Значит, нужно как-то пробудить ее, — уверенно проговорила Кико.

— И нас либо поймают, либо убьют, — подытожила я. — И это если я не разрушу весь дворец.

— Попробуем и узнаем, — не унималась кикимора. — Если что, скажем, что пришли на какой-нибудь прием и заблудились, отчего у тебя случился приступ паники, вот и произошел неконтролируемый выброс силы.

— И нас все равно арестуют. А меня еще и к нараю отправят, — попыталась достучаться до рассудительности подруги я.

— Не отправят, — возразила Кико. — Всем известно, что ночью нарай куда-то исчезает. Наверное, по времени путешествует.

— Или по другим мирам, — проворчала я. — А утром вернется и разберется со мной.

— Ну почему ты такая пессимистка? — всплеснула руками кикимора. — Все, делай что хочешь, а я ухожу.

И Кико быстро нырнула в один из узких служебных коридоров. Я бросилась за ней, но девушка словно растворилась. Я осталась одна, посреди погружающегося в ночь дворца, совершенно не зная, в какой стороне выход. Ладони похолодели и вспотели от страха, мысли метались, а я впадала в панику, не представляя, что делать.

И тут кто-то резко схватил меня за плечо и дернул назад. Я вскрикнула и зажмурилась от страха. Время шло, но ничего не происходило. Открыла глаза, обернулась и увидела застывшую в неловкой позе ехидно улыбающуюся подругу. Да, Кико поступила нечестно, но она добилась своего. Я опять остановила время. Вот только и кикимора тоже замерла.

Оставив подругу, я сбегала ко входу в башню, убедилась в том, что стражники тоже находятся в ступоре, и вернулась. Кико оказалась очень тяжелой, и мне пришлось довольно долго тащить ее к дверям.

Страх, что время может продолжить свой бег именно в тот момент, когда я буду затаскивать соседку в башню, придал мне сил, и задуманное удалось! Кико отмерла только спустя минут пять после того, как я втащила ее в башню и плотно закрыла находящиеся под охраной двери, отрезая нас от стражников.

— Ты слышал? — донеслось недоуменное из-за двери.

Кико схватила меня за руку и сильно сжала прохладные пальцы на запястье. Я только поморщилась и приложила палец к губам подруги.

— Что? — спросил второй стражник.

— Кто-то кричал, — пояснил первый.

— Показалось, наверное, я ничего не слышал, — ответил второй.

Кико, не отпуская мою руку, медленно пошла вдоль стены.

— Не могу зажечь свет. Стены совсем сухие. Придется идти на ощупь, — недовольно прошептала она.

— Даже если бы они были влажными, ничего не получилось бы. Здесь же защита от магии, — напомнила я ей.

— Все равно обидно, — упрямо ответила подруга, совершенно не волнуясь о том, что логики в ее рассуждениях не было ни на гран.

— Здесь и должно быть сухо, иначе старые свитки не сохранились бы, — прошептала я, следуя за ней.

Мы медленно поднимались по широкой винтовой лестнице, и мне было страшно представить, сколько ступеней нам предстоит преодолеть, чтобы добраться до верхних помещений самой высокой дворцовой башни.

— Свитки? — усмехнулась кикимора, остановившись и

устало привалившись к стене. — Юна, в дворцовом тайном архиве нет бумаг. Там кристаллы памяти. Я с ними раньше не сталкивалась, но говорят — они довольно просты в обращении. Достаточно поделиться капелькой своей крови — и кристалл откроет тебе хранящуюся в нем информацию, спроецировав ее прямо в память. В общем, на месте разберемся.

Последнюю фразу Кико произнесла не так уверенно, как мне хотелось бы, но отступать было уже поздно, и мы продолжили подъем.

— Лихо ты справилась с охраной, — похвалила подруга, когда мы во второй раз остановились перевести дыхание.

— Не без твоей помощи, — ответила я, утомленно присаживаясь на выщербленный камень ступеней. — Только, пожалуйста, не делай больше так. Все могло бы закончиться очередной катастрофой, и не без жертв.

— Да брось! — отмахнулась кикимора. — Ты бы не допустила, чтобы кто-то пострадал.

— И именно поэтому сегодня в академическом лазарете переполнены все палаты, — язвительно ответила я.

— Сами виноваты, — невозмутимо возразила Кико. — Нас всех еще в начальной школе учат правилам поведения во время неестественных климатических проявлений.

— Что-то я не помню, чтобы читала учебник по такой дисциплине, — недоверчиво проговорила я.

— Учебников по тому, как дышать, спать и есть, тоже нет, — возразила девушка, — но нас же этому учат. Тренировки по выживанию в природных катаклизмах проводят факультативно.

— А здесь разве бывают катаклизмы? — спросила я, усиленно стараясь припомнить хоть одно упоминание о буйстве природы в учебниках.

— Естественных — не бывает, а вот когда драконы начинают делить небо или эльфы — леса, то всякое может случиться, — задумчиво произнесла кикимора. — Хватит тратить время, пошли дальше, — добавила она бодрым голосом, вновь хватая меня за руку и вставая.

Мне оставалось только последовать за подругой, удивляясь тому, как она с такой легкостью находит мою руку в полной мгле.

К тому моменту, когда мы добрались до молочно-белой, словно высеченной из мрамора и светящейся изнутри двери, у меня не было сил даже чтобы восхищаться красотой узора, выгравированного на ней. Желание же узнать что-либо о своем происхождении сменилось стойким ощущением, что мы не выберемся из этой башни.

— Должно быть, сюда очень редко заглядывают, —

прохрипела я едва слышно.

В горле пересохло и першило от жажды, в боку кололо, а в висках стучали неустанные молоточки. Я отнюдь не была неженкой и в услужении у господина Прожирани порой трудилась с рассвета до захода солнца, без перерыва даже на обед. Но эта лестница вымотала меня так, как не выматывала самая тяжелая работа.

— Какая красота, — протянула Кико, совершенно не обращая внимания на мое нытье.

Она осторожно, словно боясь повредить, прикасалась кончиками пальцев к завиткам узора, всматривалась в озаряющую ее лицо мертвенно белым светом поверхность и повторяла как завороженная: «Какая красота».

— Кико, — позвала я подругу, но она не ответила, продолжая водить кончиками пальцев по завиткам.

— Ты же сама говорила, что у нас мало времени, — проворчала я, встав с пола и отряхнув одежду.

Кикимора по-прежнему не реагировала на мои слова и, казалось, вообще забыла о моем существовании.

«А вот и очередное препятствие», — обреченно подумала я. Никакие уговоры не смогли оторвать подругу от восхищения явно зачарованной дверью. Нечто подобное стояло на двери рабочего кабинета господина Прожирани. Вот только от того заклинания пробирала дрожь и хотелось отойти от двери подальше. Здесь же было наоборот: дверь не отпугивала, а притягивала, завораживала и не позволяла вторгшемуся в запретную зону отступить, сбежать в последний момент.

Попытка силой оттащить кикимору от зачарованной поверхности привела к тому, что она начала визжать и отбиваться. И мне пришлось отступить, пока истеричные крики не привлекли внимание стражи. Походив вокруг девушки, я пришла к выводу, что ни уговоры, ни сила тут не помогут. Оставалось только попытаться открыть дверь — быть может, тогда заклинание спадет или хотя бы ослабнет. Радовало только то, что на меня эта ловушка не действовала.

Подойдя к подруге и положив руку на резную бронзовую ручку, не надеясь на успех, я потянула дверь на себя. Первая попытка не увенчалась успехом, но я не собиралась отступать. Вдруг послышался глухой щелчок, и мою ладонь резко кольнуло. Отдернув руку, я увидела на ладони набухающую капельку крови, а меж тем дверь с тихим шуршанием приоткрылась. Сама!

Кико судорожно вздохнула и отпрянула от резной мерцающей поверхности.

— Что… Не понимаю… — пролепетала она, растерянно

озираясь по сторонам.

— Ты была под воздействием охранного заклинания, — пояснила я, приобняв подругу за плечи и успокаивающе поглаживая ее.

— Туман в голове, будто сутки проспала, — пробурчала кикимора, раздраженно встряхивая головой.

— Нет, прошло всего несколько минут, — заверила я подругу. — Как только дверь открылась, действие чар тут же прошло.

— И как ты ее открыла? — спросила девушка, опасливо косясь на все так же призывно светящуюся узорчатую поверхность.

— Просто повернула ручку, она была не заперта, — солгала я, интуитивно решив, что не стоит распространяться об уколе в ладонь.

— Странно. Я думала, что придется вызывать твою силу, чтобы магия признала тебя достойной, — задумчиво протянула Кико.

— Достойной? — переспросила я, не поняв, что она имеет в виду.

— Ну как же, в ознакомительных статьях о дворцовых тайнах постоянно пишут: «И лишь достойный высших знаний пройдет сей завораживающий путь. В конце которого достойному откроется вся мирозданья суть», — продекламировала кикимора, демонстративно закатив глаза и сложив руки в молитвенном жесте. — Обожаю запрещенную печать.

— А здесь и такая бывает? — удивилась я, отметив, что меня признали достойной. Это давало надежду на то, что я не потомок порождения Хаоса.

— Конечно! — воскликнула Кико. — Нарай, разумеется, мог бы пресечь вольнодумие, но он у нас добрый и закрывает глаза на мелкие шалости своих подданных.

— Будет ли он так же добр ко мне? — с сомнением вопросила я.

— Вот сейчас и узнаем. Идем, — воодушевленно заявила подруга, распахивая дверь в светоч знаний.

Мы оказались в небольшой комнатке, освещенной лишь парой обычных догорающих свечей. Здесь было еще три двери, на каждой из которых красовалась простая медная табличка с незамысловатой надписью.

— «Войди, если сможешь», — прочитала Кико, подойдя к ближайшей двери.

И стоило нам отступить от зачарованной двери, в которую мы только что вошли, как она с тихим шорохом закрылась, отрезая

нам пути назад.

— Иди, я за тобой, — прошептала кикимора, подталкивая меня в центр комнатки.

— Боюсь, — призналась я, тоже понизив голос до едва слышного шепота.

— Тебе-то как раз бояться нечего. Если первая дверь тебя пропустила, то и здесь разберешься, — заверила подруга, прячась при этом за мою спину.

В течение нескольких минут я переводила взгляд от одной двери к другой, но поняла, что совершенно ничего не чувствую. В результате закрыла глаза и несколько раз повернулась на месте в одну сторону, потом проделала то же действие в другую и пошла вперед. Глаза открыла, только упершись вытянутой вперед рукой в твердую поверхность.

— Сюда, — произнесла я, чувствуя, что не ошиблась: это нужная нам дверь.

— Нет, нам точно не туда, — посмеиваясь, проговорила кикимора. — Это выход!

— Не может быть, я уверена, что нам нужна именно эта дверь, — не желала я признавать поражение.

— Ну, если ты уверена, то открывай, — ответила Кико, отойдя как можно дальше.

Страх подруги не прибавлял мне смелости, и ее откровенное недоверие задевало, но я уверенно взялась за дверную ручку и не толкнула, что было бы логично, ведь из коридора эта дверь открывалась наружу, а потянула на себя.

Медленно, с протяжным скрежетом дверь поддалась, и в глаза ударил яркий свет множества магических светильников, освещающих по периметру огромное полукруглое помещение.

— Не может быть, — прошептала Кико, выглядывая из-за моего плеча.

— Я же говорила, что это та дверь, — не удержалась я от замечания.

— Я и не спорю. Пошли, — ответила кикимора, подталкивая меня в спину.

Под давлением ее рук я сделала всего один шаг и замерла, ступив на начинающийся прямо у двери мягкий ковер песочного цвета. Что-то было не так, какое-то неясное предчувствие тревожило и не позволяло продолжить движение.

В центре помещения стоял лишь один стол, который частично загораживало кресло с высокой спинкой. Именно из-за этой спинки и прозвучал уже знакомый приятный, но навевающий далеко не самые приятные воспоминания голос.

— Смелее, я уже заждался, — произнес тот самый

таинственный голос, который я уже слышала на маскараде и в частном клубе, придя туда по приглашению незнакомца.

В панике я обернулась, ища поддержки у подруги, но Кико словно окаменела, смотря в одну точку остекленевшим взглядом и даже не дыша.

— Твоя подруга подождет нас в приемной, — с усмешкой произнес незнакомец.

Дверь на мгновение покрылась рябью и захлопнулась, пройдя сквозь стоящую перед ней Кико!

— Прошу, не смущайся. И не переживай за подругу, она сейчас во временной капсуле и даже не заметит твоей отлучки, — продолжил светским тоном таинственный мужчина.

Первым моим порывом была попытка сбежать, но на двери не нашлось ручки, а открывалась она опять внутрь! Я обреченно вздохнула и медленно пошла к столу. Крадучись, словно делаю нечто преступное, я обогнула стол, с любопытством заглядывая по мере передвижения за спинку кресла. В кресле сидел черноволосый коротко стриженный мужчина средних лет с правильными, благородными чертами лица и проницательным взглядом карих глаз.

— Добро пожаловать в мой дом, — с улыбкой произнес мужчина. — Присаживайся.

По другую сторону стола появилось идентичное тому, в котором расслабленно сидел он, кресло.

— Спасибо. Я постою, — ответила я охрипшим от страха голосом. Прокашлялась и добавила: — Ведь я же здесь не задержусь?

— Все зависит от того, насколько продуктивной будет наша беседа, — усмехнулся мужчина. — И все же присядь. Я настаиваю.

На негнущихся ногах я подошла к креслу и буквально рухнула в него. Теперь сомнений в личности этого мужчины не оставалось — передо мной, вальяжно устроившись в кресле, восседал сам нарай Амниос Хроно, в народе бог времени Хронос.

— Не стоит так рьяно изображать испуг. Мы оба знаем, что я не могу тебе навредить, — продолжил говорить загадками нарай. — Хотя у меня и нет желания навредить столь милой и очаровательной девушке, — добавил он с улыбкой.

— Тогда я пойду? — спросила я, порываясь встать.

— Только после того, как расскажешь мне о цели своего пребывания в Амнистании, — перестал улыбаться Амниос Хроно. — Согласись, я имею право знать, по какой причине была нарушена договоренность, заключенная между мной и твоим отцом более полутысячелетия назад, — добавил он, слегка подавшись вперед.

— Я тоже, — произнесла и поняла, что сболтнула лишнего. Пожалуй, сейчас мне стоит выбрать ту же линию поведения, что и при последнем разговоре с инструктором. Это будет не очень сложно, учитывая то, что в последнее время все разговаривают со мной лишь намеками и загадками.

— Не стоит упорствовать. Ты должна понимать, что подобные игры со мной неуместны. Хотя бы потому, что я гораздо старше и мудрее, независимо от того, насколько хорошо тебя подготовил отец, — снисходительно проговорил нарай.

— Я не играю, — призналась я, даже приблизительно не догадываясь о том, что же хочет от меня услышать сам Амниос Хроно.

— Так зачем же ты здесь? — упорствовал нарай.

— Чтобы узнать правду… — начала я, но Хронос меня перебил.

— Правду? Значит, у нас с тобой общая цель. По крайней мере, на данный момент. Я тоже жажду услышать от тебя хоть крупицу правды, — слегка раздраженно проговорил он.

Я так устала и переволновалась, что не выдержала, забыв о решении играть роль, и сорвалась.

— Хотите правды? Так вот она! — воскликнула я, вскочив с кресла. — Всего десять дней назад я была обычной девушкой, выживающей в рабстве в другом государстве, выполняла приказы своего господина и радовалась тому, что не одинока в этом мире! Теперь же меня выдернули из привычной, пусть и нелегкой жизни, лишили возможности общаться с матерью — единственным родным человеком, и ежедневно подвергают сомнению мою порядочность, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Я устала, разочарована в самом понимании слова «свобода» и уже просто не верю в существование справедливости!

Выдохнула и обессилено упала в кресло. Нарай молчал минуты две, изучая меня въедливым взглядом, после чего вновь улыбнулся и одарил меня скупыми аплодисментами.

— Какая пламенная речь, — произнес он, прекратив хлопать. — Готовилась или это экспромт?

Я лишь устало взглянула на нарая и отвернулась. И чего я ожидала? Того, что меня поймут и пожалеют? Глупо было надеяться на это. Меня всегда жалела и понимала только мама. Ну и еще разве что старый Хабонио, истопник господина Прожирани, который подкармливал меня в детстве украденными с хозяйского стола сладостями.

— Я проследил весь твой путь с появления в этой линии бытия, Юнила. И не стоит полагать, что мною были не замечены

созданные для тебя условия, — продолжил Хронос. — Присутствие и влияние твоего отца очевидно, как и то, что это именно он направил тебя ко мне.

— С меня хватит! — выпалила я, вновь вскакивая. — Вы утверждаете, что не желаете мне вреда, так отпустите. Да, я совершила ошибку, придя сюда, но все ваши намеки и подозрения абсолютно беспочвенны, потому что я никогда, ни единого раза за всю жизнь не встречалась со своим отцом и понятия не имею, кто он!

— Знаешь, я бы даже поверил тебе, — слегка наклонив голову набок и с интересом рассматривая меня как какое-то интересное животное, проговорил нарай. — Если бы не одно «но». Запрет на вмешательство в судьбу носителей высшей крови нисколько не мешает наблюдать со стороны. Я сам, лично, видел тебя общающейся с заботливым родителем, и не единожды. А это как-то не вяжется с твоим утверждением, что мои подозрения беспочвенны. Да и не подозрения это — убежденность.

— Вы меня не отпустите? — спросила я дрожащим полушепотом.

— Я тебя не держу. Можешь уходить. Но ты должна понимать, что если мы сейчас не достигнем договоренностей, то мне придется начать действовать, чтобы предвосхитить твои замыслы, какими бы они ни были, — небрежно пожав плечами, ответил Амниос Хроно.

— Вы угрожаете? — спросила в надежде, что мне только показалось.

— Ни в коем случае. Я всего лишь констатирую необходимость контрмер, — вежливо улыбнулся нарай.

Собрав последние крохи самообладания, я задержала дыхание, чтобы побороть подступающие к глазам слезы, и выпалила:

— Что я должна сделать, чтобы вы перестали обвинять меня неизвестно в чем и оставили в покое?

Хронос усмехнулся, но что-то в его усмешке показалось мне неуместным. Возможно, я ошиблась, но эта кривая ухмылка отдавала горечью и грустью.

— Единственное, что ты можешь сделать в данной ситуации, — это исчезнуть, — неожиданно резко и непримиримо произнес нарай.

— Куда? — глупо вытаращившись на него, спросила я.

— Как можно дальше, — вновь усмехнулся Амниос Хроно. — Но я понимаю, что отец не позволит тебе отступить. Слишком долго он был в тени и теперь, решившись, не откажется от задуманного.

— Вы так хорошо с ним знакомы? — поинтересовалась я, смирившись с необходимостью продолжать это абсурдный разговор и откинувшись на спинку кресла.

— Мы были одними из первых, — задумчиво проговорил нарай. — Пусть теперь мы и враждуем, но были времена, когда Хаос был моим братом и другом.

— Хаос? — спросила я шепотом.

— Да, мы слишком разные и, как показывает история, не можем существовать вместе, — продолжил Хронос. — Я — основа порядка и точности и он — бунтарь, не приемлющий постоянства, попирающий все законы и запреты. Теперь уже и не важно, что же стало причиной противостояния, но меня устраивает сложившаяся ситуация. В ней тоже есть некое подобие порядка и постоянства. Хаос же, как я понял, решил в очередной раз разрушить созданную мною симметрию существования лишь для того, чтобы доказать, что он более близок к совершенству, нежели я.

Я лишь смотрела на сидящего напротив мужчину, нахмурившись в попытке осознать то, что он только что сказал.

Мне понятно было лишь два момента: во-первых, Хронос считает, что я дочь Хаоса, и, во-вторых, с Хаосом у них давняя вражда. Следовательно, мне как дочери врага на дружбу или хотя бы снисходительность рассчитывать не стоит.

— Вижу, что сотрудничать ты не готова, — продолжил нарай, лениво растягивая слова. — Но меня не устраивает недосказанность. И потому ты останешься здесь до тех пор, пока не созреешь для откровенного разговора. Я, разумеется, не буду удерживать тебя силой, но не советую покидать дворец до тех пор, пока мы не договоримся. Удерживать от активной травли ориентированных на все проявления хаоса ловчих хлопотно и лишено смысла. Устраивайся, найдешь меня, как только будешь готова рассказать о планах Хаоса.

Амниос Хроно встал и направился к выходу. Я тоже вскочила и последовала за ним.

— А как же академия? У меня занятия… И Кико… — беспомощно лепетала я, следуя за богом по пятам.

— В академии о тебе никто даже не вспомнит. Это касается и кикиморы, — безразлично ответил Амниос Хроно.

— Нет! — воскликнула я. — Не отнимайте хотя бы подругу.

На глаза навернулись слезы, и я отвернулась, чтобы не показывать жестокому божеству свою слабость.

— Ну хорошо, разрешаю оставить кикимору при себе, — неожиданно произнес нарай и вышел, пройдя прямо сквозь Кико.

В следующее мгновение подруга отмерла и начала

озадаченно озираться.

— Ну? — недоуменно спросила она. — Вперед, к знаниям и откровениям!

— Уже не надо, — только и смогла произнести я, с грустью глядя на подругу.

Похоже, я только что обрекла нас обеих на совместное заточение в стенах дворца.

— Что значит не надо? — возмутилась кикимора, войдя в помещение и с любопытством осматриваясь. — Ты ищи на тех стеллажах, а я с этой стороны начну, — распорядилась она, указав мне на стену справа.

Стеллажей здесь действительно было очень много. Всю полукруглую стену покрывали разделенные на ячейки полки. И в каждой ячейке хранилось от одного до нескольких кристаллов. Ячейки были подписаны, но таблички оказались совсем маленькими, и, чтобы прочитать надписи, нужно было приблизиться вплотную к стеллажам.

— Да, похоже, придется потратить немного больше времени, чем я думала, — протянула Кико. Тяжело вздохнула и с неохотой признала: — Да мы и за неделю не справимся.

— А нам теперь торопиться некуда, — проговорила я, без особого рвения пробегая глазами по надписям на табличках.

Это были в основном даты, которые мне ни о чем не говорили.

— Вообще-то к утру мы должны быть в академии, — проворчала подруга. — Так что все же поторопись.

— А нас теперь в академии никто не ждет, — пробурчала я, водя пальцами по поблескивающим от света магических светильников табличкам. — Видишь ли, Кико, я только что имела честь беседовать с нараем Амниосом Хроно. Беседа прошла, мягко говоря, непродуктивно. И мы с тобой теперь — гости нарая на неопределенный срок. Вернее, до тех пор, пока не разберемся, что же он хочет от меня услышать, и я не скажу ему это.

Послышался грохот, я обернулась и увидела кикимору сидящей на полу возле лестницы. Видимо, девушка настолько удивилась услышанному, что свалилась с лестницы, на которую взобралась, чтобы исследовать верхние ярусы стеллажей.

— Это ты сейчас так пошутить пыталась? — проворчала подруга, кряхтя и потирая ушибленное бедро.

— Нет, это я пыталась поделиться случившимся в самой мягкой форме, — улыбнулась я, убедившись, что кикимора не покалечилась.

— Я бы не сказала, что было мягко, — продолжала возмущаться Кико. — Что значит «имела честь беседовать»? А я,

по-твоему, в этот момент где была?

— А ты стояла за дверью. Он тебя остановил, вернее, время для тебя остановил, — объяснила я подруге. — А потом еще и прошел прямо сквозь тебя. И да, прости меня. В заточении должна была остаться только я, но мне было страшно, и я попросила не отнимать подругу. Так что теперь мы обе пленницы нарая.

— Не пленницы, а гостьи, — усмехнулась кикимора. — Если бы мы были пленницами, то сейчас спускались бы в подвалы в сопровождении ловчих. К тому же я давно хотела лично познакомиться с нашим нараем. Вот теперь он точно никуда от меня не денется.

— Сомнительная радость — общение со столь жестким и непримиримым божеством, — грустно усмехнулась я.

— Ты так говоришь, будто он монстр какой-то! — воскликнула Кико. — Наш нарай славится своими щедростью, добротой и хорошими манерами.

— У меня складывается такое впечатление, что мы говорим о двух совершенно разных личностях, — покачала я головой.

— Расскажи-ка мне поподробнее, о чем вы разговаривали, — потребовала подруга, присаживаясь на перекладину лестницы.

— О том, что я приехала в Амнистанию с каким-то коварным планом и не покину дворец до тех пор, пока не признаюсь. А признаваться не в чем, так что сидеть мне в заточении до тех пор, пока нараю это не надоест, — развела я руками.

— Ну ведь не просто так он на тебя взъелся. Должна быть какая-то причина, — задумчиво протянула Кико. — Давай искать допорядковые хроники, может, там найдем ответ — к какому виду ты относишься, и тогда уже будем думать, что делать дальше.

Кикимора встала и опять взобралась по лестнице.

— Нарай сказал, что я дочь бога Хаоса, — призналась я шепотом.

Опять грохот и злобный взгляд подруги снизу вверх.

— Нет, ты точно издеваешься! — прошипела она, со стонами и кряхтением вставая на четвереньки.

— Извини, — пробурчала я, подойдя к ней и подав руку, чтобы помочь встать.

— Да какая из тебя дочь Хаоса, — ворчливо проговорила кикимора, выпрямилась и, прихрамывая, отправилась к креслу. — Нарай Хроно, наверное, пошутил.

— Он был предельно серьезен и решителен, — с грустью ответила я.

— Так он же бог, мог бы определить, лжешь ты или нет, —

возразила Кико, развалившись в кресле, которое несколько минут назад занимал сам Хронос, и забросив ноги на стол.

— В том-то и проблема: я — дочь бога, а у них — богов — есть какой-то кодекс, по которому они не могут воздействовать на детей себе подобных. Но нарай сам признался, что побывал в моем прошлом и все обо мне знает, — пояснила я, устраиваясь напротив подруги. — Сильно болит? — спросила я с сочувствием, заметив, как кикимора кривится, потирая бедро.

— Не смертельно, — отмахнулась Кико. — Но тогда получается, что он должен знать, какой из тебя непутевый полубог.

— Нарай утверждает, что в моей жизни присутствовал отец. Я об этом совершенно ничего не знаю, но Хроносу виднее, — проговорила я, теребя подлокотник кресла.

— Интере-е-есно, — протянула подруга. — Значит, твой папочка все же интересуется дочуркой. Может, он нас и вытащит отсюда. Хотя вряд ли, не сунется он прямо в логово злейшего врага.

— Нарай обмолвился, что они когда-то были друзьями, — вспомнила я.

— А вот это еще интереснее! — воодушевленно воскликнула Кико, вскочив с кресла, словно и не падала только что с лестницы… дважды. — Давай попробуем узнать, из-за чего они разругались, и помирить их.

— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? — удивилась я. — Это же боги! Кто мы такие, чтобы вмешиваться в их отношения?

— Ты, если верить нараю, дочь одного из этих богов, а я… А меня они еще плохо знают! — заявила кикимора. — Чего расселась? Вставай и живо искать хроники допорядковых времен! — прикрикнула она, вновь идя на штурм лестницы. — И если у тебя еще остались шокирующие новости, то придержи их до тех пор, пока я не спущусь.

Кико забралась под самый потолок, бубнила себе под нос названия ячеек, периодически восклицая: «У них даже погребальные обряды подземных хорнов есть!», «Чего здесь только нет!» или «Ну все, бросаю академию и иду учиться на придворного архивариуса!».

Мне же не попадалось никаких обрядов. Все ячейки были помечены датами или светскими событиями.

— Проклятая лестница, застряла, — проговорила кикимора, разбавив поток восторгов недовольством.

Я повернулась и увидела, как подруга пытается сдвинуть лестницу, цепляясь пальцами за выступы ячеек, но колесики застряли, и лестница не желала перемещаться.

— Лучше спустись, и передвинем ее вместе, — предложила я, запомнив ячейку, на которой остановилась, и отправившись на помощь Кико, пока она опять не свалилась, теперь уже с гораздо большей высоты.

— Ну уж нет, не собираюсь я туда-сюда прыгать. Это передвижная лестница, так пусть передвигается.

Девушка схватилась руками сразу за две ячейки и изо всех сил потянула. Послышался треск, и Кико вместе с лестницей и секцией ячеек буквально провалилась в стену. Процесс сопровождался диким визгом кикиморы, жужжанием и треском сработавшего неведомого механизма и моим сдавленным испуганным писком.

— Кико, — несмело позвала я, когда все стихло и подруга исчезла в образовавшемся в стене темном проеме.

Ответом мне была полная тишина. Медленно, крадучись я подошла к провалу в стене и заглянула. Кико стояла на четвереньках на уже лежащей горизонтально лестнице и ошарашенно разглядывала уходящий вдаль бесконечный коридор. Он казался действительно нескончаемым. Стилизованные под факелы светильники освещали его насколько позволяли увидеть глаза.

— Мы же в башне, — прошептала я, переводя взгляд то на подругу, то на ведущий в неизвестность коридор, которого здесь вообще не должно было быть.

— Вот это магия, — протянула Кико, продолжая стоять на четвереньках и восхищенно смотреть вперед.

— Это не магия, а скрытый механизм, — ответила я.

— Да какой механизм? Я про искривленное пространство говорю! Вот это сила! — воскликнула подруга, наконец-то встав. — Ну что, пойдем, посмотрим, куда ведет эта дорога?

— Вряд ли нам туда можно, — опасливо покосилась я на входную дверь.

— Нам и в архив нельзя было, — отмахнулась кикимора. — И мы не виноваты, что этот коридор был скрыт таким глупым, ненадежным механизмом.

— Может, лучше подождем? — спросила я, уже понимая, что Кико не остановить.

— Вперед, не отставай, — даже не взглянув на меня, ответила подруга и смело пошла вперед, ловко переступая с перекладины на перекладину.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Кико спрыгнула на каменный пол и протянула мне руку, чтобы помочь спуститься с лестницы, превратившейся в некое подобие моста.

Я приняла помощь и уже собиралась спрыгнуть, но замерла,

услышав знакомый глубокий голос за спиной.

— Не советую делать этот шаг. Если ты войдешь в этот коридор, то уже не сможешь вернуться, — проговорил материализовавшийся у проема в стене нарай. — Я ошибался на твой счет, полагая, что ты всего лишь оружие, средство для достижения каких-то тайных целей. Сейчас же вижу, что ты действительно дорога отцу, иначе он не посмел бы проявить себя на моей территории.

— Ой, Хронос, — прошептала Кико и дернула меня за руку, оттягивая в сторону, чтобы получше рассмотреть правителя Амнистании.

От рывка я пошатнулась и чуть не упала, нога сорвалась с последней перекладины и опустилась на поблескивающий, полированный черный каменный пол. Все тело словно пронзило молнией, и я повторно чуть не упала. Показалось, что коридор растягивается, а камень под ногой двигается.

— Не шевелись, глупая девчонка! — слегка повысив голос, раздраженно проговорил Амниос Хроно.

— Вы простите нас, мы не хотели ничего ломать. Честно! Нам просто было интересно. Ну, вы понимаете, мы же женщины, то есть девушки, в общем, студентки, — затараторила Кико, улыбаясь так, что казалось: еще немного — и уголки ее губ достигнут скул.

— Помолчи, кикимора, — неожиданно по-доброму попросил нарай.

— Да, конечно. Все, что прикажете. Вы только скажите, что нужно, и мы все выполним, — вновь завелась Кико.

Хронос лишь мельком на нее взглянул, и подруга тут же смолкла, гулко сглотнув.

— Подойди ко мне, Юнила, — ласково попросил нарай, протянув мне руку. — Обещаю, я выслушаю тебя и помогу.

Но чем более доброжелательно улыбался Хронос, тем ярче во мне разгоралось недоверие к нему. С чего бы ему вдруг так перемениться по отношению ко мне? Что-то во всей этой ситуации было неправильным, но я никак не могла поймать ускользающую мысль — что же именно?

— А с чего это вы вдруг так подобрели? — неожиданно вновь подала голос Кико. Только теперь она смотрела на нарая с недоверчивым прищуром и без тени восхищения. — Знаю я вас, встречала уже таких на своем пути. Поняли, что Юна папочке нужна, и решили использовать ее как рычаг влияния на Хаоса?

И Кико повторно дернула меня за руку, втянув в коридор.

Хронос мгновенно бросился вперед и завис в воздухе над нами, но не успел схватить, потому что пол действительно

двигался, унося нас с кикиморой в глубь бесконечного коридора. А нарай так и остался висеть в воздухе, словно его что-то не пускало дальше, и сверлил меня полным негодования взглядом.

— Я дам тебе возможность понять, какую ошибку ты совершаешь, и в следующий раз сделать другой выбор, — тихо проговорил бог времени, но я услышала его слова, несмотря на то, что нас уже разделяло довольно большое расстояние.

Часть вторая
ВЫБОР

Кико притихла, не шевелясь и только испуганно поглядывая на меня. Я же сейчас не могла ни о чем думать, кроме того, что в очередной раз плыву по течению, лишенная возможности самой принимать решения. Впереди была тревожная неизвестность, но именно страх перед будущим придал мне решимости пообещать себе, что больше я не буду бесправной невольницей. Теперь я свободна и вправе сама решать свою судьбу!

Движение прекратилось столь резко, что мы непременно упали бы, если бы перед нами не выросла скалистая стена.

— Ты же не дашь меня в обиду своему отцу? — прошептала Кико, растеряв свою браваду и испуганно озираясь.

— Все зависит от того, не будет ли он обижать и меня, — выдавила я жалкую улыбку.

Стена перед нами задрожала и начала осыпаться. Мы едва успели отскочить от нее, чтобы не быть погребенными под обвалом.

Когда отголоски камнепада стихли и осела пыль, нашим изумленным взглядам открылась необъятная пустошь. Черная сухая почва была испещрена трещинами и разломами, воздух был удушливо зноен и словно пропитан безмолвием. В абсолютной тишине, нарушаемой только нашим сбивчивым от страха дыханием, в воздухе над пустошью, беззвучно сталкиваясь и продолжая хаотичное движение, медленно плыли, словно заброшенные корабли, камни разных размеров и форм.

— Хаос, — прошептала Кико.

— Где? — спросила я так же шепотом, обводя взглядом ужасающий пейзаж.

— Это — хаос, — хрипло ответила подруга.

— Может, вернемся? — предложила я и обернулась.

Коридор исчез! Вместо него за нами была глухая стена. Когда же скала, в которой мы сейчас находились, плавно оторвалась от земли и тоже куда-то поплыла, мы с Кико закричали. Но тут же смолкли, поняв, что наш крик растворяется в безмолвии и его никто не услышит. А если и услышит, то вряд ли придет к нам на помощь.

— Останови это, пожалуйста! — взмолилась кикимора, схватив меня за руку и с силой сжав ее.

— Как? Это же не я! — пролепетала я растерянно.

— Это твой мир, сделай что-нибудь, — не унималась подруга.

— Я не могу, не умею, — чуть не плача, попыталась я объяснить.

— Постарайся! Иначе мы так и будем дрейфовать в бесконечной пустыне, — дергая меня за руку, требовала Кико.

Я зажмурилась, тоже сжала ее руку и взмолилась, чтобы этот кошмар закончился. Камень задрожал, в лицо ударил обжигающий ветер, а во рту появился металлический привкус. Я прикусила губу до крови, но добилась только того, что Кико закричала. Открыв глаза, я увидела испуганное лицо подруги, трясущей меня за плечи. Скала куда-то неслась с невероятной скоростью, разгоняя в стороны другие камни, встречающиеся на ее пути.

— Ты что сделала? — возмущенно вопросила кикимора.

— Не знаю, — честно призналась я.

— И куда нас несет? — потребовала ответа подруга.

— Вперед? — предположила я растерянно.

— А можешь сделать, чтобы нас несло назад? — немного успокоившись, спросила Кико.

— Могу попробовать, но не знаю, получится ли, — проговорила я и зажмурилась.

— Нет! Стой! Не нужно больше экспериментов! — воскликнула кикимора.

— А ты что-нибудь можешь сделать? Здесь же твоя магия не заблокирована? — с надеждой посмотрела я на нее.

— Я тоже могу попробовать, но это же хаос, так что результат может быть каким угодно, — неуверенно произнесла Кико.

— Все равно хуже уже не будет, — натянуто улыбнулась я.

— Ну тогда отойди подальше, я попробую остановить эту глыбу, — предупредила подруга, разводя руки в стороны.

Я последовала ее совету и вжалась спиной в стену, отрезавшую нас от коридора. Кико закрыла глаза и начала что-то нашептывать, вращая запястьями и встряхивая зелеными локонами. Это длилось несколько минут — и ничего не происходило. Когда вокруг ног кикиморы начал собираться густой белесый туман, я возрадовалась, подумав, что спасение близко. Но в следующее мгновение Кико застонала и опустилась на колени, а скала словно сошла с ума. Она начала вращаться вокруг своей оси, одновременно продолжая движение, что позволило нам в полной мере осознать свою потерянность. Со всех сторон, до самого горизонта, был виден один и тот же пейзаж!

— Тебе плохо? — спросила я у подруги, присев рядом с ней и приобняв ее за плечи.

— Я не смогла связаться с родовой магией. Наткнулась на

что-то похожее, но не наше, не Загорское, и меня выкинуло из источника, предварительно, кажется, вытянув часть энергии, — прошептала кикимора. — Не стоило соваться в чужой источник.

Она и так выглядела бледной из-за цвета волос, сейчас же ее кожа приобрела серо-зеленый оттенок, а губы посинели.

Я вскочила, подошла к самому краю ставшей нашей клеткой пещеры и прокричала в безмолвную пустошь:

— Хаос! Ну, где же ты, мой заботливый и любящий отец? Чего ты от меня хочешь? Покажись, если не боишься взглянуть в глаза брошенной дочери!

— Не надо, — прошептала Кико. — Не зли его, ведь и правда покажется.

— А я не боюсь! — громко проговорила я, всматриваясь в дрейфующие камни. — Я за тебя боюсь, а он мне совершенно не страшен, — добавила я, обернувшись.

Туман вокруг подруги полностью рассеялся, и я увидела нечто, чему здесь, в безжизненной скале, совершенно было не место, — Кико сидела на пятачке насыщенно-зеленого пушистого, словно ковер, мха.

— Чьей бы магией ты ни воспользовалась, у тебя это получилось, — проговорила я, присев и осторожно проведя рукой по прохладной, влажной поросли.

— Только пользы от этого в нашей ситуации мало, — проворчала девушка, с явным удовольствием запуская пальцы в мох.

От любования кусочком болотной растительности нас отвлек посторонний звук. Вокруг нас стояла полная тишина, и отдаленный стук слышался словно грохот.

Я помогла Кико встать, и мы вместе всматривались в пустошь в надежде увидеть источник звука. Долго искать не пришлось, наш каменный транспорт перестал вращаться, и навстречу ему быстро плыл гладкий плоский валун, на котором, широко расставив ноги, стояла пока еще плохо различимая фигура. По мере сближения камней я смогла разглядеть довольно молодого, красивого грубой мужской красотой мужчину с длинными волосами, голым торсом, едва прикрытым расстегнутым и развевающимся от движения плащом, и чем-то похожим на посох, навершие которого украшал сгусток черного дыма, в правой руке.

Валун, принесший мужчину, остановился в нескольких шагах от нашей скалы, тоже замершей.

— Ой, какой мужчина… — начала Кико.

— Это Хаос, — перебила я ее, инстинктивно чувствуя, что права.

— …старый, — резко закончила фразу кикимора и

спряталась за мою спину.

— Добро пожаловать домой, Юнила, — проговорил Хаос. — Я не сомневался, что кровь приведет тебя сюда.

— Меня привели сюда вы, — ответила я осторожно, попятившись, но врезалась в Кико и замерла.

— Не стоит меня бояться. Тем более что мы уже давно знакомы. И раньше ты мне доверяла, — улыбнулся Хаос.

На первый взгляд он выглядел вполне обычным мужчиной, разве что одежда была немного варварской. Но присмотревшись, можно было понять, что это не обычный кочевник и даже не воин-пустынник — от Хаоса веяло силой и собственно хаосом. Другого слова для этого ощущения мне не удавалось подобрать.

— Я впервые вас вижу, — произнесла я уверенно.

— А так? — поинтересовался бог беспорядка и беззакония.

Его лицо начало меняться, перетекая из одной формы в другую, а потом еще и еще.

Я узнала и старика-истопника, заботящегося обо мне в детстве, и лавочника, подкармливавшего нас с мамой до тех пор, пока мы не попали к господину Прожирани, и мальчишку — конюха градоправителя, и еще несколько смутно знакомых лиц, а под конец — того самого старца, который помог мне выйти из академии, чтобы увидеться с мамой, а потом придал уверенности перед встречей в закрытом клубе.

— Не может быть, — прошептала я шокированно.

— Я всегда присматривал за тобой, Юнила, — улыбнулся Хаос. — Ты — моя дочь. Не единственная, но одна из любимых.

— Так что же вы допустили, чтобы она попала в рабство, если так любите? — подала голос Кико, выглянув из-за моей спины.

— Может, познакомишь меня с подругой? — спросил Хаос, подплывая на своем камне ближе.

— Не надо, — пискнула кикимора. — Мне и так хорошо.

— Судя по тому, что ты несколько минут назад отдала большую часть своей энергии глубинному дагону, тебе совсем не хорошо, девочка, — вновь усмехнулся Хаос. — Если не принять меры, то в скором времени ты захлебнешься серной топью. Весьма неприятная смерть, когда из тебя вытекают потоки зловонной серной жижи.

— Мама, — прошептала подруга, побледнев еще больше и пошатнувшись.

Я придержала соседку, чтобы не позволить ей упасть и воскликнула:

— Спасите ее! Вы же бог, сделайте что-нибудь!

— Ради дочери все что угодно, — улыбнулся Хаос и шагнул в нашу маленькую пещеру.

Скала просела и с глухим стуком опустилась на потрескавшуюся почву, словно Хаос весил в сотни раз больше, чем сам камень.

Мы с Кико синхронно отступили до самой стены.

— Хаос, передо мной стоит Хаос. Теперь и помереть не жалко, — прошептала кикимора. Подумала и добавила: — Хотя нет, я обязана выжить, чтобы похвастаться.

— У тебя замечательная подруга, Юнила. Люблю личностей с нестандартным мышлением, — произнес… мой отец.

— Да у меня в голове полный хаос. В смысле не вы — Хаос, а другой хаос. Ну как бы вы поместились у меня в голове, — затараторила подруга. — Святые кочки, что я несу? Юна, выручай.

— Кико действительно замечательная подруга, и я не могу потерять ее, помогите ей, пожалуйста, — произнесла я, глядя на Хаоса одновременно со страхом и надеждой.

— Отойди, — посоветовал бог беззакония.

Но стоило мне отступить, как подруга начала заваливаться набок. Хаос схватил ее за плечи и удержал.

— Меня лапает сам Хаос, — глупо улыбаясь, пробурчала подруга. — Девчонки позеленеют от зависти, — подняла руку, посмотрела на приобретшую болотный цвет кожу и добавила: — Вот прям как я сейчас.

— Помолчи и приготовься, будет немного неприятно, — проговорил Хаос, слегка встряхнув кикимору.

Не знаю, что в понимании бога означает «немного неприятно», но явно не то же, что для смертного. Кико вдруг выгнулась, запрокинув голову, и издала дикий, исступленный крик. В этом горловом, плавно переходящем в хрип звуке было столько боли, что мне стоило больших усилий не броситься к подруге и не оттолкнуть ее мучителя. Но вот крик наконец-то стих, и с громким протяжным выдохом изо рта Кико хлынула зловонная болотная жижа.

Хаос отдернул руки и брезгливо отступил, но Кико удержалась на ногах.

— Спасибо, так намного лучше, — хрипло поблагодарила она, вытерев рот рукавом зеленой блузы.

— Постарайся впредь не открываться для незнакомых источников, — посоветовал Хаос. — Ну а теперь я отправлю тебя обратно, а нам с дочерью нужно многое обсудить.

— Нет! — воскликнули мы с подругой в один голос.

— Какое единодушие, — усмехнулся бог беспорядка. — Ну что ж, тогда вперед — знакомиться с моим миром. Но не ждите, что вам все будут рады. Я же Хаос, в моих владениях полная

анархия. — Хаос лукаво улыбнулся и поинтересовался у Кико: — Еще не передумала?

Подруга перевела на меня неуверенный взгляд и промолчала.

— Если здесь опасно, то нам обеим лучше вернуться домой, — проговорила я, хватая кикимору за руку.

— Твой дом теперь здесь, Юнила, — неожиданно резко ответил Хаос. — Я твой отец, и чем быстрее ты с этим свыкнешься, тем будет лучше для тебя.

— Но там моя мама, и мой дом рядом с ней, — возразила я, похолодев от осознания, что меня отсюда выпускать не собираются.

— Твоя мать всего лишь человек, и она не приживется в хаосе. Ты же в скором времени, как только окончательно пробудится моя кровь, осознаешь, что твое место именно здесь, — не терпящим возражений тоном проговорил Хаос.

— Почему же тогда вы не забрали Юну раньше? — осмелилась подать голос Кико.

— Все не так просто. До тех пор, пока в ней не пробудился хаос, это было невозможно, — ответил бог, наклонил голову набок, разглядывая кикимору, и добавил: — Твоя непосредственность подкупает. Иначе я просто не в силах объяснить, почему распинаюсь тут перед тобой, вместо того чтобы превратить в пыль, развеять и забыть.

Я выступила вперед, прикрыв собой Кико, и дрожащим от страха голосом проговорила:

— Не смейте угрожать моей подруге.

Хотелось верить, что Хаос своеобразно пошутил или таким образом показывает кикиморе ее место. Иначе зачем же он только что спас ее?

— Ты еще так наивна и невинна, что я, пожалуй, закрою глаза на этот вызывающий тон. Но впредь постарайся воздержаться от подобных выходок, — холодно произнес Хаос и отвернулся.

Плоский камень, принесший бога беззакония, опустился и вплотную подплыл к скале, Хаос шагнул на него и приказал, не оборачиваясь: «Следуйте за мной».

Притихшие, напуганные и растерянные, мы покорно последовали за Хаосом. Вопреки моим опасениям, когда камень начал стремительно удаляться от скалы, через которую мы попали в лишенную логики и природных законов пустошь, мы даже не почувствовали его движение.

Кико опасливо косилась на мелькавшие под нами трещины и разломы в сухой почве и все сильнее сжимала мою руку. Казалось, еще немного — и затрещат кости. Пришлось подергать рукой, чтобы привлечь внимание паникующей подруги. Я и сама

чувствовала себя не лучше, но искать поддержки было не у кого. Хаосу я не верила, отец он мне или нет — для меня он оставался совершенно посторонней, сомнительной личностью с неограниченными силами и возможностью с легкостью навредить нам с подругой. Возможно, Хронос был прав? Ведь он, по крайней мере, не угрожал убить Кико, и даже заточение во дворце выглядело скорее как принудительное приглашение погостить. Хаос же требовал полного подчинения, а я уже попробовала вкус свободы и не желала подчиняться даже отцу.

Когда впереди показалось огромное темное пятно, словно проступающий в дымке скалистый остров, Хаос указал на него и горделиво произнес:

— Добро пожаловать в форпост предела Хаоса. Через него мы попадем туда, где я властвую без ограничений и правил. Отныне Предел Хаоса будет твоим домом и тренировочным полем.

То, что Хаос назвал форпостом, оказалось неким подобием города-крепости. Но я не увидела ни одной прямой линии, ни одного более или менее приспособленного для жизни здания и ни одного человека. Как только перед нами появились кривые, грубо высеченные из камня ворота и взгляду открылся аналог крепостной площади с поправкой на хаос, я не выдержала и закричала. Но крик ужаса потонул в многоголосом реве, вое и визге жутких, не поддающихся описанию и поражающих воображение монстров.

Сначала мне показалось, что поднявшийся шум свидетельствует о воинственном настрое многоликой (хотя сложно было назвать лицами искаженные клыкастые морды) толпы, но когда Хаос поднял вверх руку с посохом, мгновенно воцарилась тишина и стало понятно, что это приветственные крики преданных подданных.

— Какие жуткие рожи, — выразила наше общее мнение Кико.

— Это в какой-то степени тоже мои дети, — проговорил Хаос.

— Ну, не такие уж они и ужасные, — пошла на попятную кикимора.

— Жители пограничного города — потомки моих первых, не совсем удачных, но весьма живучих попыток сотворить жизнь на основе хаоса, а не логики, — поведал вновь ставший добродушным бог беззакония.

— Мда, логики я в их мордах не вижу, — разглядывая монстров, мимо которых мы проплывали на валуне, признала подруга.

— Да и во взглядах ее не наблюдается, — присоединилась я.

— Создать новую жизнь не так просто. Вложить же в нее разум еще сложнее, — проговорил Хаос.

Возможно, мне показалось, но я расслышала в его голосе обиду.

— В каком-то смысле они идеальны, — произнесла я осторожно, совершенно не веря в то, что говорю.

Идеальной в них была только высокоразвитая способность вызывать чувство омерзения.

— Не стоит льстить. Я бог, не забывай, и с легкостью распознаю лукавство, — еще более недовольно ответил Хаос.

— Ну, тогда вы, конечно, извините, но творец из вас хуже некуда, — нагло заявила кикимора и опять спряталась за меня.

— Прекрати его злить, — прошептала я сквозь зубы, виновато улыбаясь отцу.

Признавать Хаоса своим отцом, пусть даже только в мыслях, было тяжело. Но и думать о том, что мы во власти совершенно постороннего бога-самодура, хотелось еще меньше.

Валун опустился, и Хаос первым спрыгнул на утоптанную сотнями, а возможно и тысячами, лап пыльную каменистую почву.

— Идите за мной и постарайтесь не отставать, — посоветовал он. — Местные жители любят людей и человекоподобных созданий… в качестве десерта.

Мы не пошли за Хаосом, а побежали, едва не обогнав его на пути к сложенному из разномастных неотесанных камней строению.

Едва мы вошли в кривое отверстие в еще более кривой стене, долженствующее, видимо, называться дверным проемом, как я получила сильный удар по ногам и упала. Рядом повалилась Кико, тоже получив подсечку огромным толстым чешуйчатым хвостом грязно-рыжего цвета. Вскинув голову, я увидела обладателя этого хвоста и прошептала ворчащей «Убить мало за такое» подруге: «Лучше помолчи».

Кико проследила взглядом от кончика хвоста до кончиков рогов и, широко улыбаясь, проговорила:

— Как мило. Привет, очень рада встрече.

В следующее мгновение кикимора потеряла сознание. Я оказалась более стойкой, что озадачило даже саму меня, но совершенно не удивило моего новообретенного отца.

— Ты уже открыта для хаоса, — довольно улыбнулся он.

Вслед за Хаосом меня одарил улыбкой и высокий, длиннохвостый и длиннорогий, субъект с выдающейся челюстью, не менее выдающимися когтями на кривых узловатых лапах и неожиданно добрым взглядом. Добрыми были все четыре его глаза, даже невзирая на то, что два из них светились мертвенно-синим светом, а вторая пара имела вытянутые вертикальные

зрачки. Ближе к груди чешуя плавно переходила в пористую, грубую на вид кожу такого же грязно-рыжего цвета. И лишь морда чудовища была светлее, почти бежевого цвета, отчего четыре выразительных раскосых глаза, расположенные парами друг под другом, казались еще более ужасающими.

— Оно еще здесь? — спросила шепотом навалившаяся на меня Кико, не открывая глаз.

Я неопределенно промычала, но подруга поняла меня правильно.

— Тогда я, пожалуй, еще полежу. Только не давай никому меня есть, — прошептала она и опять обмякла.

— Люблю мертвечинку, — благодушно скалясь, протянуло чудище.

Кикимора сразу же вскочила и меня за собой потянула со словами: «Не киснуть. Мы живее всех живых!»

— Забавная. Подаришь? — обратился монстр к Хаосу.

— Я бы с удовольствием, но это питомец моей дочери, так что спрашивай у нее, — безразличным тоном ответил Хаос.

— Беспредельно, всецело и непознанно великая дщерь Хаоса… — раскатисто обратился ко мне монстр.

— Юнила, — перебила я его.

Чудище прищурило светящиеся глаза и открыло пасть, чтобы продолжить, но я опять не дала ему договорить.

— Кико не отдам, — произнесла я как можно тверже и сделала шаг в сторону отца.

— Беспредельно, всецело и непознанно великая Юнила… — опять затянул монстр.

— Ты где этого набрался? — перебил его теперь уже Хаос. — Чувствую себя не Хаосом, а нянькой. Веди себя достойно, иначе разжалую.

— Да я ж как лучше хотел, чтобы не напугать, — обиделся монстр.

— Юнила, познакомься — Бастио, мой личный помощник и управляющий форпостом, — представил чудище Хаос.

— Очень приятно, — протянула я.

— Не верю, — заявил Бастио.

— Твои проблемы, — ответил вместо меня Хаос. — Первое время будешь присматривать за дочкой. Не уследишь — разжалую. Проводи ее в Предел и покажи все. И не обижать, разозлится — возрождать не буду.

— А вы? — спросила я, предпочитая монстру хотя бы внешне похожего на человека бога.

— Как бы я ни старался избавиться от правил, но и у Хаоса есть свои обязанности, — ответил отец. — Увидимся… когда-

нибудь.

И Хаос исчез без следа.

Бастио опасливо покосился на такую маленькую по сравнению с ним испуганную меня и вежливо указал направление, махнув при этом хвостом. Да так, что мы с Кико чуть опять не упали.

Крепко держась за руки, мы с подругой последовали за ним, то и дело перескакивая через нервно подергивающийся из стороны в сторону хвост. Бастио провел нас через сумрачное помещение и начал подниматься по длинной лестнице. Миновав первые пять десятков ступеней, я поинтересовалась у Кико:

— Это же вроде было одноэтажное строение?

— Вот и я о том же думаю, — прошептала подруга в ответ. Фыркнула, в очередной раз перепрыгнув через волочащийся по кривым ступеням дергающийся хвост, и добавила громче: — Я уже зла на этот хвост, пора бы и тебе разозлиться, моя беспредельно, всецело и непознанно великая подруга.

Хвост мгновенно свернулся в кольцо и больше не норовил сбить нас с ног.

— А он действительно тебя боится, — завистливо протянула кикимора.

— Я его тоже, — едва слышно прошептала я в ответ.

— Но ему об этом знать не обязательно, — тоже шепотом проговорила Кико. — Все, я устала. Долго нам еще подниматься по этой лестнице в никуда? — вопросила она у Бастио.

— Тут все зависит от степени посвященности. Я обитатель пограничной зоны, вот и иду по длинному пути. Для дочери Хаоса путь гораздо короче, — ответил монстр.

— Так пропусти нас вперед! — заявила Кико и потянула меня за руку, норовя обогнать проводника.

Путь нам преградил все тот же чешуйчатый хвост.

— Не зная дороги, можно заблудиться, — предостерег он. — Нужно знать, куда хочешь прийти.

— Так расскажите нам, куда мы идем, и мы захотим туда прийти, — предложила я, тоже утомившись от длительного подъема.

— Это невозможно описать, это надо увидеть, — мечтательно протянул Бастио и продолжил восхождение по бесконечной лестнице.

Я же очень захотела прийти к цели, какой бы она ни была, потому что лодыжки и бедра уже начало сводить судорогой. Предыдущий подъем к дворцовому архиву давал о себе знать.

— Ну вот и пришли, — обрадовал нас Бастио спустя еще полсотни ступеней.

Мы вышли… в никуда! Это действительно была пустота. Даже почва под ногами не чувствовалась! Но уже буквально через пару мгновений на нас словно свалилось столько разнообразных пейзажей, проступивших из пустоты, что я резко отпрянула и чуть не упала в зияющий провал в красно-коричневой земле, из которого мы вышли.

Взмахнув пару раз руками, я замерла, боясь даже вздохнуть, потому что мою талию обвивал толстый чешуйчатый хвост.

— Осторожнее, я за тебя отвечаю, дочь Хаоса. Если с тобой что-то случится — меня разжалуют, — произнес монстр.

— Невелика беда, будешь не личным секретарем, а помощником секретаря, — проворчала Кико, помогая мне выпрямиться и высвободиться из тисков хвоста чудища.

— Если бы, — грустно протянул Бастио. — Наш творец если и разжалует, то до безмозглого сгустка материи. Буду доживать свой век плотоядной лужей.

Мы с подругой переглянулись и дружно перевели сочувствующие взгляды на монстра.

— Ну, это еще не так страшно. Меня вообще угрожали превратить в пыль и развеять по пустыне, — своеобразно поддержала его Кико.

— Из меня пыль не получится, я жидкий, — довольно улыбнулся Бастио.

— Да и я вроде бы не сухая, — проворчала Кико, озираясь по сторонам.

Посмотреть было на что, но осознать увиденное я не могла, как ни старалась. Это действительно был хаос! Множество форм и изображений накладывались друг на друга, полностью лишая возможности понять хоть что-то. Я видела одновременно и летящее существо с огромными кожистыми крыльями, и скалу, через которую это существо пролетело насквозь, словно она была миражом. Пейзаж заросшего густой бирюзовой травой поля накладывался на каменистую пустыню, а жаркий ветер приносил обжигающие стужей снежинки.

— Какой же здесь… хаос, — протянула кикимора.

— Первозданный, — гордо ответил Бастио. — Творец никогда ничего не меняет, только создает новое.

— Наверное, места для нового уже давно нет. Вот и получается нагромождение, — предположила я.

— Чтобы вы понимали, это совершенный хаос, — благоговейно изрек монстр и, гордо расправив плечи, шагнул на проступившую сквозь бирюзовую траву дорогу.

Чтобы не затеряться в калейдоскопе сменяющих друг друга направлений и пейзажей, нам пришлось буквально бежать за

проводником.

— И как вы здесь ориентируетесь? — удивленно поинтересовалась я, совершенно не понимая, каким образом Бастио установил грань между дорогой и другими, словно наложенными на нее, местами.

— Все просто. Нужно знать, чего ты хочешь. Чего хочешь — то и получишь, — ответил монстр.

— Мечта, а не хаос, — усмехнулась Кико. — И чего бы мне такого захотеть?

— Ничего! — поспешила ответить я. — Давай пока не будем экспериментировать. В первое время стоит довериться тому, кто здесь уже бывал.

— Мудрые слова, дочь Хаоса Юнила, — глубокомысленно похвалил меня Бастио.

— Ну я же не могу заставить себя не хотеть, — проворчала подруга. — Да и хочу я столько всего, что даже Хаосу с этим не справиться.

В следующее мгновение Кико просто исчезла. Только что она сжимала мою руку, а спустя секунду пропала, словно ее и не было.

— Кико! — позвала я. — Кико, отзовись!

— Так и знал, — грустно проговорил Бастио. — Лучше бы мне ее отдали.

— Где она? Немедленно верни мою подругу! — воскликнула я в панике.

— Не могу, — пожал могучими плечами монстр. — Найти что-то в Пределе Хаоса, не зная точного места, невозможно. Она безвозвратно затерялась среди миллиардов миражей. Не переживай, дочь Хаоса Юнила, заведешь себе нового питомца.

— Она не питомец, а друг! — выкрикнула я, глядя на Бастио сквозь застилающие глаза слезы. — Кико! Кико, где ты?

Развернувшись, я побежала обратно, продолжая звать подругу, но дорога была бесконечной, а Кико так и не отвечала.

Упав на колени и давясь рыданиями, я взмолилась всем известным мне богам о помощи, но ничего не произошло. Только чудовище Бастио стоял надо мной и виновато молчал.

— Как… как можно ее найти? — вопрошала я. — Быть может, нужно захотеть попасть туда, где сейчас Кико, и я перенесусь к ней?

— Нет, так не получится. Нужно или знать точно место назначения, или пройти с проводником. Да и поздно уже, ее наверняка съели, — флегматично ответил монстр.

— Не-е-ет, — протянула я, чувствуя ненависть и к Хаосу, и к его миру, и к Бастио. — Кико была первой и единственной, кому я

безоговорочно доверилась, если не считать маму. Мама… Ведь я теперь не смогу даже попрощаться с ней. — Не хочу верить в то, что это происходит со мной, — прошептала я и почувствовала какое-то шевеление в груди. Словно там разрастался ком неведомой, но такой притягательной энергии.

— Не стоит здесь использовать магию, повелитель не одобрит, — предостерег меня монстр.

Но я не могла контролировать рвущееся из меня нечто огромное, сильное, интуитивное.

— Прекрати, дочь Хаоса! — закричал Бастио за мгновение до того, как из моей груди вырвалась волна энергии невероятной силы.

Монстра сбило с ног, и он затерялся в призрачных видениях различных пейзажей, но и я начала медленно проваливаться вниз, словно сидела не на дороге, а среди зыбучих песков. И я чувствовала, что если полностью погружусь в ставшую зыбкой субстанцией почву, то сгину навечно. Провалившись в затягивающую трясину до подбородка, я зажмурилась и прошептала: «Мама, я люблю тебя».

В тот момент, когда я уже почти смирилась с неизбежным, мир словно перевернулся, и я обнаружила себя стоящей на поваленной лестнице перед бесконечным коридором.

* * *

— Ой, Хронос, — прошептала Кико и дернула меня за руку, оттягивая в сторону, чтобы получше рассмотреть правителя Амнистании.

От рывка я пошатнулась и чуть не упала, нога сорвалась с последней перекладины и опустилась на поблескивающий полированный черный каменный пол. Все тело словно пронзило молнией, и я повторно чуть не упала. Показалось, что коридор начал растягиваться, а камень под ногой двигаться.

Это уже было! Я лихорадочно соображала — что же происходит.

Нарай Амниос Хроно только с усмешкой смотрел на меня и молчал.

«Я дам тебе возможность понять, какую ошибку ты совершаешь, и в следующий раз сделать другой выбор», — всплыли в памяти сказанные напоследок слова Хроноса. Неужели он повернул время вспять и дал мне шанс все исправить?

Мою ладонь сжимала теплая и такая родная рука подруги. Долго выбирать не пришлось, я рывком заставила Кико подняться

на лестницу.

— Ты что творишь? — прошипела подруга. — Там же ответы на наши вопросы.

— Нет там ответов, только новые вопросы и разочарования, — пробурчала я в ответ, продолжая держать подругу за руку.

Когда мы вернулись в помещение архива и стена за нами с глухим скрежетом поднялась, встав на место, Кико недовольно сопела и с опаской косилась на нарая, а я была занята тем, что старалась сдержать слезы радости из-за подруги, которая снова была со мной.

— Полагаю, больше попыток бегства не будет? — поинтересовался Хронос.

— Нет, — неохотно ответила я.

— Разумно, хоть и с запозданием, — усмехнулся Амниос Хроно. — Вас проводят в ваши комнаты.

— Мы будем вместе, — выпалила я, притягивая подругу поближе к себе.

— Неожиданно, — задумчиво и немного брезгливо протянул нарай. — Не думал, что дочь Хаоса будет столь неразборчива в связях.

— Что?! — возмущенно воскликнула Кико — Да мы лучшие подруги и просто не доверяем вам, — выпалила она, но спохватилась, вспомнив, с кем разговаривает, и добавила: — Извините, нам просто вместе не так страшно.

— Как пожелаете, — безразлично пожал плечами Хронос и вышел из помещения.

— Это что сейчас такое было? — мгновенно набросилась на меня подруга. — Мы же могли сбежать отсюда!

Кико явно не помнила того, что четко отпечаталось в моей памяти. С ней, по всей видимости, этого и не происходило вовсе. Я же до сих пор чувствовала боль утраты и безысходность от осознания приближающейся гибели.

— Просто поверь мне: не стоило нам идти в тот коридор, — прошептала я, едва сдерживая рвущиеся наружу рыдания.

Потрясение и осознание того, что нам удалось избежать страшной участи, были слишком сильны, чтобы говорить о них. Возможно, я и объясню все подруге, но позже.

В помещение вошли двое мужчин в форменной одежде песочного цвета и приказали следовать за ними.

— Ловчие, — испуганно шепнула кикимора.

Покинув помещение архива, мы оказались сразу у выхода из башни. Каким образом нам удалось миновать длинную лестницу, я так и не поняла. Во дворце царили тишина и покой. По дороге к

комнате, которая должна стать нашей камерой на неопределенный срок, мы не встретили ни одного человека. Сама же комната оказалась намного лучше, чем я ожидала: нас поселили во вполне комфортные апартаменты, разделенные на спальную, обеденную и гостиную зоны. Кровать здесь была всего одна, но такая огромная, что на ней вполне могли разместиться четыре человека без помех друг для друга.

— А я есть хочу, — заявила кикимора, как только нас заперли в комфортной темнице. — Надеюсь, нас не будут морить голодом?

— Если бы я знала, — ответила я, осматриваясь.

Мне было ведомо только, что ожидало бы нас в Хаосе. И сейчас я была уверена только в том, что здесь хуже точно не будет.

Голодом нас все же решили не морить, что продемонстрировало появление молчаливой женщины в строгом черном платье, принесшей ранний завтрак.

Кико с удовольствием приступила к еде, а мне кусок в горло не лез. Хаос, Хронос, вопросы и страхи — все перемешалось в голове, повергая меня в панику и отчаяние. И самым ужасным было осознание того, что я не могла дать нараю требуемое. Мне просто нечего было ему рассказывать.

— Послушай, а может быть, мы придумаем историю о том, какой план был у Хаоса, и расскажем ее Хроносу? — предложила я подруге, сидя напротив нее за столом.

Кико оторвалась от поглощения каких-то морских гадов в ароматном соусе и воззрилась на меня как на умалишенную.

— Ты что, предлагаешь оклеветать себя, чтобы выбраться отсюда? — поинтересовалась она. — Это же бред! Тогда он тебя точно не отпустит. А так — подержит нас здесь немного, убедится в том, что нам скрывать нечего, и отпустит. Лично мне здесь очень нравится, и кухня у них отличная, — жизнерадостно добавила она и вернулась к трапезе.

Я же только пригубила ароматный чайный напиток и отправилась в ванную, чувствуя на себе пыль Хаоса, хоть по факту и не была там. Со мной остались лишь воспоминания о другом пути. Но они были столь ярки, что кожа горела от горячих ветров и зыбучих песков Предела Хаоса, едва не поглотивших меня.

Смыв с себя призрачную грязь, я вернулась в комнату и обнаружила подругу спящей на огромной кровати, в одежде, прямо поверх покрывала. Да, Кико действительно сильная и неунывающая личность. Я уснуть так и не смогла. А спустя пару часов после рассвета пришел ловчий, один из тех, кто конвоировал нас из архива, и приказал идти за ним. Только

проснувшейся и собравшейся идти вместе со мной подруге велели ждать в комнате.

— Удачи, — шепнула она мне и ободряюще улыбнулась, помахав рукой.

— Удачи, — повторила зачем-то я и на негнущихся ногах пошла за молчаливым ловчим.

Про ловчих я знала лишь то, что их боятся все, даже самые сильные маги. Эти суровые личные воины нарая Амниоса Хроно могли выследить и поймать кого угодно и где угодно в кратчайшие сроки. От них не было спасения, и они не знали пощады, беспрекословно выполняя любой приказ своего хозяина.

И вот сейчас один из этих жутких воинов вел меня по служебным коридорам неизвестно куда и зачем. Было ли мне страшно? Пожалуй, страх не покидал меня с того момента, как я вступила на территорию дворца, и вряд ли покинет, пока я не вырвусь отсюда.

Меня привели в большой светлый зал, бесцеремонно подтолкнули, чтобы входила, и закрыли дверь, отрезая путь к отступлению.

— И как вам наше гостеприимство? — поинтересовался пожилой мужчина, показавшийся мне смутно знакомым.

Не дождавшись ответа, мужчина вышел из-за стола, приблизился ко мне и, слегка поклонившись, проговорил вполне дружелюбным тоном:

— Позвольте представиться: военный министр Амнистании и доверенное лицо нарая, Малкор Громиро.

Так вот почему черты его лица показались мне знакомыми — это был отец Рэндома!

— Не стоит меня бояться, — продолжил одностороннюю беседу нар Громиро. — И не думайте, что вас причислили к военнопленным. Просто я являюсь доверенным лицом нарая, и он оказал мне честь, посвятив в подробности сложившейся ситуации. Со своей стороны хочу поблагодарить вас, юная нари, за благородство, проявленное вами в отношении моего в высшей степени вспыльчивого и несдержанного сына. Мало кто из полубогов добровольно отказывается от той власти, которую дарует божественная кровь. Вы же нашли в себе силы освободить оборотней академии от подчинения вам. И поступили весьма великодушно, отвергнув моего сына, чтобы дать ему возможность разорвать связь с вашей божественной сущностью.

Широко распахнув глаза, я слушала эту высокопарную хвалебную речь и задавалась вопросом — это он сейчас искренне говорит или тоже подвергся воздействию моей крови? Если второе, то это может оказаться весьма кстати. Да, было бы

бесчестно воспользоваться чужой слабостью, однако в отношении меня не спешили проявлять честность и справедливость. А чтобы победить врага, иногда приходится перенимать его методы…

— Нар Громиро, очень рада знакомству, — произнесла я, улыбаясь как можно более искренне. — И не стоит преувеличивать мои заслуги, я всего лишь дала ему свободу выбора, зная, что такое ее отсутствие.

— Наслышан, — погрустнев, проговорил пожилой оборотень. — И возмущен до глубины души тем, что кто-то посмел держать в рабстве столь прекрасную девушку.

— Вот и сейчас я опять в неволе, — тоже с грустью произнесла я. — А как бы мне хотелось хотя бы прогуляться на свежем воздухе.

— Так идемте, я с удовольствием составлю вам компанию в прогулке по саду, — воодушевленно воскликнул нар, предлагая мне руку.

— Но мне же запрещено свободно передвигаться по дворцу, — возразила я, невинно хлопая глазами.

— А мы ничего не скажем нараю. Он все равно сейчас в отъезде и вернется только к вечеру, — улыбнулся министр.

Я улыбнулась в ответ и положила руку на локоть мужчины, уже будучи уверенной, что он под властью моей крови.

— Понравилось ли вам в Амнистании? — поинтересовался нар Громиро, ведя меня по залитой солнечным светом аллее.

— Все замечательно, — вежливо ответила я.

От тяжелой доли притесняемых и страдающих от поборов граждан Родинарии с ее рабовладельческим строем жизнь амнистанцев выгодно отличалась. Но и здесь не было той свободы, которую мне прочили, а теперь еще и с матерью разлучили. Но министру о моих измышлениях знать совсем не обязательно.

— Должно быть, вам здесь скучно? Ведь на родине у вас наверняка была более насыщенная, разнообразная жизнь, — продолжил беседу оборотень.

— Ну что вы, до приезда сюда я не знала практически ничего, кроме владений господина Прожирани, городской площади и рынка, — ответила я неохотно. Уж слишком навязчивым стал интерес министра к моему прошлому.

— Я имел в виду не Родинарию, а вашу настоящую родину, — снисходительно улыбнулся оборотень.

— Простите, я не понимаю, о чем вы. Я всю свою жизнь провела в Антироне, в услужении у уважаемого горожанина, господина Прожирани, — заверила я нара Громиро. — Лучше вы расскажите мне какую-нибудь захватывающую историю из вашей

несомненно более насыщенной и интересной жизни. Ведь вы министр обороны и наверняка знаете все тайны дворца.

— Тайны остаются тайнами, только если ими ни с кем не делиться, — усмехнулся оборотень. — А вы лукавите, нари Юнила. Тоже решили оставить в тайне свой визит в обитель отца?

— У меня нет отца, — ответила я жестко. Похоже, министр Громиро лишь разыграл передо мной подобострастие, чтобы вытянуть информацию.

— Видите ли, Юнила, повторюсь — я являюсь доверенным лицом нарая Хроно и посвящен во все подробности вашего дела, — уже не столь доброжелательно произнес оборотень. — И как бы ни велика была моя благодарность к вам за снисхождение к моему импульсивному сыну, долг прежде всего. Не стоит упорствовать. Чем быстрее вы прекратите сопротивляться и откроете все карты, тем быстрее вернетесь к обучению и беззаботной студенческой жизни. Вас даже не вышлют из страны. Но только в случае безоговорочного сотрудничества.

— А если я откажусь от сотрудничества? — поинтересовалась я, даже не собираясь тратить время и силы на убеждение нара Громиро в своей невиновности в чем бы то ни было. Все равно не поверит.

— Никто не отказывается. Рано или поздно сдаются все. Пока мы с вами обращаемся вежливо и соответственно вашему статусу. Но терпение нарая не безгранично, — уведомил меня министр. — Послушайте старика, расскажите мне все, что знаете. Если я не добьюсь вашей откровенности, этим займутся ловчие.

Утро перестало казаться мне светлым и приветливым, солнечные лучи теперь не грели, а слепили глаза. Пение птиц в саду раздражало, и мой спутник, скинув личину доброжелательности, стал экзекутором.

— Могу ли я вернуться в свою комнату? — спросила я отстраненно.

— Разумеется. У вас есть время, чтобы все обдумать, взвесить и принять верное решение, — улыбнулся нар Громиро. — Нарай уже продемонстрировал вам, насколько опасными могут быть последствия неверных.

Министр лично проводил меня до комнаты. Я всю дорогу хранила молчание, обдумывая услышанное. Неужели Хронос заранее знал, что произойдет, если я отправлюсь в Предел Хаоса? И позволил мне это пережить, чтобы что-то доказать? Но больше всего меня удивляло то, что сам бог времени Хронос настолько откровенен с одним из своих подданных, пусть даже и приближенным. Могут ли быть у бога друзья среди смертных? Это же нелепо!

— Ну что там? Допрашивали? Пытали? С нараем виделась? — в своей неподражаемой манере вывалила на меня сразу кучу вопросов Кико.

— С министром Громиро по саду прогуливалась. Долго еще гулять не захочу, — пробурчала я в ответ.

— Какая же ты важная птица! И с нараем, и с министрами общаешься, — завистливо протянула подруга.

— Вот уж чему не стоит завидовать. Ты бы еще тому, что меня ловчие сторожат, позавидовала, — не удержалась я от улыбки: настолько искренней в своем восхищении была кикимора.

— Ну так это тоже признак высокого статуса. Ловчих к кому попало не приставляют, — уверенно изрекла Кико.

— А ты не знаешь, как они допрашивают? — поинтересовалась я, вспомнив о словах министра.

— Чего не знаю, того не знаю, — развела руками подруга. — Говорят, им сразу всё рассказывают, от страха.

— Чего-чего, а страха я уже столько за последние сутки натерпелась, что и ловчих переживу, — проговорила я с грустью.

— Постой, а тебе угрожали ловчими? — опешила подруга. — Да быть такого не может. Они не посмеют! Ты же дочь бога.

— Я дочь врага, — уточнила я.

— А давай сбежим? Я отвлеку охрану, а ты улизнешь, — вдруг предложила Кико.

— А как же ты? — спросила я, совершенно не веря в успех подобного плана.

— А я им не нужна. Сами отпустят, — воодушевленно заявила кикимора.

— И куда я побегу? Это же владения Хроноса, он меня без труда найдет и вернет, только уже не в комфортную комнату, а в камеру, — изложила я свои мысли по поводу безумной идеи подруги.

— Можно попробовать вернуться в архив и уйти по тому коридору, — предложила Кико.

— Вот этого делать точно не стоит, — заверила я ее. — Ничего хорошего в Пределе Хаоса меня не ждет.

— Ты так говоришь, будто уже бывала там, — с подозрением уставилась на меня кикимора. — А не скрываешь ли ты от меня что-то важное, подруга?

Пришлось перебороть накатывающий от воспоминаний ужас и коротко рассказать Кико о том, что ждало бы нас, пройди мы по тому бесконечному коридору.

Девушка выслушала, покивала своим мыслям и огорошила меня заявлением.

— Уходить нужно именно через архив, — уверенно произнесла она и крадучись направилась к двери.

— Ты меня вообще слышала? Мы погибнем в Хаосе! — воскликнула я.

— Это мы в первый раз там погибли бы, а сейчас знаем, чего нельзя делать и чего ждать, — возразила кикимора и продолжила подбираться к двери.

Подруга подкралась к двери, воровато осмотрелась, приложила палец к губам и приоткрыла створку. Легкомысленное отношение Кико к происходящему одновременно помогло мне немного успокоиться и насторожило. Именно с такой лукавой улыбочкой Кико обычно и творила всяческие безобразия, последствия от которых приходилось переживать всем окружающим, и мне в том числе.

Кикимора посмотрела в щелочку, приоткрыла дверь пошире и выглянула в коридор, пожала плечами и распахнула дверь настежь.

— Ну и где твои ловчие? — поинтересовалась она, обернувшись. — Не такая ты важная пленница, видимо, раз без охраны оставили и даже дверь не заперли. Пошли, пока они не передумали.

Мне совсем не хотелось потворствовать безответственности подруги, тем более что оставленная незапертой дверь и отсутствие стражи наводили на мысль о том, что нас провоцируют на побег.

— Нет. Мы никуда не пойдем, — ответила я уверенно, даже не сдвинувшись с места.

— Ты что, хочешь всю жизнь в четырех стенах просидеть? — возмутилась Кико. — Ну и сиди, а я пойду на разведку, — заявила она и вышла.

Предчувствуя, что придется сильно пожалеть об этом, я вздохнула и поспешила за подругой. Коридор был пуст, и мы беспрепятственно спустились по лестнице на первый этаж. А оттуда, не встретив ни одного человека, и это в разгар дня, совершенно без проблем добрались до центральной башни. И здесь охраны тоже не было, но это только подтвердило мое подозрение — мы делаем именно то, чего от нас ждут.

— Кико, послушай, неужели ты не понимаешь очевидного — мы идем в ловушку? — вопросила я, схватив кикимору за руку и заставив ее остановиться.

— Да понимаю я все. Но если бы нам хотели навредить, то уже навредили бы. И неужели тебе не интересно, что нас ждет там? — поинтересовалась подруга, указав пальцем вверх.

Подобный аргумент меня поставил в тупик.

— А тебе не приходило в голову, что в нашем положении любопытство может оказаться смертельно опасным? — спросила я, начиная злиться.

— Это не любопытство, а стратегический ход, — возразила кикимора. — Они думают, что мы, как глупенькие малышки, идем у них на поводу, а мы намеренно делаем именно то, чего они от нас ждут. Пусть думают, что мы безмозглые дурочки. А мы пока разведаем обстановку и будем знать, чего ждать дальше.

Подруга окинула меня непривычно серьезным взглядом, подмигнула и потянула за руку к винтовой лестнице.

Мышцы ног непроизвольно сжались, памятуя о предыдущем подъеме на самый верх высочайшей дворцовой башни. Кико упрямо преодолевала ступеньку за ступенькой, крепко держа меня за руку и не позволяя остановиться даже не мгновение, чтобы хоть немного отдохнуть. Но вдруг ее рука ослабла, подруга остановилась, слегка пошатнулась и с недоумением посмотрела на меня. Заминка длилась лишь мгновение, кикимора встряхнула головой и продолжила подъем, проворчав вполголоса: «Не отставай».

— Куда ты так торопишься? Если бы нас хотели остановить, то сделали бы это еще на выходе из комнаты, — проговорила я недовольно.

— Остановить… — кикимора опять замерла, посмотрела на меня и сделала шаг назад, чуть не упав.

Я потянула ее за руку, чтобы помочь восстановить равновесие. Кико резко выдохнула и пошла вперед, сжав мою руку еще крепче.

— Да что с тобой происходит? — взволнованно спросила я, попытавшись удержать ее на месте, но подруга проявила завидное упорство и неожиданную силу, волоча меня за собой против моей воли.

— Надо идти. Надо быстрее идти, — шептала она, упрямо продолжая восхождение.

— Постой! — повысила я голос, но подруга словно не слышала меня. Только твердила, что нужно идти, и шагала как заведенная.

В памяти всплыло давно забытое воспоминание из детства. Мама купила мне заводную куклу. Я не уследила за игрушкой, и кукла разбилась, шагнув со стола. Мама не ругала меня, только объяснила, что если кукла ходит, то нужно поворачивать ее в верном направлении. Ведь она сама не знает, куда идти, потому что не живая, а всего лишь игрушка.

Кико сейчас напоминала ту самую куклу, которая шла в заданном направлении. Еще у подножия лестницы подруга вела

себя как обычно, но с каждой ступенькой движения ее становились все более рваными, резкими и неестественными. Она словно не хотела подниматься по лестнице, но делала это потому, что ее завели и приказали.

Я резко дернула рукой и высвободила ладонь из пальцев кикиморы.

— Мы сейчас же вернемся в комнату, — проговорила я уверенно и даже немного угрожающе.

— Нет, надо идти. Надо обязательно идти, — опять начала нашептывать Кико и попыталась схватить меня за руку.

Я увернулась и сбежала вниз на несколько ступеней.

— Ты не понимаешь, — нахмурилась кикимора. — Мы обязаны идти, нам надо сбежать. Нет… Не надо…

Кико переводила растерянный взгляд то на меня, то на уводящие вверх ступени.

— Надо идти, — кивнула она своим мыслям и пошла одна.

Я с ужасом понимала, что ею кто-то управляет, но не могла оставить подругу и побежала следом за ней. Будь что будет, но Кико я не брошу, как и она не оставила меня даже под угрозой заточения.

Попытки уговорить подругу остановиться не действовали. Она просто не слышала меня, лишь изредка останавливаясь на мгновение и бросая на меня молящий о помощи взгляд. Но я не знала, как ей помочь. Как показала практика, пользоваться наследственными силами я совершенно не умела, и любая попытка применить их к кикиморе могла только усугубить положение.

Мы поднимались все выше и выше, на стенах уже появились отбрасываемые зачарованной дверью отблески. Мне оставалось только надеяться, что охранная магия архива окажется сильнее и опять приворожит подругу к узорам на мерцающей поверхности двери. На последнем витке лестницы Кико пошатнулась и упала на одно колено, я бросилась к ней и помогла подняться.

— Не могу, — прошептала подруга, но тут же расправила плечи и пошла дальше повторяя безостановочно: — Надо идти, надо идти, надо идти…

Ее влекло вперед, словно мотылька к огню, и я сознательно разделила этот путь с ней. Если «сгорим», то вместе.

Мои надежды на защитную магию двери не оправдались: Кико подошла к ней и, совершенно не обращая внимания на узоры, положила ладони на светящуюся изнутри поверхность. Дальнейшие ее действия повергли меня в такой шок, что рука сама схватилась за ручку, и палец пронзила невидимая игла. Кикимора начала биться головой о дверь! С невероятными силой

и упорством она два раза с размаха ударилась лбом о ребристую поверхность — кровавое пятно на сверкающих узорах, оставшееся после второго удара, и заставило меня поспешно положить руку на дверную ручку. Послышался щелчок — и дверь приоткрылась. Кикимора схватила меня за руку и втянула в комнатку с несколькими дверями. Закрыв за нами дверь, Кико утянула меня на середину комнаты и замерла без движения, глядя вперед невидящим взглядом. И возможно, мне бы даже удалось сейчас вывести ее или хотя бы вытащить волоком, но проблема была в том, что я знала, как из этой промежуточной комнаты попасть в помещение архива, но не знала — какая из дверей ведет к лестнице. Ведь в прошлый раз нас выводили ловчие, а я тогда слишком боялась, чтобы обратить внимание на то, через какую дверь мы выходили. Слишком велика была вероятность, что выбрав неверный путь, я окажусь в худшем месте, чем это.

Я закрыла глаза, вздохнула поглубже, чтобы успокоиться, взяла подругу за руку и пошла в архив.

Нас там никто не поджидал, что меня сильно удивило.

— И кто же привел нас сюда? — спросила я у кикиморы.

Вместо ответа девушка высвободила ладонь из моей руки и пошла к лестнице. Быстро взобравшись на самый верх, она проделала уже знакомую манипуляцию — и часть стены опять упала, открыв проход к бесконечному коридору.

— Все, — устало выдохнула Кико, лежа на лестнице, и потеряла сознание.

Я же смотрела в глубь коридора и испытывала мало знакомое до этого момента чувство — я ненавидела Хаоса за то, чему он подверг мою лучшую и единственную подругу, чтобы привести меня к этому проходу в свой хаотический мир.

— Нет, я не пойду к тебе, — проговорила я вслух, хоть и понимала, что отец меня, скорее всего, не слышит.

Перетащить все еще находящуюся в беспамятстве кикимору на кресло оказалось делом трудным и долгим. И уж чего я сейчас никак не ожидала — так это услышать ехидное высказывание со стороны соседнего кресла.

— И это дочь бога… Не проще ли было переместить ее с помощью левитации или пространственного портала? — поинтересовался Хронос, откинувшись на спинку кресла и с интересом меня разглядывая.

— Вам, возможно, и проще, а я не знаю, что это такое, — проворчала я, инстинктивно прикрывая собой подругу.

— А она у тебя сильная, — неожиданно похвалил кикимору Амниос Хроно. — Долго продержалась. Я, когда почувствовал вторжение на свою территорию, подумал, что придется вокруг вас

время замедлять, чтобы успеть остановить без вмешательства в установленные временные потоки и не возвращаться в прошлое. А она долго сопротивлялась и не спешила, вопреки установке.

— Но почему вы не вмешались раньше и не освободили ее от влияния? — возмущенно вопросила я.

— Не хотел, чтобы перехлест воздействий был, это всегда плохо сказывается на окружающем пространстве, — пояснил нарай. — И так твоя выходка в академии сильно климатический фон поколебала. Как же меня злит, что по причине твоего происхождения я не могу вернуться и все исправить.

— Но я же не виновата в том, что моим отцом оказался Хаос. Я не просила этого и не рада подобному родству, — выпалила я раздраженно. Из-за волнения о самочувствии подруги страх совершенно прошел. Осталась только злость. Как же я была зла — и на Хаоса, и на Хроноса, и на весь мир!

В ушах зашумело, голова закружилась, и мне показалось, что в закрытом помещении подул легкий ветерок.

— Успокойся, девочка. Подумай о подруге, ты можешь навредить ей, — тихо проговорил нарай, медленно вставая.

Резкая перемена в поведении нарая лишь сильнее разозлила меня, и ветер усилился. Я схватилась руками за край стола и с силой сжала полированную древесину. Перед глазами появились назойливые искорки, отвлекающие от обозрения происходящего вокруг. Проморгавшись, я попыталась рассмотреть лицо Амниоса Хроно, но не смогла! Вокруг меня образовался полупрозрачный, белесо-мутный пузырь, через который было сложно разглядеть выражение лица Хроноса. Напряжение ушло так же резко, как и появилось. Обернувшись, я увидела Кико в пузыре вместе со мной. Вот значит как: нарай озаботился защитой хранилища от моего гнева, но совершенно не беспокоился о том, что может пострадать моя подруга. Я присела рядом с креслом и легонько похлопала кикимору по щеке. Девушка едва слышно застонала и открыла глаза.

— Привет, — прошептала она — Что?..

Кико осмотрелась и резко выпрямилась.

— Как мы здесь оказались? — встревоженно вопросила она.

— Позже расскажу, — пообещала я ей. — Как ты себя чувствуешь? — спросила я озабоченно.

— В академию хочу, — проворчала подруга. — Соскучилась по шуткам над Далиусом.

— Если бы ты только знала, как я хочу оказаться далеко-далеко отсюда. Чтобы никто не знал, где меня искать, — улыбнулась я, обнимая кикимору.

Крепко сжав подругу в объятиях и радуясь тому, что с ней,

кажется, все в порядке, я зажмурилась и представила, что нам удалось сбежать из дворца и мы опять в академии, где главная забота — это обуздать юного дракона и избавиться от настойчивого внимания вспыльчивого оборотня.

Кико сдавленно вскрикнула — и мы повалились… на траву! Мы с подругой испуганно смотрели друг на друга и не решались заговорить. Наше внимание привлек какой-то шум за ближайшими кустами.

Мы крадучись встали и выглянули из-за ветвей.

— Что? — воскликнула кикимора, но тут же зажала рот рукой и присела.

Судя по всему, мы находились на территории академии. И буквально в нескольких метрах от нас, у стены, несколько эльфиек окружили прижавшуюся спиной к каменной кладке Кико!

— Ты куда нас притащила? — спросила шепотом подруга, вновь выглядывая из-за ветвей.

— В будущее, наверное, — неуверенно ответила я.

От стены послышался вскрик. Кико вздрогнула, побледнела и повернулась ко мне.

— Юночка, миленькая, пожалуйста, давай вернемся, — прошептала она, цепляясь за мою руку.

— Если бы я знала — как это сделать, мы бы уже вернулись, — прошипела я в ответ, наблюдая из-за ветвей за творящимся у стены бесчинством.

— Я так больше не могу! Они же сейчас убьют меня! — чуть повысив голос, воскликнула подруга.

— Глупая. Это же будущее. Теперь мы знаем — и не позволим этому случиться, — заверила я ее.

— Если сможем вернуться, — пробурчала Кико, отвернувшись от сцены расправы над ее копией из будущего.

Эльфийки проявляли изрядную жестокость, вновь и вновь поражая беззащитную жертву небольшими, но весьма болезненными энергетическими сгустками из своих скипетров-накопителей. Чего я не могла понять — так это почему Кико не защищалась? Ведь она могла призвать родовую магию и в одно мгновение обратить противниц в бегство или отправить их во владения своего отца!

— Они мне волосы подпалили! — взвизгнула кикимора и рванулась через кусты на помощь второй себе.

— Стой, — шикнула я, схватив ее за локоть. — Нам нельзя вмешиваться.

— Мне нельзя, но тебе-то можно, — вновь вцепилась в меня Кико. — Сделай хоть что-нибудь, спаси меня!

— Да что я могу? — беспомощно развела я руками.

За спиной послышались шаги, и мы с подругой поспешили спрятаться за деревьями, но получилось все наоборот — мы выскочили прямо перед идущим по дорожке незнакомым инструктором.

Мужчина в жилете на голове тело и штанах свободного кроя поклонился и, опустив взгляд, произнес:

— Нари Нарисо, ректор Ишаро была бы вам признательна, если бы вы соизволили посетить ее кабинет для согласования дальнейшего графика ваших занятий и последних замечаний по поводу отделки ваших комнат.

Я даже рот приоткрыла от удивления.

— А вот я даже не сомневалась, что ты далеко пойдешь, — довольно заявила Кико. — Передайте ректору, что нари Юнила скоро будет, если не найдет занятия поинтереснее, — обратилась она к инструктору.

Мужчина еще раз поклонился и спешно удалился.

— Ничего не понимаю, — пролепетала я.

— Да что тут понимать, ты же дочь одного из богов первого пантеона. Да и с нараем уже, можно сказать, близко знакома, — пожала плечами кикимора.

Из-за деревьев послышался визг и громкий хлопок. Мы поспешили посмотреть, что произошло, но увидели лишь встрепанную, местами подкопченную Кико из будущего в ореоле болотного тумана.

— Опять придется просить Юнку, чтобы прикрыла, — проворчала кикимора, поправила одежду, пригладила волосы и гордо удалилась.

— Ты что с ними сделала? — вопросила я у своей Кико.

— Понятия не имею. Я так хорошо и быстро родовой магией пользоваться еще не умею, — призналась кикимора, но широкая улыбка ясно давала понять, что Кико совершенно не осуждает поступок себя будущей.

— А если ты убила их? — спросила я шепотом.

— Давай сначала вернемся в наш временной поток, иначе это мы исчезнем, а не эти выскочки ушастые, — проворчала подруга.

— Но как? — я уже боялась даже пробовать пользоваться своими способностями. А если учесть еще и то, что проявлялись они спонтанно, вряд ли бы у меня что-то получилось.

— Тогда пошли искать тебя из этого времени. Ты тут важная персона, так что наверняка уже многое умеешь, — резонно заметила Кико.

— Слишком опасно, — отрицательно покачала я головой. — Не стоит нам встречаться с самими собой.

— Вообще-то, если это мы из будущего, то мы знаем о нас…

ну ты поняла, — путано объяснила кикимора.

— Тогда почему вторая ты спокойно ушла? Если бы она знала, что мы за ней наблюдаем, то могла бы и помочь, — возразила я. — Если она этого не сделала, значит, либо не знает о нас, либо знает, что нам нельзя встречаться.

Я окончательно запуталась в хитросплетениях временных потоков и личностных единиц.

— И что ты предлагаешь? — раздраженно поинтересовалась подруга.

— Может быть, обратиться за помощью к ректору Ишаро? — предположила я.

— И она придушит тебя в укромном уголочке, таким образом избавившись от твоего присутствия здесь в настоящем, — усмехнулась Кико. — Не думаешь же ты, что эта змеюка в восторге от того, что ей, в стенах собственной академии, приходится пресмыкаться перед какой-то девчонкой-студенткой? Пусть даже и полубогиней.

Кико вышла из зарослей и осмотрелась.

— Ничего почти и не изменилось, — задумчиво произнесла она. — Раз уж ты не собираешься исправлять то, что натворила, то пошли искать помощи, только не у Ишаро, — уверенно сказала она, развернулась, чтобы направиться к зданию академии, и врезалась в чью-то широкую грудь.

— Ты куда пропала? Знаешь же, я совершенно не умею ждать, — заявил высокий широкоплечий рыжеволосый молодой нар, в котором я с большим трудом рассмотрела черты щуплого дракончика Салимо.

Но это было не единственным, что шокировало как меня, так и Кико.

Преобразившийся дракон наклонился и довольно откровенно поцеловал опешившую от такого напора кикимору.

— Я на минутку, — пискнула Кико, когда Салимо отпустил ее, схватила меня за руку и утянула обратно в кусты.

— Сейчас же верни меня обратно! — потребовала она, вцепившись в ворот моей блузы и встряхивая меня. — Если ты не вернешь нас, я… я не знаю, что сделаю.

Девушка явно была в еще большем шоке, чем я. На ее щеках горел яркий румянец, глаза блестели, как у безумной, а руки тряслись.

— Успокойся, — попросила я, отрывая ее пальцы от своей одежды и сжимая трясущиеся ладони в своих руках. — Я попробую.

— Будь добра, — прорычала Кико.

— Малыш, я уже начинаю злиться, — послышалось с

дорожки.

— Скорее, — поторопила кикимора, опасливо оглядываясь.

Я закрыла глаза и сосредоточилась.

Послышались приближающиеся шаги, и кикимора опять встряхнула меня, поторапливая. Да так встряхнула, что я ударилась затылком о ствол дерева, возле которого стояла. Перед глазами, несмотря на то что они были закрыты, появились яркие искорки, и я куда-то провалилась, утягивая за собой взвизгнувшую подругу.

Упали мы на что-то мягкое. Вернее, я упала на мягкую поверхность, а Кико на меня.

— Удобно? — поинтересовался кто-то рядом.

Я открыла глаза, но почти ничего не увидела. В помещении было темно и были видны лишь смутные очертания приподнявшегося на локте мужчины.

Послышался щелчок — и комнату озарило светом.

— Зачем так ярко? — возмутилась кикимора, сползая с меня и с кровати заодно.

А я лежала на кровати рядом с ухмыляющимся Хроносом!

— Это о чем же ты думала, когда нас переносила? — проворчала Кико, пятясь к двери.

Я поспешно вскочила с кровати, порадовалась тому, что нарай одет, и последовала за подругой.

— Рад, что вы вновь почтили меня своим присутствием, — улыбнулся Амниос Хроно. — Но, признаюсь, для меня это не было сюрпризом. Не удержался, подсмотрел.

— Везет, — протянула Кико.

— Мы пойдем? — в свою очередь спросила я, заливаясь краской.

И как же меня угораздило попасть именно в спальню нарая, да еще и когда он там находился? Было очень стыдно и страшно. Но Хронос вел себя вполне дружелюбно. Продолжал улыбаться и пожелал нам приятных снов.

Однако, выйдя из комнаты, мы попали прямо в руки ловчих, которые препроводили нас все в ту же комнату-камеру. На столе стоял горячий ужин: нас тут ждали и точно знали, когда мы прибудем.

Кико держалась до тех пор, пока за нами не заперли дверь.

— Ты зачем нас сюда вернула? — вопросила она. — Да еще и в постель самого нарая! Не могла спальню кого-нибудь пониже рангом выбрать?

— Я ничего не выбирала и вообще понятия не имею, как мы здесь оказались, — призналась я, растерянно пожав плечами.

— А нарай-то хорош, все знал и не искал нас. Правильно,

зачем искать, если сами вернемся, — взволнованно рассуждала кикимора. — Подозрительно это все. Странно он себя ведет, будто и не хочет обижать тебя, а просто играет.

— Ты только сейчас это заметила? — устало усмехнулась я. — Они же боги, а мы их игрушки…

— В том-то и дело, что он с тобой не как с безделицей играет, а как будто на охоту вышел. Как мужчина, который вышел на охоту за женщиной, — уточнила подруга.

Я совершенно не поняла, о чем она толкует, и лишь пожала плечами.

— Не все ли равно — игрушкой быть или дичью? — проговорила я, усаживаясь за стол.

— Какая же ты наивная! — воскликнула Кико. Немного помолчала и добавила, расплывшись в довольной улыбке: — Или не наивная. Теперь я понимаю, почему Ишаро перед тобой лебезить будет. Еще бы! Повезло мне все-таки, что мы подружились.

— Я не успеваю за бегом твоих мыслей, — призналась я. — Садись есть, и давай немного отдохнем.

От удара о дерево у меня болела голова, а от пережитых волнений клонило в сон. Я уже перестала пытаться понять, что происходит, и просчитать, что будет дальше.

Просто приняла действительность и решила посмотреть, к чему меня это приведет.

— Ничего, я обо всем позабочусь. Вот здесь его держать будешь, — пообещала Кико, показывая кулак и усаживаясь за стол напротив меня.

От обещания, что она позаботится «обо всем», мне стало еще страшнее.

— А может быть, завтра попросим Хроноса, чтобы отпустил тебя в академию? — предложила я, с надеждой глядя на подругу.

— Вот уж нет! — воскликнула Кико, прожевала и добавила обиженно: — Ты что, хочешь избавиться от меня? Не ожидала я такого, подруга. А обо мне ты подумала? Там же Салимо, да еще и такой…

Кикимора отвела взгляд и залилась румянцем.

— По-моему, как раз такой Салимо тебя вполне устраивает, — улыбнулась я.

— Ешь, а то остынет, — проворчала девушка и больше не произнесла ни слова.

* * *

Утро началось с ворчания кикиморы. Подруга волновалась за цаплика, выражая свое волнение в претензиях в мой адрес.

— И чем тебе нарай не угодил? Ну пофлиртовала бы с ним, глазки построила — и, глядишь, вернули бы нас в академию. Цаплика бы покормили… — брюзжала она. — Очевидно же, что ты ему приглянулась. Так нет, строишь из себя недотрогу. Нет, я, конечно, не настаиваю, чтобы ты его соблазняла, но могла бы хоть интерес проявить.

— Ты сама понимаешь, что несешь? Кому я приглянулась? Цаплику? — поинтересовалась я, даже не злясь на подобный бред.

— Я-то понимаю, а вот ты так и не избавилась от рабских оков. Все еще считаешь себя бесправной девочкой, — ответила Кико — Пойми уже: ты девушка! К тому же свободная… относительно. В твоем возрасте не зазорно интересоваться мужчинами. И я тебе больше скажу: если ты не интересуешься — это уже патология!

— А тебе не приходило в голову, что нас сейчас могут слышать? — поинтересовалась я.

— Очнись, Юна, ты имеешь дело с Хроносом. Он не только слышит, он наперед знает все твои мысли и действия, — усмехнулась кикимора. — Думаешь, нам бы позволили так легко покинуть дворец, если бы не знали, что мы вернемся?

— Так зачем ты мне все это говоришь, если знаешь, что нарай нас слушает? — поинтересовалась я.

— Потому что я так думаю. И если бы нарай не хотел, чтобы я тебе это сказала, то разлучил бы нас, — привела весомый аргумент подруга. — А если он нас не разлучил, значит, согласен со мной.

— Вообще-то ты вольна уйти в любой момент, — напомнила я.

— Ну конечно! И мне тут же подчистят память, как это наверняка сделали со всеми, кто мог заметить наше отсутствие, — недовольно проворчала девушка. — И я не хочу пропустить все самое интересное.

Я никак не могла понять, почему Кико пришла к выводу, что я привлекаю Хроноса как женщина. Он не проявлял ко мне никакого интереса, кроме как к дочери врага и возможной угрозе. Однако подруга не желала отступать от своей точки зрения и пилила меня вплоть до того момента, как открылись двери и вошедший в комнату ловчий приказал мне следовать за ним.

— Удачи, — радостно прошептала кикимора. — И не глупи.

Меня привели в незнакомое помещение со множеством диванов и кресел, обращенных к огромному витражному окну. Любуясь шедевром стекольного искусства, изображающим

величественного мужчину в белых одеждах с большими песочными часами в руках, я не сразу заметила, что нахожусь в зале не одна. Лишь вздрогнув от неожиданно разлившихся по помещению мелодичных звуков, я заметила сидящего за приютившимся в углу старым роялем нарая. Рояль резко контрастировал с дворцовым великолепием потрескавшейся, выцветшей поверхностью, что не мешало Хроносу извлекать из него прекрасную, завораживающую мелодию. Я неуверенно переминалась с ноги на ногу и не знала, что делать: молча ждать, когда на меня обратят внимание, или трусливо попытаться сбежать. Взгляд неумолимо возвращался к профилю мужчины, виртуозно играющему музыку, которая всегда будет молодой и прекрасной.

«Ну спасибо, Кико. Удружила», — подумала я, краснея и отворачиваясь, чтобы не видеть великолепного в своей божественной красоте Амниоса Хроно. Если бы не брюзжание подруги, мне бы и в голову не пришло рассматривать Хроноса с этой точки зрения.

— Ты так мило смущаешься. Вижу, кикимора уже провела разъяснительную беседу, — не прекращая музицировать, проговорил нарай.

— Вы хотели меня видеть? — спросила я в ответ, опустив голову и переминаясь с ноги на ногу.

Сейчас мне хотелось провалиться сквозь пол, ведь Хронос ясно дал понять, что ему известны мои мысли.

— Прекрати, — резко произнес он, перестав играть. — Теперь, когда я знаю, что ты не притворяешься, твое раболепство раздражает еще больше.

— Так почему бы вам не отпустить меня? Теперь, когда вы знаете, что я не вынашиваю коварные планы вместе со своим отцом, вы можете избавиться от моего столь раздражающего вас присутствия, — выпалила я на одном дыхании.

— Мне показалось или это была попытка съязвить? — усмехаясь, поинтересовался нарай, встав и подойдя ко мне.

— Нет, — ответила я поспешно.

— Что нет? Нет — не показалось или нет — не съязвила? — подавшись вперед, уточнил Хронос.

— Как вам будет угодно, — пролепетала я и попыталась сбежать.

Но дверь конечно же оказалась заперта.

Нарай удобно устроился в кресле, указал мне на соседнее, проигнорировав мою попытку бегства. После чего окончательно дезориентировал меня неожиданной откровенностью.

— Ты даже представить не можешь, как скучна жизнь, когда

знаешь все на века вперед, — проговорил он, задумчиво глядя на витраж. — Я уже даже не пытаюсь что-то менять и влиять на события. Ведь результат всех манипуляций мне тоже известен. И твое появление не было для меня неожиданностью, однако вмешались сторонние силы, и теперь я не знаю, что будет дальше. Какое же это приятное чувство — неведение. И желания заглядывать в будущее у меня совершенно нет. Предлагаю вместе посмотреть, к чему приведет шалость одной из моих неугомонных племянниц — Мойр.

Я напряженно сидела на краешке кресла и совершенно не понимала, о чем говорит Хронос. Но его восторга по поводу неизвестности точно не разделяла!

— Вижу, что ты не понимаешь, о чем я говорю, — словно общаясь с самим собой, покачал головой нарай. — Прискорбно, но тебе придется понять. Привыкай к тому, что ты выше других и должна соответствовать своему статусу. Иначе просто не может быть. Я не лишу тебя поддержки в лице бойкой кикиморы, она иногда бывает очень прозорлива. Но и тебе самой уже пора повзрослеть и взять на себя ответственность своего происхождения. Иначе мне опять станет скучно. Иди. Я отпускаю тебя, но ты будешь составлять мне компанию за ужином, каждый вечер, когда я того пожелаю.

Хронос небрежно взмахнул рукой, даже не взглянув на меня, и дверь беззвучно отворилась.

Не попрощавшись, я бросилась к приоткрывшейся двери и увязла, словно муха в смоле.

— Не забывай, ты по-прежнему в моей власти, — произнес нарай, и меня поглотила тьма.

В следующее мгновение я вынырнула из вязкого небытия в своей комнате. Рядом с глухим вскриком опустилась на кровать взлохмаченная Кико.

— Это что сейчас было? — вопросила она, поправляя волосы. — Меня закрутило в безумном вихре и выбросило как куклу!

— Хронос нас отпустил, — ответила я, сама не веря своим словам.

— Вот так просто взял и отпустил? — недоверчиво сощурилась кикимора. — Что-то тут не так.

— Он сказал, что будет призывать меня к себе на ужин, — невнятно ответила я.

Сказанное нарисовало в воображении страшную картину монстра-нарая, поедающего меня за ужином. Меня начало трясти, и Кико бросилась обнимать меня, гладить по спине, шептать успокаивающие слова.

Только спустя несколько минут я поняла смысл ее причитаний и ужаснулась еще больше.

— Вот же мерзавец! Принудить девушку к такому, — вещала она. — И ведь знает, что никто ему ничего против не скажет. Как он только мог, понимает же, что ты к такому не готова. Ну да ничего, я пойду с тобой, и пусть только попробует затащить тебя в постель, я его в трясине утоплю!

Мысль о том, что нарай имел в виду общение подобного рода, ввергла меня в еще больший шок. А что, если Кико права и Хронос намеревается сделать меня своей любовницей? Нет! Этого просто не может быть. Я привыкла к тому, что на мою добродетель никто не покушается потому, что господин Прожирани надеялся когда-нибудь избавиться от проклятия и берег меня для себя. Но мама всегда уверяла меня, что этот страшный день никогда не настанет. Сейчас же моя жизнь и судьба была в руках того, кто не страдает от проклятия. И мама меня от него не защитит. Никто не защитит. Теперь только я сама могу постоять за свою честь.

* * *

Нашего с кикиморой отсутствия в стенах академии никто не заметил. Словно и не было этих двух дней, проведенных в неволе. У меня начались занятия, и переживания по поводу нарая отступили на задний план. Слушать лекции оказалось очень увлекательно. Но ведь нужно было не только слушать, а еще и конспектировать. Я же лишь делала вид, что записываю увлекательный рассказ преподавателя о том, как влияют прыжки во времени на психику представителей различных магических рас. Было забавно узнать, что оборотни, совершив больше одного, пусть и кратковременного, перемещения в будущее, в течение месяца могут войти в резонанс с фазами луны и испытывать некоторые неудобства с контролем своей звериной сущности. А эльфы подвержены кратковременным приступам паники после перемещений более чем на двадцать минут.

Я старалась запоминать всю новую информацию и уповала на то, что Кико поможет мне раздобыть лекции по моему курсу. Подруга бурно восприняла известие о моем зачислении на самый престижный факультет — «Контроль и преобразование».

— Это же элита! — восторженно вещала она. — Тебе будет дозволено не только путешествовать на любые промежутки, но и менять будущее!

— А прошлое? — спросила я с надеждой.

— Ты что? — округлила глаза кикимора. — Это запрещено абсолютно всем! Даже нарай не меняет прошлое… наверное.

Напоминание о нарае мгновенно испортило настроение нам обеим. Мы сидели на скамье под раскидистым деревом, занятия уже закончились, и время неумолимо приближалось к ужину.

— Может быть, он хотел только напугать меня? — прошептала я, поежившись. — И не призовет к ужину?

— Не знаю. Но одну тебя я точно не оставлю, — уверенно ответила Кико и демонстративно взяла меня под руку.

Но когда меня куда-то неумолимо потянуло, подруга осталась сидеть на скамье, лишь безрезультатно пытаясь удержать меня. Ее ладонь просто проходила сквозь мой локоть, словно я превратилась в бесплотного призрака.

Момент перехода из эфемерного состояния в материальное длился не более нескольких секунд, но мне они показались вечностью, проведенной в зыбкой неизвестности. Спустя мгновение я уже сидела за длинным столом и смотрела прямо на нарая Амниоса Хроно.

Хронос восседал по другую сторону стола, на большом расстоянии от меня. Но мне казалось, я чувствую его дыхание на своем лице.

— Добрый вечер, Юнила, — непринужденно поздоровался Амниос. — Надеюсь, я не испугал тебя столь скорым, но вполне ожидаемым приглашением? — поинтересовался он.

Я неопределенно покачала головой. Для меня это было не приглашение, а похищение. Как себя вести и что говорить, я совершенно не знала. Хотелось только вскочить и убежать. Но я знала, что это мне вряд ли удастся, и смирно сидела в ожидании развития событий. Радовало то, что Хронос все же находился на довольно большом расстоянии и не делал попыток приблизиться.

Приободряло еще и то, что за высокой спинкой стула нарая стоял молодой человек в бежевом костюме с перекинутым через согнутую в локте руку белоснежным полотенцем.

В присутствии посторонних он уж точно не будет меня домогаться. Предположение Кико по поводу планов Хроноса не выходило у меня из головы, отчего щеки пылали все сильнее. А руки тряслись и холодели.

— Не стоит бояться меня, Юна, — произнес Амниос Хроно, ободряюще улыбаясь. — Я просто хочу пообщаться с тобой, узнать поближе. Услышать твою версию происходящего, в конце концов.

Когда из-за спины неожиданно вынырнул еще один мужчина в бежевом и с полотенцем, я вздрогнула и с трудом сдержала вскрик.

Нарушитель моего относительного спокойствия лишь

наполнил стоящий передо мной бокал прозрачным пузырящимся напитком и вновь скрылся из виду.

— Как прошел твой день? — спросил Хронос, отпивая из своего бокала и приступая к еде.

— Хорошо, — коротко ответила я, тоже хватая вилку и нож, скорее для самозащиты, а не для еды.

— Пожалуй, впредь нам стоит перенести наше общение в более неформальную обстановку, — задумчиво произнес нарай. — Здесь ты слишком скованна. Я понимаю, что, учитывая твое прошлое, ты не привыкла к подобным трапезам. Но мне хотелось бы, чтобы ты чувствовала себя свободнее в официальной обстановке, уверяю, в будущем тебе это очень поможет.

— В будущем? — дрогнувшим голосом переспросила я.

— Действительно, не стоит торопиться, у нас все время мироздания, — улыбнулся Хронос.

Да, со временем у повелителя времени точно проблем не должно быть. Я же сейчас чувствовала, что минуты тянутся, как года.

— Почему ты не ешь? — осведомился Амниос Хроно.

— Спасибо, я не голодна, — ответила я максимально вежливо.

— Тебе стоит поесть, я точно знаю, что ты не обедала и не ужинала. А для учебы тебе понадобятся силы, — чрезмерно заботливо известил меня мой нежеланный сотрапезник.

В голове уже зашумело от напряжения, а руки тряслись все больше, отчего лезвие столового ножа, который я зажимала во вспотевшей ладони, отбрасывало прыгающие по стенам солнечные блики.

Солнце? Я удивленно посмотрела в окно и не поверила своим глазам: солнце ярко светило, только перевалив за полдень! Но ведь должен быть вечер. Неужели нарай перенес меня во времени только для того, чтобы разделить со мной трапезу?

— Вижу, ты заметила некоторые несоответствия. Прошу извинить меня за эту оплошность, — продолжал мило улыбаться Хронос. — Я пообещал тебе, что мы будем проводить вместе ужины, но, к сожалению, был занят, так что пришлось отсчитать несколько часов назад. Тебя это совершенно не должно заботить. Приятного аппетита.

Последняя фраза была произнесена с совсем другой интонацией, это не было пожеланием — мне приказали есть. Глубоко вздохнув и попытавшись совладать со страхом, я не без удовольствия воткнула вилку в ароматное, несомненно являющееся кулинарным шедевром жареное мясо, представляя, что втыкаю ее в лицо нарая, тем самым стирая с его губ

покровительственную улыбку.

— И вам приятного аппетита, — произнесла я несколько вызывающе.

Напряжение, нараставшее все это время, словно отхлынуло, растекаясь по телу приятным теплом. И мне бы это тепло очень понравилось, если бы не неожиданно вспыхнувшая под тарелкой Хроноса скатерть!

Содержимое тарелки обуглилось за считаные мгновения, но не это было главным зрелищем — нарай сидел в клубах зловонного черного дыма, а его белоснежный костюм стал похож на робу трубочиста.

Я догадывалась, что произошло все это не без моего участия, что подтверждало согревающее руки тепло, но лишь сокрушенно покачала головой.

— Как же вас так угораздило? — проговорила я с сочувствием.

Хронос медленно, не отрывая гневного взгляда от меня, поднялся со стула, демонстративно стряхнул с плеча пылинку, только еще больше размазав сажу, чуть заметно кивнул и степенно покинул столовую. Меня попросили встать из-за стола, перестелили скатерть и заново сервировали ужин, вернее обед, судя по играющим на гранях хрустальной вазы с цветами солнечным бликам.

Нарай Хроно вернулся как раз в тот момент, когда для него отодвинули стул. Не было слышно приближающихся шагов или голоса, но стул отодвинули — и именно в это мгновение вошел Хронос. Он был чист, сух и вполне доволен собой. Возможно, что он отсутствовал не несколько минут, а час или даже день, а потом просто вернулся в нужную минуту. Сложно было относиться спокойно к подобным играм со временем, они страшили меня сильнее, чем необузданный хаотичный мир недавно обретенного отца.

— Продолжим, — словно ничего не произошло, предложил нарай и с непринужденным видом отпил глоток из бокала.

— Спасибо, я уже сыта, — ответила я сквозь зубы.

Как же раздражает его снисходительная самоуверенность! Желание запустить в довольное высокомерное лицо первым, что под руку попадется, росло с каждой минутой. Когда ваза с цветами оторвалась от стола и стремительно полетела в направлении Хроноса, на его аристократическом лице не отразилось совершенно никаких эмоций, он лишь выставил вперед руку, поймал вазу и отставил в сторону, даже не расплескав воду.

— Тебе нравится учиться в моей академии? —

поинтересовался Амниос, прожевав очередной кусочек мяса.

— Безумно, — пробурчала я, мечтая, чтобы он провалился под землю и мне не пришлось бы больше лицезреть его самодовольный божественный лик.

Когда послышался треск паркета и Хронос вместе со стулом скрылся из виду, опустившись за стол, я встала, поблагодарила прислуживающего мне мужчину и пошла к выходу.

— Действительно, лучше прогуляться, подышать свежим воздухом, глядишь, и аппетит появится, — произнес нарай, отворяя передо мной дверь.

Вот как такое возможно? Несколько секунд назад он провалился под пол, а спустя миг оказался в коридоре перед дверью.

— Прошу, — учтиво произнес Амниос Хроно, предложив мне руку.

— Абсурд! — не выдержала я. — Немедленно верните меня в общежитие академии. Меня накажут за возвращение после отбоя!

— О чем тебе не стоит переживать — так это об опозданиях. Отныне они тебе не грозят, — улыбнулся Хронос.

После чего схватил мою ладонь и положил на свою согнутую в локте руку. Мне хотелось выть от беспомощности и страха, но вместо этого я послушно шла рядом с ненавистным нараем и мечтала о том, чтобы у него пропал интерес к моей скромной персоне. Я объективно оценивала свою внешность и действительно не понимала причину его внимания ко мне. Теперь он знает, что я не общаюсь и никогда не общалась с Хаосом и опасности не представляю, так в чем же причина столь настойчивого желания продлить наше общение?

Амниос Хроно вывел меня в дворцовый сад, где я уже бывала с наром Гормиро, и мы неспешно пошли по пустующей аллее. Солнце теперь едва выглядывало из-за крон деревьев, и я совершенно запуталась во времени. День сейчас или вечер? А если вечер, то какого дня: этого, следующего или вообще далекого будущего?

— Где мы? — спросила я, набравшись смелости.

— В моем саду, — усмехнулся Хронос. — Разве это не очевидно?

— Я имела в виду не место, а время. Это настоящее или будущее? — пояснила я, стараясь дышать глубоко и не сбиться с шага.

— Тогда уж не где, а когда. Скажем так, для тебя это недалекое будущее, — ответил нарай.

— А для вас? — заинтересовалась я странной постановкой ответа.

— А для меня не существует ни прошлого, ни будущего. Я вне времени или всегда в настоящем — как тебе больше нравится, — скучающим тоном произнес Амниос.

— Мне нравится находиться в своем настоящем, а не следовать за вами в ваше, — проговорила я, сама до конца не понимая, что сказала.

— Разве тебе никогда не хотелось обуздать столь стремительную и неумолимую стихию, как время? Я могу дать тебе такую возможность, — нарай остановился и сорвал веточку цветущей яблони.

Отделив один цветок от ветки, он положил его на ладонь и легонько подул. Прямо у меня на глазах цветок увял и появилась маленькая завязь плода. За считаные мгновения на ладони Хроноса выросло и созрело красивое красное яблоко.

— Хочешь? — предложил мужчина, протягивая мне фрукт.

— Нет, — отрицательно покачала я головой.

Еще несколько мгновений — и яблоко покрылось быстро разрастающимися пятнами гнили, полностью почернело и превратилось в горстку пыли, которую тут же развеял порыв ветра.

— Время — забавная игрушка. Забавная, но однообразная. Твое же появление внесло разнообразие и исказило все возможные варианты развития событий. Ты уникальна тем, что одновременно должна здесь быть и являешься чуждой этому потоку сущего, — нарай вновь повел меня по саду, рассуждая о ему одному понятных вещах. — Кровь Хаоса делает тебя частью этой параллели, но происхождение матери роднит с другой реальностью. Разве не прекрасно — быть на своем месте и там и здесь?

— Я никогда не чувствовала себя на своем месте, скорее везде была чужачкой, — призналась я, задумавшись о словах нарая.

Собственная откровенность немного смутила меня, но я так устала злиться и противиться, что решила проявить немного терпения в надежде, что скоро Хроносу надоест новая забавная игрушка.

— Ты заблуждаешься, — заверил меня Амниос Хроно. — И я докажу тебе это, но не сейчас. Пожалуй, тебе действительно нужно отдохнуть. Увидимся в твоем завтра.

Мгновение полета сквозь черную пустоту — и я оказалась стоящей посреди своей комнаты, сжимая в ладони яблоневую ветку. За окном была чернильная мгла поздней ночи, но в комнате было светло и Кико не спала.

Подруга сидела на кровати, обняв подушку и отрывисто

вздыхая. Она не сразу заметила мое появление, а когда увидела — взвизгнула, отшвырнула подушку и бросилась обнимать.

— Я боялась, что больше не увижу тебя, — призналась она громким шепотом.

Я лишь крепко обняла подругу, стараясь сдержать слезы. Раньше никто не заботился обо мне, кроме мамы, и переживания Кико согревали сердце надеждой на настоящую, лишенную рабских оков жизнь.

— Ну, рассказывай, как все прошло, — потребовала кикимора, усадив меня на кровать.

— Мы ели, потом гуляли, — изложила я короткую версию.

— И все? — разочарованно вопросила Кико. — А поподробнее?

— Если поподробнее — я немного разозлилась… — проговорила я смущенно.

Как же она смеялась! Даже соседей разбудила, чему свидетельствовали стуки в стены и пол. Как умудрялись стучать снизу, я так и не поняла. Ну не подпрыгивали же они.

Спать мы легли уже под утро, после того, как Кико с сочувствием пожелала нараю удачи.

* * *

Проснувшись ранним утром, я чувствовала себя выспавшейся и отдохнувшей, чего в принципе не могло быть. Ведь я проспала всего пару часов!

Поделившись с кикиморой недоумением, я услышала ошеломляющее предположение в ответ.

— Наверное, твой поклонник поколдовал со временем, вот ты и успела выспаться, — проговорила она, вяло потягиваясь. — Обо мне он не позаботился, жмот. Может, замолвишь за меня словечко при следующей встрече? Когда она, кстати, будет?

— Наверное, сегодня, — с грустью ответила я. — По крайней мере, нарай так сказал.

— Знаешь, я, наверное, ошибалась на его счет, — причесываясь, задумчиво проговорила Кико. — Возможно, он не такой испорченный, как мы думали. Ну, подумаешь, всего-то несколько детей за последние двадцать лет. Может, это по большой любви.

Наши взгляды пересеклись, и мы дружно захохотали.

— Нет, я серьезно, он же тоже живой, ну нет у бедного нарая единственной и неповторимой, вот и мыкается бедолага, — сквозь смех добавила Кико.

На завтрак мы пошли в прекрасном настроении.

И казалось, что может случиться плохого обычным ясным утром? Но мы не учли одного довольно темпераментного и непостоянного фактора — переживающего переходный период дракона Салимо.

Он поджидал меня у входа в столовую и набросился с расспросами, где я была вчера вечером и почему избегаю его.

— Я не избегаю тебя, правда, — заверила я взъерошенного дракона. — Просто была занята.

— Ты нашла другого! — патетично воскликнул Саламандрик. — Как ты могла, мы же предназначены друг другу.

— У меня другая информация, — вклинилась между нами Кико, беря Салимо под руку. — Сядешь сегодня со мной?

— А как же Юна? — растерянно поинтересовался дракон.

— Она это переживет, — усмехнулась кикимора и поцеловала Саламандрика в щеку.

— И как я должен это расценивать? — послышался злобный рык сзади.

— Ой, Альфред, я забыла тебе сказать, что между нами все кончено, — беззаботно ответила Кико, обернувшись на реплику

своего, как оказалось, уже бывшего друга.

— Что? — с проскальзывающим в голосе рычанием вопросил Алфи.

Все присутствующие расступились. Я осталась рядом с подругой, но и она отошла в сторону, оставив Салимо лицом к лицу с разгневанным оборотнем, у которого уже начали отрастать клыки и когти.

Послышалось шипение, и все вокруг окутало паром, но, видимо, система безопасности академии дала сбой, и Альфред остался стоять посреди коридора, медленно трансформируясь в огромного белого с серыми пятнами волка.

Салимо отступал, волк наступал. Когда Саламандрик натолкнулся спиной на один из столов, а волк подошел к нему вплотную, оголив белые клыки, выдержка дракона дала сбой, и нас ослепило ярким пламенем, в котором щуплый рыжеволосый парень перевоплощался в величественного огненного дракона.

Вновь раздалось шипение, и волк с драконом исчезли. В следующее мгновение послышался дикий грохот и вой сверху. Видимо, Далиус не смог обуздать стихийных созданий, и они разгромили ректорат.

— Смотрите! — выкрикнул кто-то из студентов, показывая на окно, и все устремились на улицу, чтобы не пропустить сражение оборотня и дракона, которых дух-хранитель перенес на территорию тренировочной площадки, чтобы спасти здание академии от разрушения.

— Ой, я не специально, — невинно хлопая зелеными глазами, протянула кикимора.

— Надо их остановить! — воскликнула я, увлекая подругу в поток зрителей. — Салимо ведь могут исключить.

— Не исключат. Мы же его видели в будущем, — уверенно ответила Кико, неохотно следуя за мной. — Разнимать я их точно не полезу, а то не доживу до драки с эльфийками.

— Вот зачем ты это сделала? — вопрошала я, расталкивая локтями толпу зевак, чтобы пробиться в первые ряды.

— Могла бы и спасибо сказать. Я вообще-то Саламандрика от тебя отвлекала. А с Альфи просто так получилось, надоел он мне, — проворчала кикимора.

Увиденное ввергло меня в такой шок, что рука разжалась, и Кико мгновенно отступила подальше. На поляне возвышался величественный золотистый дракон, прижимая лапой к земле огромного рычащего волка. Прижимал он его не сильно, очевидно, только чтобы удержать, но выглядело это зловеще. Стоило Салимо надавить посильнее — и Альфреда будет уже явно не спасти.

— Немедленно всем разойтись, — прогрохотал над территорией академии голос Далиуса. Пролетев над головами столпившихся студентов, перед драконом и поверженным волком приземлились пятеро тренеров. Они тут же начали плести магическую сеть, чтобы набросить ее на Салимо и заставить его сменить ипостась. Но доплести не успели. В считаные мгновения дракон уменьшился — и над волком уже возвышался тот самый широкоплечий красавец с бронзовой шевелюрой, которого мы с Кико видели во время незапланированного путешествия в будущее. Только вот сейчас он был полностью обнажен, что совершенно не смущало преобразившегося Саламандрика. Он убрал ногу с горла волка и отступил, выставив руки ладонями вперед, продемонстрировав таким образом отсутствие злых намерений.

— Прикройся лучше! — выкрикнул кто-то из толпы, и поляну огласил дружный смех.

Альфред встал, рыкнул на Салимо и ушел, расчищая себе путь злобным оскалом, от которого шарахались даже его сородичи.

— В ректорат, — сурово приказал один из инструкторов. Окинул Салимо взглядом и добавил: — Только оденься сначала.

Толпа начала расходиться, а Кико сняла коротенькую кружевную курточку и поспешила к Саламандрику.

— Вот, прикройся, — смущенно проговорила она, повернувшись к дракону спиной и протягивая ему полупрозрачную ткань.

— Благодарю, — кивнул Салимо.

Буквально за несколько минут он изменился не только внешне, но и психологически. Это был уже не тот неуверенный в себе, неуравновешенный подросток. Напротив, он стал даже слишком уверенным и совершенно не переживал по поводу встречи с ректором.

— Оставлю себе, на память, — проговорил дракон, повязав курточку как фартук.

После чего подмигнул Кико и не спеша удалился.

— Какой вид, — прошептала кикимора, провожая его взглядом.

Я вообще старалась не смотреть на голого мужчину, думая о том, что будущее начинает сбываться гораздо раньше, чем мы думали. А что, если причиной тому поведение Кико? Не изменила ли она развитие событий, узнав, что в будущем встречается с повзрослевшим Салимо? И какие нас ждут последствия?

* * *

Последствия не заставили себя ждать. Вечером, когда большая часть студентов собралась в столовой, теперь уже бывший друг Кико — Альфред — опять сорвался и напал на высмеивавшую его эльфийку.

Белокурая красавица попыталась отразить нападение с помощью магического скипетра, но промазала и ударила сильным магическим зарядом свою подругу. В результате пострадали обе. Девушек тут же отправили к наре Болтиньяк, а Альфреда исключили из академии. Напоследок оборотень пообещал Кико отомстить, и, судя по решительному ненавидящему взгляду, он во что бы то ни стало выполнит эту угрозу.

Но сейчас меня заботило не это: пострадавшими оказались эльфийки из той компании, которая должна в будущем напасть на кикимору. Теперь же их дальнейшее обучение в академии Хроноса было под вопросом. Судя по тому, что я узнала на лекциях о расовых особенностях, эльфы очень трепетно относятся к своим дочерям и, скорее всего, заберут их домой, сочтя академию недостаточно безопасным для своих чад местом.

Но поделиться с Кико своими опасениями я не успела: опять показалось, что воздух вокруг превратился в желе, и я провалилась в черноту. А через мгновение обнаружила себя сидящей на мягком покрывале, невдалеке пели птицы, светило полуденное солнце и шумел океан.

Океан! Я как завороженная устремила взгляд на уходящую за горизонт бескрайнюю водную гладь.

— Я тоже люблю смотреть на воду, она чем-то напоминает время — всегда в движении и постоянна в своем непостоянстве, — произнес знакомый приятный голос совсем рядом.

Обернувшись, я увидела сидящего за моей спиной Хроноса. Нарай умиротворенно смотрел вдаль, едва заметно улыбаясь и щурясь от ярких солнечных лучей, играющих в его растрепанных легким ветерком волосах. Небрежной сегодня была не только прическа Амниоса Хроно — он был бос, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, а брюки испачканы в песке и в чем-то зеленом.

— Вот, угощайся, — произнес Хронос, оторвавшись от созерцания водной стихии и протягивая мне какой-то незнакомый фрукт. — Сам достал, — не без гордости добавил он.

И я не смогла отказаться от угощения, так трогательно выглядела гордость за вполне обычный поступок. Ну что может быть проще — забраться на дерево и сорвать фрукт? Соседские мальчишки постоянно это делали и даже меня иногда угощали, если поблизости не было никого из господ. И для них это было

обычным делом, во всяком случае, лазанием по деревьям они не гордились. Но для нарая — правителя Амнистании и бога времени, видимо, подобный поступок казался настоящим геройством.

— Как прошел день? — поинтересовался мужчина, наблюдая за тем, как я пытаюсь очистить сочный плод.

Сочащийся из-под надорванной кожуры ярко-красный сок испачкал мне не только руки, но и юбку. Но аромат от него исходил умопомрачительный. Я не удержалась и лизнула ладонь — вкус был не хуже запаха.

— Отдай, я лучше сам почищу, — почему-то недовольно проговорил нарай и отобрал у меня лакомство.

Отдавать не хотелось, но не драться же с Хроносом из-за фрукта.

— Так как прошел твой день? — повторил Амниос, с легкостью отделяя кожуру от мякоти.

— Нормально, — пожала я плечами, но вспомнила, чем он закончился, и добавила: — А вот закончился плохо.

— Да? — удивился нарай. — И что же тебя огорчило? Расскажи, я могу все исправить.

Действительно, передо мной же бог времени! И я рассказала о случившемся между драконом и оборотнем конфликте и о своих опасениях относительно того, что причиной этому стало поведение Кико, узнавшей будущее.

— И теперь будущее начинает меняться. Вы можете это исправить? — закончила я рассказ просьбой. Ведь он сам предложил помощь.

— Могу, но не вижу в этом смысла, — пожал плечами Хронос, отдавая мне полностью очищенный плод.

— Спасибо, — поблагодарила я за угощение и возразила по поводу ответа на мою просьбу: — Но как же? Теперь поменяются судьбы нескольких человек. И неизвестно, к чему это приведет.

— Мне известно. А судьбы постоянно меняются. Судьба — это не постоянная величина, она не линейна и не имеет определенного конца. Так что пусть все будет так, как участники конфликта сами для себя решили. Пусть учатся отвечать за свои поступки, — глубокомысленно ответил Амниос Хроно. — И твоей кикиморе это будет хорошим уроком.

— Что? — взволнованно вопросила я. — Что с ней будет? Прошу вас, исправьте все.

— Ну, если ты просишь… Так, на чем мы остановились? — произнес нарай, поменяв позу.

— На том, что я просила вас помочь Кико, — ответила я настороженно.

Неужели Хронос потребует плату за помощь?

— Помог, — кивнул нарай. — А сейчас предлагаю искупаться.

— Как помог? — растерянно переспросила я.

— Без особых усилий, — улыбнулся мужчина, встав и протягивая мне руку.

— Но когда? — изумилась я. Он просто насмехается надо мной!

— Только что. Извини, не счел нужным предупреждать об уходе, ты все равно не заметила моего отсутствия, — широко улыбаясь, поведал мне Амниос. — И теперь, в качестве благодарности, прошу составить мне компанию при купании.

— Это неприлично, — отрицательно покачала я головой, гадая — правду ли сказал нарай. Неужели он действительно побывал в будущем или прошлом, а я даже не заметила, как он отлучался?

— Забудь об условностях, нас здесь никто не увидит, и я обещаю никому не рассказывать о таком предосудительном поступке, как банальное купание в море, — посмеиваясь, заверил меня Амниос Хроно.

Возможно, это шок от пережитого днем так на меня подействовал, но я совершенно не боялась Хроноса. И даже раздражения от его фамильярного обращения не испытывала.

Встала, осмотрелась и приняла решение.

— Я только потрогаю воду. К тому же я плавать не умею, — проговорила я, снимая туфли. — Отвернитесь, пожалуйста, — попросила я, чтобы снять чулки.

— Как скажешь. Для первого раза вполне достаточно. В следующий раз я научу тебя плавать, — ответил нарай и пошел к воде, на ходу снимая рубашку.

Вода была немного прохладной, но это не раздражало, а скорее бодрило. Приподняв юбку, я прошла немного вперед и остановилась, наблюдая за тем, как плавает нарай. Было в этом что-то интимное, словно я позволила себе подсматривать за мужчиной в момент омовения. Я отвернулась и поспешила выйти на берег.

Хронос наслаждался купанием и не спешил возвращаться, я присела на покрывало, но быстро заскучала и решила прогуляться у кромки леса. Деревья здесь были невероятно высокими и причудливо переплетались множеством лиан, по которым с криками прыгали и носились дикие, совсем не похожие на питомцев бродячих артистов обезьяны. А если есть обезьяны, то должны быть и другие звери. Желание углубиться в чащу леса мгновенно пропало, и я поспешила вернуться к берегу.

Но на том месте, где еще пару минут назад было покрывало, я нашла только истоптанный песок и засохшую кожуру от съеденного мною фрукта. Я присела и подняла совершенно сухую кожуру. Как же она могла так высохнуть за несколько минут? Я вскочила и всмотрелась в водную гладь — нарая нигде не было! У самой кромки воды лежала его рубашка, и больше ничего не напоминало о том, что он вообще здесь бывал.

Я напрягла память и совершенно отчетливо вспомнила, что он бросил одежду намного дальше от воды. Значит, либо ее кто-то переложил, либо… прилив! Так сколько же времени прошло с того мгновения, как я отошла к лесу? По моим ощущениям — не больше пяти минут, но за это время успела засохнуть кожура и начался прилив…

И что же мне теперь делать? Неужели Хронос вот так просто взял и бросил меня здесь одну? Паника подступала волнами, то откатывая, то сдавливая горло и не позволяя дышать. Идти в лес и стать добычей для хищников или сидеть на берегу и умирать от жажды под палящим солнцем?

Мне не пришлось делать выбор, все решили за меня. Я сидела на песке, поджав ноги и положив голову на колени, и пыталась понять — что же произошло. От размышлений меня отвлек странный гул. Я осмотрелась и увидела буквально в нескольких метрах слева небольшую скалу. Еще мгновение назад ее не было — и вот надо мной возвышается черная глыба, у основания которой совершенно точно есть вход в пещеру. Сознание мгновенно предоставило тревожные воспоминания о недолгом пребывании в пустыне Хаоса. Там тоже были лишь песок, камни и полное отсутствие логики в проявлениях природы. Логики не прослеживалось и в том, что на песчаном берегу буквально за мгновение выросла скала.

Солнце нещадно палило, из леса доносились подозрительно напоминающие рычание звуки, а пещера манила обещанием прохлады. Умереть от зноя и жажды или войти в таинственную пещеру — это не выбор, мне его не предоставили.

Я встала, отряхнула юбку от песка и медленно пошла к скале.

— И куда это ты направилась? — поинтересовался кто-то у меня за спиной.

Я быстро обернулась, успела увидеть, что это нарай, и повалилась на песок. От резкого движения закружилась голова и перед глазами все поплыло. Все же я перегрелась на солнце.

— Заставила же ты меня поволноваться, — посетовал Хронос, подойдя и присев рядом. — Как тебе удалось смазать след перемещения? Да так, что даже я не сразу смог отыскать нужный временной промежуток.

— Я ничего не смазывала и никуда не перемещалась, — проговорила я, облизав пересохшие губы. — Верните меня в академию, пока я окончательно не изжарилась под солнцем.

— Не перемещалась, говоришь? — задумчиво проговорил Амниос, помогая мне встать. — Неужели он опять посмел рискнуть забрать тебя? А твой папочка может быть настойчивым.

Опираясь на руку нарая, я обернулась, но скалы с пещерой словно и не существовало. Передо мной был все тот же песчаный берег, море и дикий, необузданный южный лес.

— Что-то потеряла? — поинтересовался Хронос.

— Разум, — задумчиво ответила я, приложив руку к голове.

Волосы были такими горячими, что почти обжигали ладонь. Да сколько же времени я провела на этом берегу?!

— Я не могу отпустить тебя в таком состоянии. Сегодня ты будешь моей гостьей, — произнес нарай, и в следующее мгновение мы оказались в знакомом мне зале с витражным окном, старым роялем и множеством диванов.

— Приляг, — приказал Амниос, — а я распоряжусь о напитках.

— Не собираюсь я здесь ложиться! — возмущенно воскликнула я, отступив от нарая на пару шагов. — Немедленно верните меня в мою комнату!

— Как пожелаешь, напитки можно подать и туда, — подозрительно легко согласился нарай.

Спустя мгновение я поняла причину его покладистости — он перенес меня в ту самую комнату, в которой нас с Кико держали взаперти, когда мы были «гостьями» во дворце. У меня теперь и своя комната во дворце правителя Амнистании есть — радость-то какая! Дверь конечно же оказалась заперта, и никто не поспешил ее отпереть, когда я начала колотить по ней руками. И только спустя несколько минут в комнату вошла женщина с подносом, на котором стояли два графина, три бокала и блюдо с разнообразными фруктами.

— Нарай желает провести с вами время, приведите себя в надлежащий вид, — проговорила женщина, окинув меня брезгливым взглядом. После чего поставила поднос на стол и ушла, заперев за собой дверь.

Я бросилась к подносу. В одном графине было что-то красное — наверное, вино. Во втором — прозрачная жидкость — вода! Я схватила графин и, не тратя время на переливание воды в стакан, начала жадно пить прямо из него. Но это была не вода! Прозрачной жидкостью оказалось крепкое белое вино. Горло сжало спазмом, на глаза навернулись слезы, а в голове зашумело. Я схватила второй графин и осторожно понюхала напиток —

запах был незнакомым, но по крайней мере не алкогольным. По вкусу этот напиток оказался чем-то вроде ягодного отвара. И он прекрасно утолял жажду, даже неприятные ощущения после крепленого вина улетучилось, словно я и не пила его. Но последствия от выпитых залпом нескольких больших глотков все же были. Голова немного кружилась, но это походило скорее на ненавязчивое, дарящее легкость головокружение, а не тяжелый дурман от перегрева.

Я подошла к зеркалу, придирчиво осмотрела свое отражение и пришла к выводу, что привести себя в порядок действительно не помешало бы. Но только не для Хроноса! Блуза была измята и пропитана потом, а юбка еще и испачкана фруктовым соком. В волосах и на лице песок, щеки пылали нездоровым румянцем. Да и ноги кололо от набившегося в поспешно обутые туфли песка, чулки же так и остались на морском берегу.

Принимать ванну я не решилась, только постаралась избавиться от песка и умылась. А вернувшись из ванной, обнаружила нарая, сидящего за столом и недоуменно смотрящего на частично опустевший графин с вином.

— Могли бы и подписать, где что налито, — проворчала я, подойдя и усевшись напротив.

Вино не только помогло мне немного расслабиться, но и придало смелости… или глупости?

— Да, конструктивного диалога сегодня, наверное, не получится, — задумчиво протянул Хронос. — Хотя… Раз уж ты позволила себе расслабиться, то и я, пожалуй, присоединюсь.

Повелитель времени встал и налил себе вина, совсем не божественно расплескав немного на скатерть. Мне же он налил ягодного отвара.

— Пей, это поможет тебе восстановить силы после стресса, — проговорил он, протянув мне бокал.

— Спасибо. Но мне сейчас больше помогло бы, если бы вы меня вернули в общежитие. Кико наверняка уже извелась от волнения, — ответила я недовольно, но напиток взяла.

— Твоей невоспитанной подруге сейчас не до тебя. Можешь быть уверена: о тебе она подумает в последнюю очередь, — усмехнулся нарай.

— Почему? — спросила я настороженно, стараясь уловить в поведении Амниоса Хроно хоть какую-то подсказку.

— Ты же просила, чтобы я исправил изменения, которые она внесла своим эгоистичным поступком. Вот я и исправил, вернее, немного подкорректировал развитие событий, — небрежно пожал плечами Хронос, с удовольствием попивая вино.

Я залпом выпила ягодный напиток и потребовала:

— Расскажите, что вы сделали.

Нарай помолчал минуту, разглядывая свой бокал, вздохнул и снизошел до ответа.

— Ну что ж, я попробую объяснить, — тихо проговорил он. — Видишь ли, исправлять ситуацию в корне я не посчитал нужным. Дракон все равно в ближайшее время перевоплотился бы. Оборотень нажил себе достаточно проблем, чтобы получить тот же опыт, что и при прохождении практики последнего года обучения. А эльфийки вообще ничего не потеряли. Они в любом случае через два года выйдут замуж, и образование им будет ни к чему. Во всяком случае, полученными в академии знаниями они никогда так и не воспользуются. Единственной, кто проигрывал при текущем положении дел, была твоя кикимора. Она вошла бы в силу гораздо позже, если бы эльфийки не решили наказать ее за очередной розыгрыш. Так вот, я предоставил ей возможность полностью познать свои родовые силы чуть раньше. Теперь она хоть не будет забивать тебе мозг всяким бредом, у самой будет достаточно проблем.

Хронос замолчал, а я подалась вперед и испуганно прошептала:

— Что вы с ней сделали?

— Всего лишь обеспечил ей встречу с разгневанным оборотнем, которого она так некрасиво бросила, — довольно улыбнулся нарай. — Теперь он точно получит незабываемый жизненный опыт… выживания в Загорских топях. А твоя драгоценная подруга будет занята, уговаривая отца не забирать ее из академии и не разлучать с матерью. И перестанет дурно на тебя влиять, по крайней мере в ближайшее время.

Все оказалось не так страшно, как я предполагала. Если Хронос говорит правду, то никто не пострадает, во всяком случае, сильно. Но нарай напомнил мне о том, о чем я старалась вообще не думать, чтобы не расплакаться.

— Я хочу увидеться с мамой, — проговорила я уверенно. И даже встала, опершись руками о стол, для подтверждения серьезности своих намерений.

— Нет, — коротко, но веско ответил Амниос.

— Но почему? Я имею право видеться с матерью! Или я опять ваша пленница? — воскликнула я, чувствуя, что во мне начинает подниматься волна гнева.

Опять рабыня? Бесправная невольница? Нет! Больше я не буду смиренно повиноваться, даже богу времени.

— Успокойся, Юнила. Просто дыши глубоко и подумай о чем-нибудь приятном, — проговорил Хронос, вставая из-за стола и внимательно следя за каждым моим движением.

— Может, мне еще улыбнуться и сказать спасибо за очередную попытку управлять моей жизнью, словно я заводная кукла? — поинтересовалась я, все больше распаляясь.

Вокруг начало твориться нечто невообразимое. Бокалы, графины, фрукты и даже скатерть взмыли в воздух, а шторы рухнули на пол вместе с гардинами, словно они стали тяжелыми как камень. Кровать взмыла под потолок и перевернулась. Подушки же упали на пол с громким стуком, проломив паркет. Из висящих в воздухе графинов с дробным звуком падали на пол и раскатывались, будто металлические шарики, капли напитков. Подул обжигающе горячий ветер, окончательно растрепав мою прическу. И мне все это очень нравилось! Я получала истинное удовольствие от творящегося вокруг хаоса.

— Если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, мне придется применить силу, — предупредил нарай, на которого все происходящее не произвело большого впечатления.

Он даже не замечал ветра, словно потоки горячего воздуха обходили его стороной… или замедлялись, приближаясь к нему.

— Я требую встречи с мамой, — проговорила я и вздрогнула от собственного голоса. Он стал неузнаваемым, грубым, почти мужским.

— Пойми, глупая, на твоей матери метка Хаоса, и твой отец легко найдет тебя, если ты встретишься с ней, — увещевал меня Хронос. — Я могу повернуть время вспять, но даже мои силы не могут корректировать его действия вечно. Если ты сейчас поддашься его крови, то потеряешь все. Ты будешь изгнана из этого и любого другого мира навечно. Твоим пристанищем станут Пределы Хаоса, и ты никогда больше не сможешь общаться с матерью и друзьями, как прежде. Ты будешь лишь тенью в их жизни. Плохим воспоминанием, которое тревожит душу и не дает спокойно спать. Неужели ты хочешь этого?

— Я хочу увидеть маму, — проговорила я и замолчала. Голос становился все более чужим и отталкивающим.

Это не я… Но я не хочу быть чужой для себя! Страх подкрался и забрался в душу холодным змеем. Я устало опустилась на стул. Кровать и прочие висящие в воздухе предметы рухнули на пол, в это же мгновение ножки стола подкосились, и он тоже упал… мне на ногу. Я свалилась со стула и взвыла от боли.

— Маленькая глупышка, — покачал головой Амниос, подбежав ко мне и осматривая ногу. — Нам нужно поработать над твоим самоконтролем.

— Отпустите меня, — взмолилась я, всхлипывая и вытирая слезы окровавленной рукой.

Хронос встал, повел рукой — и от сотворенного мной

беспорядка и следа не осталось.

— Я могу повернуть время вспять для всего и всех, но не для тебя. В тебе течет кровь богов. А мы неподвластны времени, — пояснил он. — Я отпущу тебя, но только после того, как залечу рану.

Нога действительно сильно болела: край стола рассек кожу и рана кровоточила. Но я сейчас чувствовала только желание оказаться как можно дальше от Хроноса, дворца и всех проблем своей новой жизни.

Рана затянулась буквально за несколько секунд, нарай даже не успел воспользоваться своими силами, чтобы помочь мне.

— Твоя кровь почти полностью пробудилась, — недовольно проговорил он, рассматривая гладкую кожу, которая еще мгновение назад была содрана. — Завтра я заберу тебя с занятий и буду учить управлять силами Хаоса. Сама ты точно не справишься, и на инструкторов в данном случае надеяться не стоит.

Я не успела ничего ответить: воздух вокруг стал вязким, и я упала на свою кровать в общежитии академии. В комнате было темно и тихо, Кико отсутствовала. Лишь цаплик недовольно заворчал, возмущаясь тем, что я потревожила его сон.

* * *

Кико пришла только ранним утром. Необычно молчаливая и спокойная, она лишь поздоровалась со мной и скрылась в ванной. Когда вышла, времени на расспросы уже не осталось. Но я все же попыталась узнать, что случилось, по дороге в столовую.

— Не спрашивай, — только и ответила соседка.

Она даже не поинтересовалась, как прошла моя очередная встреча с нараем. Быстро позавтракав, подруга ушла на занятия, не попрощавшись.

Мне ничего не оставалось, как тоже отправиться на занятия. Но до аудитории я так и не дошла. В нескольких метрах от нужной двери я опять завязла в воздухе, словно пчела в меде, и очутилась посреди оживленной улицы. По дороге неслись машины, люди сплошным потоком куда-то спешили, и мне пришлось вжаться в стену, чтобы меня не сбили с ног.

— Куда жмешься? Витрину продавишь! — прикрикнул кто-то на меня и оттолкнул от стеклянной стены, за которой стояли ящики, показывающие быстро сменяющиеся картинки.

«Телевизоры», — всплыло воспоминание из детства.

Как же мне было страшно! Гул голосов, вой и скрежет давили

со всех сторон. Хотелось сбежать, но я не знала, куда бежать. Закричать? Крик потонет в шуме безумного города. Но было в этой какофонии и что-то родное, давно забытое и такое близкое одновременно…

— Не бойся, я рядом, — прошептал Хронос, взяв меня за руку.

Сейчас я была рада ему, как лучшему другу. В этом когда-то родном, а сейчас таком чужом мире Амниос Хроно казался мне самым надежным из попутчиков.

— Что мы здесь делаем? — спросила я, сжав руку нарая как последнюю надежду на спасение.

— Ты как-то обмолвилась, что чувствуешь себя чужой в каждом из своих миров. Так вот, я хочу показать тебе, как ты заблуждаешься, — ответил Хронос. — Ничего не бойся и иди за мной.

— Разве это поможет мне совладать с кровью отца? — спросила я, мечтая только о том, чтобы поскорее вернуться в привычную обстановку.

— Ты должна понять и принять себя, чтобы обуздать свое подсознание. Для этого мы здесь, — совсем непонятно объяснил Амниос.

Хронос повел меня через толпу спешащих и никого не замечающих вокруг себя людей. Перед ним все расступались, словно отталкиваемые неведомой силой, и мы быстро покинули людную улицу, свернув на более узкую и грязную.

— Молчи и смотри, — произнес нарай и увлек меня на шаткую лестницу, примыкающую к высокому дому.

Мы поднялись до второго этажа, и мужчина указал на окно. За стеклом какая-то взлохмаченная женщина металась по неубранной, захламленной комнате, что-то бормоча и постоянно в страхе оглядываясь. Кто-то постучал в дверь, и она бросилась открывать. Ей принесли несколько конвертов. Женщина остервенело разрывала конверты, проверяла, что в них, и отбрасывала в сторону.

— Ничего! Опять ничего! — воскликнула она, когда проверила все, что ей принесли.

В приступе ярости женщина смела со стола грязную посуду и какой-то мусор, после чего обессиленно опустилась на пол и заплакала.

— Знаешь, кто это? — спросил Хронос шепотом, но мне показалось, что он прокричал этот вопрос мне в ухо.

— Кто? — прошептала я в ответ.

— Та, которая заняла место твоей матери в этом мире, — ответил нарай. — Вот уже двенадцать лет она ищет способ

вернуться назад, к своим детям и мужу. Но она не вернется до тех пор, пока Хаос удерживает твою мать там. Во всем должно быть равновесие, твоей матери нет места в том мире. Она занимает место этой женщины. И, предвосхищая твой вопрос, ты занимаешь там свое место. Никто не расплачивается за тебя потерями и мучением. И там и здесь ты на своем месте.

— А как же эта несчастная? — спросила я, чувствуя, как сердце сжимается от боли при виде страданий ни в чем не повинной жертвы происков богов.

— Она вернется к родным, только если Хаос отпустит твою мать, — ответил Амниос. — Или если ты сделаешь это за него.

— Я? Но что я могу? — вопросила я, с удивлением обернувшись.

— Сейчас ничего. Но после того как я помогу тебе обуздать кровь Хаоса, ты сможешь освободить мать от печати отца и вернуть ее туда, где ей и место. Поверь мне, здесь она обретет счастье. К тому же она будет знать, что ее дочь стала справедливой и разумной. Да и эта потерянная найдет покой, — указал кивком на плачущую за окном женщину нарай.

— Зачем вы показали мне это?! — выкрикнула я и побежала вниз по лестнице. — Я ничего не могу изменить. Я слаба и не знаю, что делать со своими способностями!

— Ты слаба только до тех пор, пока не примешь себя, — ответил Хронос, стоя у основания лестницы.

Я обернулась, но там, где нарай стоял мгновение назад, его конечно же уже не было.

— Я поняла, что не чужая в Амнистании, в отличие от этой женщины, которая страдает в чужом мире уже двенадцать лет, — прошептала я, не желая продолжать. Но все-таки продолжила: — И чтобы избавить ее от страданий, я должна навеки расстаться с мамой!

— Не утрируй, — усмехнулся Амниос. — К тому времени, когда ты будешь в силах вернуть все на свои места, путешествия между параллелями станут для тебя простой прогулкой. Ты сможешь навещать свою мать, когда заблагорассудится. Я хочу лишь показать тебе, какой путь будет верным. Ты можешь обуздать хаос в себе и остаться прежней в моем мире или дать ему волю и погрязнуть в разрушении, навеки потеряв себя… и возможность осчастливить тех, кто пострадал из-за эгоизма твоего отца. Доверься мне, и я помогу тебе сделать правильный выбор.

Хронос протянул мне руку — и я поняла, что это не жест поддержки при спуске с последней ступеньки лестницы, — это выбор.

Посмотрела в глаза богу времени и медленно, несмело вложила свою трясущуюся ладонь в его крепкую, уверенную руку.

— Ты не пожалеешь. Я не смотрел твое будущее, Юнила, но лишь потому, что уверен в том, что оно переплетено с моим. Я хочу прочувствовать каждое мгновение, не зная, что ждет нас дальше. Чтобы мы были равны в своих чувствах, — произнес Хронос, и нас затянуло в вязкое небытие мгновения.

В себя я пришла, сидя в аудитории на занятиях по временным законам. Преподаватель рассказывал о том, как зыбка материя времени и к чему могут привести нарушения ее течения. А я могла думать лишь о том, что должна обуздать свои способности, и для этого мне придется довериться Хроносу. Правильный ли выбор я сделала? А если я ошиблась, и отец научил бы меня большему?

— Студентка Нарисо, пройдите в деканат, — разнесся по академии замогильный голос Далиуса.

Я отреагировала, только когда преподаватель окликнул меня. Рабам не пристало иметь фамилий, и я еще не привыкла к своей.

— Юнила, вы задерживаете образовательный процесс. Пройдите в деканат, — недовольно произнес пожилой лектор.

Я извинилась и поспешила покинуть аудиторию. За дверью меня ждал сам дух-хранитель.

— Пристроилась, значит. Хваткая девчонка оказалась, — проворчал он. — Иди за мной. Вот получишь привилегированный пост — и не забудь про меня, старика Далиуса, который тебе помогал и поддерживал. На покой отправишь.

— И когда же ты мне помогал? — поинтересовалась я.

— Ну как же? Я здесь всем помогаю, — ворчливо протянул дух, проплывая над ступенями. — А за то, что мне от твоей подруги перетерпеть пришлось, так и вообще премия положена.

— И какая же тебе премия нужна? — спросила я, недоумевая, что может понадобиться бесплотному духу.

— Покой, деточка, мне нужен покой. Ну и еще, может, компания хорошая. Знавал я в былые времена одну нару… — Далиус смолк и замер перед дверью деканата.

Я тоже остановилась.

— Проходи, тебя уже заждались, — ехидно проговорил хранитель и исчез.

В преподавательской никого не было, кроме секретаря Лоприо. Низенькая женщина в зеленом бархатном костюме приветливо улыбнулась и проворковала:

— А вот и наша нари Нарисо. Проходите, нара Ишаро вас ждет.

— Спасибо, — поблагодарила я лепреконшу, подошла к двери

кабинета ректора и постучала.

— Я же сказала, вас ждут. Входите, — нетерпеливо повторила секретарь.

Несмело отворив дверь, я медленно вошла в кабинет нары Ишаро и замерла у входа.

— Закройте дверь, будьте любезны, — проговорила ректор, даже не подняв взгляд от документов, которые она изучала.

Я закрыла дверь, но она тут же чуть-чуть приоткрылась, в щели появился любопытный глаз нары Лоприо.

— Проходите, Юнила, присаживайтесь, — пригласила Ишаро, продолжая читать какие-то бумаги.

— Вы хотели меня видеть? — спросила я, присев на краешек стула для посетителей.

— Вы очень догадливы, студентка Нарисо. Я вызвала вас к себе, следовательно, хотела вас видеть, — источая яд, произнесла нара ректор, наконец-то оторвавшись от чтения. — Вы меня непр… приятно удивили и… порадовали. Впервые за все время существования моей академии студентка, к тому же первогодка с подобной репутацией, удостоилась чести стать личной протеже нашего великого, премногоуважаемого и всесведущего нарая.

— А разве это не академия нарая Хроно? — вырвалось у меня.

Я не была удивлена тем, что Амниос решил оформить занятия по контролю моих сил официально. Меня удивило заявление Ишаро, что это ее академия.

— Да как ты… — вскочив из-за стола, прошипела ректор. Но тут же успокоилась и фальшиво улыбнулась. — Не важно, — проговорила она, слегка пришепетывая. — Сейчас речь не об этом. Дело в том, что наш нарай желает заниматься с вами лично, и нам нужно согласовать ваш график обучения. Также вам придется подписать обязательство сдавать все пропущенные из-за этих занятий темы во внеурочное время. Преподаватели готовы пойти навстречу и поспособствовать, но ставить зачеты лишь за панибратство с нараем они не будут. Возможно, вам стоит поговорить с правителем о дополнительном времени для ваших… встреч. Я понимаю, что это значительно изменит течение вашего личного возрастного времени и будет утомлять. Но я не имею права закрывать глаза на пропуски занятий.

— Что конкретно от меня требуется? Подписать обязательство? — спросила я, встав и подойдя к столу.

— Не торопись, девочка, — неожиданно смягчилась Ишаро. — Я понимаю, что ты увидела шанс занять в этой жизни завидное место. Но послушай моего совета — не привыкай. Наш нарай хоть и велик, но столь же постоянен, как и время. Он никогда еще ни одну из своих женщин не возвышал над другими

на долгий срок. И тебя тоже бросит, когда наиграется. Тебе же будет лучше, если ты наскучишь ему как можно быстрее. Постарайся получить все знания и привилегии, которые может дать академия. Тогда не пропадешь после того, как он тебя выкинет из своей жизни.

— Вы заблуждаетесь, нара Ишаро, — холодно произнесла я. — Нарай Хроно лишь помогает мне совладать с моей божественной составляющей. Нас связывают только деловые отношения. Я дочь его врага. И нарай помогает мне лишь для того, чтобы я не стала еще одним врагом Амнистании.

Руки похолодели и вспотели. Я чувствовала себя словно облитой грязью и малодушно оправдывалась, стараясь при этом держаться достойно. Как же мерзко, что теперь все будут считать меня игрушкой Хроноса. А слухи наверняка в мгновение расползутся по академии. Не зря же Лоприо подслушивает.

— Тебе виднее, — безразлично пожала плечами Ишаро и вновь стала высокомерной. — Подпишите вот эти бумаги и можете быть свободны, — передо мной легли два листа. — Каждый день на время первой пары вас будет забирать нарай. Также он желает видеть вас каждый вечер. Но это не отменяет обязательства возвращаться в общежитие до отбоя. За опоздания вы будете наказаны хозяйственными работами в свободное от учебы время. Далиус проследит за соблюдением правил общежития.

Я схватила перьевую ручку со стола ректора и неумело, дрожащей рукой вывела на листках свои инициалы: «Ю.Н.». Получилось криво, но даже крестик вместо подписи не унизил бы меня больше слов Ишаро.

— Можете идти, — кивнула ректор, пряча бумаги в стол.

Я не ушла, а убежала. Кабинет ректора покинула степенным шагом, мимо делающей вид, что занята работой, но с интересом косящейся на меня Лоприо проплыла, глядя прямо перед собой. Но стоило мне закрыть за собой дверь деканата, как я сорвалась на бег и остановилась, лишь вбежав в свою комнату. Следовало вернуться на занятия, но сейчас мне хотелось забиться в угол и побыть одной. В комнате это оказалось невозможным.

— Это твоя замечательная соседка? — поинтересовался кто-то у меня за спиной.

Я стояла лицом к двери, спешно заперев ее за собой и прислонившись лбом к прохладной поверхности. От неожиданного вопроса вздрогнула и резко обернулась.

В комнате находились Кико и ее отец.

— Вас что-то напугало, юная нари? — поинтересовался нар Сумарино.

— Нет, — ответила я, откровенно солгав.

— Оставь ее, папа. Мы не договорили, — раздраженно произнесла Кико.

— А по-моему, договорили. Я сказал свое последнее слово, — безапелляционно ответил кикимор. — Вопреки моим ожиданиям ты вошла в полную силу, и это доказывает твое безоговорочное право наследования. Сейчас у меня нет больше чистокровных дочерей рода, подходящих для династического союза. Ты же не хочешь, чтобы в Загорье разразилась война топей?

— Я не хочу быть товаром, тем более для блага топей, которые никогда не были мне домом! — воскликнула подруга и умоляюще уставилась на меня.

— Если тебя держит желание учиться в этой школе, то я отказываюсь оплачивать твое обучение, — заявил нар. — Мать тоже не сможет его оплатить. И ты не получишь благотворительную поддержку. Все знают, чья ты дочь. Собирайся.

— Пожалуйста, — одними губами прошептала Кико, сверля меня полным слез взглядом.

— Я могу помочь, — выпалила я, зная, что пожалею о своем обещании.

— Ты? — усмехнулся кикимор. — И чем же ты поможешь? Отдашь ей свое обеспечение бесприданницы?

— Я замолвлю за тебя словечко перед нараем, — ответила я, глядя на соседку и избегая взгляда ее отца.

— Это смешно! — воскликнул нар Сумарино. — Кто ты такая, чтобы ставить себя выше меня?

— Вообще-то, папочка, Юна дочь Хаоса и… близкий друг нарая Хроно, — не без гордости заявила Кико.

— Что? — мужчина встал и посмотрел на меня как на злейшего врага.

— Не советую ее обижать. Уж если нарай взял ее под опеку, то тебе точно не пристало пенять ей на происхождение, — весомо заявила кикимора. — Увидимся на каникулах, папочка.

— Я этого так не оставлю. Сейчас же отправлюсь к нараю, — зло произнес кикимор и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Если Хронос встанет на мою сторону, то чем же мне придется расплачиваться за протекцию для подруги? И даже если он не поддержит мое желание оставить Кико в академии, то меня все равно ждет расплата за то, что посмела прикрыться личным знакомством с ним. Что же я наделала?!

— Ты моя спасительница! — воскликнула соседка, повиснув на моей шее. — Теперь-то отец точно не посмеет забрать меня из академии и выдать замуж за одного из противных трясинных

старикашек.

— Только я боюсь даже представить, чем мне грозит это геройство, — прошептала я, похлопав кикимору по спине.

— Да ничем тебе это не грозит, — беззаботно ответила Кико. — Я больше за папу переживаю. Неизвестно, что сделает с ним нарай, если он по глупости или неосторожности оскорбит тебя.

— Не переживай. Из-за меня Хронос точно не станет развязывать междоусобицу с соседями, — с грустью усмехнулась я. — И еще неизвестно, согласится ли он помочь тебе.

— Вот увидишь — согласится. Если бы он не дорожил тобой, то давно бы затащил тебя в постель, и ты уже была бы забыта, — авторитетно заявила кикимора. — А теперь пошли на занятия. Кстати, почему ты прогуливаешь? Со мной все ясно, но тебе — послушной и скромной нари — не пристало пропускать лекции.

— И не спрашивай, — только и ответила я и поспешила покинуть комнату.

Утверждение подруги по поводу природы благосклонного отношения ко мне нарая заставило задуматься. Ведь он действительно добр и терпелив. Назвал меня своей протеже и всячески помогает справиться с наследственностью Хаоса. Но принять то, что всемогущий бог времени заинтересовался забитой, необразованной девчонкой, я никак не могла. Да, я не уродлива, но и не блистательная красавица. Привлекательное, но обычное лицо, синие глаза, прямой нос, не приковывающие взгляд женственной пухлостью губы, черные, как у многих, волосы и не привлекающая выдающимися формами фигура — не тот портрет, который может покорить сердце искушенного, живущего не одну тысячу лет божества.

— Студентка Нарисо, не на мою ли лекцию вы спешите? — окликнула меня куратор по учебной части, нара Аст Одонт. — Если вы не намерены прогулять, то, по всей видимости, прошли мимо нужной двери по рассеянности.

Я осмотрелась и поняла, что действительно, задумавшись, прошла мимо аудитории.

— Прошу прощения, нара Одонт, я еще плохо ориентируюсь в академии, — проговорила я виновато и юркнула аудиторию, стараясь не привлекать к себе внимание других студентов.

Но остаться незамеченной не получилось.

— Прошу, нари протеже нарая, — ехидно проговорил какой-то эльф, отвешивая мне шутовские поклоны и позерски закатывая глаза под всеобщий хохот.

— Осторожнее, Элит, не навлеки на себя гнев будущей нарайи, — рассмеялась ведьмочка в черном платье и с клановой

татуировкой в форме паутины на обеих щеках.

Из прочитанных под действием волшебной микстуры книг я знала, что подобная татуировка не означает ничего хорошего. Эта молодая ведьма ничего не боится, каждого, кто ей навредит, ждет жестокая кара. Она даже делать ничего не будет. Достаточно обидеть представительницу клана черных пауков — и любой будет обречен до скончания своих дней прислуживать их покровительнице богине Арахне. Особенно ужасало, что отца каждой такой ведьмы убивали с первым криком новорожденной девочки. Если же рождался мальчик, то убивали обоих родителей. Так что поклонников у этой моей сокурсницы было немного, что объясняло ее агрессивное поведение и отсутствие друзей.

— Садись со мной, — предложила ведьма, и я не осмелилась отказаться.

— Меня Медина зовут, а ты Юника? — прошептала она, чтобы не привлекать внимание нары Одонт, готовящейся начать лекцию.

— Юнила, можно Юна, — представилась я тоже шепотом.

— Не обращай внимания на этих идиотов. Им не понять, что значит быть не такой, как все. Каждый из них мечтает выделиться из серой массы будущих крючкотворов, но задатки есть у единиц. Вот и пыжатся в надежде самоутвердиться за счет других, — проговорила Медина.

— Я и не обращаю, — солгала я, не желая показаться слабой. Но кого я обманываю? Мне было до дрожи страшно, что теперь я стану объектом для насмешек и унижений.

— Держись меня — и никто больше не посмеет даже косо посмотреть на тебя, — заявила ведьмочка и открыла тетрадь, приготовившись записывать лекцию.

Я тоже достала тетрадь, но даже открывать ее не стала. Все равно не успею записать ничего, кроме темы.

— Пиши, Одонт зверь, требует дословного пересказа некоторых тем, — посоветовала Медина.

— Не могу, — призналась я.

— Почему? Рука болит? — поинтересовалась моя новая знакомая.

— Не умею, — сгорая от стыда, ответила я.

— А-а-а, я слышала, что ты рабыней была, — совершенно спокойно отреагировала девушка. — Открывай тетрадь и дай мне свою ручку.

Я послушно открыла тетрадь и подала ведьме ручку. Медина зажала ее в ладони вместе со своей, что-то прошептала и положила на мою раскрытую тетрадь.

Когда ведьмочка начала записывать тему лекции, ручка

поднялась и сама собой повторяла все движения ее руки.

— Только ты не обольщайся, все равно надо учиться самой писать. На практических занятиях я за тебя точно отвечать не буду, — строго проговорила Медина, быстро выводя буквы красивым почерком. — Попроси нарая, чтобы сделал для тебя временной карман, и тренируйся больше, в этом нет ничего сложного.

— Спасибо, — только и смогла прошептать я в ответ.

Подобное понимание и помощь от черной паучихи казались просто невероятными!

В этот день Медина сопровождала меня на всех лекциях до конца занятий и помогала с конспектированием. Но как только занятия закончились, ведьма отвела меня в сторону от потока спешащих на обед студентов и, опасливо озираясь, проговорила:

— Можешь сделать мне одолжение?

— Какое? — настороженно спросила я.

— Я создам свою проекцию, а ты сделаешь вид, что общаешься со мной. Мне нужно кое-куда сбегать, чтобы никто не заметил, — прошептала она, воровато озираясь.

— Куда? — спросила я, опасаясь, что ведьма вовлечет меня в неприятности.

— По одному очень важному делу, — недовольно ответила девушка. — Ты не волнуйся. Я не собираюсь нарушать законы… по крайней мере амнистанские.

— А какие собираешься? — не желала сдаваться я.

— Какие-какие, паучьи, — проворчала Медина. — Свидание у меня. Я его люблю и не хочу, чтобы его убили.

— А он? — спросила я, сомневаясь в том, что хоть кто-то отважится связаться с ведьмой из клана черных пауков.

— А ему не обязательно знать, кто я на самом деле, — улыбнулась Медина.

— Хорошо, я тебе помогу, — сдалась я. Была вероятность, что новая подруга меня обманывает, но ее глаза сверкали таким неподдельным счастьем, что кто я такая, чтобы противиться встрече влюбленных.

— Спасибо! — радостно воскликнула ведьмочка и утянула меня под лестницу.

Там она быстро создала свою проекцию, придала ей реалистичности и отправила нас в столовую, напоследок проинструктировав, чтобы я села за отдельный стол. Ведь иллюзия не может есть. Она лишь улыбалась и иногда посмеивалась.

Сама же Медина поспешила в сад, чтобы покинуть территорию академии через забор. В столовой я без труда нашла

свободный стол, ведь большая часть студентов уже пообедали, и план ведьмочки мог бы сработать, если бы не Кико.

Кикимора ворвалась в столовую как вихрь, увидела меня и, быстро подбежав, уселась на свободный стул.

— Привет, — поздоровалась она с проекцией Медины и затараторила: — Ты не поверишь, меня сейчас вызывали в деканат. Отец действительно отказал мне в обеспечении, но теперь я буду обучаться по благотворительной протекции. Нарай помог!

Иллюзия Медины тихо посмеялась и снова замерла.

— Ты мне не веришь? — вопросила кикимора. — Это чистейшая правда!

«Медина» опять посмеялась и замолкла.

— Что это с ней? — наклонившись ко мне, прошептала Кико.

— Позже объясню, — ответила я, оглядываясь. На нас никто не обращал внимания, но я начинала паниковать.

— Да это же морок, — прошипела Кико, указав пальцем на «Медину».

Я схватила ее за руку и шикнула.

— А-а-а, так ты это знаешь, — протянула подруга. — И во что же ты опять вляпалась?

— Ни во что. Я просто оказываю ответную услугу Медине, — призналась я неохотно.

— И какую же? — нахмурившись, поинтересовалась соседка. — Уж не покрываешь ли ты ее свидания?

— А это так страшно? — спросила я, холодея от подступающей паники.

— Это не просто страшно, это смертельно! — воскликнула кикимора. — Если она забеременеет и не укажет на отца, то клан начнет расследование, и все, кто участвует в сокрытии личности будущей жертвы, будут наказаны.

— Так я все равно не знаю, с кем она встречается, — возразила я.

— А ты сможешь это доказать? — усмехнулась Кико. — Хотя тут ведьмочка не прогадала. Заставь она кого-то другого покрывать ее встречи, без жертв не обошлось бы. Тебя же точно не посмеют тронуть.

— И что мне теперь делать? — вопросила я растерянно.

— Обедать, — улыбнулась подруга. Проекция поддержала ее радостным смехом.

— Только не рассказывай мне больше ничего по этому поводу. У меня нет божественной крови, и меня не пощадят. А я не горю желанием всю жизнь чистить лапы гигантской паучихе и выносить останки ее жертв, — передернула плечами кикимора.

Я лишь кивнула, молясь всем известным богам, и Арахне в том числе, чтобы Кико была права и меня не коснулась кара за покрытие преступления Медины. Как же ей тяжело! Она не имеет права быть счастливой лишь потому, что родилась в клане, не признающем любви. Даже рабы в Родинарии могли создавать семьи, если их господа договаривались о продаже или аренде. Я ведь уже обрела свободу и имела полное право встречаться с кем пожелаю. Хотя Хронос вряд ли позволил бы мне подобное. Но что мешает мне проверить?

— Кико, я понимаю, что прошу о многом, но ты поможешь мне поддержать легенду Мединой до ее возвращения? Прогуляемся по саду? — спросила я, посмотрев на подругу с мольбой.

— Ладно, только если вдруг что — я ничего не знала, — подумав, согласилась кикимора. — И мы сначала поедим.

* * *

В саду, как и всегда после занятий, было многолюдно. Кто-то просто прогуливался, кто-то занимался в тени деревьев, обложившись книгами и тетрадями. Моей же целью были тренировочные корты, где сейчас наверняка находился Рэндом Громиро. Он был идеальной кандидатурой для проверки моей свободы в отношении романтического общения с наро. С ним нарай уж точно ничего не сделает: все же сын доверенного лица и военного министра. Хотя я почти была уверена, что Хроносу глубоко безразлична моя личная жизнь, рисковать безопасностью постороннего наро не хотелось.

— И что ты там хочешь увидеть? — ворчливо поинтересовалась Кико. — Там же все дружки Альфреда, а они меня теперь ненавидят.

— Хочу повидаться с Рэндомом, — честно призналась я.

— Зачем? Ты же ему приказала не приближаться. Хочешь посмотреть, как он будет от тебя шарахаться, как от безумной банши на охоте? — посмеиваясь, поинтересовалась подруга.

— Нет, хочу отменить приказ, — ответила я, задумавшись.

— Что?! — воскликнула кикимора и встала как вкопанная. — Ты что, решила взять с меня пример и загубить жизнь оборотня?

— Я только хочу проверить кое-что, — оправдываясь, произнесла я.

— Ну-ну, проверяй. Бедный Громиро, — проворчала Кико. — Только я в этом участвовать не хочу. Уж лучше мы с ведьминой тенью прогуляемся по аллее.

И кикимора ушла, уведя с собой проекцию Медины. Уж не знаю, что взбрело ей в голову, но явно что-то невероятное, если она решила, что угроза быть обвиненной в нарушении законов черных ведьм предпочтительнее общения с Рэндомом Громиро.

Рэн действительно был в одной из ближайших секций полигона. Он в компании других пятикурсников отрабатывал краткие прыжки во времени с перемещением в пространстве. Я подошла ко входу в секцию, но пересечь невидимую линию порога не смогла. Так и стояла до тех пор, пока меня не заметил один из его друзей.

— Это не к тебе, Гром? — спросил он, кивнув на меня.

— Нет. Я держу дистанцию по отношению к некоторым высокородным, — недовольно ответил Рэндом, отойдя в дальний угол секции.

— Вы что-то хотели, нари Нарисо? — поинтересовался другой оборотень, подойдя ко мне.

Ему я не приказывала держаться от меня подальше, и он вел себя даже излишне учтиво.

— Передайте наро Громиро, что мне нужно с ним поговорить, — ответила я, не отрывая взгляда от Рэндома, старающегося смотреть куда угодно, но только не на меня.

Оборотень кивнул и догнал Рэна, что-то тихо ему сказал и тут же отошел.

Рэндом наконец-то соизволил посмотреть на меня, но сразу отвел взгляд и громко произнес:

— Мне сейчас не до экспериментов над своей сущностью. Не стремлюсь впасть в немилость богов.

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня! — почти прокричала я, сложив руки на груди и не желая отступать.

— Я слушаю, — так же громко ответил оборотень, не сдвинувшись с места.

— Ну хорошо, я хочу, чтобы ты подошел ко мне и поговорил со мной, — крикнула я в ответ.

Рэндом скривился, недовольно фыркнул, но направился ко мне. Я отошла подальше от тренировочных площадок, и оборотень последовал за мной.

— Прости, что я была излишне резка с тобой, — сказала я с улыбкой, когда он нагнал меня у скамьи под раскидистым деревом.

— Какую игру ты затеяла, Юнила? — сверля меня взглядом, поинтересовался Громиро. — Я знаю про твои отношения с нараем, так зачем же ты отменила распоряжение не приближаться к тебе? Тебе прекрасно известно, что, хоть нарай Хроно и освободил меня от слепого поклонения, я не могу ослушаться

твоего прямого приказа.

— Я не хочу приказывать, мне просто нужно поговорить с тобой, — ответила я, чувствуя себя последней дрянью, но не желая отступать от намеченного плана. — Ты с самого начала поддерживал меня, и мне дорого общение с тобой.

— Ты же не дурочка и понимаешь, что мне недостаточно простого общения, — раздраженно проговорил Рэн. — Иначе я бы, как и другие оборотни, просто преклонялся. Ты мне нравишься, Юна. И сейчас я вижу, что ты хочешь воспользоваться моей слабостью перед твоей кровью. Меня не просто так считают лучшим выпускником этого года, я за версту чую обман и подлог.

— Прости, — пролепетала я, склонив голову и не зная, куда себя деть от стыда.

— Ладно, давай сделаем вид, что этого разговора не было, и ты мне расскажешь — в чем твоя проблема, — неожиданно смягчившись, предложил наро.

— Правда? — подняв на него недоверчивый взгляд, спросила я.

— Ну а для чего еще нужны друзья? — усмехнулся оборотень. — И заметь, ты не приказывала мне быть твоим другом.

— Спасибо, — выдохнула я искренне.

— Да, ты совсем не готова к той власти, что свалилась на тебя. И без поддержки можешь стать марионеткой в чужих руках. Рассказывай, — не предложил, а скорее приказал Рэн.

Я стушевалась и отвернулась, чтобы не показать смятения. Как же легко он понял мои намерения. Но я не должна выглядеть слабой, иначе вновь стану управляемой куклой.

— Ты ошибаешься, — произнесла я уверенно, повернувшись к нему и высокомерно, насколько могла, улыбнувшись.

— Неплохая попытка, — усмехнулся Громиро. — Не нужно притворяться передо мной, Юна. Я и так тебя уважаю. Кстати, как раз за искренность, а не за позерство.

— Никчемная из меня получилась полубогиня, — понурившись, прошептала я. — А после того, как ты узнаешь мою родословную, вообще возненавидишь.

— Ты дочь Хаоса, — не вопросительно, а скорее констатируя факт, произнес Рэндом.

— Ты знал? — воскликнула я удивленно. Но не увидела во взгляде наро ни презрения, ни неприязни — и смолкла.

— Если бы я судил всех по их родителям, то брезговал бы смотреться в зеркало, — грустно усмехнулся он. — Да, мой отец достиг определенных высот благодаря праву первородства. Но моя мать была изгнанной из семьи полукровкой, и меня могли бы

утопить, как щенка сразу после рождения. Однако именно нарай предрек мне значимую роль в будущем Асгарана. Сейчас же, в свете последних событий, я усомнился в своей значимости. Возможно, нарай увидел мою пользу лишь в становлении твоей личности. Или ты и будешь той значимой составляющей для блага нашего мира, для которой я принесу пользу?..

— Не нужно так пытаться меня приободрить, — попросила я, окончательно скиснув.

Даже тот, кто по кровной привязанности должен был восхищаться мной и боготворить, испытывал лишь жалость. Отчего стало еще противнее. Я была противна самой себе! Жалкая, никчемная, глупая, невежественная девчонка, которой нет места среди нормальных студентов. Я представляла собой средоточие всех неудач и разочарований, которые только могла представить.

Резкая и болезненная пощечина оказалась настолько неожиданной, что я упала на траву и по инерции отползла на несколько шагов.

— Извини, но по-другому ты просто не понимаешь. Разозлись уже, в конце-то концов! — прикрикнул Громиро.

— Ты… Ты посмел ударить меня… — прошептала я, чувствуя, что земля подо мной начинает вибрировать. Приятно резонируя с волнами все возрастающей во мне злости.

— Только не на меня же! — выкрикнул оборотень и попытался убежать.

А я сидела на земле и понимала, что почва подо мной готова выполнить любую мою прихоть. Поглотить посмевшего обидеть меня оборотня — а почему бы и нет? Громиро вскрикнул и провалился под землю, но не полностью. Он нелепо махал руками и пытался выкарабкаться, а я с наслаждением наблюдала за его тщетными попытками спастись. Один взмах рукой, даже не взмах, а только мысленное пожелание — и он будет погребен навечно. Академия? Есть ли что-то в этом здании и существах, населяющих его, достойное моей жалости? Пожалуй, нет… Здание академии с грохотом начало погружаться под землю.

Чувство полной и безграничной власти над всем окружающим затопляло сознание.

— Юна! Юнила, прекрати! — как из-за стены донесся смутно знакомый вкрадчивый голос. — Ты не сделаешь этого.

— Почему? — спросила я сама себя, и услышала свой голос со стороны. Он был подобен цокоту тысяч неподкованных лошадей по каменной мостовой.

— Потому, что существо без света в душе не согласилось бы помочь мне, — ответил все тот же голос, и я почувствовала, как

мои похолодевшие руки обволакивает приятное, шелковистое тепло.

Шум в ушах медленно угасал, дымка перед глазами рассеялась, и я увидела стоящую надо мной Медину. Ведьма непрерывно шептала напоминающие детскую колыбельную слова и оплетала меня самой настоящей паутиной, тянущейся из кончиков ее пальцев.

— Прекрати! — выкрикнула я, в панике отмахиваясь от липких волокон.

— А ты прекратишь? — в свою очередь поинтересовалась она.

Я осмотрелась и поняла, что теперь уже точно никогда не смогу обучаться в академии Хроноса как обычная студентка. На меня смотрели десятки пар испуганных глаз как студентов, так и преподавателей. В нескольких метрах от меня барахтался погребенный по грудь в земле Рэндом, и никто, даже его близкие друзья не решались ему помочь. Только отверженная всеми ведьма из клана черных пауков осмелилась подойти ко мне и пыталась остановить.

— Ты что вытворяешь? — спросила шепотом Медина, присев рядом со мной на корточки. — Такое свидание мне сорвала.

— Я не хотела… — пролепетала я растерянно. Вокруг царил самый настоящий хаос. Академия ушла под землю не более чем на полметра, но по зданию пошли трещины, и из него доносился дикий вой взбешенного хранителя. А Медине было абсолютно безразлично, что я натворила. Ее заботило лишь то, что я якобы сорвала ее свидание.

— Возможно, я и потеряла контроль, чуть не разрушила академию и даже едва не убила Громиро, но твое свидание я точно не срывала, — прошептала я обиженно.

Я и так натворила столько всего буквально за считаные мгновения — отвечать еще и за то, чего не совершала, мне точно не хотелось.

— Ты тут такую встряску магического фона устроила, что моя проекция просто лопнула как мыльный пузырь. Я подумала, что нас раскрыли, и поспешила вернуться. И вовремя, как оказалось, — пояснила ведьма. — Вставай, земля сырая, — добавила она, выпрямившись и подавая мне руку.

К тому моменту, когда я встала, отряхнула юбку от травы и листьев и немного пришла в себя, в саду уже никого не было. Ушли все, даже инструкторы и охрана. Со мной остались только Медина, все еще сидящий в земляной ловушке Рэндом и воровато выглядывающая из-за дерева Кико.

— Успокоилась? — поинтересовалась кикимора, не решаясь подойти.

— Кажется, да, — неуверенно ответила я.

— Прошу прощения, что отвлекаю, но не могли бы вы мне помочь? — подал голос оборотень. Он поставил локти на землю, подпер руками подбородок и терпеливо ждал, когда же на него обратят внимание. — Меня там кто-то щекочет, между прочим. И я даже не хочу знать, кто это. А еще там сыро, и у меня уже ноги замерзли, — посетовал он.

— Не знала, что ты нытик, Громиро, — усмехнулась Медина.

— Вот такой я неожиданный и многогранный, — проворчал Рэн.

Я подошла к оборотню, присела возле него и тихо поинтересовалась:

— И чего ты добивался?

— Не этого, конечно. Но ты тоже умеешь удивлять, — беззаботно подмигнул мне наро.

— Еще раз посмеешь меня ударить — похороню заживо, — пообещала я.

— Постараюсь не доставить тебе такого удовольствия, мне два раза объяснять не нужно, — заверил Рэндом. — Достаньте меня уже наконец. Если простужусь, будешь мне супчики таскать.

— Позову садовницу, она тебя живо выдернет. Таких сорняков в своем саду она точно не потерпит, — проговорила Кико, посмеиваясь над Громиро.

— Да иди уже, пока я тут корни не пустил, — проворчал Рэн.

— Извини, но ты сам меня спровоцировал, — произнесла я, виновато понурив голову.

— Да понимаю, перегнул палку, — согласился оборотень. — Но ты тоже хороша — устроила тут целый спектакль. Решила использовать меня, чтобы вызвать ревность нарая?

— Нет! — воскликнула я, но щеки опалило предательским румянцем. — Ты все не так понял! Я просто хотела убедиться, что все утверждающие, что он ко мне неравнодушен, не правы.

— А если они правы? Ты не подумала о том, что сделает со мной Хронос, если хоть на мгновение поверит в то, что между нами что-то есть? — пылая праведным гневом, вопросил Громиро.

— Подумаешь, прибьет, как щенка. Невелика потеря, — небрежно пожала плечами Медина.

— Спасибо, я тебя тоже очень ценю, — язвительно ответил Рэн.

— Скучно с вами, — вздохнула ведьма. — А ты должна мне свидание, — добавила она, погрозив мне пальцем, и неспешно удалилась.

— Все еще жалеешь себя? — поинтересовался Рэндом, когда

ведьма отошла подальше.

— Теперь еще и стыдно, — прошептала я, разминая рукой взрыхленную вокруг Громиро землю.

— Что стыдно — это хорошо. Значит, не все потеряно, — усмехнулся оборотень. — Но контролю учиться необходимо, и побыстрее. Иначе старина Далиус скончается во второй раз, от волнения за вверенное ему хозяйство, а студенты разбегутся по другим заведениям. Нараю это точно не понравится.

— Он обещал помочь мне совладать с кровью Хаоса, но я уже почти не верю, что это возможно. А в Пределах отца ужасно! Там я точно не выживу, — призналась я, холодея от мысли, чтобы еще хотя бы раз оказаться во владениях отца.

— Ты бывала в Пределах Хаоса? — округлил глаза от удивления Рэн.

— Приходилось однажды, — ответила я, передернув плечами от жутких воспоминаний.

— Рассказывай, — потребовал оборотень.

— Это что такое?! — воскликнула приведенная кикиморой садовница.

Нара гневно взмахнула рукой — и Рэндома буквально выдернуло из земли и отбросило на несколько метров. Садовница даже не взглянула на стонущего оборотня, принявшись тут же ровнять землю и с помощью магии восстанавливать травяной покров.

— Устроили тут, маги-недоучки! Совсем не цените природу, вот она вас и не щадит, — возмущалась женщина, любовно поглаживая молодую травку, прямо на глазах подрастающую до уровня остального газона.

Мы с Кико помогли Громиро подняться и поспешили уйти, пока садовница и нас не наказала за неуважение к растительному миру. Рэн сильно хромал, но не жаловался. Он же оборотень: через полчаса и не вспомнит о травмах.

— Так что там, в Пределах? — напомнил он про свой интерес к моим злоключениям.

— Ничего хорошего. Не хочу об этом вспоминать, — ответила я тихо.

— Потом все равно расскажешь, — заявил Рэндом и ушел отмываться.

Далиус уже почти восстановил замок, но небольшие трещины на стенах и запах пыли еще свидетельствовали о недавних разрушениях.

Холл и коридоры были пусты, и лишь ректор Ишаро встречала меня у лестницы на втором этаже.

— Сумарино, в свою комнату. Нарисо, за мной, — коротко

распорядилась она.

— Удачи, — шепнула Кико и побежала вверх по лестнице.

Мне же пришлось идти за нарой Ишаро, предчувствуя, что сейчас будет весьма неприятный разговор, итогом которого, вполне возможно, будет мое отчисление. Недолго же я проучилась в лучшей академии Амнистании, а возможно, и всего Асгарана.

Ишаро привела меня в ректорат, сама открыла для меня дверь кабинета и сделала приглашающий жест. Я послушно прошла и вздрогнула от резкого хлопка. Нара ректор довольно ясно дала понять, в каком она настроении, вот только осталась по ту сторону двери. А в кабинете меня ждал сам нарай.

— Проходи, присаживайся, — проговорил он холодно.

Сейчас Хронос смотрел на меня точно так же, как в те дни, когда верил в мою причастность к проделкам Хаоса.

— Я не… — начала я несмело, но нарай перебил грубым:

— Сядь.

Когда же я заняла место на стуле для посетителей, Амниос Хроно устроился за столом, заняв кресло ректора, и вперил в меня пристальный, недобрый взгляд. Мне было не только неуютно от этого взгляда, но и очень страшно. Страх же лишал меня способности здраво мыслить. И лишним доказательством этому было то, что я опять попыталась оправдаться — или хотя бы объяснить, что произошло.

— Понимаете, я не хотела. Это получилось спонтанно, я немного разозлилась, и все вышло из-под контроля, — лепетала я, затравленно втянув голову в плечи.

— Может, хватит изображать жертву? — зло поинтересовался Хронос.

— Что? — спросила я растерянно, подняв на гневающегося нарая удивленный взгляд.

Он встал, обошел стол и, нависая надо мной, проговорил:

— Ты способна на гораздо большее, чем я предполагал. Тебе даже удалось убедить меня в том, что ты жертва обстоятельств. Но вечно дурачить меня неподвластно даже тебе. Я допускаю, что тебя ничего, кроме крови, не связывает с Хаосом, но и невинной тебя не назовешь. Быть может, внезапно свалившаяся власть так повлияла на тебя или все дело в тлетворном влиянии мира, в котором ты родилась, но ничто не оправдывает подобного поведения!

— Я же объяснила, что это вышло случайно! — воскликнула я, борясь с подступающими к глазам слезами.

— Случайно? Ты меня совсем идиотом считаешь? — повысил голос нарай, наклонившись и опершись рукой о спинку моего

стула. — Как можно случайно воспользоваться моим именем с целью воспротивиться воле отца кикиморы? А потом еще и устроить показательный бунт с разрушением МОЕЙ академии?!

— Да нет же! Это не было бунтом. И за Кико я поручилась сама. Только обмолвилась, что попрошу вашей помощи, — отчаянно пыталась я объяснить очевидное.

Хронос продолжал буравить меня взглядом, а я чувствовала, что опять начинаю терять контроль. И, чтобы избежать очередного бедствия, решилась на настоящий бунт.

— Не смейте обвинять меня в том, что я являюсь носительницей буйной божественной крови! — выкрикнула я, оттолкнув нарая и резко вскочив. Стул отлетел в сторону, но я постаралась не обращать внимания как на грохот, так и на все возрастающее возмущение Амниоса Хроно. — Вы пообещали, что поможете мне справиться с всплесками силы, но так ничего и не сделали. Так чья же вина в том, что я сегодня едва не разрушила вашу академию? Я не настаивала, чтобы меня зачисляли сюда, не просила освобождения от участи невольницы. Это все мне навязали, так же как и долю рабыни, и родство с Хаосом. И теперь вы пытаетесь заставить меня взять на себя ответственность за то, что кто-то принял все эти решения за меня!

Я подошла вплотную к нараю и ткнула пальцем в его окаменевшую от гневного напряжения грудь:

— Это вы вольны вершить чужие судьбы. Вы и отвечайте за принятые вами решения. Хотите отправить меня в Пределы Хаоса — отправляйте. Я все равно сбегу.

Я ожидала всплеска ярости или хлесткой отповеди, даже пощечина не была бы сюрпризом, но то, что сделал Хронос, ввергло меня в глубокий шок.

Он схватил меня за руку, которой я посмела покуситься на его божественную грудь, завернул ее мне за спину и, притянув меня к себе, поцеловал. Я буквально окаменела, плотно сжав губы и не испытывая ничего, кроме удивления. Когда же Амниосу надоело целовать изображавшую статую девицу, он отстранился и посмотрел на меня с еще большим гневом, чем до этого.

— Отпустило, — неожиданно как для него, так и для себя призналась я. — Вот еще пару минут назад я боялась, что опять сорвусь, а теперь отпустило.

Хронос отошел и, состроив непонятную гримасу, поинтересовался:

— От поцелуя отпустило?

— Нет, — не подумав, ответила я. — Оттого, что я на вас накричала.

Нарай задумчиво хмыкнул, вернулся за стол и неожиданно

признался:

— Давно меня никто не ставил в тупик.

— А вы загляните в прошлое и проверьте. Я вас не обманываю, — заверила я его, желая во что бы то ни стало доказать этому недоверчивому, вспыльчивому правителю, что я ни в чем не виновата. Хотя вину я конечно же чувствовала. Ведь именно я стала причиной случившихся неприятностей. И пусть в результате не пострадал никто и ничто, кроме самолюбия Громиро, — но ведь могло получиться и иначе. Если бы из-за всплеска моего неконтролируемого гнева кто-то погиб, я бы никогда себе этого не простила. Теперь я знаю, на что способна, и перекладывать ответственность на других, даже учитывая то, что я не в силах управлять своими силами, было бы в высшей степени несправедливо.

Хронос молчал довольно долго, потом будто вспомнил, что он не один, и заговорил.

— Я уже говорил тебе, что не хочу подглядывать. В свете того, что ожидает нас в будущем, это было бы нечестно по отношению к тебе. И мне совсем не хочется, чтобы в грядущем ты обвиняла меня в соглядатайстве, — произнес он, упорно отворачиваясь от меня.

Еще несколько минут назад я старалась не встретиться взглядом с ним, сейчас же пришла очередь нарая избегать моего испытующего взгляда.

— И что же нас ожидает? И если вы знаете, что нас ожидает, значит, всё же подсматривали, — продолжила я проявлять необдуманную смелость.

— Я не желал узнать то, что узнал. И меня это повергло в некоторое смятение, что весьма сложно, как ты понимаешь, — признался Амниос. — Не так просто удивить того, кто знает все на века вперед и способен изменять течение событий. С тобой так не получится, ты одна из нас, и я не властен над твоей судьбой. Но как же меня злит то, что ты властна над моей! Никогда не забуду этого драгоценной племяннице Мойре.

— Вы уже не в первый раз упоминаете некую Мойру, кто это? — спросила я, поняв из речи нарая лишь то, что он не в восторге от того, что должно произойти. Что же конкретно ему так не нравится, для меня оставалось тайной, покрытой временем.

— Со временем все узнаешь, — туманно ответил Амниос. — Собирайся, оставлять тебя в академии опасно… для окружающих. Поживешь во дворце пока.

— А как же занятия? — спросила я в полной растерянности.

— Будешь приезжать, все равно я уже одобрил твой новый

график, — отмахнулся нарай. — Поторопись, не хочу привлекать лишнего внимания.

— Но я не хочу жить во дворце, — пролепетала я беспомощно. Но вспомнила, что решила больше не быть слабой и добавила уверенным голосом: — Я никуда не поеду. Здесь мои друзья, и я не хочу с ними расставаться.

Хронос посмотрел на меня сощурившись, усмехнулся и заявил:

— Друзья, говоришь? Ну что ж, назови мне их имена.

— Зачем? — настороженно спросила я.

— Просто назови мне имена тех, с кем ты не хочешь расставаться, — настаивал нарай.

— И что вы с ними сделаете? — не желала я подвергать опасности тех, кто действительно хорошо ко мне относился, несмотря ни на что.

Амниос лукаво улыбнулся, пристально посмотрел на меня и пригрозил:

— Если не назовешь имена сама, то мне придется отступить от установленного мной же правила. И кто знает, что я увижу, заглянув в твои студенческие будни.

И я сдалась, за последние дни я совершила столько запретного, что впору было самой собраться и отправиться в изгнание.

— Кико, дракон Салимо и Рэндом Громиро, — выпалила я на одном дыхании, молясь о том, чтобы их не наказали, а вознаградили за доброту ко мне.

— И все? — недоверчиво спросил Хронос.

— Еще мне сегодня очень помогла ведьма из клана черных пауков Медина, — призналась я, чувствуя себя предательницей, сдающей друзей на суд высшей власти.

— Скудно, — усмехнулся нарай. — Неужели за все время пребывания в стенах этого заведения ты не нашла для общения никого лучше наглой, безответственной кикиморы, неуравновешенного подростка-дракона, оборотня, подвластного зову твоей крови, и смертоносной, отверженной обществом ведьмы?

— Я и сама не образец для подражания, — ответила я обиженно. — И окружающих оцениваю не по общепринятым стандартам, а руководствуясь их моральными качествами.

— Вернее тем, что они обратили на тебя внимание и пожалели, — проговорил Амниос Хроно. — Теперь я еще больше убедился в твоей излишней подверженности влиянию окружающих. Ну что ж, посмотрим, насколько хорошо ты разбираешься в личностных качествах сверстников. А заодно и

проверим, искренняя их дружба или нет. Иди собирать вещи и кикиморе передай, чтобы собиралась. Остальных оповестят о том же. Не хочешь расставаться с друзьями — значит, переедете во дворец все вместе.

— Но как же? Они же не согласятся. Зачем вы так? — лепетала я, стараясь не расплакаться.

Господин Прожирани отучил меня от слез, но сейчас, вдали от его гнева, почувствовав пусть и неполную, но все же свободу, совладать с эмоциями было гораздо сложнее.

— Иди, — безапелляционно произнес Хронос и взмахом руки распахнул дверь.

Послышались грохот и стоны, а когда я вышла из кабинета, увидела сидевших на диване и усердно изображавших увлеченную беседу ректора Ишаро и ее секретаря нару Лоприо. У Ишаро багровел след от удара на лбу, а Лоприо держалась рукой за щеку. И обе они посмотрели на меня с таким благоговением, словно ожидали, что я сейчас каждой подарю как минимум бессмертие.

Я скованно улыбнулась нарам и поспешила покинуть ректорат. Кико ждала меня в комнате.

— Ну что? Отругала или наказание назначила? — вопросила она, как только я вошла.

— Нет, хуже, — ответила я понуро.

— Неужели посмела отчислить? — встревожилась подруга.

— Если бы. Я вообще не с ректором разговаривала, а с нараем, — призналась я, буквально падая на кровать.

— И что? — нетерпеливо спросила кикимора.

— И мы опять переезжаем во дворец, — ответила я виновато.

— Опять под замок? — возмущенно воскликнула Кико, расхаживая по комнате. — Ну уж нет! Меня даже мама в детстве за провинности не запирала.

— Нет, мы не будем пленницами, мы будем там жить. И не только мы с тобой, еще Громиро, Салимо и Медина. Он всех, с кем я общаюсь, переселить решил, — простонала я, зарывшись лицом в подушку.

— Мне показалось или ты сейчас пробубнила, что мы будем свободно жить во дворце нарая? — спросила кикимора. — Это же шикарная новость! Вот что я называю полезными знакомствами! Чего разлеглась? Собирайся.

Соседка заставила меня встать с кровати и подтолкнула к шкафу.

— Ты не злишься? — недоверчиво спросила я.

— Да за что? Ты знаешь, что бы отдали большинство местных студентов за проживание под одной крышей с самим нараем

Хроно? — воскликнула она, быстро сгребая свои вещи в огромную тряпичную сумку. — Там же все! И власть, и развлечения, и самые завидные женихи. Да и кормят там несравнимо лучше, чем в нашей столовой. Даже не надейся, что я буду против. Уже представляю себе завистливые взгляды белобрысых остроухих, когда мы будем приезжать на занятия в правительственных экипажах, — мечтательно закончила она пламенную речь и запустила в меня пустой сумкой.

Я вяло начала складывать одежду, поглядывая на кикимору. Слова нарая заронили в душу сомнения в искренности дружеского отношения Кико ко мне. Оттого, что я усомнилась в той, которая поддерживала меня с первого дня появления в академии, было мерзко и стыдно, но тревожные мысли не желали отступать.

— Ты что смотришь на меня так, будто я сейчас воткну нож тебе в спину? — спросила подруга, прекратив сгребать все подряд в сумку. — Думаешь, я предам тебя и буду у Хроноса на побегушках?

— Нет, что ты! — воскликнула я и отвернулась, не в силах совладать с эмоциями.

— Все ясно! Он промыл тебе мозги, убедил в том, что я с тобой дружу только из выгоды, чтобы ты перестала доверять друзьям и у тебя никого не осталось, кроме него. Так пусть оближется и сидит голодным! Я тебя не брошу, и ему можешь так передать, — кивнула в подтверждение своих мыслей и продолжила собираться кикимора.

А я невольно улыбнулась и теперь складывала свои вещи без сомнений. С Кико я нигде не пропаду. Ведь она не знает о том, что Хронос отказался от возможности следить за моей жизнью, и думает, что он может услышать эти ее слова. Но даже риск прогневать нарая не остановил ее в стремлении поддержать меня.

* * *

Во дворец нас доставили уже поздним вечером.

Об отправлении нас уведомила куратор Одонт.

— Вас ожидает карета, — недовольно произнесла нара Ант, без стука войдя в нашу комнату. — Я весьма недовольна тем, что студенткам, к тому же настолько нуждающимся в контроле, придется жить вне стен академии, — вещала нара Одонт. — Даже не надейтесь, что вам будет дана полная свобода. Как куратор учебной части я прослежу за тем, чтобы каждое ваше опоздание было отмечено и отработано. Также как куратор женского общежития я планирую следить за соблюдением режима общежития даже в стенах правительственного замка.

От дальнейших нравоучений нас спас кучер.

— Поторопитесь, — прикрикнул он. — Мне приказано доставить нари ко второму ужину.

— Я буду следить за вами, — погрозила пальцем закрывающейся дверце кареты нара куратор.

Кико состроила умильную гримасу и помахала рукой наре Одонт.

— Замечательно, а теперь объясните мне, почему я должна переезжать во дворец, где защита намного сильнее и откуда я не смогу сбегать на свидания? — недовольно поинтересовалась Медина, которую отправили вместе с нами.

— Не переживай, у меня большой опыт в побегах, что-нибудь придумаем, — похлопала ее по плечу Кико.

Ведьма замерла и скривилась.

— Прости, — прошептала кикимора. — Я тебя не обидела?

— Да расслабься, — усмехнулась Медина. — Открою вам секрет: просто так Арахна не наказывает за обиду своих последовательниц. Нужно принести жертву и попросить. Все остальное просто слухи, которые мы сами распускаем, чтобы неповадно было. Но если кому-нибудь проболтаетесь — принесу жертву и напущу богиню на вас.

— Никогда и никому, — клятвенно заверила ее кикимора.

Я кивнула, присоединяясь к Кико.

— Ну а теперь рассказывайте, почему нас переселяют во дворец, — потребовала ведьмочка.

— Лучше я расскажу, — опередила меня подруга. — Нарай воспылал любовью к нашей Юниле и хочет поселить ее поближе к себе… ну и подальше от академии. Боится, видимо, что она разрушит его детище. Ну да это не главное, дело в том, что он

решил собрать всех ее друзей, чтобы доказать ей, что мы с ней общаемся только лишь для выгоды.

— Арахна его оплети, — азартно проговорила Медина.

— Вот и я хочу доказать нараю, что он не прав, — кивнула Кико.

— Да, покажем Хроносу, что он не властен над нами! — поддакнула ведьма.

Я пыталась вразумить посмевших выступить против самого бога времени подруг, но они меня даже слушать не захотели.

— Держись нас, и все будет хорошо, — только и проговорила Кико.

* * *

Нас разместили не в той комнате, которую мы с Кико занимали в прошлый раз. Теперь нам выделили большие апартаменты на втором этаже, состоящие из спальни на трех человек, гостиной и двух ванных комнат.

— Ваши друзья находятся неподалеку, у вас общая столовая, — оповестила нас молодая служанка, провожавшая до комнат. — Можете общаться сколько хотите, — проговорила она, задорно подмигнув, и быстро удалилась.

Кико тут же бросилась к двери, чтобы проверить — не заперта ли она.

— Это просто сказка! — воскликнула кикимора, убедившись, что нас не заперли. — Посмотрим, что там за столовая.

Подруга распахнула дверь и тут же поспешила закрыть ее.

— Я сейчас! — выкрикнула она, после чего схватила свою огромную сумку и поволокла ее в спальню.

— Что это с ней? — поинтересовалась Медина.

Я лишь пожала плечами и пошла проверять, что же заставило Кико ретироваться. В общей столовой, сверля друг друга взглядами, сидели Рэндом и Салимо. Теперь, после того как дракон преобразился почти до неузнаваемости, он намного превосходил по силе Громиро, даже в человеческой ипостаси. Салимо превратился в настоящего крепкого мужчину, Рэн же, хоть и был довольно крепким, сильным наро, тем не менее еще не вошел в полную силу. Да и даже если бы вошел, оборотень дракону не соперник.

— Ну, здравствуй, виновница переполоха, — вполне беззлобно произнес Рэндом, когда я вошла в столовую. — Может, объяснишь причину нашего переезда?

— Да, было бы любопытно послушать душещипательную

историю единения избранницы нарая и ее друзей. Вот только у друзей не озаботились поинтересоваться их мнением по поводу переезда, — тоже беззлобно, но с явным недовольством проговорил дракон.

— Приступим к ужину! — заставив всех присутствующих вздрогнуть от неожиданности, воскликнула Кико, вихрем ворвавшись в столовую.

Кикимора была облачена в облегающее платье цвета молодой травы, с поднимающимся от высокого, едва прикрывающего колени подола к груди черным узором, а сверху он словно опоясывал шею. Волосы она успела уложить в замысловатую прическу и выглядела в высшей степени непринужденно. Что сильно контрастировало со скромным видом Медины в черном одеянии, старающейся вообще не привлекать к себе внимания.

— Забавная у нас подобралась компания, — прокомментировал появление девушек Рэн.

— Я все еще жду объяснений, — напомнил Салимо.

— Мы в правительственном дворце, с хорошим содержанием и в хорошей компании. Разве это плохо? Или тебя не устраивает компания, Саламандрик? — с вызовом поинтересовалась кикимора.

— Забудь это прозвище, — холодно ответил дракон.

— А ты докажи, что его стоит забыть, — с вызовом парировала Кико.

— Вы все здесь из-за меня! — решившись, громко произнесла я. — Нарай решил минимизировать время моего пребывания в академии и переселил вас сюда, чтобы окружить меня друзьями. Теперь мы будем ездить на занятия, а все свободное от обучения время проводить во дворце. Простите.

Я покаянно склонила голову в ожидании града обвинений и недовольств.

— Занятно, — протянул Салимо. — Но компания мне нравится.

— Это будет непросто, — тихо проговорил Громиро. — Нарай жесток в свой непринужденной манере, впрочем, как и всегда.

— Если ты не хочешь здесь находиться, я попрошу, чтобы тебя вернули в общежитие академии, — виновато предложила я.

Дракон и кикимора уже перешли к личному общению и не замечали никого вокруг, Медина же вообще не нуждалась в компании и вполне гармонично проводила время, нападая столовым ножом на суфле.

— Не стоит лишний раз привлекать его внимание, — тихо произнес Рэн. — Он и так прекрасно знает о моей слабости. Это проверка не только для тебя, но и для меня.

— Прости, я не хотела, чтобы все так обернулось, — прошептала я, сев рядом с оборотнем.

— Я все понимаю, ты сейчас слишком неуверенна, чтобы на чем-то настаивать, — кивнул Рэндом. — И я постараюсь помочь тебе приобрести уверенность в общении с нараем. Ведь именно для этого он нас и свел. Иначе меня уже давно сослали бы за пределы Амнистании. Или ты не рассказала ему о пощечине?

— Тихо, — одернула я оборотня. — Ему об этом знать не обязательно. Тем более что эта пощечина помогла мне многое понять.

— А мне — близко познакомиться с обитающими в глубинах академического сада насекомыми, — усмехнулся Громиро.

— Мы оба вынесли урок из случившегося, — улыбнулась я.

Ужин прошел в дружеской атмосфере единения на почве совместного переселения во дворец. И лишь Медина грустила, переживая по поводу встреч с таинственным возлюбленным. Перед сном, устраиваясь в новой спальне, Кико еще раз уверила ее в том, что сбежать при желании можно откуда угодно, и пообещала, что мы с ней будем помогать ведьме в этом. Моего мнения кикимора, разумеется, не спрашивала. Но я и не посмела бы отказаться. Ведь это из-за меня Медина оказалась во дворце.

Вопреки ожиданиям уснула я быстро. Но проснулась глубокой ночью — оттого, что кто-то присел на край моей кровати.

— Только не кричи, — прошептал ночной гость. — Нужно поговорить, жду тебя в гостиной.

Я послушно встала и последовала за нарушителем моего ночного покоя.

Удивление настигло меня, только когда я разглядела гостя. Его голос показался мне знакомым сразу же после пробуждения, но я списала это на сонливость и подумала, что это Рэн хочет о чем-то посекретничать. Но визитером оказался не оборотень, а пропавший несколько дней назад академический инструктор Ранорио Контино.

— Хорошо же ты устроилась, — язвительно произнес инструктор, окидывая меня придирчивым взглядом.

Я потуже затянула пояс на халате и, борясь с робостью, спросила как можно более уверенно:

— Что вы здесь делаете и как вообще попали во дворец?

— Я инстант, забыла? — усмехнулся Ранорио. — Мне никакие стены не помеха.

— И зачем же вы пришли? — поинтересовалась я, ежась под пронизывающим взглядом мужчины.

— У нас с тобой была договоренность, но теперь, как я вижу,

в ней нет нужды. И я хочу предложить тебе другую сделку, — проговорил Ранорио со снисходительной улыбкой.

— Я не нуждаюсь ни в каких сделках, — поспешила я отказаться, чувствуя угрозу, исходящую от инструктора.

— Неужели ты не хочешь увидеться с матерью? — спросил нар, удобно устроившись в кресле. — Я могу обеспечить вам ежедневные встречи, и даже нарай не узнает о них. Ведь он не следит за тобой, а жизнь твоей матушки ему вообще неинтересна.

— И чего вы хотите взамен? — спросила я, понимая, что это предложение было сделано мне не по доброте душевной, а с целью получить какую-то выгоду.

— Сущую малость, — заверил меня инстант. — Мне нужно, чтобы ты незаметно сняла с шеи нарая один кулон, безделицу, совершенно не имеющую никакой ценности, и отдала его мне.

— Если это безделица, то зачем же он вам так нужен? — поинтересовалась я, напряженно следя за каждым движением Ранорио. Я почти физически чувствовала исходящую от него угрозу.

— Не задавай лишних вопросов, девочка. Решать тебе. Нарай точно не позволит тебе увидеться с матерью, он считает ее потенциальной угрозой и пособницей Хаоса. Я же даю тебе такую возможность. Подумай над моим предложением, приду за ответом завтра, в это же время. И не советую тебе распространяться о нашем разговоре. — Контино, кивнув в знак прощания, через мгновение оказался у окна и растворился сизой дымкой — смазанной тенью, даже не потрудившись его открыть: просто прошел через стекло.

Увидеться с мамой? Какое же это было заманчивое предложение! И я бы, возможно, даже подумала над ним, если бы не одна деталь, препятствующая всем вариантам, кроме отказа: у меня совершенно точно не было доступа к телу нарая. Для того чтобы незаметно снять украшение с шеи Амниоса, мне как минимум пришлось бы обнять его, а возможно, и еще чем-то отвлечь, чтобы он не заметил, как его обворовывают. А на такое я точно не осмелюсь. Даже ради шанса увидеться с мамой я не смогу сыграть настолько убедительно, чтобы Хронос не почувствовал подвоха. Сама мысль о том, что я сижу и рассматриваю такую возможность, как попытка обокрасть самого нарая Хроно, заставила меня поежиться и поспешить вернуться в кровать, под покров и призрачную защиту одеяла. Но мысли продолжали вяло ворочаться в голове и мешали провалиться в сон. Интересно, что он со мной сделает, если поймает на попытке кражи? Если я ему действительно дорога, как утверждают мои друзья, то не убьет же? А с другой стороны, если ему

небезразличны мои переживания, то он может пойти на уступку и, если я хорошо попрошу, позволит видеться с мамой.

Цепляясь за обрывки подобных дум, я и уснула. А утром, вспомнив красочный и реалистичный сон, даже не удивилась ему. В нем я уговаривала нарая разрешить мне встречи с матерью. Мы почему-то опять были на морском берегу, только в водной глади теперь отражалась полная луна, а не солнечный диск. И от всего окружающего мира нас отделял едва заметный, слегка мерцающий в лунном свете, похожий на паутину купол.

— Ты хотела меня видеть? — поинтересовался Хронос, откинувшись на песок и опершись на локти.

— Да, я хотела попросить… нет, потребовать, чтобы вы разрешили мне видеться с мамой, — произнесла я, осмелев от осознания, что это всего лишь сон.

— Мне нравится твоя смелость, но требовать — это уже слишком. Возможно, я и ответил бы согласием на искреннюю просьбу, но не на требование, — усмехнулся Амниос.

— Пожалуйста, позвольте, умоляю, — воскликнула я, падая на колени перед мужчиной. — Ведь для вас это такая мелочь, а я буду счастлива хотя бы одним глазком взглянуть на маму.

— Опять не то, — отрицательно покачал головой нарай. — Мне не нужно раболепство. Я хочу увидеть тебя настоящую. Докажи мне, что ты готова противостоять силе Хаоса, — и все запреты будут сняты.

Я обессиленно села на песок, украдкой поглядывая в вырез расстегнутой на груди Хроноса рубашки. В лунном свете блеснула тонкая цепочка. Значит, кулон сейчас на нем.

— Чего вы хотите от меня? — спросила я с вызовом.

— Поцелуй меня, — неожиданно ответил Амниос.

Поцеловать? Это же только сон, и если я выполню его просьбу, то от этого совершенно ничего не изменится, и соглашаться не имеет смысла. А с другой стороны, это не наяву и никто не узнает, если я соглашусь… Здесь, в глубинах своего подсознания, я могу позволить себе то, на что никогда бы не осмелилась в реальной жизни. Сомнения сменились интересом, ведь Хронос привлекательный мужчина, а я уже не ребенок и никогда еще никого не целовала.

— Хорошо, — согласилась я, борясь с лишним и совершенно бессмысленным в грезах смущением. — Но только один поцелуй.

— Как пожелаешь, — благосклонно кивнул нарай, но даже не пошевелился.

Я же наклонилась к нему, зажмурилась и лишь на миг приложилась плотно сомкнутыми губами к его губам.

— Это не поцелуй, — посмеиваясь, заметил мужчина еще до

того, как я открыла глаза. — А вот это поцелуй.

И я резко распахнула глаза оттого, что Хронос обхватил меня рукой за талию и притянул к себе, завладев моими губами в откровенном и обезоруживающем поцелуе. Как и в прошлый раз, я замерла, перестав дышать, шевелиться и даже, кажется, думать. Да, я знала, что целует меня нарай, но перед глазами встало покрытое коростами, одутловатое, перекошенное лицо господина Прожирани.

— Нет! Не хочу! — выкрикнула я, оттолкнув Хроноса, вскочив на ноги и остервенело вытирая губы.

Натолкнулась на полный гнева взгляд Амниоса — и виновато прошептала:

— Простите, мне показалось, что вы другой человек.

— И многие тебя целовали? — холодно поинтересовался нарай.

— Никто, но господин так часто обещал мне это, что забыть никак не получается, — призналась я, стыдливо отводя взгляд в сторону.

— Ну что ж, теперь я хотя бы знаю, с кем мне предстоит соперничать, — подобрев, произнес Хронос. — В следующий раз постарайся не забывать, кто тебя целует.

Я хотела спросить, что он решил насчет мамы, но сон закончился так же неожиданно, как и начался.

А сейчас я сидела на кровати; за окном занимался рассвет, но я совершенно не выспалась. Потом стало не до раздумий, пришла высокая и стройная пожилая нара, разбудила подруг и объявила нам, что она наша наставница на время пребывания во дворце и намерена следить за неукоснительным соблюдением академического режима. Завтрак прошел в сонном молчании, ведь подъем у нас теперь — с поправкой на дорогу до академии, то есть на час раньше. Кико, затратившая немало сил на утренний туалет, обиженно сопела, поглядывая на сонного Салимо, не оценившего ее старания. Громиро, быстро позавтракав, убежал на встречу с отцом, а Медина недовольно косилась на меня. И я ее прекрасно понимала: ведь из-за меня ведьма не выспалась и была еще бледнее, чем обычно.

На занятия мы отправились в большом открытом экипаже, по-прежнему сохраняя молчание. Салимо дремал, заняв большую половину сиденья, на что Громиро никак не реагировал. Оборотень был чем-то расстроен и задумчиво рассматривал идущих на работу горожан. Все в Амнистании было подчинено времени и порядку. Никто не толкался, не спешил — но и не медлил. Люди, словно заведенные куклы, шли стройными рядами на свои рабочие места. Все государственные учреждения

открывались в одно и то же время, но сутолоки на улицах тем не менее не было. Хронос создал идеальный образчик существования социума, отладив его до секунды, как механизм часов.

— Скучные все, — недовольно проворчала Кико.

После завтрака кикимора, оскорбившись невниманием дракона, переоделась в свою обычную (для нее) экстравагантную одежду и пообещала нам с Мединой, что Саламандрик за ней еще побегает.

Ведьма все еще сверлила меня неприязненным взглядом, но выражать недовольство в словесной форме не спешила.

* * *

Приближение экипажа к воротам академии не осталось незамеченным.

— Вы только посмотрите! Наша будущая нарайя со свитой прибыла! — ехидно воскликнул высокомерный эльф с последнего курса.

— Не обращайте внимания, — тихо произнес Рэндом. — Я проведу воспитательную беседу с особо восторженными чуть позже.

Оборотень первым выбрался из экипажа и помог спуститься нам. Салимо разбудил кучер, и дракон, потянувшись, неторопливо последовал за нами.

— Как спалось, нарайя? — позерски кланяясь, поинтересовался эльф.

— Не твое дело, — прошипела Медина, и язвительный остроухий ретировался.

— Спасибо, — прошептала я, заметив, что и остальные зеваки расходятся, не желая попасть под горячую руку черной паучихи.

— А ты бы поговорила со своим любовничком, чтобы приструнил всяких выскочек, — проворчала Медина, когда друзья разошлись на занятия и мы спешили в свою аудиторию.

— Он мне не любовник, — прошептала я в ответ.

— И куда же ты тогда ночью ходила? На экскурсию по дворцу? — усмехнулась ведьма. — Знаешь, меня твоя личная жизнь не касается, но хоть бы попросила себе отдельную спальню, чтобы нам спать не мешать. Хорошо же ты устроилась: и мужчина, и друзья под боком, а я теперь неизвестно когда смогу увидеть Петрина.

— Петрин? Это, кажется, друидское имя? — переспросила я и замерла, осознав, что только что сказала Медина.

— Только попробуй кому-нибудь проболтаться, — сверкнув

черными глазами, прошипела паучиха.

— Что ты сейчас сказала? Куда я уходила ночью? — вопросила я испуганно. — Я только выходила на пять минут… воды попить.

— Как же, на пять минут! Я очень чутко сплю. Сначала ты, может, и выходила попить, а потом? — усмехнулась Медина. — Тебя не было больше часа. Встала, набросила халат и ушла, даже дверь за собой не закрыв.

— Не может быть, — прошептала я. — Ты шутишь? Я никуда не ходила… мне только снился странный сон…

Ведьма запрокинула голову и звонко рассмеялась, привлекая внимание всех находящихся в коридоре студентов.

— Какая же ты наивная, Юнила! — воскликнула она. — А наш нарай, как всегда, на высоте. И правильно, зачем ждать и ухаживать, проще напустить туману и заставить глупышку верить, что она спит. Расскажешь, что снилось? — отсмеявшись, поинтересовалась она. — Или о таком не принято рассказывать?

— Ты ошибаешься, — раздраженно произнесла я и вошла в аудиторию, спеша скрыться от любопытных взглядов со всех сторон.

Сокурсники не решились язвить, ведь за мной следовала ведьма из клана черных пауков.

— Извини, я не думала, что тебя это так расстроит, — прошептала она, когда мы заняли свои места.

— Ничего предосудительного… мне не снилось, — ответила я также шепотом. — Я только просила нарая разрешить мне видеться с мамой.

— И как? Разрешил? — участливо спросила Медина.

— Попросил поцеловать… — краснея, призналась я.

— А ты? — оживилась ведьмочка.

— А я думала, что сплю, — пробурчала я в ответ.

— Может, сегодня во сне попросишь для меня разрешения на вечерние прогулки в город? — предложила Медина, направляя разговор в нужное ей русло.

— Не будет сегодня никаких снов, — проворчала я.

— Похоже, мне придется заняться твоим воспитанием, а то совсем пропадешь, — уверенно заявила ведьма. — И прекрати уже трястись. Сама подумай: ну не просто же так он тебя поближе к себе и подальше от академических смотрителей переселил. Лучше принять все как есть и извлечь из этого как можно больше выгоды. Нарай свое покровительство всем желающим не раздает. Вообще-то, насколько я знаю, ты первая в истории, кого он официально назвал своей протеже.

— И чем мне это грозит? — спросила я затравленно.

Ответом мне была газета, брошенная на стол прямо передо мной.

Элит, эльф, бросивший газету, подмигнул мне и быстро отошел.

На первой же странице красовалась ожившая картинка: нарай кружит меня в танце на осеннем маскараде. И заголовок — «Таинственная избранница нарая! Как давно они вместе и когда Амнистании представят будущую нарайю?».

— Не обращай внимания, — посоветовала Медина и забрала у меня газету, не дав прочитать текст под заголовком.

Ведьма скомкала ее и запустила в Элита.

— Слушайте все! Если вам зависть покоя не дает, так я могу и вас поближе к богам пристроить. Есть желающие пойти в услужение к Арахне? — на всю аудиторию прокричала она, обводя студентов гневным взглядом.

В помещении воцарилась полная тишина, никто не смел даже глянуть в нашу сторону.

— Так-то лучше, — довольно усмехнулась Медина.

Больше нас не беспокоили. Преподаватели вообще словно не замечали меня и, даже увидев, что Медина опять заколдовала ручку и конспектирует за нас обеих, ничего не говорили.

Придя в столовую, мы обнаружили, что теперь у нашей компании есть отдельный стол. Вернее, нам предоставили такую привилегию студенты, поспешно отсевшие от нас за другие столы, как только мы заняли место в зоне радуги. Салимо и Кико присоединились к нам спустя пару минут, и лишь Громиро спокойно обедал на прежнем месте. Его авторитет вожака никто не посмел оспорить.

— И что? Нас теперь все будут избегать, как проклятых чумной гнилью? — выразила общее недовольство Кико. — Мне сегодня пришлось сидеть с сиреной-зубрилой, потому что все остальные разбегались, как пиявки от кипятка, а свободных мест больше не было. У меня до сих пор левое ухо заложено от ее воплей по поводу упавшей тетради.

— Посмотрите на это с другой стороны, — предложил Салимо. — Меня раньше никто не жаловал, а теперь боятся слово против сказать.

— Да тебя не из-за Юны боятся, а из-за того, что ты подрос за сутки на голову и оборотня с последнего курса, как дворовую собачонку, отделал, — усмехнулась ведьмочка.

— Да, мы никогда не были любимчиками, но и изгоями тоже не были, — подтвердила кикимора.

— Простите, — виновато произнесла я.

— Прекрати! — прикрикнула Медина. — Хватит перед всеми

пресмыкаться и извиняться. — Ведьма посмотрела на Кико и дракона и внесла неожиданное предложение: — Я считаю, что мы должны помочь Юне научиться соответствовать своему статусу. Она полубог, а ведет себя как невольница. Нам всем будет выгодно, если она займет достойное ее статуса место.

— Вообще-то я здесь, — проворчала я недовольно, — и все слышу.

— Вот и слушай, — кивнула Кико. — И запоминай.

— Я только за, — поддакнул Салимо. — Тем более что я в долгу перед тобой, ты мне жизнь спасла. И пусть связь между нами разорвалась в тот момент, когда я преодолел порог взросления, ты все еще моя спасительница.

— Правильно, мы должны помочь Юне показать нараю, что она не очередная игрушка, а равная ему, — воодушевленно кивнула ведьма.

— Я уже боюсь, — призналась я, глядя на решительно настроенных друзей.

— Пусть Хронос боится, — усмехнулась Кико.

— Сегодня после занятий сначала по магазинам — и только потом во дворец, — подмигнула кикиморе Медина.

— А вот это уж без меня, — заявил Салимо.

— Нет, ты нам нужен для проверки мужской реакции, — категорично ответила Кико.

— Было бы еще неплохо какой-нибудь прием во дворце устроить, — протянула ведьма мечтательно.

— А для этого у нас есть Громиро, пусть с отцом поговорит, — заговорщицки подмигнула кикимора.

— Может, сбежим от них? — громким шепотом предложила я дракону.

— Поймают, — сокрушенно ответил он, посмеиваясь.

Занятия у нас с Мединой и Кико закончились одновременно, а Салимо просто не пошел на последний практикум, и подруги потянули нас в город, оправдав это тем, что сидеть в саду и ждать, когда освободится Громиро, скучно. Но все оказалось не так просто, как мы думали. Во-первых, нас долго не хотели выпускать за территорию академии, а во-вторых, отпустили только когда прибыли два ловчих.

— И как мы с ними будем по магазинам ходить? — поинтересовалась Кико, косясь на следующих за нами тенью двоих суровых мужчин в форменной одежде песочного цвета. — От нас же даже продавцы разбегутся.

— Так это же хорошо — можно не платить, — заявила Медина, чем вызвала скупые усмешки ловчих.

— Так, может, они и наряды оценивать будут, а я отлучусь на

полчаса? — с надеждой предложил Салимо.

— Ну уж нет, я их боюсь, — прошептала Кико, хватая дракона под руку.

Платить в магазинах нам действительно не пришлось. Но не из-за ловчих, а потому, что завидев меня, все продавцы начинали кланяться и наперебой заверять, что будут счастливы обслужить нас за счет заведения. Сначала такое отношение меня только смущало, но спустя час, когда обновками обзавелась не только я, но и Кико с Мединой, и даже Салимо, которому подобрали новый костюм для светских приемов, подобное заискивание начало откровенно раздражать.

Не меньше раздражало и то, какие наряды навязывали мне подруги. Лишь однажды я позволила себе облачиться в столь откровенную и броскую одежду — на маскараде. Но тогда я была под воздействием перламутровых шариков радости. И повторно пользоваться ими я не собиралась, также как и микстурой Обрино. И сейчас мне хотелось использовать свободное время на обучение письму и чтению, а не на походы по салонам в поисках нарядов, которые могли бы понравиться нараю. Подруги же никак не желали понять, что я стремлюсь избавиться от внимания Хроноса, а не подогреть его. И лишь ловчие оставались беспристрастными, следуя за нами из магазина в магазин и оставаясь стоять изваяниями у дверей.

— Это последний, — заверила меня Кико, открывая двери салона женского белья.

— Вот здесь мне точно ничего не понадобится, — уверенно проговорила я.

— Еще как понадобится, купим тебе приличную сорочку, чтобы не бродила во снах в чем попало, — посмеиваясь, произнесла Медина.

— А я сюда, пожалуй, зайду без возражений, — сказал Салимо.

— Ну уж нет, подожди на улице, — вытолкала его за дверь ведьма.

Ловчие так же предпочли остаться снаружи, хотя в другие магазины заходили и ожидали внутри, у дверей.

Здесь нас тоже встретили с навязчивым подобострастием и поспешили показать самые лучшие комплекты, конечно же совершенно бесплатно.

— Примерь вот это, — всучила мне полупрозрачную бирюзовую сорочку и короткий халатик в тон кикимора.

— Нет, такое я точно не надену, — возразила я.

— В примерочную, — не терпящим возражений тоном проговорила ведьма, всовывая мне в руки еще один комплект, из

черного шелка с кружевами.

Я покорно отправилась в примерочную, но примерять отобранные подругами вещи не собиралась. Решила, что скажу, будто все подошло, и даже возьму, но совершенно точно никогда не надену. Зайдя в просторную кабинку с зеркальными стенами, присела на кушетку и положила комплекты рядом.

— Ну, здравствуй, Юнила, — проговорил кто-то совсем рядом, отчего я вздрогнула, оглядываясь по сторонам. Отовсюду на меня смотрело мое же испуганное отражение.

Когда одно из зеркал подернулось дымкой и из него вышел инструктор Ранорио Контино, мне пришлось зажать рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Ведь за тонкой дверцей меня ожидали подруги, а подвергать их опасности я не хотела. Ловчие же были на улице и могли не успеть. Да и что они могут сделать с инстантом, подчинившим не только время, но и пространство?

— Ты приняла решение? — спросил Рио, окончательно выйдя из зеркала и прислонившись к нему плечом.

Контино заметил, что я бросила испуганный взгляд на дверь, и истолковал его по-своему.

— Не советую звать на помощь, меня все равно не поймают, — покачал он головой. — Я так понимаю, ты решила ответить отказом. Видимо, мать тебе не так дорога, как я думал.

— Нет, я просто боюсь, что нас могут услышать, — постаралась я убедить инстанта, но голос предательски дрожал.

— Значит, ты согласна? — оживился Ранорио.

Я лихорадочно пыталась придумать, что же ответить, чтобы не разозлить инструктора. Но ничего не приходило в голову. Если я соглашусь — это будет откровенной ложью, ведь украсть кулон мне не под силу. А если откажусь, то рискую навлечь гнев Контино на маму. Судя по его решительному жесткому взгляду, инстант ни перед чем не остановится в стремлении заполучить злосчастный кулон.

— Так каков же твой ответ? — поторопил меня Рио.

— Сначала скажите, что это за кулон и зачем он вам нужен? — произнесла я, комкая шелковую ткань сорочки.

Мужчина задумался на мгновение, кивнул своим мыслям и проговорил:

— Ну что ж, ты имеешь право знать. В капсуле, которую носит как украшение нарай Хроно, заключена власть над всеми инстантами. Мы — потомки титанов и тоже могли бы быть богами. Но чистокровные решили, что мы не достойны высшей власти, и заключили нашу свободу в каплю крови нашего прародителя. Хронос является хранителем этой капли, и мы вынуждены подчиняться законам его мира. Разве мы не

заслуживаем свободы? Кому, как не тебе, понять желание раба вырваться из оков чужого влияния?

Речь Ранорио была пламенной и подкупающе искренней, но неспроста же целый народ лишили свободы?

— А почему у вас отобрали свободу? — спросила я, следя за реакцией инстанта.

— Юна, ты что, в бретельках запуталась? — послышался из-за двери голос Кико.

— Мы — те, кого у вас принято называть бастардами. И да, мы родственники, Юна. Хаос — сын того же титана, который породил наш народ. Решай быстрее, — поторопил Ранорио.

— Мне нужно еще время. Я не уверена, что смогу вам помочь, — прошептала я, глядя в глаза инстанту.

Я не могла согласиться, не узнав всю правду. Даже если каким-то чудом мне и удастся снять с шеи Хроноса кулон, не совершу ли я фатальную ошибку, помогая тем, кого лишили свободы сами боги?

— Хорошо, — недовольно произнес Контино. — Подумай еще, но я приду за ответом. Тебе придется принять решение, и не забывай, что мать сейчас места себе не находит. Она приходила в академию, но ей сказали, что ты там больше не живешь.

И инстант исчез, растворившись в зеркальной глади.

— Все, я захожу, — оповестила меня кикимора и распахнула дверь примерочной.

— Я уже все примерила. Подходит идеально, — натянуто улыбнулась я.

— Вот и замечательно, мы с Мединой тоже подобрали себе пару вещичек, — довольно кивнула Кико. — Идем, у Громиро уже должна закончиться тренировка. Будет ворчать, что заставили его ждать.

Подруги не заметили моего смятения, они были заняты обсуждением покупок. Но ловчие не отвлекались на женское белье — и они что-то почувствовали. Как только мы вышли из салона, Кико и Медину оттеснили, а меня подвергли магической проверке.

— Аура не повреждена, но следы стороннего вмешательства присутствуют, — холодно проговорил один из охранников.

— Я провожу, — бросил другой и приказал Кико, Медине и Салимо следовать за ним.

Меня же закрутило в песчаном вихре, и спустя несколько мучительных мгновений, которые мне показались вечностью, потому что тело буквально жалило обжигающим прикосновением горячих песчинок, мы с ловчим оказались в просторном помещении, где не было никакой мебели. Лишь огромные

песочные часы в центре зала отмеряли время — в обратном порядке. Весь песок был в нижней их части и поднимался струйкой в верхнюю, где растворялся, исчезая без следа. В то мгновение, когда мы появились возле часов, никого вокруг не было, но уже спустя пару секунд нас окружило около двадцати ловчих. И все они уставились на меня как на невиданную зверушку.

— Не могу уловить род воздействия, — проговорил тот, который доставил меня в странное помещение.

— Вреда нанесено не было. Скорее подчинение или воздействие на эмоции, — подал голос еще один.

— Не думаю, возможно, чтение настроения, — предположил третий.

— Отпустите меня, пожалуйста, — испуганно пролепетала я.

— Мы ее пугаем, нараю это не понравится, — произнес еще один.

— Он сейчас прибудет, — эхом ответил пятый.

А потом все ловчие исчезли, и рядом со мной оказался Хронос.

— Испугалась? — спросил он, обнимая меня.

Как же я сейчас была ему рада! Прижалась к его груди и прошептала: «Да».

— Не бойся, я рядом и никому не позволю тебя обидеть, — пообещал Амниос. — Только расскажи мне, с кем ты встречалась.

Я оттолкнула нарая и с подозрением посмотрела на него.

— Так это все было для того, чтобы запугать меня? — спросила я, с трудом сдерживая нарастающий гнев.

— Нет, конечно! Я бы никогда не заставил тебя пережить подобное потрясение для личной выгоды, — заверил меня Хронос. — Ловчие почуяли угрозу и изолировали тебя из соображений безопасности. Кто-то пытался воздействовать на тебя магией, и, чтобы защитить тебя, я должен знать — кто именно. Согласись, будет лучше, если ты сама мне расскажешь. Я мог бы узнать это за одно мгновение, но не хочу лишать тебя права выбора.

— Да ты меня уже давно лишил и прав, и свободы! — воскликнула я, сложив руки на груди. — Туда не ходи, с тем не встречайся, этого не делай! Я словно опять попала в рабство. А тебе, с твоих божественных высот, не заметно, что я превратилась в твою собственность, над которой потешаются все кому не лень и чье имя треплют в газетах?!

Гнев понемногу начал угасать, и я только сейчас заметила, что вокруг нас бушует ветер. Так же для меня стало неожиданностью, что я не только кричу на самого нарая Хроно,

но и перешла на «ты» в общении с ним.

— Полегчало? — поинтересовался Амниос с улыбкой.

— Немного, — призналась я.

— Вот и хорошо, и давай будем дальше придерживаться подобной формы общения. Я имею в виду обращение, а не скандальные эмоциональные всплески, — произнес он и подал мне руку.

Я растерялась, засмущалась и отступила на шаг.

— Идем, поужинаем вместе. Или повторим попытку перейти к неформальному общению во сне? — лукаво усмехнувшись, поинтересовался нарай.

— Так это правда! Ты обманул меня. Заставил поверить, что я сплю! — вновь начала злиться я.

— Неужели так будет всегда? — сокрушенно покачал головой Хронос. — Мойра, за что ты так со мной?

— Все, с меня хватит. Как отсюда выйти? — решительно проговорила я.

— Только вместе со мной, — ответил Амниос и вновь протянул мне свою ладонь.

— Так веди, — схватила я его за руку.

— Ты сама меня вынудила, — заявил Хронос и рывком притянул меня к себе.

По телу пробежала странная дрожь, прикосновения нарая показались обжигающими, и мне нестерпимо захотелось прижаться к нему всем телом. Смущение пало в неравной борьбе с новым, незнакомым желанием, и я обвила шею мужчины руками, ища спасения от нарастающей жажды неведомого в его губах и руках.

Не знаю, сколько длилось это безумие, но в себя я пришла, обнимая и целуя Амниоса. И это не он целовал меня, а именно я его! Замерла, не решаясь ни прекратить поцелуй, ни продолжить. Он тоже не шевелился, будто ожидая моего решения. Я медленно отстранилась и посмотрела в глаза того, кого еще мгновение назад так неумело, но страстно целовала.

— Что это было? — спросила я, по-прежнему находясь в его объятиях и, что удивительно, чувствуя себя вполне комфортно.

— Я немного, совсем чуть-чуть, смухлевал, — улыбаясь, признался он. — Позволил себе поиграть временем и показать тебе, что ты будешь чувствовать по отношению ко мне в будущем. Но это даже почти не нарушение запрета на воздействие на себе подобных. Это же твои эмоции и желания, — словно оправдываясь, говорил он, а я не верила. Просто не верила, что я когда-либо смогла бы решиться на подобное. Но ведь решилась же?

— Давай просто сделаем вид, что этого не было, и пойдем ужинать, — предложил Хронос.

Но по его лукавой улыбке, да и по своим смешанным чувствам я поняла, что он добился, чего хотел. Теперь я точно никогда не спутаю его с господином Прожирани…

* * *

Амниос вывел меня из загадочного помещения, не утруждаясь поисками двери, мы просто прошли сквозь стену. Я зажмурилась, ожидая, что вот-вот ударюсь лбом о темную каменную кладку, но даже не почувствовала момента проникновения сквозь настоящую стену! Открыв глаза, обнаружила, что мы находимся в тупиковом ответвлении, скорее всего, подвального коридора. Обернулась и провела рукой по прохладным гладким камням. Стена была твердой и непроницаемой, как и положено быть каменной стене.

— Тебе еще так много предстоит узнать и принять, — тихо проговорил нарай.

— Только вот хочу ли я этого, у меня никто не поинтересовался, — ответила я так же тихо.

— У тебя нет выбора, кровь Хаоса со временем выжжет все сомнения и предрассудки… и человечность, — произнес Хронос, ведя меня по коридору.

— Человечность? Я стану монстром? — спросила я дрогнувшим от страха голосом.

— Все зависит от того, сможешь ли ты обуздать себя, — с затаенной печалью ответил Хронос. — Все мы когда-то пережили это пьянящее ощущение могущества и власти над жизнями смертных. Очень давно, но иногда кажется, что лишь мгновение назад, я поддался этому чувству всесилия и совершил немало глупых, а порой и жестоких поступков. Лишь время, опыт и расплата за эти ошибки помогли мне стать тем, кем я являюсь сейчас. Но мне почему-то кажется, что ты справишься гораздо быстрее.

— Я всего лишь полубог, у меня меньше силы и, следовательно, власти, — чувствуя некоторую неловкость от того, что Амниос продолжает держать меня за руку, предположила я.

— Ошибаешься, — усмехнулся нарай. — Мы, высшие боги, — чистокровные дети самих титанов, самых свирепых и могущественных существ в миропорядке. Наши чистокровные дети намного слабее, кровь, будь она человеческая или божественная, имеет свойство вырождаться. Ты же — полукровка,

дочь высшего бога и обычного человека. В тебе кровь титанов сильнее, чем в обычных богах или полубоге от союза бога и магически одаренного существа. Человеческая кровь слишком слаба, чтобы противостоять силе титанов. Поэтому я и сказал, что кровь отца выжжет в тебе все человеческое. И именно поэтому было принято решение не допускать появления на свет подобных полукровок. Но Хаос хорошо тебя спрятал и привел в этот мир только тогда, когда ты достигла осознанного возраста и убить тебя уже было бы преступлением против божественной крови.

— Так я опасна для вас? — спросила я, совершенно запутавшись в хитросплетениях божественной генеалогии.

— Одна ты — нет. Но если таких, как ты, будет больше и вы объединитесь, то вполне сможете свергнуть высших богов. Вернее, сможете попытаться, и нам придется считаться с новой силой.

— Но Хаос ведь тоже высший бог, так зачем ему я? Если я представляю опасность и для него? — задала еще один из роившихся у меня в голове вопросов.

— Хаос бунтарь, он не приемлет правил и законов. Возможно, это был своего рода протест или ему просто стало скучно. А возможно, он действительно полюбил твою мать. Иначе почему еще он защитил ее своей меткой? — пожал плечами Амниос. — Постичь мотивы поступков Хаоса не дано никому.

— Значит, в скором времени я стану такой же высокомерной и заносчивой, как вы? — проговорила я, задумавшись.

— А ты не утруждаешь себя лестью, — рассмеялся Хронос. — Верный признак того, что это время уже не за горами.

— Ну спасибо, успокоили, — проворчала я, смутившись от собственной дерзости.

— Ты опять перешла на «вы», — недовольно заметил мужчина, слегка сжав мою ладонь, отчего мне еще больше захотелось вырвать ее из его руки.

— Таково уж мое воспитание, я пустое место, невольница, единственная цель существования которой — служить господам, — произнесла я с немалой долей горечи.

Вот только горечь была двоякая: с одной стороны — больно было вспоминать о рабской жизни, а с другой — тогда все было проще и понятнее. И как бы то ни было, меня не били, не издевались, и жилось мне намного лучше, чем большинству невольников в Родинарии. И, по всей видимости, в том была заслуга Хаоса, своеобразно заботившегося о нас с мамой.

Когда мы вышли из подвала, нарай отпустил меня переодеться, но предупредил, что если я не явлюсь на ужин, то он сам придет за мной.

* * *

На принятие решения у меня оставалось не больше часа. За ужином Хронос наверняка потребует, чтобы я рассказала, с кем встречалась в салоне. А я совершенно не знала, что делать. Ранорио ясно дал понять, что навредит маме, если я не соглашусь с его условиями. И я не настолько верила Амниосу, чтобы доверить ему жизнь матери. Вернее, я ему вообще не доверяла. Стоило только вспомнить, как он обманул меня, заставив поверить в то, что я сплю, или как затуманил разум взявшимися неизвестно откуда чувствами — и мне уже хотелось поддаться шантажу Контино, потому что так будет безопаснее для мамы.

— Она пришла! — возопила Кико, как только я открыла дверь наших апартаментов.

На ее крик тут же прибежали Медина, Салимо и Рэндом.

И я приняла решение довериться тем, кто действительно заботится обо мне. Возможно, они помогут мне сделать верный выбор.

Друзья окружили меня с несвойственным им единодушием и в один голос потребовали: «Рассказывай».

— Да нечего рассказывать, — растерянно пожала я плечами.

— Они тебя допрашивали? — вопросил дракон.

— Пытали? — предположила Ведьма.

— Он тебя обидел? — хрипло спросил Громиро.

— Так, отойдите все! Дайте ей отдышаться! — командным тоном произнесла кикимора.

Подруга подхватила меня под руку и уволокла к дивану, усадила и провозгласила:

— А вот теперь рассказывай.

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула, молясь, чтобы моя болтливость не навредила маме, и, обведя взглядом присутствующих, произнесла:

— Мне нужно, чтобы все вы поклялись, что никому, ни при каких обстоятельствах не расскажете о том, что услышите сейчас.

— Больно надо. Да мне и рассказывать-то некому, — хмыкнула Медина.

— Я в последнее время вообще не предрасположен к откровенности, драконьи повадки, знаешь ли, — пожал плечами Салимо.

— Ну, меня-то ты знаешь, — отмахнулась Кико, заставив меня на мгновение усомниться в правильности принятого решения.

— Я не сделаю ничего во вред тебе, — проговорил Рэндом серьезно.

— Нет, Рэн, поклянись, — потребовала я: зная, что он уже присягнул на верность нараю, ему я сейчас доверяла меньше, чем остальным.

— Прикажи, — недовольно ответил оборотень.

Мне не хотелось пользоваться силой крови, но другого выхода не было, и я приказала другу, отчего почувствовала себя высокомерной дрянью, но с этим придется смириться.

Не вдаваясь в подробности, но стараясь не упустить ничего важного, я рассказала об инстанте и его требовании украсть властвующий над их народом кулон.

Друзья не перебивали, и даже вечно неугомонная Кико слушала, побледнев и приложив дрожащие пальцы к губам.

— Инстанты — это же потомки низвергнутых титанов? — задумчиво проговорил дракон. — Припоминаю что-то с третьего курса по этой теме.

— Да, мы как раз скоро будем их проходить, — кивнула кикимора. — Парочка титанов устроили бунт, и их сослали, лишив почти всех сил. Но, видимо, что-то они всё же могли, раз наплодили таких могущественных потомков.

— Так они боги? — недоверчиво спросила я.

— Нет, они отверженные, лишенные власти и привилегий. Боги их пожалели и подчинили, чтобы те не докучали своим желанием доказать, что они равны богам. А стоило бы истребить, — зло проговорил Рэндом. — Надеюсь, ты не собираешься пойти на поводу у этою Контино? Сама понимаешь, чем это грозит всем нам. Если начнется война, то пострадаем в первую очередь мы — смертные.

— Да подождите вы! — прикрикнула Медина. — Надо подумать. На кону жизнь Юниной мамы. Вот ты, шкурная твоя душонка, пожертвовал бы матерью ради всеобщего блага?

Ведьма грубо ткнула пальцем в грудь Громиро и сощурилась.

— Не распускай руки, паучиха, — рыкнул оборотень. — И сейчас речь идет не о жизни одного человека, а о судьбах миллионов. Я считаю, что мы должны все рассказать нараю. Он сможет защитить и нару Яниро, и Юнилу.

Меня словно острым как бритва когтем царапнуло.

— Как ты назвал мою маму? — спросила я, вскочив с дивана и устремив на Рэндома полный подозрения взгляд.

— Да какая разница! Нам всем угрожает опасность, — глядя мне в глаза, не дрогнув, ответил оборотень.

— В чем дело, Юночка? — приобняла меня за плечи Кико.

— Вот скажи, ты знаешь фамилию моей мамы? — спросила я у нее, дрожа всем телом от осознания, что тот, кого я считала другом, знает обо мне и моей семье гораздо больше, чем я ему

рассказывала.

— А разве у вас не одна фамилия? — удивилась Кико. — Прости, я не помню. Это так важно? У Хаоса вон вообще фамилии нет, а его все знают.

— Вот мне и интересно, откуда ты, студент академии Хроноса и мой друг, знаешь фамилию моей матери, если я тебе ее не называла? Даже лучшая подруга не знает о том, что у нас разные фамилии! — воскликнула я, сверля взглядом Громиро.

— Подожди, не спеши с выводами, — мягко проговорил Рэн, попытавшись взять меня за руку. Я отступила на шаг, Кико и Медина повторили мое движение, а Салимо, напротив, сделал шаг к оборотню.

— Похоже, тебе придется кое-что объяснить, сынок министра, — язвительно проговорил дракон.

— Тебе я уж точно ничего не буду объяснять, чешуйчатый, — расправил плечи оборотень.

— Так, мальчики, успокойтесь, — тихо проговорила Медина, встав между ними. — По-моему, все очевидно. Громиро — сын министра обороны и уже состоит на службе, наверняка нарай приставил его к Юне для ее безопасности. И наш Рэндом конечно же ознакомился с полученными разведкой данными. Я права? — изогнув черную бровь, спросила она у Рэна.

— Права, — неохотно признал оборотень. — И откуда ты взялась, такая догадливая?

— Тебе там не понравилось бы, — в тон ему ответила ведьмочка.

— Так ты притворялся все это время, — прошептала я, устало опускаясь на диван. — А я тебе верила.

Новое, еще не знакомое, но такое болезненное чувство жгло изнутри. Меня еще никто никогда не предавал. Да я и не доверяла раньше никому, кроме мамы.

— Мне нужно переодеться к ужину с нараем, — проговорила я холодно и ушла в спальню, не желая больше даже видеть Громиро.

Друзья еще долго о чем-то спорили, но я не прислушивалась к их разговору. Мне было больно и стыдно, что я оказалась такой доверчивой. Ведь мама меня предупреждала, что никому нельзя полностью доверять. Мы чужие в этом мире и должны сохранять дистанцию. И теперь я поняла, что она имела в виду. У меня не может быть друзей, но не потому, что я не из этого мира. Я носительница проклятой крови Хаоса и никогда не буду на равных ни с кем из тех, кого считала своими друзьями. Уж лучше быть одной, чем еще хоть раз пережить подобную боль. Больше меня никто не предаст!

Выйдя из спальни, я натолкнулась на живую стену. Кико, Салимо и Медина преградили мне дорогу и потребовали, чтобы я их выслушала. Громиро стоял чуть в стороне и бросал на меня виноватые взгляды.

— Мы посовещались и считаем, что ты должна потребовать у нарая защиту для матери. Он может и ее переселить во дворец, — проговорил дракон.

Кико согласно кивала, держа его под руку и ободряюще улыбаясь мне.

— Идти на поводу у шантажиста опасно. Кто знает, что он еще потребует, — добавила ведьма. — А нарай быстро с ним расправится. Инстанты и так не в чести, а если Хронос узнает, что один из них посмел тебе угрожать, то быстро их всех приструнит. Ведь у него контролирующий их кулон.

— Я сама решу, что делать, — ответила я отстранение. — Спасибо за поддержку, но я в ней больше не нуждаюсь.

— Может, мне дать тебе еще одну пощечину? — подал голос Громиро. — Ты злишься на меня, но они-то тут при чем? И мы еще поговорим. Я не напрашивался в твои телохранители, мне и без этого было приятно с тобой общаться.

— Это уже не важно, — отмахнулась я, обошла стоящих на пути студентов и покинула наши апартаменты.

— Я тебе хвост оторву и сожрать заставлю, зверюга бессовестная, — донеслось из-за двери. Это конечно же была реплика Кико.

Я невольно улыбнулась, но тут же заставила себя отстраниться от болезненных мыслей и пошла на встречу с Амниосом Хроно. Он меня не предаст, потому что я ему и так не доверяю.

Нарай встретил меня у дверей в столовую, до которой я была сопровождена одним из молчаливых ловчих. Поблагодарив никак не отреагировавшего мужчину за сопровождение, я прошла к столу и села за услужливо отодвинутый самим Амниосом стул.

— Ты какая-то… холодная, — внимательно глядя на меня, проговорил Хронос. — Что-то случилось?

— Ничего достойного вашего внимания, — ответила я, вежливо улыбнувшись.

— Моего внимания достойно все, что связано с тобой, — не желал уступать Амниос. — И прекрати мне выкать. Я же тебе уже объяснил, что мы почти равны.

— Мне так удобнее, не будете же вы меня заставлять, — ответила я все так же с улыбкой.

— Ну что ж, как пожелаешь, — пошел на уступку нарай.

— Вы ведь не просто так решили разделить со мной трапезу?

У вас наверняка есть вопросы, я вся внимание, — так я намекнула, что не стоит тянуть с разговором. Я бы сейчас все равно не смогла заставить себя съесть хоть что-нибудь.

— Как я вижу, ты уже знаешь, что меня интересует. Но, к сведению, мне приятно твое общество, независимо от дел и насущных вопросов, — усмехнулся Хронос, продолжая с подозрением посматривать на меня.

— Я все вам расскажу, но сначала… у меня есть одно условие, — стараясь выглядеть как можно более уверенно, но все же запнувшись, проговорила я.

— Я тебя внимательно слушаю, — расправив плечи, кивнул нарай.

— Возьмите под защиту мою мать. И не нужно напоминать мне о метке Хаоса. Я знаю, для вас это не препятствие, — выпалила я, комкая салфетку.

Как бы мне ни хотелось казаться решительной и уверенной в себе, я была слишком неопытна в подобном общении и сама себе сейчас казалась жалкой.

— Вот, значит, как, — задумчиво протянул Хронос. — И твое требование мотивировано тем, что ей кто-то угрожает. Я правильно понял?

Я кивнула, отведя взгляд в сторону. Какая же я слабая! Даже в стремлении защитить самого дорогого мне человека я была слабой и противной самой себе.

— Вот только плакать не надо, — как-то нервно произнес Амниос. — Расскажи мне все, и я обещаю, что позабочусь о твоей маме.

Борясь с подступающими слезами и неприязнью к своей слабости, я не сразу заметила, что он пересел с другого края стола ко мне, и вздрогнула, когда рука нарая легла на мое плечо.

— Мы вместе намного сильнее всех богов и других существ. Доверься мне, Юна, — прошептал он, сжимая мою похолодевшую ладонь.

Слезы, так и не пролившиеся, отступили. По телу разлилось приятное тепло и уверенность в том, что все будет хорошо. И мне сейчас было даже не важно, воздействует ли на меня Хронос или я теперь всегда буду чувствовать это тепло, когда он прикасается ко мне. Посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Маме навредят инстанты, если я не отдам им кулон, который у тебя на шее.

Сжимающая мою ладонь рука дрогнула, но через мгновение расслабилась. Хронос криво усмехнулся и поинтересовался:

— И это все?

— Для тебя, возможно, жизнь моей матери и безделица, а для

меня нет! — выпалила я, попытавшись вырвать руку из его ладони.

— Успокойся, милая. Для меня безделица угрозы маленького, отчужденного, но возомнившего о себе невесть что народца. И да, все, что важно для тебя, важно и для меня. И поэтому… — Хронос отпустил меня и откинулся на спинку стула.

Он исчез лишь на мгновение, но я заметила его отсутствие.

Вернувшись, нарай смерил меня взглядом, встал и заявил:

— Даже не проси, чтобы я отправил обратно в академию твоих друзей. Дай им шанс, сейчас они тебе нужны как никогда.

После чего Амниос вернулся на свое место, улыбнулся мне и проговорил:

— Твоя мать переедет во дворец уже завтра, но ваше общение будет ограничено. Другими словами, вы будете видеться только в моем присутствии. Это мое последнее слово. И делаю я это не потому, что ей угрожает опасность, а для твоего спокойствия. Инстанты тебя больше не побеспокоят. И давай все же поедим. Возможно, я и бог, но даже мне нужно питаться иногда.

— Спасибо, — выдохнула я, теперь с искренней улыбкой.

— Ас друзьями все же помирись, — ворчливо ответил Хронос, приступая к еде.

Мне конечно же стало спокойнее после обещания Амниоса позаботиться о маме, и я даже заставила себя немного поесть, хотя вкуса еды почти не чувствовала. Его перебивала горечь разочарования в Рэндоме. Но Хронос настаивал на том, что я должна дать друзьям еще один шанс, и мне пришлось с этим согласиться. Ведь неизвестно, сколько еще мы будем жить и учиться вместе.

— Сегодня я не буду предлагать тебе искупаться, день был слишком насыщенным, но завтра мы обязательно отправимся на пляж, — уведомил меня нарай, когда подали десерт.

— Я вообще-то учусь, — напомнила я слегка раздраженно. — И это очень непросто, учитывая то, что я не умею писать и читаю со скоростью улитки.

— Так призови кровь и научишься без усилий и временных затрат, — усмехнулся он.

— Во-первых, я не знаю, как это сделать, а во-вторых, хочу научиться всему сама, — ответила я, разглядывая фруктово-сливочный шедевр на своей тарелке.

— Так и научишься сама. Это же твоя кровь и твои способности, я помогу, — заверил меня Амниос, вновь пересаживаясь ко мне поближе.

— Не стоит, — попыталась я возразить, но он уже взял меня за руку, и больше противиться совершенно не хотелось.

— Расслабься и почувствуй, как кровь бежит по твоему телу. Она омывает каждую крупицу тебя, несет силу, знание и свободу, — вкрадчиво шептал Хронос, и я тонула в его голосе.

— Прислушайся к себе, чего ты хочешь? Только пожелай, и это сбудется, — произнес он, почти касаясь моей щеки губами.

И я совершенно забыла, для чего он мне это шепчет, повернулась и поцеловала его.

— Это не то, чего я добивался, но тоже неплохо, — улыбнулся нарай, когда я, опомнившись, резко отстранилась.

— Мне пора спать, — выпалила я, вскочив со стула.

— Как скажешь, — покладисто согласился коварный Амниос, продолжая улыбаться.

Я же смущенно отводила взгляд, не зная, что делать и как себя вести. Одно я осознала точно, Хронос мне нравится, и не просто как человек, вернее бог. Но у меня совершенно не было опыта в общении подобного рода, и не отпускало ощущение, что новые чувства возникли уж слишком быстро и неожиданно. Словно я пропустила довольно большой отрезок времени и сейчас терялась в возникших будто по волшебству эмоциях.

Амниос проводил меня до дверей комнат, пожелал приятных снов, отчего я поежилась, вспомнив сон, который сном в действительности не был, и ушел.

А я стояла перед дверью и не решалась войти. Там, за тонкой деревянной преградой, меня ждали незаслуженно обиженные подруги. Но заставить себя поверить им я не могла. Решилась и вошла, но вопреки ожиданиям меня никто не встретил. Из столовой доносились приглушенные голоса, и я через силу направилась к ним.

Но как только я открыла дверь, все смолкли, напряженно глядя на меня.

Молчание затягивалось, и я развернулась, чтобы уйти.

— Стой, — первой не выдержала Кико. — Немедленно вернись и выслушай, как я буду жаловаться на твоего нервного нарая!

— Что? — удивленно обернулась я.

— Да то! Пришел тут, выстроил нас в ряд и допрос устроил. «Что с Юнилой? Кто ее обидел? Только посмейте еще», — коверкая слова, процитировала кикимора. — Это что вообще такое было? Я так не согласна! — заявила подруга, сложив руки на груди и обиженно надувшись.

— Кико, я тебя люблю, — улыбаясь, проговорила я, чувствуя, что сейчас расплачусь. С плеч словно скала свалилась, я подошла и обняла обиженно сопящую кикимору.

— А меня? У меня тоже моральная травма от встречи с

суровым нараем, — театрально приложил руку к груди Салимо.

— А ты обойдешься, — проворчала Кико мне в плечо.

— Меня обнимать не обязательно, не люблю этих сентиментальностей, — вставила Медина. — Нам вообще уже спать пора, — добавила она, отрывая от меня кикимору, — и тебе, дракончик, тоже.

И они ушли, оставив меня наедине с сидящим в стороне Рэндомом.

— Поговорим? — спросил оборотень, когда мы остались одни.

— О чем? О том, как ты изображал моего друга, чтобы втереться в доверие и подобраться поближе? — спросила я враждебно.

Желания разговаривать с ним у меня не было. Но я вспомнила случай, когда невольника из соседнего дома выпороли за кражу господского костюма, а потом оказалось, что дочь господина пролила на него ягодный сок и выкинула, боясь наказания. Невольник клялся, что не брал костюм, но его даже слушать не стали и избили до полусмерти. Потом его конечно же простили, но ведь и прощать было не за что. И я решила дать Громиро шанс оправдаться.

— Говори, — произнесла я холодно, сев по другую сторону стола.

— Признаю, сначала это действительно была работа, — сказал Рэн, и мне тут же захотелось уйти.

Но оборотень смотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде не было ни насмешки, ни лукавства, и я осталась.

— Ты пришла в академию забитой, скромной девочкой, а меня заверили, что это маска, — продолжил Рэндом. — Тебя подозревали в сговоре с Хаосом, и мне было поручено сблизиться с тобой. Это было очень непросто, представь, сколько я приложил усилий, чтобы побороть зов твоей крови. И мне это почти удалось. Почти, но не до конца. Я каждый день боролся с собой, чтобы не рассказать тебе, что за тобой следят. А потом оказалось, что ты не имеешь никакого отношения к Хаосу, за исключением того, что в тебе течет его кровь. Как же я был рад, что ты не враг. Но к тому времени я понял, что уже не только божественная кровь влечет меня к тебе. Я влюбился в тебя, Юнила. И сейчас, возможно, будет лучше, если ты возненавидишь меня и оттолкнешь от себя. Потому что видеть тебя каждый день и знать, что ты будешь принадлежать ему, — для меня пытка. Я сказал все, что хотел. Что делать с этим знанием — решай сама.

Громиро встал и ушел, а я сидела за столом в опустевшей столовой и хотела оказаться в своей каморке, в доме господина

Прожирани, вернуться к простой и размеренной жизни невольницы, когда не нужно принимать решений и нести на плечах груз чужих переживаний. Ощущение распространяющегося по телу тепла отвлекло меня от грустных мыслей, я чувствовала, словно кипящая, но не обжигающая лава разливается по всему телу. Это тепло закружило меня, и в следующее мгновение я упала на жесткий тонкий тюфяк. Вокруг было темно и пахло пылью.

— Что? Кто? — запыхтел кто-то рядом.

Распахнулось маленькое оконце, и я увидела в лунном свете невольницу Рабию, помощницу поварихи господина Прожирани.

— Юнка, ты, что ли? — сонно спросила она. — А меня сюда переселили. Даже не думай, место не отдам.

— Рабия, ты? — прошептала я ошеломленно.

— А ты кого ждала? Притащилась среди ночи, спать мешаешь. Что, поперли тебя из Амнистании? А мамку где забыла? Нам здесь без нее ох как туго. Счетовода путевого нет, без одежки на зиму остались. Ну да ничего, утром разберемся. Разгрузишь хоть немного, на рынок сходишь. Спи, непутевая.

И Рабия легла, прикрыв оконце. Я же сидела и пыталась понять, как я очутилась в комнате, в которой провела большую часть жизни, и как мне вернуться обратно.

«Расслабься и почувствуй, как кровь бежит по твоему телу. Она омывает каждую крупицу тебя, несет силу, знание и свободу… Прислушайся к себе, чего ты хочешь? Только пожелай, и это сбудется», — словно услышала я шепот нарая. Но это были лишь воспоминания. Я зажмурилась и прошептала:

— Хочу вернуться во дворец, к друзьям.

— А карету тебе со слугами не подать? — проворчала Рабия. — Спи, завтра племянники господина приедут, устроят нам и дворец, и пыточную.

— Извини, — пробурчала я, ложась на голый тюфяк, без подушки и одеяла.

Нарай не оставит меня здесь. Или оставит? Надеяться на спасение было глупо, надо самой выбираться. Если господин Прожирани обнаружит меня в своем доме, то может не отпустить.

Я подождала, пока Рабия уснет, оглашая маленькую комнатку храпом, встала и крадучись вышла в коридор.

Под лестницей было темно, но я помнила каждый уголок этого дома и без труда добралась до двери. Открыла засов и выскользнула на улицу. Все тело тут же окутало пронизывающим осенним ветром. В лицо ударили мелкие капли противного затяжного дождя. Наверняка до утра моросить будет, а я в тонкой

блузке и летних туфельках. Обняв себя за плечи руками, я стояла под навесом и не решалась спуститься с крыльца в промозглую осеннюю ночь Родинарии. Да и куда бы я пошла? Здесь нет ни друзей, ни знакомых, которые помогли бы мне. Невольники из соседних домов не посмели бы приютить постороннюю под крышей господского дома. Оставалось только отправиться к градоправителю и надеяться, что меня не погонят со двора, как полоумную бродяжку.

А до дома градоправителя идти не меньше получаса, по темным улицам и мимо ночных таверн. Я вдохнула полной грудью холодный воздух и побежала в надежде, что холод и страх пробудят во мне те силы, которые забросили меня сюда. Спустя несколько минут я уже не надеялась на чудо — хотела только оказаться в тепле и чтобы с неба на меня не сыпались ледяные капли.

Свет, исходящий из окон таверны, манил обещанием тепла и крыши над головой, и я свернула к обшарпанной, скрипучей двери. Когда я вошла в смердящее, пропитанное запахами пота и выпивки помещение, на меня уставились сразу около двадцати пар затуманенных алкоголем глаз.

— Какая девочка, — протянул пьяный бородатый рабочий, похлопывая себя по коленке. — Иди, согрею.

— Остынь, Тарнито. Не видишь, дама из господ, — осадил его хозяин таверны, выходя из-за стойки. — Вам помочь, госпожа? — учтиво поинтересовался он.

— Комнату и ужин, — стараясь выглядеть уверенно, ответила я.

— Как прикажете. А за родителями послать? Или, может, стражу позвать? — участливо спросил мужчина.

— Пока не надо, — отрицательно покачала я головой и поежилась. Ледяная вода стекала с волос и тут же попадала на кожу сквозь мокрую, прилипшую к телу блузу.

Гостеприимный хозяин таверны позвал свою жену, дородную женщину лет сорока, и препоручил ей заботу обо мне.

— Идем, милая, идем. И как же вас угораздило попасть на улицу в такой час, да еще и в домашней одежде, — причитала она, ведя меня в дальнюю, жилую часть таверны. — Сейчас и согреемся, и покушаем. Бедная девочка, и куда только родители смотрят? Даром что господа.

— Я не из этих мест, — призналась я, как только мы скрылись за дверью, отрезавшей нас от шумного зала. — И вряд ли смогу заплатить за постой. По крайней мере, не сразу. Позвольте мне только переждать дождь, и я уйду.

— Ну что вы! — воскликнула добрая хозяйка. — Неужто я

выгоню молодую девицу в ночь. Заплатите потом. А нет, так нам и внимания довольно. Узнают люди, что у нас постоялец из господ был, — и то хорошо. Времена нынче неспокойные, главенствующие совсем ожесточились. Народ боится и не доверяет никому.

— А что случилось? — спросила я, следуя за хозяйкой.

— Так всем известно, что разделилась каста главенствующих. Брат на брата пошел, война у нас назревает, милая. Неужто вы не слышали? — удивилась женщина.

— Я недавно переехала в Амнистанию и здесь проездом, — ответила я скованно. Лгать не хотелось, но и правда была неуместной.

— Так вон оно в чем дело, — протянула хозяйка. — И правильно, многие господа бегут. Нам-то что: кто будет править, тому и будем служить. А вам — господам — сейчас ох как не просто. Поди угадай, кто победит и к кому примкнуть выгоднее будет. А вот и комната лучшая наша, располагайтесь, — женщина распахнула дверь и слегка поклонилась.

— Не нужно кланяться, — попросила я. — И комната ни к чему. Я не задержусь.

— Нет уж, коли пришли, так проходите. Да и переодеться вам надо. У меня сохранилась девичья дочкина одежда. Вашим нарядам не чета, но все чистое, сухое и как раз впору будет, — настояла женщина.

— Спасибо вам, я этого не забуду, — заверила я гостеприимную хозяйку.

— Сейчас принесу одежду, поесть и теплого отвара, — кивнула женщина.

— Я не голодна, но от кружки травяного чая не отказалась бы, — благодарно улыбнувшись, ответила я хозяйке.

— Как прикажете, — покладисто согласилась женщина и удалилась.

Как же мне было мерзко от подобного раболепства. И самым противным было то, что, даже будучи благодарной за помощь, я была почти уверена, что приди я сюда в невольничьей робе, меня и на порог бы не пустили. И уж точно не предоставили бы кров.

Хозяйка таверны вернулась довольно быстро. Она действительно принесла сухую одежду и большую кружку горячего отвара.

— Отдыхайте, а утром я пошлю мальчишку, куда прикажете, чтобы за вами приехали, — произнесла женщина и ушла, поклонившись напоследок.

Синее выходное платье мне оказалось узковато, но оно было сухим и пахло мятой. Веточка этой душистой травы выпала из

свертка, когда я встряхнула новый наряд.

Я быстро переоделась и, развесив мокрую одежду на спинке кровати, села за стол, обхватив руками кружку с горячим чаем.

Мне предстояло еще раз попробовать вернуться а Амнистанию. Но как же я боялась, что очередная неосторожная мысль может забросить меня в еще более опасное место… Медленно отпивая из кружки, я старалась припомнить свои ощущения и эмоции перед перемещением, чтобы воссоздать все нюансы и попытаться повторить перенос осознанно. Это было бы большим шагом к обретению контроля над кровью Хаоса, которая приносила мне только неприятности, не желая подчиняться моей воле.

Когда в дверь постучали, отвар был почти допит, а я так и не решилась воззвать к своим непокорным способностям.

— Войдите, — произнесла я громко, но пришедший вновь постучал, оставшись за дверью.

Я встала и неохотно пошла открывать. Опять ведь придется лгать и притворяться.

Но когда я открыла дверь, то увидела не полутемный коридор таверны, а бесконечный каменный туннель. «Хаос», — мелькнула паническая мысль, и я хотела захлопнуть дверь, но меня буквально вытолкнуло из комнаты сильным порывом горячего ветра и понесло по длинному коридору к маячившему далеко впереди свету.

Отбросив страх, я попыталась почувствовать свою силу и вернуться во дворец нарая. Ничего не получилось. Я действительно чувствовала кровь, омывающую все мое тело, и то, как она подчиняется моей воле, но что-то или кто-то извне не позволял мне воспользоваться ее силой.

Хаос не желал отпускать меня! Теперь я была полностью в его власти и боялась даже представить, какое будущее он мне пророчит. В то, что я нужна ему лишь из отцовской тяги быть рядом со своим чадом, верилось с трудом. Я боялась его и не доверяла даже больше, чем Хроносу.

Коридор принес меня в ту же пустыню, где не было места законам природы и камни парили над песчаными дюнами, словно пушинки. Только на этот раз отец ждал меня.

— Здравствуй, дочь, — проговорил он намного менее дружелюбно, чем в прошлый раз. — Ты избегаешь встреч со мной. Позволь поинтересоваться — почему?

— И ты еще спрашиваешь? — вопросила я. — Другие отцы если хотят увидеться с дочерью, приходят к ней, а не похищают ее.

— А разве я похитил тебя? Ты была в беде, и я пришел на

помощь, — невозмутимо произнес Хаос. — В отличие от твоего нового друга, Хроноса. Он не спешил тебе помочь, наблюдая со стороны и получая удовольствие от твоих метаний. Я же больше не собираюсь смотреть на твою жизнь со стороны. Я хочу участвовать в ней.

— А тебе не кажется, что уже поздно? — усмехнулась я. — Я уже выросла и не нуждаюсь в твоей опеке.

— Ты еще младенец, — рассмеялся отец. — Глупый и доверчивый младенец, не желающий признать, что ему нужна помощь. И я не позволю тебе заглушить твои силы под чутким руководством этого прохвоста Хроно. Ты должна войти в полную силу и доказать всем, что подобные тебе имеют право на существование! И сделать это ты сможешь только там, где нет никаких преград для нашей крови, нет пределов хаосу.

Я в мгновение ока оказалась возле отца, и нас понесло к видневшемуся вдали форпосту Пределов Хаоса.

— Ты ведь не отпустишь меня? — спросила я, лелея в душе надежду на то, что Хаосу небезразличны мои желания.

— Отпущу, если ты сама этого захочешь, — улыбнулся отец. — Но мне почему-то кажется, что ты не пожелаешь покидать дом, который я для тебя создал.

Форпост встретил нас все той же толпой монстров и кривыми каменными строениями.

— С возвращением, о великая… — завелся Бастио.

— Разжалую, — перебил его Хаос, и монстр замолчал.

— Здравствуй, Бастио. Рада, что тебя не наказали за наше исчезновение, — приветливо улыбнулась я.

— Для него это первая ваша встреча, — усмехнулся отец. — И он жив лишь потому, что наказывать его за то, чего он, по сути, не делал, неинтересно.

— Ты хотел сказать — несправедливо? — спросила я, поглядывая на испуганно слушающего нас монстра.

— Справедливость — это придуманное смертными оправдание неугодных поступков, — скривился Хаос. — Мы руководствуемся другими критериями. В Пределах Хаоса один закон — моя воля. А теперь будет и твоя.

— Ты действительно веришь в то, что я буду жить там и править вместе с тобой? — вопросила я удивленно.

— Нет, дочь, ты будешь жить там и править вместо меня, — ошарашил меня отец. — Позже я все объясню тебе. Сейчас же нам нужно поспешить, пока твой драгоценный часовщик не попытался повернуть время вспять. Зацепила ты его! Еще бы, моя кровь! — с гордостью говорил Хаос, поднимаясь по ступеням и практически волоча меня за собой. — Я даже не удивился, когда узнал, что

Хронос имеет на тебя виды. Но Мойра… придется приструнить дерзкую девчонку.

— Стой! — потребовала я, выдернув таки руку из ладони отца. — Я не сдвинусь с места, пока ты не расскажешь мне, что это за Мойра и какое она имеет отношение к моей жизни!

— Так Хронос не рассказал тебе? Неудивительно, он всегда был излишне щепетилен в подобных вопросах, — повернувшись ко мне, проговорил Хаос. — А я расскажу… если ты перестанешь противиться и пойдешь со мной по собственной воле. Так твое восхождение будет гораздо короче.

— Хорошо, — неуверенно согласилась я и медленно пошла вверх по лестнице.

— Вот и умница, — довольно кивнул отец. — Мойры — это три сестрицы, богини судьбы. В нашем случае речь идет о младшей из сестер. Только эта взбалмошная соплячка осмелилась бы вмешаться в мои планы и повлиять на жизнь Хроноса. Уж очень она обижена на Хроно. Он отказался обмануть для нее время и сделать ее старшей из сестер. Вот и свирепствует теперь паршивка, решила подпортить часовщику кровь, сведя его с дочерью врага. Вот только она не учла, что этой своей выходкой едва не нарушила мои планы на тебя.

— А мои собственные планы на жизнь никого не интересуют? — спросила я раздраженно.

Моей жизнью стремились управлять все кому не лень. И лишь я сама ничего не решала.

— Ты еще слишком неопытна, чтобы что-то планировать, — отмахнулся Хаос. — Сначала повзрослей, научись наслаждаться хаосом в своей крови и прими себя, вот тогда и будешь управлять своей жизнью. Пока же как твой отец я обязан позаботиться о том, чтобы ты не наделала глупостей. И связаться с Хроно было бы самой большой глупостью, на какую только способна дочь Хаоса. А порождения хаоса на многое способны, — криво усмехнулся отец. — Вот мы и пришли. Добро пожаловать домой, Юнила.

Передо мной опять открылась безумная картина смешения множества пейзажей. Смешение несовместимых мест и различных природных явлений ввергали в полную растерянность, хотелось закрыть глаза, заткнуть уши и спрятаться в самый дальний, темный уголок собственной души.

«Не противься, открой сознание для хаоса, ты рождена им и для него», — словно ветер, нашептывал мне неведомый вкрадчивый голос.

— Кто это? — спросила я тоже шепотом.

— Это сам беспредельный хаос приветствует тебя, — улыбнулся отец. — Здесь, где нет преград и рамок ни в чем,

всепоглощающее, безграничное беззаконие обрело свой разум. С тобой разговаривает Предел Хаоса. Твой новый дом и готовые подчиниться твоей силе владения.

— Коллективный разум? — переспросила я недоверчиво.

Но как мог зародиться коллективный разум там, где нет никакого единения? Даже насекомые, объединенные общим интеллектом, подвержены четким законам сплоченного существования, здесь же не было ни законов, ни сплочения. Только бескрайний хаос…

— Со временем ты все поймешь, и уверяю тебя — не полюбить Предел Хаоса невозможно, — убежденно произнес отец. — Ты будешь здесь счастлива, а я позабочусь о твоей маме. Она достаточно перенесла за последние годы и тоже достойна спокойной, счастливой жизни.

— И ты считаешь, что она будет счастлива оттого, что я заточена здесь? — спросила я, боясь пошевелиться и цепляясь взглядом за единственное, что не плыло и не меняло очертания, — фигуру бога Хаоса, дочерью которого мне не посчастливилось оказаться.

— Для матери главное, чтобы ее ребенок нашел свое место в жизни. А твое место именно здесь, дочь моя, — наставительно проговорил отец. — Для меня же важно, чтобы Агусте было спокойно и хорошо.

— Уж не пытаешься ли ты убедить меня в том, что действительно озаботился судьбой женщины, которую обрек на годы рабства? — зло поинтересовалась я.

— Сейчас тебе сложно понять, что все это было для вашего блага, но я уверен — твоя мать все понимает, — ответил Хаос. — И давай оставим этот разговор. Сейчас наша главная задача — раскрепостить твою божественную сущность и закрепить способности на практике.

— И как же ты хочешь это сделать? Ведь я не собираюсь превращаться в неконтролируемую, неуравновешенную полубогиню с манией величия. И я буду до последнего бороться за свою человечность, потому что ненавижу все, что есть во мне от хаоса, — говорила я резкими, отрывистыми фразами, не заботясь о том, как отреагирует отец на мой вызов. Протест во мне все разгорался, грозя захлестнуть волной ярости, и мне пришлось постараться усмирить гнев. Иначе я рисковала в одно мгновение подарить Хаосу победу над тем, что он считает лишним во мне, — над человеком.

— Ты жестока, как и все дети, — спокойно и даже покровительственно ответил отец. — Я и не ждал, что ты сразу же примешь свою судьбу. Ведь ты моя дочь и бунтарство у тебя в

крови.

Кровь-кровь-кровь, как же часто я в последнее время слышала это слово. И как было сложно смириться с тем, что во мне течет кровь Хаоса — отверженного всеми и отвергающего всех бога-бунтаря. Но я не хотела быть изгоем и не собиралась мириться с уготованной мне отцом участью.

— А если я не смогу прижиться здесь, если хаос меня не примет, ты и тогда будешь удерживать меня? Зная, что я несчастна, ты обречешь свою дочь на вечные страдания? — спросила я, с надеждой заглядывая в бездонные черные глаза Хаоса.

— Этого не будет, — уверенно ответил он.

— И все же — если будет именно так? — настаивала я.

— Тогда я отпущу тебя, — неохотно согласился отец. — Но этого не будет, здесь ты на своем месте.

— Ошибаешься, вся моя жизнь там. Там мои друзья, учеба, будущее. Здесь твой дом, но не мой. Пусть ты и отец мне по крови, но я рождена не для этого, — обвела я взглядом чарующий и ужасающий одновременно вид.

— Учеба? — усмехнулся Хаос. — Это пустая трата времени. Ты не нуждаешься в обучении смертных, знания всего миропорядка заложены в тебе с рождения. А друзей у таких, как мы, быть не может. Мы выше смертных и всегда будем над ними, а не наравне. Спустя несколько десятков лет они состарятся и умрут, а ты будешь жить веками. Уже сейчас там, за границей Предела Хаоса, время течет по установленному Хроносом порядку и твои так называемые друзья проживают свои пустые жизни, а здесь мы вне времени.

— Что это значит? — испуганно воскликнула я.

— Именно то, что ты подумала, — кивнул отец. — В Асгаране уже прошли годы и о тебе все забыли. Но ты сможешь вернуться в тот же день и час… если примешь хаос в себе. Вот только после этого ты не захочешь возвращаться. В любом случае решать тебе. Я прожил столько времен и вех, что могу с уверенностью сказать: предсказуемо всё и все, кроме меня и моего мира.

Значит, предсказуемо все, кроме хаоса, а я являюсь его представительницей. Ну что ж, папочка, тебе предстоит удивиться.

— Я согласна принять хаос, и посмотрим, примет ли он меня, — кивнула я уверенно. Хотя в душе таился страх, что отец прав и я потеряю себя. Но иного выбора мне не предоставили.

— Другого ответа я и не ждал, — улыбнулся Хаос. — Моя дочь не могла не принять вызов.

Калейдоскоп многогранного Предела Хаоса закружил меня в

непрестанном танце первозданного беспорядка, и я потонула в новых ощущениях. Этот вихрь словно затягивал меня в мерцающую воронку небытия, и мысли постепенно начали путаться, воспоминания ускользали, словно песок сквозь пальцы, и я почти потеряла себя, но краткие вспышки памяти не давали мне окончательно затеряться среди хаотичных всплесков невероятной силы. И я уже не могла понять — идет ли эта сила из меня или, наоборот, приходит ко мне извне. Казалось, еще один взрыв энергии — и меня расщепит на мельчайшие частицы, которые развеет по всему Пределу, я сольюсь с общим сознанием этого мира и уже никогда не вспомню себя.

Но, словно вырванные из зыбучих песков памяти, перед мысленным взором всплывали уже с трудом узнаваемые лица. Смеющаяся зеленоволосая девушка, молодой дракон, смотрящий на меня с нескрываемой обидой, бледная угрюмая ведьма и виновато потупивший взгляд оборотень — все они казались мне важными в прошлой, такой короткой и незначительной жизни. Сейчас же лишь легкая необъяснимая тоска говорила о том, что они были дороги мне когда-то. Очередное лицо, обезображенное душевной злобой и болезнью, заставило вздрогнуть и повлекло за собой следующее воспоминание. Мама! Моя терпеливая, сильная и всё понимающая мама. Если в той жизни остался человек, к которому я испытываю настолько сильное чувство, то возможно, она и не была такой пустой, как мне кажется сейчас?

И новый взрыв силы почти заставляет меня забыть всю прежнюю жизнь. Вокруг мелькают безобразные, но совершенные в своем уродстве морды, они зовут меня, преклоняются передо мной, молят остаться и позаботиться о них.

«Юна, Юнила, девочка моя, не оставляй нас», — словно сквозь толщу воды я слышу едва уловимый шепот. Но он так далек, практически недосягаем. И еще одна вспышка рвущейся на волю силы отбрасывает меня от этого голоса. Мне так спокойно и вольно в колыбели хаоса, что отказаться от этого практически невозможно. Я останусь здесь, ведь я им так нужна… и они мне нужны. Или не нужны?

Словно разрывая теплый кокон, окутавший меня с такой заботой, в сознание врывается очередное воспоминание — ночь, шум океана и лукаво улыбающийся мужчина, которого я хочу и одновременно не хочу поцеловать. Поцеловала ли я его? Память отказалась дать мне ответ на этот вопрос. Именно любопытство заставило сосредоточиться на образе мужчины — и меня будто ледяной водой окатило. Это Хронос! Воспоминания нахлынули буйной волной, сметающей все оковы хаоса, и трепетное, но такое стойкое чувство принадлежности другому миру придало сил,

дало толчок собрать себя по крупицам.

Я растерянно осмотрелась и обнаружила себя сидящей на каменном троне, который возвышался над просторами Предела Хаоса. Неужели я действительно восседаю на троне, стоящем на высокой скале? Я — Юнила, бывшая невольница, студентка академии и протеже Хроноса, теперь единственная и полноправная властительница Предела Хаоса.

Я вернулась, нашла себя среди песков и топей бескрайнего беспорядка, но отца рядом уже не было. Не было никого и ничего, кроме бесконечной силы и пьянящего ощущения власти над этой силой. Я могла создавать миры и превращать их в пыль. Могла только лишь одной силой мысли уничтожить лежащее у моих ног великолепие первозданного хаоса… или расширить его владения, поглотив другие миры.

Но там, за пределами моих владений, меня ждали и надеялись на мое возвращение. Могла ли я вернуться? Конечно, могла! Но тогда Предел Хаоса навечно потеряет меня. Я потянулась к несокрушимому, вечному разуму беспорядка и почувствовала его отклик. Он не был беспомощен. Отец ошибся, Предел уже давно способен жить своей жизнью, без руководства богов. Он сам стал совершенным, уникальным во всем миропорядке созданием, не нуждающимся в чьей-либо поддержке.

«Отпускаешь ли ты меня?» — вопросила я у Предела.

«Да, — разлилось раскатистым эхом по бескрайним просторам. — Отпусти и ты меня».

— Отпускаю, — прошептала я одними губами.

Болезненная, жгучая вспышка, словно огненный вихрь, разрывает сознание, и передо мной открывается то, что уже было или только будет. А возможно, и не произойдет никогда.

Земля, которая еще несколько мгновений назад была покрыта изумрудной травой, простиралась сухой, потрескавшейся пустошью, по которой одиноко катились пучки сухой серой растительности. Воздух стал одновременно обжигающе сухим и вызывающим дрожь озноба. А в центре этой ужасающей неправильностью площади стояли двое сильнейших. Двое врагов, противостояние которых длилось не одно тысячелетие и продлится до скончания времен.

Я же смотрела на них и с ужасом осознавала, что не могу остановить эту вражду. И никогда не смогу. Любима ими и любя их обоих, я стала лишь очередной причиной для продолжения многовековой вражды. И я не могу выбрать… Никогда не смогу…

Мои ли это были мысли? Да, это именно я испытывала разрывающие на две части противоречивые чувства. Теперь,

познав себя и силу своей крови, я могла видеть на века вперед и твердо знала, что Хаос и Хронос будут непрестанно противостоять в стремлении доказать друг другу, что я предпочла одного из них. Но я не могла сделать выбор. Ведь я люблю и отца, и Амниоса. Или мне только предстоит их полюбить? Одно я знала точно: они оба нужны мне и я не готова отказаться от одного, отдав предпочтение другому. Отныне я буду стоять между ними, не позволяя окончиться их вражде и свершиться решающей битве.

Картина возможного грядущего исчезла так же внезапно, как и появилась. И ко мне пришло осознание: вот в чем заключался коварный план Мойры. Она сделала меня уравнителем, не дающим Хаосу и Хроносу уничтожить в противостоянии созданные ими миры. Мойра — младшая из сестер судьбы — обыграла их обоих. В стремлении спасти судьбы смертных, которые она уже вплела в свое полотно, виртуозная ткачиха сделала то, чего не мог сделать никто — она запечатлела на века борьбу двоих сильнейших, обрекая их на вечное противостояние без возможности разрешить его в чью-либо сторону. И мне предстоит стать той, кто будет стоять между ними, не позволяя совершить величайшую ошибку — утопить миры в бессмысленной ярости. Двое высших богов были так высокомерны, они даже помыслить не могли, что Мойра посмеет вторгнуться в их жизни. Я же стала инструментом в ее безупречном плане. Но была ли я зла на нее за это? Нет! Я была благодарна ей. Отец прочил мне свое место, надеясь на освобождение от столь ненавистных ему обязательств. Но эти обязательства оказались эфемерными. Хаос достиг величайшего мастерства, он создал высший разум, практически равный божеству, и в моем присутствии не было нужды. Хронос же в своем высокомерном величии и не подозревал, что Мойра с такой легкостью сплетет наши судьбы в одну нить.

Я могла бы еще долго восхищаться мастерством божественной ткачихи, но Предел Хаоса получил долгожданную свободу и спешил избавиться от меня. Трон и скала под ним начали осыпаться, и я упала во взметнувшееся ввысь облако превратившихся в черный песок скал, потеряв все ориентиры и счет времени. Меня накрыло покрывалом каменной пыли, и я провалилась в умиротворенное забытье.

* * *

— Она здесь, — донеслось откуда-то издалека.

— Да не кричи ты, видишь — уснула. Переволновалась,

наверное, — ответил кто-то громким шепотом.

— Надо разбудить ее и отвести в спальню, — не унимался крикливый девичий голос.

Послышался шорох открываемой двери, и еще один, на этот раз мужской, голос проговорил:

— Не надо будить, я отнесу ее.

Меня бережно подняли на руки и куда-то понесли. Открывать глаза и смотреть, кто нарушил мой покой, не хотелось. И даже то, что я понятия не имела, где нахожусь и кто эти люди, не пробудило любопытство. Вреда мне точно не смогут нанести. Достаточно лишь одного мысленного приказа — и обидчики будут уничтожены. В полусонное состояние вплетались воспоминания и образы проведенных в Пределе Хаоса дней или лет… а возможно, и веков. Я создавала новые жизни и с такой же легкостью уничтожала посмевших воспротивиться хаосу. Вершила судьбы сонма порождений хаоса и принимала, возможно, и неверные в моем понимании, но единственно правильные для блага Предела решения. Ни на мгновение не усомнившись, превращала в пыль целые кланы и сотворяла из этой пыли новые. И это все делала я? Или все же это был хаос, затопивший мой разум, завладевший им и заставивший меня забыть себя? Ответа на эти вопросы у меня не было. Но я и не хотела знать. Возможно, позже, спустя века, я и смогу признать, что это все было совершено мной, но не сейчас. Сейчас нужно поспать, сбросить с плеч возложенную на меня ношу и просто отдохнуть. Ведь я не спала вечность. Или, напротив, пребывала во сне века?..

* * *

— Юна, вставай! — требовал кто-то, тряся меня за плечо. — Ну просыпайся же! Все уже в столовой, и наша надзирательница очень недовольна. Мы так на занятия опоздаем.

Я неохотно открыла глаза и увидела нависающее надо мной недовольное курносое личико в обрамлении темно-зеленых локонов.

— Ты?.. — прошептала я, намереваясь спросить, кто эта девушка, и смолкла. Воспоминания накрыли меня волной смешанных чувств и эмоций.

Это была Кико! Моя взбалмошная, но от этого еще более любимая подруга Кико. А я находилась в той самой спальне, которую выделил для нас с подругами Хронос в своем дворце. Мне хотелось петь и прыгать от переполняющего меня счастья. Но я лишь улыбалась, глядя на грозно сдвинувшую брови кикимору.

— И долго ты еще будешь мне глазки строить? Я вообще-то не нарай. На нем практикуйся. А сейчас подъем! — приказала подруга, срывая с меня одеяло и буквально силой вытаскивая из постели. — И поторопись. Нам всем интересно, о чем вы там с нараем договорились. Только переоденься, вчера ты, кажется, была в другой одежде. И где только нашла эту хламиду?

И Кико убежала, оставив меня одну. Подойдя к большому напольному зеркалу, я осмотрела себя и усомнилась в том, что это действительно мое отражение.

Из глубин зеркальной глади на меня смотрела юная привлекательная девушка, в улыбке и взгляде которой не было ни боли, ни тяжести проведенных в Пределах Хаоса веков. И лишь черное свободное платье без рукавов, перехваченное на талии серебристым пояском, доказывало, что пребывание в мире Хаоса не было сном.

Я открыла шкаф с одеждой, выбрала, во что переодеться, и на мгновение закрыла глаза. Спустя миг, взглянув на свое отражение, я довольно улыбнулась и отправилась в столовую. Приобретенные с приятием в себе хаоса силы остались при мне — на переодевание и утренний туалет мне понадобилась всего пара секунд. Но друзьям я решила пока ничего не рассказывать. Они вряд ли поймут, и мне не хотелось испугать их своими новыми возможностями.

— Всем доброго утра, — поздоровалась я с уже приступившими к завтраку студентами. — А где Рэндом? — спросила я, обведя взглядом присутствующих и не заметив среди них оборотня.

Последний наш разговор оставил много вопросов, и мне не хотелось потерять друга.

— Он еще вечером собрал вещи и ушел, — беззаботно пожал плечами Салимо. — И правильно сделал, а то у меня руки чесались начистить ему… В общем, ушел.

— Да забудь ты про Громиро. Больше он тебя не потревожит, а если посмеет, то я его в такие топи загоню, что мало не покажется. Будет вместе со своим дружком Альфредом пиявок кормить, — заявила Кико.

— Альфред и твоим дружком был, — заметил Салимо.

— Это было давно, забудь. Теперь я совершенно свободна и готова к новым отношениям, — томно взглянув на дракона, ответила кикимора.

— Давно? Да вы всего три дня назад расстались, — ехидно усмехнулся Салимо.

— А мы и не встречались по-настоящему, — произнесла Кико, вздернув подбородок и устремив на дракона самоуверенный

взгляд.

— Рассказывай, о чем с нараем договорилась, — вставила Медина, махнув рукой на сверлящих друг друга взглядами кикимору и дракона.

— Я все рассказала ему, и он пообещал сегодня же переселить маму во дворец, — ответила я, борясь со щемящим чувством в груди. Мама… как же давно я ее не видела.

— Ты что, плакать собралась? — поинтересовалась ведьма, и на меня уставилось три пары внимательных глаз.

— Нет, что вы? Все замечательно. Амниос пообещал, что Контино меня больше не побеспокоит и мама будет жить совсем рядом. Все замечательно, — заверила я друзей.

— Амниос. Вы только послушайте, она уже нарая по имени называет, — посмеиваясь, произнесла Кико.

— А как мне его называть? Он всего лишь один из богов, — пожала я плечами. Но тут же опомнилась и добавила: — Это я при вас так его называю.

— Ты какая-то другая сегодня, — сощурившись, проговорила Медина. — Сильнее и увереннее, что ли.

— Тебе показалось, — ответила я холодно и уделила внимание завтраку.

Друзья больше ни о чем не спрашивали, но иногда я ловила на себе их недоверчивые взгляды. Похоже, мне все-таки придется рассказать им о том, что я приняла свое происхождение. Но о том, где я пребывала в течение долгого времени, говорить не хотелось. Ведь для них прошло всего пару часов, а я прожила сотни человеческих жизней, совершая поступки, на которые не способен ни один смертный. Признать, что я теперь не такая, как они, было сложно, даже для себя. А уж им в этом признаваться вообще не хотелось. Ведь тогда я навеки потеряю друзей, которые все еще свято верят в то, что без них я пропаду. И я действительно не справилась бы без их незримой помощи и поддержки.

— Мне нужно поговорить с нараем, — произнесла я, встав из-за стола.

Но уйти не успела, дверь в столовую открылась, вошла пожилая нара, приставленная к нам в качестве смотрителя, и уведомила о том, что нас уже ждет экипаж.

Пришлась бежать за сумкой и отправляться в академию. Возможно, я и изменилась, но все остальное осталось прежним. Учеба, обязательства студентки и четкие график обучения были неподвластны даже хаосу. В Амнистании царили неколебимые покой и порядок, установленные Хроносом.

Но я все равно увижусь с Амниосом, пусть и не сейчас. Мне

предстояло многое обсудить с ним. И одним из тревожащих меня вопросов была сложная ситуация в уже ставшей родной Родинарии. Если Хронос правит в этом мире, то он обязан заботиться не только о жителях Амнистании, но и о других государствах Асгарана.

Сегодня студенты встретили нас более лояльно. Вернее, на наше прибытие вообще никак не отреагировали. И причиной тому, как я подозревала, был Рэн, который лишь на мгновение показался на пороге академии и, обведя суровым взглядом присутствующих, скрылся за дверью. Оборотень довольно ясно дал понять, что видеться со мной не хочет, но я не собиралась отступать. Сегодня я во что бы то ни стало встречусь с ним и дам ему полную свободу от моей крови. Теперь я знала, что это вполне возможно, и, самое главное, у меня были силы, чтобы сделать это. Вероятно, освободившись от зова божественной крови, он избавится и от привязанности ко мне, и мы сможем остаться друзьями. Теперь, пройдя испытания хаосом, я понимала, что Громиро — лишь жертва обстоятельств и не заслуживает осуждения.

Занятия начались как обычно, на нас с Мединой не обращали внимания не только сокурсники, но и преподаватели. Но теперь я не нуждалась в помощи подруги при конспектировании. Мне и записывать лекцию не было нужды, я знала гораздо больше преподавателя.

— Не стоит, — произнесла я, когда ведьма протянула руку, чтобы зачаровать мою ручку. — В этом нет больше надобности.

— Как скажешь, — пожала плечами Медина. — Я чувствую, что ты стала другой. Захочешь — сама расскажешь.

— Расскажу, когда буду готова, — кивнула я.

— Можешь не утруждаться, я и так уже догадываюсь, — усмехнулась ведьмочка. — От тебя пахнет так же, как от моей богини. Значит, ты приняла свое предназначение.

— И что ты об этом думаешь? — настороженно спросила я.

— Да ничего, — усмехнулась Медина. — Если бы я выбирала друзей по их способностям, то вообще одна бы была. Хотя постой, у меня и так нет друзей, кроме тебя. Всегда знала, что обладаю идеальным вкусом.

Ведьмочка задорно подмигнула мне и уткнулась в тетрадь, записывая лекцию.

Как только Далиус оповестил всех об окончании занятия, я поспешила удалиться из аудитории, чтобы найти Рэндома. Долго искать не пришлось: мне достаточно было пожелать, чтобы путь к оборотню открылся, — и я уже знала, где он находится.

Оборотень стоял у окна пустующего пока помещения

алхимической лаборатории. Защита академии попыталась воспротивиться, но я мгновенно подавила влияние слабой магии смертных.

— Не думал, что ты захочешь увидеться со мной, — проговорил Рэн, стоя ко мне спиной. — Я чувствую новые оттенки твоего запаха. Ты изменилась. Расскажешь?

— А ты готов услышать то, что я скажу? — спросила я, закрыв за собою дверь.

— Зависит от того, что ты скажешь, — усмехнулся оборотень. — Я чувствую твою силу и с трудом сдерживаюсь, чтобы не встать перед тобой на колени. Но также я чувствую, что ты этого не хочешь, и меня разрывает на части это противоречие.

— Отпускаю тебя, Рэндом Громиро. Ты больше никогда не почувствуешь преобладание моей крови над собой, — произнесла я тихо, но уверенно.

В то же мгновение Рэн метнулся ко мне и прижал к запертой мной же двери.

— Я знаю, что ты можешь лишить меня дыхания жизни в одно мгновение, но не хочу думать об этом, — прошептал он, прижимаясь ко мне всем телом и удерживая мои руки над головой. — Ты сама дала мне свободу и знала, чего я хочу.

— А ты действительно знаешь, чего хочешь? — спросила я шепотом.

— Знаю, — ответил эхом оборотень и впился в мои губы яростным поцелуем.

Я не успела не то что сделать что-то, даже подумать о сопротивлении, как над нами словно бездна разверзлась и у меня в голове прогрохотал разъяренный голос.

«Я готов мириться с чем угодно, но не с этим», — произнес Хронос, сотрясая стены своим голосом.

Громиро отпрянул от меня, но не ушел, глядя в глаза и словно ожидая одобрения.

— Прости, — прошептала я, не в силах противостоять голосу того, кто будет в моей душе века спустя.

Рэндом ушел, но его взгляд, брошенный напоследок, оставил в моей душе надежду на долгую и чистую дружбу между нами.

День прошел в раздумьях и переживаниях, что не помешало мне вспомнить об обещании Амниоса, и сегодня я надеялась встретиться с мамой.

В столовую я отказалась идти, не чувствуя потребности в еде, но незримое присутствие Хроноса давило на меня раздражающей ношей, и я осмелилась противостоять ему.

Сначала, заблокировав его слежку, я почувствовала облегчение, но уже спустя несколько минут ощутила едва

уловимую потребность поделиться своей силой с кем-нибудь. Борясь с этим чувством, я сходила еще на одно занятие, но желание приблизиться к силе бессмертного все росло, и я сдалась.

«Я жду тебя», — прозвучало в моей голове, как только я ослабила барьеры хаоса. И ничего уже не сдерживало меня в желании оказаться рядом с тем, кто обещан мне Мойрой.

Оставив друзей дожидаться экипажа, я удалилась в глубь академического парка и позволила его желанию перенести меня к нему.

— Ну, здравствуй, Хаора, — произнес нарай, как только я очутилась на пустынном морском берегу. — Или ты предпочитаешь свое человеческое имя?

— Я не меняла своего имени и впредь не собираюсь, — ответила я, сохраняя ложную холодность.

— Но тем не менее ты приняла себя и теперь являешься полноправной богиней хаоса, — стоя сзади и почти касаясь моей спины грудью, продолжил Хронос. — И хаос дал тебе новое имя.

— А я отвергла это имя, так же как и сам Предел, — возразила я.

— Но не отвергла его силу, — прошептал Амниос прямо у моего уха.

— Тебя это тревожит? — поинтересовалась я, борясь с желанием повернуться и прижаться к нему.

— Очень тревожит, — посмеиваясь, ответил он. — Ведь это означает, что в гневе ты будешь почти равна мне. А мне не хотелось бы, чтобы из-за наших ссор рушились горы и вскипали океаны.

— А ты не зли меня, — усмехнулась я и, резко развернувшись, обвила его шею руками.

Пусть мне и не было подвластно время в той же мере, что и Хроносу, но теперь я видела, что ожидает нас. И бороться с собой мне совершенно не хотелось. Видимо, опыт рабства сыграл немалую роль в приятии того, что наши судьбы были сплетены не высшим началом миров, а слабой на первый взгляд, но на поверку оказавшейся весьма изобретательной богиней низшего порядка.

Амниос же положил руки на мою талию и слегка отстранил меня, не позволив поцеловать его.

— Так ты решила не противиться планам Мойры? — спросил он, пристально глядя мне в глаза.

Я почувствовала себя глупой и неопытной девчонкой и отошла на пару шагов.

— А ты? — спросила я напряженно.

— Видишь ли, — замялся Амниос, — все дело в том, что пока ты была обычной полукровкой без божественной силы, противостоять нитям Мойры было бесполезно. Теперь, когда ты обладаешь силами хаоса, мы вместе можем разрушить эту связь. И не рассказать тебе об этом было бы несправедливо. Так ты все еще не хочешь противиться нитям судьбы?

— Прошу прощения за то, что несведуща в подобных вопросах, нарай Хроно. Если вам угодно освободиться от пагубного влияния Мойры, то я с радостью поддержу вас, — произнесла я отстраненно. — Но позже. Сейчас мне необходимо увидеться с матерью.

— Ну вот, я невольно оскорбил тебя, — с сожалением вздохнул Хронос.

— Нисколько. Все закономерно и логично. Позже я сделаю все возможное, чтобы избавить вас от своего присутствия. А сейчас прошу извинить, мне пора, — проговорила я настолько холодно, насколько была способна, и поспешила покинуть хранящий бередящие душу воспоминания берег.

Я рванулась к маме сквозь время и пространство, чтобы прижаться к ее груди и рассказать о своей глупости и боли. Уже покинув Хроноса, услышала его крик «Постой!», но не вернулась. Какой же я была наивной, полагая, что теперь, когда стала богиней хаоса, буду равной ему и он захочет принять уготованную нам Мойрой судьбу! Ткачиха просчиталась, она не учла высокомерие и предвзятость высшего бога. Оставалось только надеяться, что, уничтожив связующие нас нити, я перестану чувствовать сжигающую изнутри боль и пустоту. Возможно, мне не стоило покидать Предел Хаоса? Ведь там я была желанна и любима…

* * *

Я открыла глаза, лишь услышав произнесенное самым родным и любимым голосом свое имя.

— Юнила, — почти прошептала мама.

И я бросилась к ней, совершенно не обращая внимания на окружающую нас обстановку.

— Потрудитесь объяснить, юная нари, кто дал вам разрешение на перемещение во времени и пространстве при несоблюдении непреложного запрета на контакт с разумными существами? — строго вопросил кто-то у меня за спиной.

Я проигнорировала требование незнакомой женщины, продолжая обнимать маму. Вокруг слышались шепот и шуршание

бумаги.

— Ты что творишь, дочка? — прошептала мама мне в ухо.

И лишь тогда я осмотрелась: мы находились в учебном классе и на нас смотрели около сорока пар любопытствующих глаз. Все они спешно позакрывали тетради, переводя заинтересованные взгляды с меня на негодующую преподавательницу и обратно.

— Да вы посмотрите на ее ауру! — воскликнула красноволосая, вызывающе одетая девица с маленькими рожками на лбу и беспокойным длинным хвостом, кончик которого украшал черный костный нарост в виде сердечка. — Это же полукровка! Никак дочка нашей Агусты и заклеймившего ее бога пожаловала.

Хватило лишь одного взгляда, чтобы наглая представительница низших родов народов Аида смолкла и поджала мелко подрагивающий хвост, обвив его вокруг ноги.

— Я понимаю, что происхождение дает вам некоторые преимущества, нари, но подобное поведение недопустимо, — строго произнесла пожилая эльфийка с несвойственным чистокровным эльфам карим цветом глаз.

— Я ни в коем случае не хочу вас обидеть, но степень допустимости моих поступков за гранью вашего понимания, — ответила я, повернувшись к преподавательнице.

Нара заметно испугалась, попятилась и едва не упала, споткнувшись о стул.

— П-п-рошу прощения, — пролепетала она и упала на колени.

— Поднимитесь немедленно! — воскликнула я. — И никогда не смейте вставать на колени перед кем бы то ни было.

— Простите, — прошептала женщина, поспешно встав, но не решаясь взглянуть мне в глаза.

— Как мне плохо, — простонала одна из студенток, судя по цвету глаз и кожи, представительница растительной стихии. — Я чувствую боль и тоску, — всхлипывая, добавила она, утирая вязкие, как древесная смола, слезы.

От юной энты всех отвлек вой оборотня в другом конце помещения. Кто-то начал громко рыдать, земляной дракон, сидящий рядом с мамой, остервенело раздирал отросшими когтями пол, стремясь добраться до своей стихии, душераздирающе закричала банши, пряча лицо в почерневшие руки. Все мамины сокурсники будто с ума посходили. И лишь одна спокойно подошла ко мне, положила левую ладонь на мою грудь и закрыла глаза.

— Я забираю твою боль и отдаю ее пустоте, — прошептала она, утирая второй рукой вытекающие из-под опущенных ресниц

кровавые слезы.

— Стой! Прекрати, — потребовала я, отталкивая ее от себя. Она не знала, что я не простая полукровка, и могла погибнуть.

Девушка отдернула руку и медленно осела на пол.

— Она умерла? — шепотом спросила мама.

— Больше никто не умрет из-за меня, — ответила я и встала на колени перед бездыханным телом.

Да, я могла вернуть ее к жизни, но лишь вдохнув в ее тело хаос. Пусть душа еще и не покинула ее, но хаос исковеркает ее до неузнаваемости. Имею ли я право обрекать эту жизнь на вечное противостояние несокрушимой стихии?..

— Спаси ее, если можешь, — положив руку на мое плечо, попросила мама, и я решилась.

Но как только я прикоснулась ладонью к груди погибшей по моей вине девушки, время замерло и мое запястье схватили сильные пальцы, отдернув руку от умершей, и прозвучал разгневанный голос Хроноса.

— Ты что творишь? — вопросил он, возвышаясь надо мной во всем величии высшего божества. Он был великолепен в свечении своей силы и страшен в гневе.

— Я хочу спасти ее, — беспомощно прошептала я.

— Ты хоть понимаешь, что возродишь хаос в теле друида? — зло проговорил Амниос. — Ты едва не создала величайшее зло смертного мира.

— Так спаси ее сам! — воскликнула я, не в силах бороться с катящимися по щекам слезами.

— Только не мешай, — приказал нарай, и тело девушки окутала призрачная дымка, после чего она словно повторила все то же, что делала до смерти, но в обратном порядке. И когда она, живая и стремящаяся помочь мне, приложила руку к моей груди, между ее ладонью и моим телом легла рука Хроноса. Девушка отпрянула, извинилась и вернулась на свое место.

И никто не видел того, что произошло, для них этого и не было. Амниос все исправил, но у меня в душе зародилось что-то черное, холодное и болезненно пульсирующее — осознание того, что я могу принести лишь боль и разрушение. Разве может тот, кто вершит времена и создает порядок, полюбить такую, как я? Конечно же нет! Обида на Хроноса сменилась холодным и безэмоциональным осознанием, что Мойра совершила величайшую ошибку: она попыталась соединить несочетаемое. Я — порождение Хаоса, зло, чернота, стремящаяся изуродовать чистоту жизни, я не достойна существования в мирах света и порядка.

— Пойдем поговорим в моей комнате, — прокричала мама,

перекрывая вой и крики обезумевших сокурсников.

Как только за нами закрылась дверь, в классной комнате воцарилась тишина, в которой неестественно громко прозвучал голос преподавателя.

— Новая темя занятия: влияние божественных флюидов на общую эмоциональную атмосферу чувствительных к потокам существ, — проговорила эльфийка хриплым голосом. — Записываем: боги существуют в высших сферах, пересекающихся с бытием своих созданий лишь в тех случаях…

— Идем, милая. Нам нужно многое обсудить, — заботливо обнимая меня за плечи, произнесла мама.

Как же я была рада, что она не оттолкнула меня, не побоялась, а вопреки всему проявила заботу и понимание.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как мы остались одни, но когда дверь приоткрылась и в комнату заглянула встревоженная ведьма-алхея, мамино плечо и подушка на ее кровати были мокрыми от слез.

— Я извиняюсь за беспокойство, но меня как самую непробиваемую в области витающих в воздухе эмоций отправили узнать, все ли у вас в порядке, — проговорила ведьма, входя и прикрывая за собой дверь. — И, как вижу, у вас все совсем мокро.

— Сейчас не время для твоего сарказма, Бастина, — одернула ее мама.

— Да брось, Агуста! — отмахнулась ведьма. — Кому, как не мне, знать о жестокости мужчин, будь они богами или простыми смертными. Ты, со своим куцым опытом в личных отношениях, точно ничего путного девочке не посоветуешь.

— У вас здесь что, все взрослые учатся? — борясь со всхлипами, спросила я у мамы.

— Нет, только те, кто в юности был занят личной жизнью, — хохотнула Бастина. — Ну, рассказывайте, какой гад обидел такую милую малышку?

— Хронос, — всхлипнула я.

— Мда, все сложнее, чем я думала, — протянула ведьма, оттесняя от меня маму. — А расскажи-ка мне поподробнее, чем он тебя так?

— Лучше я расскажу, — вклинилась между нами мама.

Я опасливо посмотрела на нее, но она ободряюще улыбнулась, и страхи, что мама расскажет о моем пребывании в Пределах Хаоса, отпали. Я действительно боялась осуждения, изливая душу самому близкому человеку, и опасалась, что она не поймет того, что я творила, будучи правительницей Предела. Но мама все поняла и не осудила. Только злобно сощурилась при упоминании об отце и пообещала, что он за все ответит, если она

когда-нибудь доберется до него.

После рассказа мамы Бастина задумалась на минуту, почесала подбородок, выдернула из него короткий ярко-синий волосок, посетовала на новое зелье, разглядывая удаленный волос, выбросила его и потребовала от меня подробностей.

— А перескажи-ка мне дословно, что он тебе сказал, — произнесла ведьма, сощурившись. — Мое алхейское чутье подсказывает: что-то здесь не так.

— Вот только не надо его оправдывать, — проворчала мама. — Все они такие, эти боги.

— Да тебе-то откуда знать? — отмахнулась Бастина. — Ты со своим-то едва знакома. Видать, прижали его, вот и сбежал. А не сбежал бы, так до сих пор бы пылинки сдувала.

— Это почему? — возмутилась мама.

— Да я прямо шкурой чувствовала, как ты по нему сохнешь, когда рассказывала про ваши встречи, — усмехнулась ведьма-алхея.

— Уже не сохну, — ответила мама. — Он мою дочь обидел.

— Разберетесь еще, — махнула рукой Бастина и, вновь оттеснив маму, потребовала: — Пересказывай дословно.

— Я лишь рассказал девушке о возможности избавиться от меня, — неожиданно прозвучало рядом.

Я вздрогнула и забралась на кровать с ногами, спрятавшись за мамину спину. Что здесь делает Амниос?!

— Ты же обещал, что не будешь следить за мной! — воскликнула я, по-прежнему пряча заплаканное лицо.

— Я солгал, — беззаботно ответил он. — Вернее, я обещал это маленькой запуганной девочке, а не почти равной себе. Так что все мои обещания можешь считать аннулированными.

— Очень некрасиво, уважаемый нарай, — погрозила ему пальцем Бастина. — Вы только не подумайте, что я вас не уважаю как правителя, но правда некрасиво.

Ведьма позерски поклонилась, схватила маму за руку и попыталась вытянуть ее из комнаты.

— Прекрати! — потребовала мама, строго взглянув на подругу. — И даже не думайте, что я оставлю вас наедине со своей дочерью, будь вы хоть самым величайшим из богов, — добавила она, бесстрашно посмотрев на Амниоса.

— Вас я никогда не посмел бы обидеть, — склонив голову, ответил Хронос.

— Ты только посмотри, он уже ищет подход к будущей родственнице, — прошептала Бастина и буквально силой вытянула маму за дверь, окутав желтой дымкой принуждения ее талию.

Мама вскрикнула и постучала в дверь, но послышался шум голосов, топот множества ног — и все стихло.

— Только не думай, что это я заставил их увести твою мать, — проговорил Амниос.

— А что мне думать? — поинтересовалась я, сидя на кровати мамы спиной к нему. — Зачем ты пришел? Так сложно дать мне хотя бы попрощаться с самым близким человеком перед возвращением в Предел?

Послышался шумный вздох и неожиданно разгневанный голос Хроноса:

— Я не позволю тебе вернуться в хаос!

— Я и есть хаос, — ответила я, резко повернувшись к нему. — Я правительница Предела и властительница отверженных миров. Ты смеешь удерживать меня?!

Хронос посмотрел на меня совсем иным, лишенным понимания и теплоты взглядом.

— Не думал, что свобода от меня окажется для тебя столь желанной, — грубо произнес он и исчез.

А я не могла больше оставаться здесь, обременяя маму своей болью. Когда она вошла в комнату, я лишь прошептала: «Люблю тебя» и ушла.

Остались только друзья. Лишь с ними я не простилась. И я пошла к ним. Кико, Медина и Салимо были в столовой, когда я явилась перед ними в черных разводах хаотического естества. Я больше не прятала своей сути, в глубине души надеясь, что и они прогонят меня. Тогда в этом мире не останется ничего, достойного моего внимания, и я смогу спокойно уйти.

— Юна! — воскликнула кикимора, вскочив из-за стола и уронив вилку на пол. — Что это с тобой?

— Она уже с утра такая, — флегматично заметила Медина. — Стала богиней и теперь мечется, как загнанный зверь.

— А я не чувствую особой разницы, — скованно улыбнулся Салимо. — Как была растерянной, так и осталась. Юна, может, присядешь? Поговорим.

— О чем? Вы же боитесь меня! — воскликнула я, не контролируя голос и сотрясая стены его грохотом.

— Думаешь, ты напугаешь меня вывертами своего переходного возраста? Посмотри на меня! — усмехнулся дракон. — И я видел твою душу изнутри, я знаю, что ты не такая, какой хочешь казаться. Это не ты.

— Точно знаешь? — шепотом спросила Кико, прижимаясь к нему и тем самым отстраняясь как можно дальше от меня. — Мне страшно и холодно, Юна, я люблю тебя, но не могу противостоять твоему желанию оттолкнуть меня.

— А я могу, — ехидно усмехнулась ведьма. — Арахна дает некоторые преимущества. Например, она позволяет увидеть все ее глазами. А у нее много глаз.

— И что же она видит? — спросила я, все больше оказывая давление на друзей. Я была слишком слаба, чтобы уйти сама, мне было необходимо, чтобы они меня прогнали.

— Она видит то, что ты сама не хочешь признать, — мы нужны тебе. И можешь стараться, сколько хочешь, я всегда умела предвидеть перспективу. Моя перспектива в дружбе с тобой. — Медина встала и подошла ко мне, не обращая внимания на расплывающееся вокруг меня черное пятно хаоса.

— Я не могу, — прошептала Кико, съежившись и вжавшись в свой стул.

Салимо попытался приблизиться, но засветился золотистым светом и отпрянул, его естество золотого дракона отвергало хаос.

— А мне не страшен хаос, если он исходит от тебя, — воскликнул Рэндом, ворвавшийся в столовую и обескуражив всех, и меня в том числе, тем, что подошел прямо ко мне и крепко обнял.

— Только не говори, что тебя послал он, — прошептала я, отвечая на объятия оборотня, и тут же потребовала ответа, прибегнув к силе хаоса: — Так или нет?!

— А ты ждала подвоха? — усмехнулся он. — Я и сам удивлен, что меня допустили к тебе.

— Вот, значит, как, — проговорила я спокойно. Меня саму удивило то, как быстро я обуздала бурлящий в душе хаос.

— Так-то лучше, — облегченно выдохнула Кико. — Я понимаю, что ты там какая-то сверхсильная богиня, но если ты еще хоть раз попробуешь так на меня надавить, то цаплик тебе в помощь! И даже не надейся, что привязанность моего питомца тебя спасет — обоих в топи отправлю, — разъяренно поведала кикимора.

— Прости, Кико, — покаянно проговорила я. — Больше такого не повторится.

— И что ты нам расскажешь? — спросил Салимо, усиленно делая вид, что ничего особенного не произошло.

— А ничего она вам не расскажет, не доросли еще, — заявила Медина, подмигнув мне. — Доедайте свои мышечные наросты и проваливайте спать.

— Мне не нужна еда, чтобы мышцы росли, — поддался на ее провокацию дракон.

— Тогда мозги наедай, — рявкнула ведьма и уволокла нас с Кико из столовой.

Рассказывать подругам о том, что заставило меня принять

решение покинуть их, я не собиралась, но они, словно прочитав мои мысли, и не спрашивали. Оставили меня одну в спальне и ушли. Как же я была наивна, полагая, что кикимора и ведьма просто дали мне возможность побыть наедине с собой! Как только за ними закрылась дверь, мое одиночество нарушил навязчивый шум прибоя.

— Я не хочу говорить с тобой, — прошептала я, выпуская хаос и обволакивая им каждый уголок спальни.

— Меня это не остановит, — шептал прибой в ответ.

— Зачем ты делаешь это? — спросила я едва слышно.

— Чтобы ты была моей, — ответил шум морского ветра.

— Я была твоей, и ты отверг меня, — прошептала я одними губами.

— Ты не позволила мне насладиться тобой, — прошелестел ветер, и моих губ коснулось его горячее едва уловимое дуновение.

— Ты играешь со мной! — выкрикнула я, позволив себе переместиться на песчаный берег.

— Не больше, чем ты со мной, — прошептал Хронос, касаясь губами моей шеи.

«Зачем ты делаешь это со мной», — подумала я, сдавшись.

«Только потому, что и ты делаешь это со мной», — подумал он в ответ.

Была ли моя жизнь до этого пустой? Ее словно вообще не существовало! Ожидала ли я подобного от близости с мужчиной? С другим — возможно, Амниос показал мне новые грани бытия! И я не была богиней в его объятиях, я была всего лишь женщиной, отдавшей свою душу мужчине. Тому единственному мужчине, который был предрешен мне Мойрой и который принял этот дар судьбы. Я не думала о том, что ожидает нас в будущем. Да я вообще была не в состоянии о чем-либо думать! Я просто принадлежала ему на горячем песке ночного берега, в окружении безмолвствующего леса и под звездами, единственными свидетельницами нашего единения.

Возможно, это и было бы самым незабываемым событием в жизни маленькой невольницы Юнилы, но для меня — дочери Хаоса, правительницы Предела — это значило не простое слияние двух тел. Произошло долгожданное объединение хаоса и порядка, двух сил, противостоящих друг другу на протяжении тысячелетий. Вражда была прервана в тот момент, когда я позволила Амниосу завладеть не только моим телом, но и разумом, впитывая каждую его мысль, каждое движение. Мы стали одним целым, и ничто не могло разрушить это слияние.

Ничто, кроме зыбкой реальности в лице моей неугомонной

подруги Кико…

Не знаю, как так вышло, но, перейдя из своей спальни к Амниосу на морской берег, я оставила переход открытым. Когда откуда-то сверху на нас свалилась визжащая не своим голосом кикимора, у меня даже мысли не возникло, что мы выглядим несколько фривольно. В первую очередь я переживала за подругу. Даже мне самой было неведомо, что может случиться со смертным, пересекшим время и пространство дорогой хаоса.

Кикимора смолкла так же резко, как и ворвалась в наше с Хроносом уединение. Девушка откатилась в сторону и села на песок, поджав ноги, не шевелясь и даже не моргая.

— Кико, как ты? С тобой все в порядке? — взволнованно спросила я, встав перед ней на колени, взяв за руки и заглядывая в глаза.

— Я даже думать боюсь, что вы тут делали, — прошептала подруга. — И почти рада тому, что совершенно ослепла. Одно ощущение голых тел под ладонями чего только стоит.

— Ты ослепла? — спросила я, надеясь, что Кико шутит.

— Судя по всему, да, — ответил вместо нее Амниос, помахав ладонью перед лицом моей незадачливой соседки. — Должно быть, горячие ветра хаоса обожгли ей глаза, но кикиморы довольно быстро регенерируют, — беззаботно продолжил он. — Так что нам не помешало бы одеться, — добавил он едва слышным шепотом, слегка касаясь губами мочки моего уха.

— Может, я и не вижу, но слышу-то хорошо, — проворчала Кико.

— Можно я ее навечно в лягушку превращу? — с мольбой глядя на меня, спросил Амниос.

— Не смешно, моя подруга пострадала, — одернула я его.

— Действительно, не смешно, — согласился Хронос. — Я бы даже сказал — трагично. И если бы это создание не было тебе дорого, за то, что она помешала нам, одной слепотой бы не отделалось. Это я тебе как один из самых сдержанных правителей говорю. Даже моему терпению рано или поздно может прийти конец.

— Прекрати, иначе опять все испортишь, — перебила я его.

— А я вообще-то все еще здесь, — вставила Кико.

— И на твоем месте я бы помолчал, чтобы не привлекать к этому факту лишнего внимания, — раздраженно ответил ей Амниос.

— Лучше на своем помолчи, — не менее раздраженно одернула его я и уделила внимание кикиморе: — Не слушай его, милая, давай-ка я верну тебя и позабочусь о твоих глазах, — проговорила я, приобняв подругу за плечи и помогая ей

подняться.

— Мы еще не закончили… разговор, — напомнил мне Амниос.

— Позже договорим, — ехидно ответила я, — если я не передумаю.

И мы с кикиморой вернулись в спальню, где задумчиво сидела на полу перед превратившимся в непрестанно шевелящиеся зыбучие пески ковром Медина и нервно расхаживал вдоль стены Салимо.

— Вернулись! — воскликнул дракон. — А мы уже собирались тревогу бить, а вы тут… — Салимо замер и даже дышать перестал.

— Ты бы хоть прикрылась, — флегматично произнесла ведьма.

Я взглянула на себя и, взвизгнув, метнулась в ванную. Как же я могла забыть, что полностью обнажена? «А разве это важно?» — вопросила моя божественная составляющая. Сила крови Хаоса была велика, но даже она не смогла унять румянец стыда на моих щеках.

— Я хочу это видеть! — воскликнула Кико из-за двери.

— Не много потеряла, ты вне конкуренции, — ответил дракон.

И я успокоилась. Незабываемое чувство родства с теми, кто был дорог мне вопреки зову крови и бушующему в душе хаосу, давало надежду на ту жизнь, которую я для себя желала. И именно осознание того, что те, кого я полюбила всем сердцем, не отвернутся от меня, придало сил. Я набросила на плечи халат и вышла из ванной.

— Мне нужно многое вам рассказать, — проговорила я уверенно.

ЭПИЛОГ

Прошло уже два месяца с тех пор, как я вернулась из Предела Хаоса, но почти ничего не изменилось. Почти… но не для меня.

Вся Амнистания знала в лицо ту, которая стала первой претенденткой на роль нарайи за многие века. И теперь это не было поводом для насмешек, ведь Амниос Хроно объявил о моем статусе официально. Вот только меня он не посчитал нужным уведомить. И когда я, ни о чем не подозревая, явилась в академию на занятия, передо мной сами собой открывались все двери, мне и моим друзьям кланялись все подверженные подавлению расы, и даже высокомерные элифы почтенно отводили взгляды. Как же мне было неприятно подобное преклонение. Я чувствовала себя самозванкой, обманывающей всех этих студентов. Ведь если бы все они знали, кто я в действительности, то не испытывали бы ничего, кроме отвращения и страха. История Амнистании укрепила в их сознании неприязнь к хаосу и всем его порождениям.

— Только не сорвись, — прошептала Медина, до боли сжав мою ладонь, когда в аудитории нас встретило то же подобострастие, что и в коридорах.

Ведьма словно чувствовала мое смятение и удерживала меня от бегства. Она же помогла мне совладать с эмоциями, когда преподаватель толерантности видов поздоровался сначала со мной, а потом уже с остальными.

— Если ты сейчас сделаешь глупость, то пострадаем все мы, — прошептала подруга, толкая меня к стулу.

— Поясни, — напряженно произнесла я.

— Даже пытаться не буду. И не проси меня рассказывать тебе, почему после занятий мы должны пойти в салон обрядовой одежды, — недовольно проворчала Медина.

— И почему же мы должны туда пойти? — тут же вопросила я.

— А это ты у моей богини спроси. Она мне это приказала, — злобно прошипела ведьма из клана черных пауков. — И нас будут сопровождать две арахийны-близняшки с пятого курса. А это тебе не я — благодушная ведьмочка-первокурсница. Арахийны — оборотни-паучихи, и они знают толк в одежде.

Я хотела продолжить расспросы, но Медина бросила на меня такой взгляд, что даже я — богиня Предела Хаоса — предпочла промолчать.

Как только закончилось занятие, которое продлилось около трех часов с редкими перерывами, преподаватель уведомил нас,

что практическая работа по объединяющим виды факторам будет проведена через три дня, по окончании внеплановых каникул по случаю великого празднества, и поспешил удалиться.

— Что за празднество? — спросила я у Медины.

— А ты не знаешь? — воскликнул проходивший в этот момент мимо нас Элит.

— Не знаю что? — поинтересовалась я, ожидая очередной каверзы от неугомонного эльфа.

— Сочувствую, — неожиданно искренне произнес он. — Все утренние газеты пестрят заголовками о том, что нарай нашел свою единственную и завтра возведет ее на престол нарайи. И это ты, Юнила.

— Что?!. - прошептала я, не веря его словам.

— Да вы только посмотрите! Она даже не знала! — воскликнул Элит. — Нарай сам все решил и даже не поинтересовался у нашей Юны, согласна ли она! Это правительственный беспредел!!!

Направляющиеся к выходу студенты остановились и все как один повернулись ко мне.

— Не позволим власть имущим злоупотребление положением в отношении нашей подруги! — провозгласил эльф, поднимая руку. — Не дадим сильным обижать слабых! Защитим честь нари и всей академии!

— Замолкни, — тихо произнес слегка шипящий голос, но все его услышали и поспешили удалиться.

Все, кроме Медины, продолжавшей держать меня за руку.

— Ты богиня, не забывай, — прошептала она едва слышно.

После того как я рассказала друзьям о своем новом статусе, они вопреки ожиданиям окружили меня еще большей заботой, опасаясь, что я не выдержу возложенной на мои плечи ответственности и потеряю себя.

— Юнила Нарисо… богиня Хаора, — растягивая слова и с видимым трудом сдерживая змеиное шипение, проговорила ректор Ишаро. — Ты и дальше будешь учиться в моей академии? И чему же ты сможешь здесь научиться? Разве ты уже не знаешь всего?

— Это вызов? — поинтересовалась я, выдернув ладонь из руки подруги. Как ни странно, но больше всего меня возмутило то, что Ишаро назвала академию Амниоса своей.

— Пока я здесь ректор, а ты студентка, не стоит портить со мной отношения, кем бы ты ни была. Я дочь великой Шочикецаль — богини змей, и во мне тоже течет божественная кровь, — меняясь на глазах, прошипела нара ректор. В считаные секунды ее лицо вытянулось в беззубую змеиную морду, ноги

превратились в длинное извивающееся змеиное тело, зеленоватые чешуйки которого отливали ядовито-зеленым. Уже через мгновение на меня смотрели желтые змеиные глаза. Глаза гигантской змеи!

— Уходи, — шепнула я Медине.

— Она никуда не уйдет, пока мы не выясним, кто главный в стенах моей академии, — прошипела Ишаро.

— Прячься под стол, — приказала я ведьме, и она беспрекословно повиновалась, забившись под ближайший.

— Думаешь, это спасет вас-с-с? — прошипела змея.

— Ее спасет, тебя — нет, — ответила я холодно и выпустила хаос.

Дикий нечеловеческий визг был прерван появлением Хроноса.

— Ты что творишь? — разгневанно поинтересовался он, появившись передо мной.

Ишаро продолжала корчиться и извиваться, но ее крик теперь был беззвучен.

— Лучше уйди, — прошептала я, с трудом сдерживая желание направить хаос и на него.

Неожиданно выскользнувшая из-под стола рука подруги сжала мои пальцы, и я успокоилась.

— Ишаро не трогать, она под моей защитой, — холодно произнес нарай. — И не позволяй себе лишнего, по крайней мере до церемонии. Не забывай, ты в учебном заведении, здесь же дети.

— До какой церемонии? — вопросила я.

— Разве это не очевидно? — удивленно вопросил Хронос. — Ты моя нареченная, и я хочу, чтобы об этом все знали.

— А мне знать не обязательно? — вновь начиная злиться, отчего в воздухе повеяло горячими песками хаоса, поинтересовалась я.

— Я думал, что ты это и так поняла, — пожал плечами Амниос.

— Ненавижу тебя, — прошипела я, направляя на него все свои силы.

Он конечно же отразил удар, но я еще никогда не чувствовала такой противоречивой ярости. Она не была холодной, как ненависть, это была горячая злость разгневанной женщины.

— Мне горячо, — откуда-то снизу прозвучал слабый голос, и злоба мгновенно угасла.

— Прости, — прошептала я, присев возле стола, под которым пряталась Медина.

— А возьму и не прощу! — обиженно проворчала она.

— Я жду тебя завтра у алтаря титанов, — произнес Хронос и исчез.

Вместе с ним исчезла и ректор Ишаро, но я уже и не хотела наказывать ее. Мне было стыдно за то, что я напугала подругу.

— Не хочу ничего слышать, мы идем в салон, — заявила она, не обращая внимания на мои извинения.

Обычный на первый взгляд салон одежды встретил меня приветливыми взглядами друзей, среди которых был и Громиро. Рэн сдержанно улыбнулся мне, но подойти к нему я не успела. Меня закружило в вихре тончайших нитей шелка и круговороте тканей различной степени белизны. Очнулась я лишь тогда, когда мое тело плотно опоясывало мягчайшее белоснежное платье.

— Ты будешь самой прекрасной из невест, — погладив меня по щеке, прошептал Рэндом.

— Невеста должна знать, чего она хочет, а я не знаю, хочу ли этого, — ответила я, наклонив голову и прижимаясь щекой к его руке.

— Ты знаешь, но боишься признаться себе, — с грустью улыбнулся оборотень. — Я всегда буду рядом, чтобы напомнить тебе об этом.

— Спасибо, — прошептала я и, не удержавшись, обняла его.

Все происходило так быстро, что я не успела до конца разобраться в своих чувствах. С одной стороны — Амниос был обещан мне Мойрой, и лишь с ним я видела свое будущее, а с другой — я не хотела терять то, что имела сейчас.

И словно прочитав мои мысли, меня с двух сторон обняли Кико и Медина. И это не было совпадением, они действительно чувствовали меня! Каким-то образом кикимора и ведьма стали частью моей божественной сути, без них не было бы и Хаоры. Без них не было бы меня такой, какой я стала!

Последние сомнения отпали, когда в наше единение вторгся придирчивый, возвращающий в ушедшее детство голос мамы.

— И что это за туфли? Я свою дочь в таком под венец не отправлю! — возвестила она. — Немедленно найдите что-нибудь удобное и устойчивое!

— Мамочка! — воскликнула я и разрыдалась, крепко обняв маму. Это были бы обычные слезы разволновавшейся девушки, если бы мама не отпрянула, остервенело стряхивая с себя жгучие капли расплавленного песка.

— Тебе еще долго предстоит учиться сдержанности, дочь моя, — прозвучало рядом, отчего я вздрогнула и отскочила в сторону.

Как же я была шокирована, увидев стоящего рядом с матерью

и обнимавшего ее за плечи отца! Хаос — бог беспорядка и собственно хаоса — просто стоял рядом с моей мамой и бережно приобнимал ее за плечи.

— Я все знаю и сожалею, — опережая меня, проговорила мама. — Но не спеши с осуждением: возможно, повзрослев, ты все поймешь.

Мама, моя всё знающая и понимающая мама, стояла рядом с ним, с тем, кто разрушил и вновь собрал по крупицам мою жизнь. И она просила не осуждать, простить и понять… Хаос и моя мать… Возможно, так и должно было быть, но для меня это оказалось так же тяжело, как и принять свою рабскую долю века… или все же несколько лет назад? Но злиться и ненавидеть я больше не хотела. Если мама будет счастлива, то я смирюсь с ее решением.

Мир вокруг словно схлопнулся, и я ощутила обволакивающий мое тело теплый песок.

— На сегодня с тебя хватит волнений, — прошептал Амниос мне на ухо. — Сейчас тебя ждет вполне смертное, но незабываемое ощущение — мы будем учиться плавать. И никакой божественной помощи!

— Я не согласна! — кричала я, отбиваясь, когда он подхватил меня на руки и понес к воде. — Я боюсь!!!

И боялась я в этот момент не воды, а того, что ждет меня впереди. Неприязнь и страх окружающих, осуждение посвященных, слабость перед своими страхами. И в противовес всему этому была только незыблемая сила веры близких в мою способность преодолеть все препятствия на пути к своему месту в мироздании.

— Все наше бытие — это страх и его преодоление, — посмеиваясь, ответил Хронос, погружаясь в воду вместе со мной. — И я помогу тебе, — прошептал он перед тем, как вода приняла нас в свои теплые мягкие объятия.

А спустя века… или мгновения… состоялись церемония возведения богини Хаоры в нарайи Амнистании и признание ее правительницей всего Асгарана.

И самым невероятным было то, что к алтарю титанов — месту зарождения божественной искры и поклонения величественным, покинувшим человеческие миры предкам — пришел Хаос. Нет, отец не примирился с Амниосом, но уже то, что он почтил нас своим присутствием, говорило о многом. Первый шаг к прекращению многовековой вражды был сделан. И я понимала: отчасти это произошло из-за того, что Хаос переложил на меня немалую долю ответственности за самую

неудержимую, буйную стихию — порожденный им вселенский беспорядок. Нет предела хаосу, кроме рамок его, а теперь и моего, разума.

Он не приближался к огромному, испещренному трещинами камню, который должен был навечно связать наши с Хроносом жизни, и наверняка ушел бы, обменявшись враждебными взглядами с моим избранником, но державшая его под руку мама что-то тихо произнесла — и Хаос остался, хоть и недовольно скривившись. В этот момент я позволила себе лишь на миг поверить, что они действительно любят друг друга. Но тут же вспомнила, кто мой отец, и дала себе обещание превратить его бессмертную жизнь в кошмар, если он посмеет еще когда-нибудь обидеть мою маму. И пусть они в скором времени навсегда покинут Асгаран, вернувшись в мир, в котором я появилась на свет, для меня теперь нет барьеров, и я буду следить за Хаосом.

— Прекрати скрежетать зубами и улыбнись, у тебя свадьба все-таки, — проворчала Кико, поправляя белоснежный цветок у меня в волосах.

— Я бы на ее месте тоже зубами скрипела, с таким-то женихом, — усмехнулась Медина.

— Прекратите, — шикнула я на подруг. — И это не свадьба, а древний обряд. Не понимаю, как вы вообще сюда попали.

— Так твой же нарай перенес, чтобы мы тебя поддержали, — призналась кикимора, опасливо покосившись на алтарь, от которого исходили физически ощутимые волны силы.

— А что здесь делают Салимо и Рэндом? — поинтересовалась я, взглянув на стоящих в стороне друзей.

— Так нас поддерживают, — пожала плечами Кико.

— А кто поддержит их? — улыбнулась я.

Подруги синхронно пожали плечами.

Больше я ничего спросить не успела, алтарь засветился изнутри голубоватым сиянием, и немногочисленных свидетелей церемонии, большинство из которых я видела впервые, буквально отбросило на несколько метров. Проснувшаяся сила титанов пощадила только нас с Амниосом.

Кико помог подняться и отнес на руках подальше Салимо, а Медину, бережно обняв за плечи, отвел в сторону Рэн. Мои друзья стояли особняком, отдельно от высокомерных созданий, в которых я ощущала божественную кровь, и явно чувствовали себя неловко, но они пошли на это, чтобы разделить со мной одно из величайших событий в моей жизни, и я не забуду этого никогда. Покровительство богини Хаоры они никогда не потеряют.

Я нашла взглядом маму, благодарно кивнула в ответ на ее ободряющую улыбку и устремила взор на алтарь. Лишь теперь,

когда он светился, я поняла, что камень был не просто старым потрескавшимся валуном. Подсвеченные изнутри трещины складывались в прекрасные узоры. Церемония началась. И я потонула в этих узорах, словно вливаясь в алтарь еще одной витиеватой линией, переплетающейся с линией жизни любимого. В этот момент сомнений у меня не осталось: я люблю Хроноса и наша любовь бесконечна.

Это было поистине божественное, потрясающее своим величием действо, когда две противоположности сплелись в прекрасный узор единения. И образовали неделимый, несокрушимый, вечный союз. Бог и богиня, мужчина и женщина, начало начал и всего сущего… Хаос и порядок слились в идеальном сочетании. И их баланс будет бесконечен…

notes

Примечания

1

Нар — обращение к мужчине. *Нара* — обращение к женщине. *Нари* — обращение к девушке/девочке. *Наро* — обращение к юноше/мальчику. *Нарай* — обращение к правителю Амнистании.